

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3(59)

2025

BULLETIN

OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER
OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 3(59)

2025

Научный журнал
ВЕСТНИК БНЦ СО РАН

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Главный редактор
академик РАН Б. В. Базаров

Редакционный совет

акад. РАН Б. В. Базаров (Улан-Удэ) – пред.
акад. РАН А. П. Деревянко (Новосибирск)
д.э.н., проф. З. Б.-Д. Дондоков (Улан-Удэ)
д.и.н., проф. Е. И. Зеленов (Санкт-Петербург)
акад. РАН Н. Н. Крадин (Владивосток)
чл.-кор. РАН В. А. Ламин (Новосибирск)

акад. РАН В. И. Молодин (Новосибирск)
акад. РАН В. В. Наумкин (Москва)
чл.-кор. РАН И. Ф. Попова (Санкт-Петербург)
акад. РАН А. К. Тулохонов (Улан-Удэ)
акад. АНМ Т. Дорж (Монголия)
д.филос.н., проф. Хун Сюпин (洪修平) (Китай)

Редакционная коллегия

д.филос.н., проф. Н. А. Абрамова (Чита)
д.и.н., проф. М. Н. Балдано (Улан-Удэ)
д.и.н. В. Ю. Башкуев (Улан-Удэ) – уч. секр.
д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова (Улан-Удэ)
д.филос.н., проф. М. Гантуяа (Монголия)
д.и.н., проф. Л. М. Дамешек (Иркутск)
д.соц.н. С. Г. Кирдина-Чэндлер (Москва)

д.и.н., проф. С. И. Кузнецов (Иркутск)
д.и.н., проф. Л. В. Курас (Улан-Удэ) – отв. ред.
д.филос.н., проф. С. Ю. Лепехов (Москва)
д.и.н., проф. Е. И. Лиштованный (Иркутск)
д.и.н. А. М. Плеханова (Улан-Удэ) – зам. отв. ред.
д.филос.н., проф. Л. Б. Четырова (Самара)
акад. АНМ С. Чулуун (Монголия)

Журнал включен в систему РИНЦ

*Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций*

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИИ № ФС77-88315
от 14 октября 2024 г.*

*Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки
Российской Федерации в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук» (Распоряжение Минобрнауки № 469-р от 25.12.2020)*

Перечень научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, по которым журнал
принимает статьи к публикации:

5.6.1 – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего
периода) (исторические науки); 5.6.3 – Археология (исторические науки); 5.6.5 – Историография,
источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.7.2 – История
философии (философские науки); 5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки)

ISSN 2222-9175

publisher.bscnet.ru

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, 2025
© Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025

Scientific journal
BULLETIN OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER OF SB RAS

Founder

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

Editor-in-chief

Academician of the RAS B. V. Bazarov

Editorial board

Academician of the RAS B. V. Bazarov (Ulan-Ude) –
chairman

Academician of the RAS A. P. Derevyanko
(Novosibirsk)

D. Sc. in economics, Prof. Z. B.-D. Dondokov (Ulan-Ude)

D. Sc. in history, Prof. E. I. Zelenev (St. Petersburg)

Academician of the RAS N. N. Kradin (Vladivostok)

Corresponding member of the RAS V. A. Lamin
(Novosibirsk)

Academician of the RAS V. I. Molodin (Novosibirsk)

Academician of the RAS V. V. Naumkin (Moscow)

Corresponding member of the RAS I. F. Popova
(St. Petersburg)

Academician of the RAS A. K. Tulokhonov (Ulan-Ude)

Academician of the Mongolian Academy
of Sciences T. Dorzh (Mongolia)

D. Sc. in philosophy, Prof. Hong Xiuping (洪修平)
(China)

Editors

D. Sc. in philosophy, Prof. N. A. Abramova (Chita)

D. Sc. in history, Prof. M. N. Baldano (Ulan-Ude)

D. Sc. in history V. Yu. Bashkuev – scientific secretary
(Ulan-Ude)

D. Sc. in history, Prof. Ts. P. Vanchikova (Ulan-Ude)

D. Sc. in philosophy, Prof. M. Gantuyaa (Mongolia)

D. Sc. in history, Prof. L. M. Dameshek (Irkutsk)

D. Sc. in sociology S. G. Kirdina-Chandler (Moscow)

D. Sc. in history, Prof. S. I. Kuznetsov (Irkutsk)

D. Sc. in history, Prof. L. V. Kuras (Ulan-Ude) –
executive editor

D. Sc. in philosophy, Prof. S. Yu. Lepekhov (Moscow)

D. Sc. in history, Prof. E. I. Lishtovannyi (Irkutsk)

D. Sc. in history A. M. Plekhanova (Ulan-Ude) –
deputy executive editor

D. Sc. in philosophy, Prof. L. B. Chetyrova (Samara)

Academician of the Mongolian Academy
of Sciences S. Chuluun (Mongolia)

The journal is included into Russian Science Citation Index

*The edition is registered in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media*

Mass media registration certificate III № ФС77-88315 of 14 October 2024

*The journal is listed among Russian peer-reviewed scientific journals approved by the Higher Attestation
Commission of the Russian Ministry of Education and Science for the publication of major scientific results of theses
for academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences
(Order of the Ministry of Education and Science No. 469-r of 18 December 2020)*

The list of scientific disciplines and their corresponding branches of science, for which the journal
accepts articles for publication:

5.6.1 – Russian history (historical sciences); 5.6.2 – World history (relevant period) (historical sciences);
5.6.3 – Archaeology (historical sciences); 5.6.5 – Historiography, Source Studies and Methods of Historical
Research (historical sciences); 5.7.2 – History of philosophy (philosophical sciences); 5.7.9 – Philosophy
of religion and religious studies (philosophical sciences)

ISSN 2222-9175

publisher.bscnet.ru

© Federal State Budgetary Institution of Science
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, 2025
© IMBTS SB RAS Press, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

<i>Намнанов Д. Д.</i> Ламы и хуараки – участники Великой Отечественной войны	12
<i>Пашинин А. В.</i> 7-я гвардейская стрелковая дивизия: источниковедческий анализ.....	18
<i>Жалсанова Б. Ц., Соснина М. М.</i> «Мы в них подведем нашим подвигам счет, победам над силой коварной. И будет всегда называть их народ с любовью своей благодарной...» Письма Героев Советского Союза из фонда личного происхождения Е. М. Криченивкера Государственного архива Республики Бурятия как источник по истории Великой Отечественной войны.....	24
<i>Амгаланова М. В.</i> Песни Великой Отечественной войны как фактор формирования исторической памяти (из фронтовой тетради д. и. н., проф. Бато Бадмаевича Батуева).....	33
<i>Мададаева Г. И.</i> Защитник Ленинграда – Михаил Петрович Хомонов.....	42
<i>Цыремпилова И. С., Байданова А. А.</i> Репертуар театров Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны: от классики до военных спектаклей.....	48
<i>Романенко А. Н.</i> Невидимый фронт Маньчжурии: военная разведка и контрразведка Красной армии в обеспечении стратегической внезапности и оперативного успеха (1945 г.).....	54
<i>Кузнецов С. И.</i> Миссия генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко: советская дипломатия в послевоенной Японии (1945–1949 гг.).....	59

Археология

<i>Бембеева Л. А.</i> Археозоологические материалы из остеологической коллекции Калмыцкого научного центра РАН (по материалам археологических раскопок на территории Республики Калмыкия 1962–2019 гг.).....	66
<i>Бураев А. И., Дикий Я. В.</i> Антропологическая коллекция Национального музея Республики Бурятия.....	73

Отечественная история

<i>Толмачев П. А.</i> Проблемы взаимодействия судебных практик Российского царства с правовыми обычаями бурят в конце XVII – начале XVIII в.	81
<i>Орлова И. В.</i> Структурные преобразования сельской медицины Восточной Сибири в пореформенный период: на примере Иркутской губернии. Ч. I.....	87
<i>Курас Т. Л.</i> Общественная деятельность членов судебных палат Российской империи (1866–1917 гг.).....	93
<i>Артемова В. В.</i> Геологический поиск и обоснование промышленной разработки Сангарского каменноугольного месторождения (1920-е гг.).....	100
<i>Плеханова А. М., Ширанов А. А.</i> Банковская система Бурят-Монгольской АССР в период НЭПа: специфика и условия формирования	105

Всемирная история

<i>Бармин В. А.</i> О мерах Советского правительства по защите экономических интересов СССР в Синьцзяне в 20-х гг. XX в.	111
<i>Баттушиг Г.</i> К изучению истории Монценкоопа: вопросы внутренней и внешней торговли Монголии (1921–1928 гг.).....	117
<i>Кузьмин Ю. В., Василенко В. А.</i> Тувинская историческая наука об аспектах национальной политической истории начала XX в. в постсоветское время.....	123

Историография. Источниковедение

<i>Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Чипчиң:</i> вероятные исторические истоки этнонима.....	129
--	-----

<i>Ишин А. В., Зябрева Г. А.</i> Дальневосточный эпистолярный архиепископа Таврического Гурия (Карпова) – выдающегося миссионера и дипломата.....	133
<i>Лощенков А. В.</i> Творческое наследие второго настоятеля Цугольского дацана	
Г.-Ж. Дылгырова (1816–1872) в тибетском фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ч. I.....	139
<i>Мешезников А. В.</i> Санскритские рукописные раритеты из серендийского фонда ИВР РАН.....	146
<i>Цыремпилова В. Э., Ли Донхён.</i> Манъяжоу-Го в современной корейской историографии	153

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Амоголонова Д. Д.</i> Религия и идентичность в бурятском духовном пространстве на рубеже XIX–XX вв.	159
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Кушнарева Л. Л.</i> ИМБТ СО РАН – 100 лет. Результаты научной деятельности. Издания Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (БКНИИ СО АН СССР). Ч. IV.....	165
<i>Курас С. Л.</i> «Витрина пенитенциарной практики...».....	171

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Базаров Б. В., Плеханова А. М., Бреславский А. С., Нолев Е. В.</i> «Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений»: о работе международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.....	174
<i>Базаров Б. А., Дикий Я. В.</i> Академические соседи: первое научное мероприятие Забайкальского научного центра Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока.....	179

ЮБИЛЕИ

<i>Дугаров Б. С.</i> Личность сквозь призму времени (к 75-летию Б. Д. Баяртуева).....	182
---	-----

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

To the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War

<i>Namnanov D. D.</i> Lamas and Khuvaraks, Participants of the Great Patriotic War.....	12
<i>Pashinin A. V.</i> 7 th Guards Rifle Division: a Source Analysis.....	18
<i>Zhalsanova B. Ts., Sosnina M. M.</i> “In Them We Will Sum Up Our Feats, Victories Over the Insidious Force. And the People Will Always Call Them With its Grateful Love...” Letters of the Heroes of the Soviet Union From the Personal Origin Fund E. M. Krichenivker State Archives of the Republic of Buryatia as a Source on the History of the Great Patriotic War.....	24
<i>Amgalanova M. V.</i> Songs of the Great Patriotic War as a Factor in the Formation of Historical Memory (from the Front Notebook of Doktor of Historical Sciences, Professor Bato Badmaevich Batuev).....	33
<i>Madadaeva G. I.</i> Defender of Leningrad – Mikhail Petrovich Khomonov.....	42
<i>Tsyrempilova I. S., Baidanova A. A.</i> The Repertoire of Theaters in the Buryat-Mongolian ASSR During the Great Patriotic War: from Classics to War Plays.....	48
<i>Romanenko A. N.</i> The Invisible Front of Manchuria: Military Intelligence and Counterintelligence of the Red Army in Ensuring Strategic Surprise and Operational Success (1945).....	54
<i>Kuznetsov S. I.</i> The Mission of Lieutenant General K. N. Derevyanko: Soviet Diplomacy in Post-War Japan (1945–1949).....	59

Archaeology

<i>Bembeyeva L. A.</i> Archeozoological Materials from the Osteological Collection of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (based on the Materials of Archaeological Excavations in the Republic of Kalmykia in 1962–2019).....	66
<i>Buraev A. I., Dikiy Ya. V.</i> Anthropological Collections of the National Museum of the Republic of Buryatia.....	73

Russian history

<i>Tolmachev P. A.</i> Problems of the Interaction of the Judicial Practice of the Russian Tsardom With the Legal Customs of the Buryats at the End of the 17 th – Beginning of the 18 th Century.....	81
<i>Orlova I. V.</i> Structural Transformations of Rural Medicine in Eastern Siberia in the Post-Reform Period: on the Example of Irkutsk Province. Part 1.....	87
<i>Kuras T. L.</i> Public Activity of Judges of the Judicial Chambers in the Russian Empire (1866–1917).....	93
<i>Artemyeva V. V.</i> Geological Search and Justification of Industrial Development of the Sangar Coal Deposit (1920s).....	100
<i>Plekhanova A. M., Shirapov A. A.</i> The Banking System of the Buryat-Mongolian ASSR in the Period of the New Economic Policy: Specificity and Conditions of Formation (1923–1925).....	105

World history

<i>Barmin V. A.</i> On the Measures of the Soviet Government to Protect the Economic Interests of the USSR in Xinjiang in the 1920s.....	111
<i>Battushig G.</i> To the Study of History of Montsenkoop: Issues of Internal and Foreign Trade of Mongolia (1921–1928).....	117
<i>Kuzmin Yu. V., Vasilenko V. A.</i> The Post-Soviet Tuvinian Historical Science on the Aspects of the national Political History of the Early 20 th Century.....	123

Historiography. Source Study

<i>Nanzatov B. Z., Tishin V. V. Čipčij: on the Possible Historical Route of the Ethnonym.....</i>	129
<i>Ishin A. V., Zyabreva G. A. Far Eastern Epistolary of Archbishop of Tauride Gury (Karpov) – an Outstanding Missionary and Diplomat.....</i>	133
<i>Loshchenkov A. V. Creative Heritage of the Second Abbot of the Tsugol Datsans G.-Zh. Dylgyrov (1816–1872) in the Tibetan Collection of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBTS SB RAS). Part 1.....</i>	139
<i>Mesheznikov A. V. Sanskrit Manuscript Rarities in the Serindia Collection of the IOM, RAS.....</i>	146
<i>Tsyrempilova V. E., Lee Donghyeon. Manchuko in Contemporary Korean Historiography.....</i>	153

PHILOSOPHY

<i>Amogolonova D. D. Religion and Identity in the Buryat Spiritual Space at the Turn of the 19th and 20th Centuries.....</i>	159
--	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Kushnareva L. L. IMBT SB RAS – 100 Years. Results of Scientific Activity. Publications of the Buryat Complex Research Institute of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR (BCNII SB AN USSR). Part 4.....</i>	165
<i>Kuras S. L. “Display of Penal Practice...”.....</i>	171

SCIENTIFIC LIFE

<i>Bazarov B. V., Plekhanova A. M., Breslavsky A. S., Nolev E. V. “World War II: Historical Experience, Memory and Continuity of Generations”: on the Work of the International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War.....</i>	174
<i>Bazarov B. A., Dikiy Ya. V. Academic Neighbors: the First Scientific Event of the Trans-Baikalian Scientific Center of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far-Eastern Branch of the RAS.....</i>	179

JUBILEE

<i>Dugarov B. S. Personality Through the Prism of Time (on the 75th Anniversary of B. D. Bayartuev).....</i>	182
---	-----

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

Уважаемые читатели и авторы!

В рамках юбилейных мероприятий, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, с 16 по 19 апреля 2025 г. на базе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН прошла Международная научная конференция «Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений». Организаторами конференции стали Правительство Республики Бурятия, Российское историческое общество, фонд «История Отечества, Сибирское отделение Российской академии наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Институт истории и этнологии Академии наук Монголии, Институт международных исследований Академии наук Монголии, Национальный музей Республики Бурятия и Государственный архив Республики Бурятия.

В ходе конференции результаты академических исследований по широкому кругу вопросов, касающихся истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, представили ведущие ученые России, Монголии, КНР и Казахстана, в т. ч. сотрудники академических учреждений и высших учебных заведений: Института Философии АНМ, Института международных исследований АНМ, Института истории и этнологии АНМ, Научно-исследовательского института Министерства обороны Монголии, университета «Улаанбаатар – Эрдэм», Университета внутренних дел Монголии, Восточно-Казахстанского технического университета им. Д. Серикбаева, Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Сибирского отделения РАН, Института истории СО РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Института динамики систем и теории управления им. В. М. Матросова, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Смоленского государственного университета, Иркутского государственного университета, Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, Российского государственного гуманитарного университета, Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова; Восточно-Сибирского государственного Института культуры, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова.

Наряду с высоким академическим содержанием конференция имела и серьезное общественное значение. В работе конференции активное участие приняли представители исполнительной и законодательной власти Республики Бурятия, дипломатических ведомств России и Монголии. Результаты исследовательских проектов представили члены общественных организаций России, Монголии и Китая.

Большинство докладов участников конференции опубликовано в сборнике научных статей «Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений», часть из них вошла в тематическую рубрику нашего журнала. Подробная информация о научном мероприятии представлена на страницах текущего номера журнала.

Публикуем Поздравительный адрес от Президента Академии наук Монголии, акад. С. Дэмбэрэла Международной научной конференции «Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений», посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЙ АДРЕС

ОТ ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК МОНГОЛИИ,
АКАДЕМИКА С.ДЭМБЭРЭЛА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОПЫТ, ПАМЯТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ»,
ПОСВЯЩЕННОЙ 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Дорогие друзья и коллеги!

Уважаемые гости и участники международной конференции!

Прежде всего, позвольте от имени Академии наук Монголии и от себя лично поздравить вас всех с историческим юбилеем Великой Победы!

Вторая мировая война принесла человечеству неимоверные страдания, охватила очень много стран мира, унесла десятки миллионов жизней и повлекла за собой колоссальные потери. Однако фашизм и милитаризм были побеждены коллективными усилиями. Одной из стран, участвовавших в этой всеобщей борьбе, была Монгольская Народная Республика.

Война на реке Халхин-Гол 1939 года, оказала огромное влияние на мировые политические и военные события. Вторжение гитлеровской Германии в Польшу 1 сентября 1939 года, положило начало Второй мировой войны. Нацистская Германия расширила свою агрессию и 22 июня 1941 года напала на Советский Союз, начав «Великую Отечественную войну».

В день начала войны Монгольская Народная Республика выразила решительное несогласие с вторжением фашистской Германии на Советский Союз и подтвердила, что страна будет твердо стоять на стороне СССР. С этого дня по всей Монголии развернулось движение помощи Советскому Союзу под лозунгами «Все для фронта» и «Все для победы».

В результате за годы Отечественной войны в СССР было отправлено шесть эшелонов с подарками от монгольского народа, были сформированы и переданы Красной Армии танковая колонна «Революционная Монголия» и эскадрилья боевых самолетов «Монгольский арат», а также Монгольская Народная Республика обеспечивала личный состав Красной армии одеждой и продовольствием вплоть до конца войны. Кроме того, в годы войны монгольский народ безвозмездно передал Красной Армии 26 785 лучших своих упряжных лошадей, продал десятки тысяч коней и лошадей, общая численность которых составила около 460 тысяч.

Вооруженные силы Монгольской Народной Республики принимали активное участие в войне СССР против японского милитаризма в конце Второй мировой войны и совместно с Советской Красной Армией освобождали Северо-Восточный Китай и Внутреннюю Монголию.

Таким образом, в результате победы всеобщей борьбы с фашизмом и милитаризмом наступил долгожданный мир для человечества, открывший путь к установлению нового мирового порядка, а народы обрели свободу и независимость, вступив на новый путь развития и прогресса.

Следует отметить, что признание статус-кво Монгольской Народной Республики сверхдержавами по окончании Второй мировой войны было напрямую связано с твердой позицией Советского Союза и поддержке Монголии СССР в ходе Второй мировой войны и его участие в разгроме Японской армии в тесном взаимодействии с Советской Красной Армией.

Отрадно отметить, что именно СССР, советский народ и Советская Красная Армия сыграли решающую роль в победе во Второй мировой войне.

В заключении позвольте выразить глубокую признательность организаторам международной научной конференции и пожелать успехов в работе конференции.

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК МОНГОЛИИ
АКАДЕМИК ДЭМБЭРЭЛ

16 апреля 2025 года
г. Улаанбаатар

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2Р54)
DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-12-17

Д. Д. Намнанов

ЛАМЫ И ХУВАРАКИ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена участию буддийских священников Бурятии в Великой Отечественной войне – в одной из самых жестоких и страшных войн XX столетия. Большинство из них погибли, многие награждены высокими государственными наградами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ламы, хувараки, мужество, героизм, ордена, медали.

D. D. Namnanov

LAMAS AND KHUVARAKS, PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

This article is dedicated to the participation of Buddhist priests in the Great Patriotic War – one of the most brutal and terrifying wars of the 20th century. Most of them perished, and many were awarded high state awards.

Keywords: Great Patriotic War, lamas, khuvaraks, courage, heroism, orders, medals.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что буддийские священники принимали участие в Великой Отечественной войне и это не стало предметом глубоких и разносторонних исследований. Несмотря на то что буддийские монастыри и священнослужители были уничтожены в ходе политических репрессий, многие ламы сражались плечом к плечу с другими солдатами на разных фронтах войны.

С началом Великой Отечественной войны они были мобилизованы в действующую армию на фронт, вынужденно снимали с себя обеты монаха и с мыслью о всеобщей пользе брали в руки оружие и шли на войну. С другой стороны, это была возможность выйти из вынужденного подполья, снять с себя ярмо «врага народа». Большинство из них не вернулись с войны, многие удостоены государственных наград, многим в них отказали или принижали статус награждения по религиозным и политическим мотивам.

В настоящее время известны имена немногих лам и хувараков, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, среди них:

- ярким примером был Жамбал-Доржи Гомбоевич Гомбоев, габжа лама из Агинского дацана, который с осени 1941 г. до увольнения служил в штрафном батальоне за свои религиозные убеждения. «После тяжелого второго ранения в апреле 1943 г. был демобилизован по инвалидности. В 1956 г. был избран Дид Хамбо ламой, в 1963 г. был избран Хамбо ламой. Был награжден орденами Отечественной войны 1-й ст., Красной Звезды, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги” и мн. др. На посту Хамбо ламы был награжден орденами Дружбы и Знак Почета» [Дамдинжапова 2022];

- Дугаржап Дашидондоков, лама из Эгитуйского дацана – всю войну прошел полковым разведчиком. Был награжден орденами Славы 2-й и 3-й ст. и многими медалями;

- «Нимбу Сосоров, гэбшэ лама из Гэгэтуйского дацана (Ногоонай Багша, прорицатель, йогин, эмчи-лама, астролог), был репрессирован, воевал в составе 109 стрелковой дивизии, участник обороны Ленинграда, был ранен, награжден орденом Славы 3-й ст., двумя орденами Красной Звезды» [Хамаганова, Жигжитов 2012: 52–53]. Его сын Нимажап Ильич Илюхинов, лама, руководитель религиозной буддийской общины «Дхарма» в г. Улан-Удэ;

- по сведениям краеведа из Баргузинского района Бато-Жаргала Дармаева: «Будазан лама Гулгенов (Шираб лама) из Баргузинского дацана, сержант, пулеметчик, воевал

в составе 16-й гвардейской Башкирской кавалерийской дивизии». Был награжден орденом Славы 3-й ст., медалью «За отвагу»;

– «Базарсадуев Малан Эрдынеевич, более известный как Жимба лама из Санкт-Петербургского дацана (отправлен из Эгитуйского дацана), старшина, санинструктор, был награжден орденом Отечественной войны 2-й ст., двумя орденами Красной Звезды, тремя медалями «За отвагу» [Береснев]. Он является единственным ламой, награжденным самой дорогой и почитаемой солдатской медалью, причем трижды – «За отвагу»»;

– Жимбэ Болотович Худаков из Гэгэтуйского дацана, «был репрессирован, воевал механиком-водителем танка, после ранения и контузии был назначен водителем грузовой машины, в 1944 г. воевал в составе 25-го автополка и закончил войну в составе 42-го автополка. После открытия союзниками второго фронта его автополк, в котором он исполнял обязанности помпотеха автомашин (помощника командира полка по технике и обслуживанию), перегонял американские грузовые автомобили марки «Студобеккер», был награжден двумя медалями «За отвагу»» [Худаков 2024];

– Аюша Гармаевич (Аюша-багша) Дулмаев (Шойдоров), гэбшэ лама из Кижингинского дацана, репрессирован. С июля 1941 г. воевал на артиллерийской установке РС «Катюша». Участник Курской битвы, освобождения Харькова, Варшавы, Праги, форсирования рек Днепр, Одер. Вернулся домой в 1945 г., награжден медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»;

– удивительной является судьба хуварака из Гусиноозерского дацана полковника «Доржиева Дондока Будаевича (1905 г. р.), командира стрелкового полка. Был призван в РККА в 1927 г. из буддийской школы лам при Тамчинском дацане. Воин-кавалерист, выпускник Буркавшколы, комвзвода, политрук Буркавэскадрона, ветеран Буркавбригады» [Намнанов 2014:4]. В 1931 г. окончил военно-пехотную школу в Казани. «В числе лучших политработников в 1934 г. из Буркавполка поступил в Военно-политическую академию в Ленинграде. После окончания в 1938 г. был направлен в Орловский военный округ» [Гуружапов 1975: 72]. Начало войны встретил в июне 1941 г. в составе 22-й стрелковой дивизии резерва главного командования Западного фронта под Брянском. В конце 1941 г. назначен комиссаром 57-й кавдивизии в составе 1-го гв. кавкорпуса генерала П. А. Белова. Участвовал в боях под Тулой, в освобождении Калуги. После окончания в 1943 г. Высшей кавалерийской школы им. С. М. Буденного назначен командиром 664-го стрелкового полка 130-й стрелковой Таганрогской Краснознаменной дивизии. До конца войны награжден 18 государственными наградами, в т. ч. орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды. Не получил заслуженную награду: «Полковник Доржиев Дондок Будаевич – орден Красного Знамени» [dambiev]. По сведениям Баясхалана Дабаина: «После Победы ... Дондок Доржиев обосновался в Усть-Ордынском Бурятском округе. В 1972 г. основал там секцию по стрельбе из лука. Воспитал пять мастеров спорта СССР» [Дабаин 2020б: 20].

По сведениям Баясхалана (Юрия) Дабаина, известно имя самого знаменитого хуварака из Санагинского дацана Даши-Дондока Азараевича Унтанова (1912–2006), представленного к званию Героя Советского Союза. Из его биографии известно, что «родился в семье потомственного казака в с. Санага Закаменского района Республики Бурятия, внук кавалера Георгиевского креста. В 1931 г. (1934 г.) эмигрировал в Монголию. По сведениям Дагбы Шагдурова находясь в Монголии Унтанов Д.-Д. обучался в буддийских монастырях, в том числе «Богдын Хурэ», резиденции Верховного правителя Монголии Богдо гэгэна VIII.

По архивным документам, 10 ноября 1942 г. был призван в ряды Красной Армии Кяхтинским РВК МНР. По другим сведениям, был призван из Монголии и сопровождал эшелон с монгольскими лошадьми на западный фронт. Хотя в наградном листе написано, что: «... Воронежский фронт с 23.10.43 года ...». Младший лейтенант Унтанов Д.-Д. А. воевал в должности командира стрелкового взвода 764 стрелкового полка 232 Сумской стрелковой дивизии. В ходе наступательной операции по освобождению г. Киева 8 ноября 1943 г. командир полка перед строем зачитал приказ по войскам 40-й Армии 1-го Украинского фронта №70/н и сообщил, что Унтанов Д.-Д. представлен к званию Героя Советского Союза. Он должен был прибыть в штаб дивизии для оформ-

ления наградных документов, но 9 ноября у станции Фастов был тяжело ранен. Попал в госпиталь в г. Киров, а в конце 1943 г. был демобилизован как инвалид 2 группы ...

Из наградного листа: "... Представляется к званию Героя Советского Союза ... В боях с немецкими захватчиками на подступах к г. Киев 3–5.11.43 года тов. Унтанов проявил мужество, отвагу и героизм. Противник, укрепившись в районе безымянного ручья, оказывал упорное сопротивление нашим наступающим подразделениям, ведя сильный ружейно-пулеметный и минометный огонь. Тов. Унтанов, презирая опасность, под ураганным огнем противника, лично с группой бойцов выдвинулся вперед, забросал гранатами два пулеметных гнезда противника, уничтожив 12 немецких солдат, обеспечив успешное продвижение батальонов вперед, дав возможность выполнить поставленную боевую задачу по овладению г. Киев. Командир 764 СП майор Меркушин. 10.11.43 г. (гербовая печать и подпись командира полка)".

В начале 1944 г. вернулся в Монголию, ставшей для него второй родиной. Дома его ждали жена-монголка и два сына: Батмунхэ и Чимэд. После войны в 1940-е – 1950-е гг. работал водителем в Монголии. Одновременно в эти годы тайком обучался у уцелевших от репрессий ученых лам тибетской медицины и астрологии. Три раза побывал в Хубсугульском аймаке и защитил звание аграмба-ламы (эмчи-лама, лекарь).

В 1960 г. Унтанов Д.-Д. вернулся в СССР, в родную Бурятию. Здесь он начал практиковать как эмчи-лама и зурхайши-лама (астролог). Более 45 лет он практиковал тибетскую медицину и лечил людей, консультировал ученых-тибетологов. Благодаря Унтанову Д. Д. удалось сохранить и возродить такую древнюю лечебную процедуру как моксотерапия – прогревание полынными сигарами. Своим ученикам он передал технологию как изготавливать полынные сигары, используя тополиные листья.

Весной 1972 г. после обращения в Министерство обороны СССР он узнал, что вместо ордена Ленина и звезды Героя Советского Союза его подвиг отмечен орденом Красного Знамени. Был награжден орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й ст., медалями "За Победу над Германией" и др.» [Дабаин 2020а: 68–72].

По сведениям бывшего архивариуса БТСР Иволгинского дацана Сергея Самбуевича Доржиева, в 2015 г. были известны имена 67 лам и хувараклов – участников Великой Отечественной войны. По его инициативе в 2015 г., в год 70-летия Победы, БТСР и ГАУ РБ ИД «Буряад Үнэн» начали работу по восстановлению имен лам и хувараклов – участников войны.

В настоящее время этот список пополняется. Сведения о ламах из Агинского дацана восполнены благодаря Ниме Дашицыренову, которые опубликованы в газете «Агинская правда» от 14 ноября 2015 г. в статье «70 лет Великой Победе. С верой в душе и оружием в руках». Имена нескольких лам (указанных ниже) установлено автором в 2018 г. в ходе исследования истории Чесанского дацана.

Гусиноозерский (Тамчинский) дацан: Султум-Самбу Аюров – гэбшэ лама, погиб; Петр Доржиевич Аюров; Санжа Балданов – гэбшэ лама; Доржо Дамдинов лама; Дондок Будаевич Доржиев – хуварак; Жирмид Бадмаевич Чагдуров; Гомбо Цыренов – габжа лама.

Бултумурский дацан: Дашимолон Батуев; Дашицырен Гомбоев; Норбо Намсараев; Норбо Доржиевич Тарбаев; Базар Хайданович Тогтохоев; Тамжан Бадирикович Цыцыков; Гомбо Цыренов; Цырен Цыбендоржиев; Базар Пужаевич Юмжапов.

Джидинский (Атаганский, Дырестуйский) дацан: Лубсан Лубсанович Аюшеев; Принлэй Гомбоев; Дондок Убашеевич Григорьев; Лубсан Осорович Мункуев.

Янгажинский дацан: Санжа Бадмацыренов; Надмит Гомбоев – гэбшэ лама; Цыден-Дамба Доржиев – гэбшэ лама, погиб; Ринчин Раднаев, погиб.

Агинский дацан: Жамьян Барадиев – лама; Жамбал-Доржи Гомбоев – Хамбо лама; Аюр Гомбоев лама; Галсан-Жимба Гончиков – лама; Бато Дамдинов – лама; Лундуб Дылыков – лама (XV шэрээтэ лама); Шираб-Нима Жалсанов – лама; Жанчиб Лыгдынов – лама (XIX шэрээтэ лама); Лубсан-Доржи Максаров – лама; Очиров Даба лама; Шойжинима Соктоев – лама; Жимба-Жамсо Цыбенков – лама (также служил в Цугольском дацане. – Д. Н.); Гомбо Цыбыков (XVII шэрээтэ лама).

Зугалайский дацан: Самбу Дабаев – лама; Доржи-Нима – лама; Бато Жамбалов – лама; Сультим-Даша – лама.

Эгитуйский дацан: Цыренжап Гатапов – габжа лама; Дугаржап Дашидондоков – лама.

Бургалтайский дацан: Доржо Базаржапов – гэбшэ лама.

Санагинский дацан: Даши-Дондок Азараевич Унтанов – гэбшэ, эмчи-лама.

Кижингинский дацан: Зандра Абадаев – гэбшэ лама, погиб; Соржо Абадаев – гэбшэ лама, погиб; Арья Ачитуев – гэбшэ лама; Бата Бадмаев – гэбшэ лама, погиб; Цыденжап Батуев – гэбшэ лама, погиб; Дымбырл Базаржапов – гэбшэ лама; Гомбоцырен Батомункуев – лама; Цырен-Даша Бурхиев – гэбшэ лама; Намдаг Гармаев – гэбшэ лама, погиб; Гутап Гомбоев – гэбшэ лама, погиб; Гомбо Гурдармаев – гэбшэ лама, погиб; Тыхэн Дагбаев – гэбшэ лама, погиб; Гатап Дашацыренов – гэбшэ лама, погиб; Нанзад Дондоков – лама; Дашинима Доржиев – габжа лама, погиб; Бато-Мунко Доржиев, погиб; Аюши Дулмаев – гэбшэ лама; Будажап Жанаев – гэбшэ лама, погиб; Гэлэк Креснеев – гэбшэ лама, погиб; Тудуп Очиров – гэбшэ лама, погиб; Эрдэмто Ринчинович Рыгдылон (1906–1957) – хуварак, был дважды ранен; Шираб-Жамсо Санжижапов – габжа лама, погиб; Чойсорон Санжижапов – гэбшэ лама, погиб; Буржа Субанов – гэбшэ лама, погиб; Даша-Дондок Цыденов – гэбшэ лама, погиб; Цыден Цыденов – гэбшэ лама, погиб; Сампил Шагдаров – гэбшэ лама, погиб; Бато-Мунко Шагдаржапов – гэбшэ лама, погиб; Хубито Эрдынеев – гэбшэ лама, погиб; Лодой Юмдылыков – гэбшэ лама; Базар Ямпиллов – погиб.

Сартул-Гэгэтуйский (Бургалтайский) дацан: Нимбу Сосорович Сосоров – гэбшэ лама; Худаков Жимбэ Болотович.

Загустайский (Тохойский) дацан: Дамби-Нима Ринчинович Аюшеев – хуварак; Дамби Норбоевич Бадмацыренов – гэбшэ лама; Даба Балданович Бадмаев – гэбшэ лама; Дамби-Нима Жапович Балданов – гэбшэ лама; Ендын Бутыгов – гэбшэ лама; Тамажап Дашиевич Сосоров – гэбшэ лама; Жимбэ Болотович Худаков.

Баргузинский дацан: Будазан (Шираб лама) Гулгенов.

Санкт-Петербургский дацан: Малан Эрдынеевич Базарсадуев (Жимба лама), призван Еравнинским РВК БМАССР.

Чесанский дацан: «Санжиев Ширавдоржо Санжиевич (Рабдан Аба) (1899–1983), гэбшэ лама с 1936 г., воевал на Западном и на Восточном фронте;

– Цыремпилов Цыренбазар Цыденович (Цыжип баабай) (1910–1988), репрессирован, отбывал ссылку в Красноярском крае, участник битвы под Сталинградом;

– Дылыков Доржо Дылыкович (1910–1980), гэбшэ лама, был репрессирован, на фронте с ноября 1941–1943 гг., демобилизован после тяжелого ранения;

– Шагдаров Базар (младший брат Шагдарова Сандан ламы), с 1958 г. был астрологом Иволгинского дацана;

– Намсараев Намдаг Сангитович (1898–1942), гэбшэ лама, жодшо, погиб на фронте (в списке призванных из Читинской области в годы Великой Отечественной войны под № 256, из “Книги памяти Читинской области”, с. 82);

– Гармаев Рабдан лама, был призван на фронт в сороковые годы. Других сведений не обнаружено. В настоящее время родственниками ведется поиск какой-либо информации;

– Гылыков Намжил Будаевич (1910–2002) – лама, с началом войны призван на фронт. 27 декабря 1941 г. получил тяжелое ранение в голову. Попал в военный госпиталь в г. Казань. После выздоровления в 1943 г. его комиссовали и отправили работать на Кузбасс. Трудился на шахте до окончания войны, а в 1946 г. вернулся домой в родной колхоз ... с 1991 г. в Чесанском дацане служил штатным ламой (по сведениям дочери Гылыковой Дыжыдмы Намжиловны). ... участник вооруженного конфликта при Халхин Голе, участник Парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. (вместе с ним воевали три родных брата – Жамбал, Дамба-Дугар, Дымчиг» [Намнанов 2018: 241–243].

В настоящее время единственным в России штатным буддийским капелланом в ВС РФ является Баир Батомункуев, лама из Мурочинского дацана. Приказом министра обороны России от 13 мая 2013 г. назначен помощником командира бригады по ра-

боте с верующими военнослужащими 37-й отдельной мотострелковой бригады ВВО в Кяхтинском гарнизоне Республики Бурятия. Является членом Общественного совета Минобороны РФ. На территории бригады построен небольшой деревянный буддийский храм в виде юрты. В 2019 г. награжден медалью Минобороны России «За укрепление боевого содружества». С лета 2022 г. Баир лама часто выезжает в зону специальной военной операции для оказания духовной поддержки военнослужащих.

В целях оказания духовной помощи и поддержки нашим воинам с началом СВО выезжали на разные направления Сультим Нелтанов – лама шэрээтэ Хойморского дацана, Цырен Раднаев – лама шэрээтэ Цолгинского дацана, Батор Павлов – лама из Кижингинского района, Баясхалан – лама, Мунхэ Гармаев – лама из Джидинского района, Алдар Лубсанов – лама из Иволгинского дацана (5 раз), Дандар Базаржапов – лама из Кижингинского дацана (5 раз), Лобсан Цульгим (Щеглов Антон Михайлович, уроженец г. Ленинград) – лама из Санкт-Петербургского дацана и с ним лама из Джидинского района Бурятии.

Подписали контракт с Минобороны России и выполняют боевые задачи в зоне СВО: ламы Бато Дугаров, Бадма Жамбалдоржиев (Шулутский дацан?), Сергей Будаев; из Иволгинского дацана: ламы Лубсан (Алексей) Цыденов (был ранен, служил в штурмовом подразделении), Владимир Пинхаев, а также хуварак Жаргал.

Учение Будды не приемлет насилия, и отказ от убийства является одним из основных нравственных законов буддизма. В то же время буддизм учит, что защита Отечества от внешней и внутренней угрозы является делом, соответствующим Учению.

Литература

Береснев В. «Разминеры»: почему буддийских лам и православных священников могли привлечь к разминированию Подмосковья [Электронный ресурс] / В. Береснев. – Режим доступа: dazanspb.ru.

Гуружапов А. Г. К истории бурятской кавалерийской бригады / А. Г. Гуружапов. – Улан-Удэ: [б. и.], 1975. – С. 40–52.

Дабаин Б. Герои со звездами и без звезд / Б. Дабаин. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2020а. – 224 с.

Дабаин Б. Чемпион не вернулся из боя: бурятские богатыри героически сражались на передовой / Б. Дабаин // Буряад Үнэн. – 2020б. – № 29. – 6 мая. – С. 20.

Дамдинжапова С. Великий учитель Жамбал-Доржи Гомбоев [Электронный ресурс] / С. Дамдинжапова // ГУК Агинская краевая библиотека им. Ц. Жамцарано. – 2022. – 1 июля. – Режим доступа: <https://agalib.ru/velikij-uchitel-zhambal-dorzhi-gombiov/>

Намнанов Д. Д. Чесанский дацан: история и современность / Д. Д. Намнанов; науч. ред. В. В. Номогоева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. – 312 с.

Отдельная Бурят-Монгольская Краснознаменная кавалерийская бригада (к 90-летию Отдельной Бурят-Монгольской Краснознаменной кавалерийской бригады) / авт.-сост. Д. Д. Намнанов; ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. – 47с.

Хамаганова Д. М. Ногоонай багша. Путь Нимбу-ламы: документально-публицистическая повесть / Д. М. Хамаганова, Б. Р. Жигжитов. – Улан-Удэ: AGAAP Media, 2012. – 159 с.: ил.

Худаков В. Улан-удэнец поделился рассказом о своих родителях, героях Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / В. Худаков // Информ Полис. – 2024. – 10 авг. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/264591-ulan-udenets-podelilsya-rasskazom-o-svoikh-roditelyakh-geroyakh-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 14.05.2025).

dambiev. Подвиги наших земляков. Неизвестные герои [Электронный ресурс]. – 2016. – 30 апр. – Режим доступа: <https://dambiev.livejournal.com/195981.html>.

References

Beresnev V. «Razminery»: pochemu buddijskih lam i pravoslavnyh svyashchennikov mogli privlech' k razminirovaniyu Podmoskov'ya [Elektronnyj resurs] / V. Beresnev. – Rezhim dostupa: dazanspb.ru.

Guruzhapov A. G. K istorii buryatskoj kavalerijskoj brigady / A. G. Guruzhapov. – Ulan-Ude: [b. i.], 1975. – S. 40–52.

- Dabain B.* Geroi so zvezdami i bez zvezd / B. Dabain. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2020a. – 224 s.
- Dabain B.* Chempion ne vernulsya iz boya: buryatskie bogatyri geroicheski srazhalis' na peredovoj / B. Dabain // Buryad Unen. – 2020b. – № 29. – 6 maya. – S. 20.
- Damdinzhapova S.* Velikij uchitel' Zhambal-Dorzhi Gomboev [Elektronnyj resurs] / S. Damdinzhapova // GUK Aginskaya kraevaya biblioteka im. C. Zhamcarano. – 2022. – 1 iyulya. – Rezhim dostupa: <https://agalibr.ru/velikij-uchitel-zhambal-dorzhi-gomboev/>
- Namnanov D. D.* Chesanskij dacan: istoriya i sovremennost' / D. D. Namnanov; nauch. red. V. V. Nomogoeva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2018. – 312 s.
- Otdel'naya Buryat-Mongol'skaya Krasnoznamennaya kavalerijskaya brigada (k 90-letiyu Otdel'noj Buryat-Mongol'skoj Krasnoznamennoj kavalerijskoj brigady) / avt.-sost. D. D. Namnanov; red. B. V. Bazarov. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. unt-ta, 2014. – 47s.
- Hamaganova D. M.* Nogoona bagsha. Put' Nimbu-lamy: dokumental'no-publicisticheskaya povest' / D. M. Hamaganova, B. R. Zhigzhitov. – Ulan-Ude: AGAAP Media, 2012. – 159 s.: il.
- Hudakov V.* Ulan-udenec podelilsya rasskazom o svoih roditelyah, geroyah Velikoj Otechestvennoj vojny [Elektronnyj resurs] / V. Hudakov // Inform Polis. – 2024. – 10 avg. – Rezhim dostupa: <https://www.infpol.ru/264591-ulan-udenets-podelilsya-rasskazom-o-svoikh-roditelyakh-geroyakh-velikoy-otechestvennoj-voyny/> (data obrashcheniya: 14.05.2025).
- dambiev. Podvigi nashih zemlyakov. Neizvestnye geroi [Elektronnyj resurs]. – 2016. – 30 apr. – Rezhim dostupa: <https://dambiev.livejournal.com/195981.html>.

УДК 94(47+57)
ББК 63.2+63.3(2)722
DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-18-23

А. В. Пашинин

7-я ГВАРДЕЙСКАЯ СРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассмотрены источниковедческие возможности и особенности общедоступных архивных документов Центрального архива МО РФ по восстановлению боевого пути в 1941–1945 гг. стрелковой дивизии, имеющей в своем составе в т. ч. и призывников субъектов Байкальского региона: Иркутской области, Забайкальского края (Читинской области) и Республики Бурятия (Бурят-Монгольской АССР).

Ключевые слова: призывники, источниковедческий потенциал, боевой путь, общедоступный электронный банк данных.

A. V. Pashinin

THE 7th GUARDS RIFLE DIVISION: A SOURCE ANALYSIS

The article considers the source-study capabilities and features of publicly available archival documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation for the restoration of the combat path in 1941–1945 of the rifle division, which includes conscripts of the subjects of the Baikal region: Irkutsk Region, Trans-Baikal Territory (Chita region) and the Republic of Buryatia (Buryat-Mongolian ASSR).

Keywords: conscripts, source potential, combat path, electronic databases.

Объектом исследования явился 721 призывник 7-й гвардейской стрелковой дивизии (до 26 сентября 1941 г. – 64-й стрелковой дивизии 1-го формирования) из Читинской области (367 чел.), Иркутской области (170 чел.) и Бурят-Монгольской АССР (184 чел.).

В Великой Отечественной войне дивизия воевала в период 1941–1945 гг. в оборонительных и наступательных боевых сражениях на территории Смоленской, Курской, Тульской, Московской, Псковской и Ленинградской (Новгородской) областей, Латвийской ССР и т. д. Часть воинов принимала участие в Гражданской войне в 1918–1921 гг. и в боевых событиях в 1938–1939 гг. на оз. Хасан Приморского края и на Халхин-Голе в Монголии.

В исследованиях, непосредственно касающихся в т. ч. боевого пути дивизии, принимали участие П. К. Алтухов и др. [1974], Г. К. Жуков [1986], С. И. Иовлев [1960], Д. Д. Лелюшенко [1966], В. В. Лохов [2015], Н. П. Нечаев [1965], А. В. Пашинин [2013] и В. Ю. Колесов [Пашинин, Колесов 2017], К. К. Рокоссовский [1988], А. И. Фитисов [2014] и др.

Предмет изучения – документальные материалы в отношении призывников Байкальского региона, воевавших в годы Великой Отечественной войны в составе указанной воинской части в 1941–1945 гг.

Цель исследования – поиск, выявление и анализ архивных и прочих источников, для реализации которой ставились следующие задачи:

- 1) установить источниковедческий потенциал архивных и ранее опубликованных документов в отношении сражавшихся в составе указанного воинского соединения;
- 2) осуществить систематизацию и выявить репрезентативность источников с применением компаративистского, типологического, системного и других методов исследования;

ПАШИНИН Александр Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: a.v.pashinin@yandex.ru.

3) восстановить боевой путь гвардейской стрелковой дивизии с момента ее создания на основе выявленных, систематизированных и исследованных документальных архивных и прочих источников.

Хронологические рамки исследования в основном охватывают события периода Великой Отечественной войны. Территориальные рамки включают в себя только те населенные пункты, которые входили в административно-территориальный состав трех регионов по состоянию на 1941–1945 гг., в т. ч. несколько районов Читинской области, ныне значащихся в Амурской области.

Источниковедческая база представлена обширным и комплексным массивом различных видов источников из личных архивов населения Забайкальского края, Иркутской области и Республики Бурятия, а также официальных интернет-сайтов Министерства обороны РФ – общедоступных электронных банков данных (ОБД) «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа». Для получения новых и перепроверки имеющихся сведений применялись дополнительно специализированные региональные и общероссийские сайты «Бессмертного полка», «Дорога Памяти» и «Помни меня» [Пашинин: 2013: 129–131; Пашин, Колесов 2017: 40–54].

В настоящем исследовании использовались следующие документальные материалы (изложены в алфавитном порядке):

1) 38 актов 1943–2017 гг. (2,6 % от общего количества): а) 1 роты (ж/д) – 1 акт; б) 1 дивизиона (разведывательно-артиллерийский) – 1; в) 9 полков (стрелковые (в т. ч. 14-го, 20-го и 26-го гв. СП 7-й гв. СД), зенитно-пулеметный, механизированный и гаубично-артиллерийский) – 12; г) 1 бригады (морская стрелковая) – 1; д) 1 дивизии (7-й гв. СД) – 5, е) 2 корпусов (стрелковые) – 2; ж) 1 армии – 1; з) 1 укрепрайона – 1; и) 1 районной администрации – 2; к) 11 военкоматов из Иркутской области (Аларский, Жигаловский, Иркутский, Киренский, Нижнеудинский, Тайшетский, Тангуйский, Усть-Ордынский), Красноярского края, Украинской ССР и Якутской АССР – 12 актов;

2) 14 анкет розыска (розыска и на семью, получающей пособие) 1946–2018 гг. 14 военкоматов (Бурятская АССР – 3 военкомата; области: Иркутская – 3, Новгородская – 1, Новосибирская – 1, Читинская – 6 военкоматов);

3) 161 донесение (о безвозвратных потерях) 1942–2012 гг. (11 % от общего количества): а) 1 медицинского подразделения – 1 донесение; б) 2 полков 7-й гв. СД (20-го гв. и 26-го гв.) – 2; в) 4 бригад (стрелковые, танковые) – 6; г) 31 дивизии (стрелковые, мотострелковая, воздушно-десантная) – 94 (в т. ч. 7-й гв. СД – 48); д) 4 корпусов (стрелковые, танковые) – 8 (в т. ч. 1-го гв. СКорп – 5); е) 9 армий (общевойсковые) – 19 (в т. ч. 1-й уд. армии – 3, 10-й гв. армии – 5, 11-й армии – 3); ж) 5 фронтов – 11 (в т. ч. 2-го Прибалтийского фронта – 4); з) 3 структур МО СССР (группы сов. оккупационных войск в Германии, НКО и ЦАМО) – 3; и) 2 военных округов (Ленинградский, Приволжский) – 3; к) 10 военкоматов из БМАССР (2 военкомата); областей: Воронежской, Иркутской (1), Новгородской, Ростовской, Читинской (3 военкомата) – 14 донесений;

4) 45 журналов боевых действий (выписок из них) 1941–1945 гг. (3 % от общего количества): а) подразделений 7-й гв. (64-й) СД (14-й гв. СП, 20-й гв. СП, 26-й гв. СП, артиллерии и штаба 7-й гв. СД) – 10 журналов; б) 4 корпусов (в т. ч. 7-го гв. СКорп – 8) – 10; в) 3 армий (в т. ч. 10-й гв. армии – 5) – 7; г) 4 фронтов – 18 (в т. ч. Северо-Западного – 6, 2-го Прибалтийского – 11 журналов);

5) 1 записка (объяснительная) 1942 г. стрелковой дивизии;

6) 19 запросов 1944–1953 гг. ГУК НКО СССР и 13 РВК/ОВК/ГВК из: БМАССР – 2 РВК (Баунтовский, Курумканский), Иркутской области – 3 РВК/ОВК (Иркутский, Киренский, Черемховский), г. Москва, Украинской ССР, Читинской области – 6 РВК (Агинский, Карымский, Могочинский, Нерчинский, Шахтаминский, Шилкинский);

7) 1 заявление родственника 1949 г.;

8) 13 извещений (их копии) 1942–1945 гг.: а) 2 медицинских подразделений – 2 извещения; б) подразделений 7-й гв. СД (475 ОМСБ, 14-го гв. СП, 20-го гв. СП, 26-го гв. СП) – 5; в) 1 роты – 1; г) 1 бригады (морская стрелковая) – 1; д) 1-й дивизии (стрелковая) – 1; е) 3 в/ч п/п – 3 извещения;

9) 4 информации 1944–2018 гг.: а) ГУК МО (ЦАМО, ОК, штаб сухопутных войск) СССР – 3; б) поисковой экспедиции «Долина» Новгородской области – 1;

10) 4 картотеки 1941–1945 гг.: политработников/политруков, учетно-послужная, личных дел, ранений и больных (с карточками на раненых и статкартами на умерших);

11) 93 карточки 1943–2017 гг. (6,4 % от общего количества): а) учета воинских захоронений – 72 (Латвийская ССР); б) 4 РВК/ОВК (из г. Ленинграда, Новосибирской обл.) – 6; в) учета раненых и больных – 15;

12) 34 карты 1942–1945 гг. (алфавитные, учетно-регистрационные, на погибшего воина Красной армии): а) 8 ВПП (Горьковский, Конашский, Кировский, Ленинградский, Молотовский, Московский, Ростовский, Челябинский);

13) 60 книг 1942–1945 гг. (4,1 % от общего количества): а) алфавитные, погребения, протоколов вскрытия учета погибших (умерших, захороненных, кремированных, пропавших без вести) воинов 19 медицинских подразделений (эвакуационных пунктов, медицинских батальонов и госпиталей (в т. ч. 475-го ОМСБ 7-й гв. СД)), 16 воинских подразделений (воздушно-десантный и стрелковые полки (в т.ч. 14-го гв. СП, 20-го гв. СП и 26-го гв. СП 29-й гв. СД), стрелковые дивизии (в т. ч. 7-й гв. СД)) – 35 книг; б) прибывших и призванных из 22 запасных и учебных стрелковых полков, 3 военно-пропускных пунктов (Красноярский, Московский, Северо-Западного фронта) – 25 книг;

14) 85 Книг Памяти и томов КП 1990–2021 гг. (5,8 % от общего количества): а) 35 регионов и субъектов РФ (края: Алтайский, Забайкальский – 9 книг, Красноярский, Приморский, Хабаровский; области: Амурская, Брянская, Воронежская, Иркутская – 13, Калужская, Кемеровская, Курганская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Луганская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Пермская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Тамбовская, Челябинская; республики: Бурятия – 12, Мордовия, Татарстан, Чувашия, Удмуртия) – 84; б) 1 отдельного города: Москва – 1 книга;

15) 1 книга «Имена из солдатских медальонов»;

16) 2 купона (осведомительные) ГВСУ РККА и медицинского подразделения;

17) 4 листа 1944–1945 гг. (учетно-послужные);

18) 237 наградных листов 1941–1949 гг. (15,2 % от общего количества): а) 15 должностных лиц и подразделений 7 гв. СД – 120 наградных листов; б) 32 различных в/подразделений (взводов, рот, дивизионов, батальонов, отряда) – 36; в) 33 полков (стрелковые, артиллерийский, самоходно-артиллерийский, зенитно-пулеметный) – 43; г) 5 дивизий (стрелковые) – 5; д) 1 корпуса (стрелковый) – 1, е) 3 армий – 3, ж) 1 фронта (Западный) – 1; з) 7 прочих в/подразделений (госпитали, укрепрайон, военно-распределительная база) – 7; и) 20 военкоматов БМАССР (Бичурский, Пригородный г. Улан-Удэ); областей: Воронежской, Иркутской (Нижнеудинский, Тайшетский), Кировской, Свердловской, Челябинской, Читинской (Агинский, Александрово-Заводской, Борзинский, Газимуро-Заводской, Калганский, Красночикойский, Могойтуйский, Шахтинский); г. Москва, Пермского края, Украинской ССР – 21 наградной лист;

19) 1 обзор боевых действий войск 1945 г. 10-й гв. армии;

20) 4 военно-наступательных операции 10-й гв. армии и Северо-Западного фронта 1942–1945 гг.;

21) 15 паспортов воинских захоронений (Московская и Псковская области);

22) 2 письма с фронта – 1944 и 1946 гг.;

23) 1 предписание Белорусского ВО 1945 г.;

24) 304 приказа 1942–1950 гг. (20,8 % от общего количества): а) 37 полков (стрелковые, артиллерийские, воздушно-десантный, истребительно-противотанковый, мотоциклетный, минометный) – 87 приказов (по 4 полкам 7-й гв. СД – 48 приказов); б) 9 бригад (танковые, стрелковые, механизированная, минометная, лыжная, моторизованно-инженерная) – 10; в) 24 дивизий (стрелковые) – 95 (по 7-й гв. СД – 63); г) 9 корпусов (стрелковые, механизированный, танковый) – 27 (по 7-му гв. СКорп – 17); д) 11 армий (общевойсковые) – 34 (по 1-й уд. армии – 6, по 10-й гв. армии – 15);

е) 7 фронтов – 21 (по Западному – 3, по Северо-Западному – 12); ж) ВВС СССР – 1; и) ГУК НКО (ВС) СССР – 29 приказов;

25) 66 свидетельств 1942–1945 гг. (4,5 % от общего количества) 62 медицинских подразделений (о болезни, проходное);

26) 36 сводок обобщенного боевого опыта 1944–1947 гг.: а) 7-го гв. Скорп – 4 сводки, б) 10-й гв. армии – 17; б) 2 фронтов – 15 (по 2-му Прибалтийскому – 14, по Ленинградскому – 1 сводка);

27) 162 списка 1941–2018 гг. (именные безвозвратных потерь, наградений, призванных, погибших, извещений, курсантского состава, демографические, соцдемографические, алфавитные, именные, извещений, похороненных, формулярные и т. д.) (11 % от общего количества): а) 57 военкоматов (АССР: Бурят-Монгольская (Байкало-Кударинский – 3 списка, Баргузинский – 3, Баунтовский – 3, Джидинский – 3, Иволгинский – 2, Кяхтинский – 2, Мухоршибирский – 1, Селенгинский – 3, Тарбагатайский – 1, Тункинский – 2, Железнодорожный РВК г. Улан-Удэ – 1, Пригородный РВК г. Улан-Удэ – 1, Улан-Удэнский ГВК – 2, Хоринский – 1), Татарская; края: Алтайский, Приморский, Ставропольский; области: Владимирская, Иркутская (Аларский – 2, Братский – 1, Иркутский ГВК – 1, Иркутский ОВК – 1, Нагорный РВК г. Иркутск – 1, Сталинский РВК г. Иркутск – 1, Нижнеудинский – 1, Осинский – 2, Слюдянский – 1, Тайшетский – 1, Тулунский – 2, Улетовский – 1, Шиткинский – 1), Курганская, Московская, Ростовская, Тамбовская, Читинская (Акшинский – 1, Балейский – 6, Быркинский – 2, Дульдургинский – 1, Зейский – 2, Калганский – 2, Карымский – 3, Кыринский – 1, Могойтуйский – 3, Оловянинский – 2, Петровско-Заводской – 1, Сретенский – 2, Усть-Карский – 1, Хилокский – 2, Читинский ГВК – 2, Читинский ОВК – 1, Читинский РВК – 2, Железнодорожный РВК г. Чита – 3, Шилкинский – 6) – 98 списков; б) 9 госпиталей – 9; в) 14 запасных стрелковых полков – 20; г) 1 запасной стрелковой дивизии – 1; д) 2 стрелковых дивизий – 2; е) 8 ВПП и СПП (Кемеровское, Красноярское, Ленинградское, Московский, Раменское, Саратовский, Улан-Удэнский, Читинский) – 9; ж) 5 различных в/подразделений (стрелковый корпус, общевойсковая армия, в/ч (в т. ч. 553-я в/ч СПП Северо-Западного фронта – 10 списков), ЦАМО СССР) – 17; з) 3 администраций: уездов Латвии и Старорусского района Новгородской области – 6 списков;

28) 25 справок о ранении (гибели) 1943–2017 гг.: а) НКО/МО (ГУК МО, ЦАМО) СССР/РФ – 17 справок; б) 2 госпиталей – 2; в) 1 стрелкового полка (26-го гв. СП 7-й гв. СД) – 1; г) 1 стрелковой дивизии (7-й гв. СД) – 2; д) 1 военного округа (Прибалтийского) – 1; е) 1 4036-й в/ч – 1; ж) 1 РВК Республики Бурятия (Тарбагатайского) – 1 справка;

29) 2 удостоверения 1942 г. 553-й в/ч СПП Северо-Западного фронта и Улан-Удэнского ВПП;

30) 26 указов Президиума ВС СССР 1941–1951 гг.;

31) 2 характеристики (краткие боевые) 1942–1943 гг. 7-й гв. СД.

Итого с применением возможностей в первую очередь электронных баз данных МО РФ, личных, государственных и краеведческих архивов непосредственно в данном исследовании использовалось 1462 документальных источника 31 вида за период их составления в 1941–2021 гг. Изученный документооборот затронул свыше 500 воинских частей и подразделений в составе отдельных рот, дивизионов, батальонов, полков, бригад, дивизий, корпусов, армий, групп войск, фронтов, округов, военно-пропускных пунктов, медико-санитарных заведений (госпитали, медсанбаты, эвакупункты), военкоматов, депо, военно-исторических музеев, хлебопекарней, мастерских, полевых касс, отрядов, военно-пропускных и сборных пунктов, в/ч п/п (без наименований) и др.

Обращает на себя внимание внешнее оформление и состояние документации, ведение которой производилось в состоянии фронтовой обстановки. Документы, как правило, составлялись различными цветами чернил и «химических» карандашей на стандартных типографских бланках, листках от ученических тетрадей и с использованием школьных журналов или колхозных бухгалтерских и трофейных книг.

Некоторые документы из-за подтоплений и механических повреждений сохранились в усеченном и частично разрушенном состоянии, с трудом читаемы и различимы.

На ряде оцифрованных документов имеются подлинные росписи видных советских военных и государственных деятелей.

В целом данное исследование позволило обобщить и ввести в оборот изучения неизвестные документы и факты, дополнить и систематизировать ранее опубликованные материалы по линии Министерства обороны России, проанализировать основные направления и особенности участия на различных фронтах Великой Отечественной войны в составе 7-й гв. стрелковой дивизии призванных воинов из Читинской области (Забайкальского края), Иркутской области и Республики Бурятия.

В статье практически у каждого лица имеется ссылка на наличие какого-либо документа в том или ином фонде (фондах) ЦАМО.

Фонды по Приложению II: 33 (154 дела в 19 описях – 36,2 %), 52 (1 дело), 39-й ОШР 4-й УА (1), 56 (2), 58 (147 дел в 19 описях – 34,5 %), 122 (2), 208 (2), 217 (2), 221 (6), 236 (1), 239 (20), 242 (1), 287 ОАБ (1), 354 (14), 371 (1), 398 (1), 404 (1), 805 (1), 824 (8), 838 (2), 844 (1), 076 (1), 1059 (7), 1092 (1), 1204 (1), 1241 (1), 1440 (1), 1494 (1), 2114 (1), 3891 (1), 6109 (4), 6134 (9), 6163 (1), 6469 (1), 6608 (1), 8245 (1), 8248 (1), 8250 (1), 8362 (1), 8377 (2), 8391 (1), 8468 (1), 8498 (1), 8547 (1), 8588 (1), 25082 (2), 32554 (1), Горьковский ВПП (2), Ленинградский ВПП (1), Молотовский ВПП (1), Московский ВПП (1), СПП Северо-Западного фронта (3), Челябинский ВПП (3), картотека ПРБ 36-й ЗСД (2 дела). Всего 53 фонда (426 дел) и 6 шкафов (6 ящиков) ЦАМО, 1 фонд (9 ящиков) филиала ЦАМО.

Весь фонд 33 представляет собой многочисленные и разнообразные наградные документы, в т. ч. с описями 744807–744809 по материалам военкоматов различных регионов страны после войны.

В фонде 58 сосредоточены материалы безвозвратных потерь. Уникальными, например, по факту первых списочных и системных внесений сведений в отношении призывников исследуемых трех регионов (год и место рождения, подразделение, звание и должность, военкомат призыва, причина включения в документ (погиб, пропал без вести, ранен и т. д.), дата и место случившегося, родственники и место их жительства) являются донесения о безвозвратных потерях 7-й гв. СД начиная с 1942 г.: от 24 марта 1942 г. № 042 (от 30 марта 1942 г. № 4078), от 22 июля 1942 г. № 4/0301 (от 25 июля 1942 г. № 17380), от 10 октября 1942 г. № 4/0541 (от 15 октября 1942 г. № 28207), от 21 октября 1942 г. № 0568 (от 4 ноября 1942 г. № 31260), от 3 января 1943 г. № 05 (от 8 января 1943 г. № 950), от 1 февраля 1943 г. № 4/085 (от 7 февраля 1943 г. № 4457), от 28 марта 1943 г. № 4/0191 (от 6 апреля 1943 г. № 12612), от 6 апреля 1943 г. № 4/0233 (от 11 апреля 1943 г. № 14248), от 14 апреля 1943 г. № 0274 (от 19 апреля 1943 г. № 15182), от 8 мая 1943 г. № 0317 (от 17 мая 1943 г. № 18802), от 29 мая 1943 г. № 0359 (от 1 июня 1943 г. № 21068), от 2 июня 1943 г. № 0381 (от 12 июня 1943 г. № 22840), от 2 сентября 1943 г. № 0818 (от 8 сентября 1943 г. № 34114), от 23 ноября 1943 г. № 01262 (от 5 декабря 1943 г. № 52132), от 7 декабря 1943 г. № 01333 (от 25 декабря 1943 г. № 56321) и др. Аналогичные многочисленные сведения размещены и в донесениях 1-го гв. СКОРП: от 19 марта 1942 г. № 070 (от 24 марта 1942 г. № 3745), от 23 апреля 1942 г. № 0186 (от 28 апреля 1942 г. № 5904), от 10 мая 1942 г. № 0262 (от 18 мая 1942 г. № 8710), от 7 июня 1942 г. № 0409 (от 10 июля 1942 г. № 11486), от 21 июня 1942 г. № 0479 (от 24 июня 1942 г. № 3848). В данном фонде много интересной информации за 1941–1960-е гг. также сосредоточено в делах с донесениями различных воинских подразделений, со справками и перепиской Министерства обороны с приложенными анкетами розыска и именными списками военкоматов в послевоенное время и т. д.

Содержательные документы находятся также и в фондах: а) 56 (приказы ГУК НКО, 7-й гв. СД и других воинских частей в 1942–1950 гг.); б) 208, 217, 221, 239, 354, 838 (боевые характеристики и отчеты о боевых действиях 7-й гв. СД 1942–1943 гг., операции Северо-Западного фронта 1942 г. и 10-й гв. армии 1944–1945 гг.); в) 1059, 6109, 6163 (книги учета погибших и умерших 475 ОМСБ, 14-й гв. СП, 20-й гв. СП, 26-й гв. СП 7-й гв. СД); г) ВПП (Горьковский, Ленинградский, Московский и другие ВВП в

1942–1945 гг.). В филиале ЦАМО размещены военно-медицинские документы со стат-картами, свидетельствами о болезни и карточками учета умерших ГВМСУ РККА.

В ряде донесений 7-й гв. СД у отдельных воинов отметки о годах их рождения и привязке к конкретным воинским подразделениям данной дивизии отсутствуют. Не проходят, например, по фондам ЦАМО: извещения, паспорта и учетные карточки воинских захоронений.

Фотографически охвачено 180 призывников, родственники (жены, матери, отцы и др.) зафиксированы у 471 воина.

Таким образом, в ОБД «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа» МО РФ отложены многообразные виды архивных документов, позволяющие при их комплексном использовании с личными и региональными документами осуществить аналогичные исследования по военной тематике и изучению родословных истоков в различных российских субъектах. Подобные исследования способствует противодействию попыткам фальсификации итогов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и военно-патриотическому воспитанию подрастающего и современного поколения в России.

Литература

Алтухов П. К. Незабываемые дороги. Боевой путь 10-й гвардейской армии / П. К. Алтухов, А. Н. Грылев, А. А. Малиновский и др. – М.: Воениздат, 1974. – 287 с.

Иовлев С. И. В боях под Минском (Воспоминания командира 64-й стрелковой дивизии) / С. И. Иовлев // Военно-исторический журнал. – 1960. – № 9. – С. 56–70.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. – М.: АП Новости, 1986. – 328 с.

Лелюшенко Д. Д. Заря победы / Д. Д. Лелюшенко. – М.: Воениздат, 1966. – 144 с.

Лохов В. В. Усольчане на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945) / В. В. Лохов. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 372 с.

Нечаев Н. П. На поле русской славы / Н. П. Нечаев. – М.: ДОСААФ, 1965. – 128 с.

Пашинин А. В. Информационный потенциал Интернет-ресурсов МО РФ как источник изучения родословных / А. В. Пашинин // Власть. – 2013. – № 1. – С. 129–131.

Пашинин А. В. Память (призывники Тарбагатайского райвоенкомата в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / А. В. Пашинин, В. Ю. Колесов. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 432 с.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг / К. К. Рокоссовский. – М.: Воениздат, 1988. – 368 с.

Фитисов А. И. Хроника освобождения Спас-Деменского района в августе 1943 года / А. И. Фитисов. – М.: Наука, 2014. – 288 с.

References

Altuhov P. K. Nezabyvaemye dorogi. Boevoj put' 10-j gvardejskoj armii / P. K. Altuhov, A. N. Grylev, A. A. Malinovskij i dr. – M.: Voenizdat, 1974. – 287 s.

Iovlev S. I. V boyah pod Minskom (Vospominaniya komandira 64-j strelkovoj divizii) / S. I. Iovlev // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 1960. – № 9. – S. 56–70.

Zhukov G. K. Vospominaniya i razmyshleniya: v 3 t. T. 2. – M.: AP Novosti, 1986. – 328 s.

Lelyushenko D. D. Zarya pobedy / D. D. Lelyushenko. – M.: Voenizdat, 1966. – 144 s.

Lohov V. V. Usol'chane na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) / V. V. Lohov. – Irkutsk: Ottisk, 2015. – 372 s.

Nechaev N. P. Na pole russkoj slavy / N. P. Nechaev. – M.: DOSAAF, 1965. – 128 s.

Pashinin A. V. Informacionnyj potencial Internet-resursov MO RF kak istochnik izucheniya rodoslovnnyh / A. V. Pashinin // Vlast'. – 2013. – № 1. – S. 129–131.

Pashinin A. V. Pamyat' (prizyvniky Tarbagatajskogo rajvoenkomata v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.) / A. V. Pashinin, V. Yu. Kolesov. – Irkutsk: Ottisk, 2017. – 432 s.

Rokossovskij K. K. Soldatskij dolg / K. K. Rokossovskij. – M.: Voenizdat, 1988. – 368 s.

Fitisov A. I. Hronika osvobozhdeniya Spas-Demenskogo rajona v avguste 1943 goda / A. I. Fitisov. – M.: Nauka, 2014. – 288 s.

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2Р54)
DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-24-32

Б. Ц. Жалсанова, М. М. Соснина

«МЫ В НИХ ПОДВЕДЕМ НАШИМ ПОДВИГАМ СЧЕТ,
ПОБЕДАМ НАД СИЛОЙ КОВАРНОЙ. И БУДЕТ ВСЕГДА
НАЗЫВАТЬ ИХ НАРОД С ЛЮБОВЬЮ СВОЕЙ БЛАГОДАРНОЙ...»
ПИСЬМА ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИЗ ФОНДА ЛИЧНОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ Е. М. КРИЧЕНИВКЕРА
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена письмам-воспоминаниям Героев Советского Союза – уроженцев Республики Бурятия, отложившиеся в фонде работника областного военкомата Ефима Мироновича Криченивкера.

Ключевые слова: письма, Великая Отечественная война, Герой Советского Союза, воспоминания.

B. Ts. Zhalsanova, M. M. Sosnina

“IN THEM WE WILL SUM UP OUR FEATS, VICTORIES
OVER THE INSIDIOUS FORCE. AND THE PEOPLE
WILL ALWAYS CALL THEM WITH ITS GRATEFUL LOVE...”
LETTERS OF THE HEROES OF THE SOVIET UNION FROM
THE PERSONAL ORIGIN FUND E. M. KRICHENIVKER STATE
ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF BURYATIA AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is dedicated to the letters-memories of Heroes of the Soviet Union – natives of the Republic of Buryatia, deposited in the fund of the regional military registration and enlistment office employee Efim Mironovich Krichenivker.

Keywords: letters, Great Patriotic Article, Hero of the Soviet Union, memories.

Подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны нашел отражение в архивных документах, находящихся на постоянном хранении в Государственном архиве Республики Бурятия: в фотодокументах, воспоминаниях ветеранов, письмах и заметках, на страницах газет и журналов.

Среди них особую ценность для исследователей представляют воспоминания Героев Советского Союза [1] об их боевом пути, подвигах и судьбах, которые хранятся в фонде Р-1971 «Криченивкер Ефим Миронович (1926–) – работник облвоенкомата, член внештатного отдела по освещению жизни военкоматов».

Ефим Миронович Криченивкер родился в 1926 г. в г. Одессе. Окончил военно-политическое училище Военно-воздушных сил в 1949 г. Работал в облвоенкомате г. Улан-Удэ, собирал и публиковал материалы о героях и участниках Великой Отечественной войны – уроженцах Бурятии. В результате кропотливой работы им изданы книги «Люди подвига» и «Солдатская слава».

В фонде Ефима Мироновича хранятся статьи о полных кавалерах орденов Славы, Героях Советского Союза – уроженцах Бурятии, о сборе средств фронту, об участии женщин в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., о службе летчиков из Бурятии

ЖАЛСАНОВА Бутит Цыдымункуевна – доктор исторических наук, директор Государственного архива Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: butit62@mail.ru.

СОСНИНА Мария Михайловна – главный архивист отдела публикации документов Государственного архива Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: mari-mai1992@mail.ru.

в авиационной части «Нормандия – Неман» [II], автобиографии участников Великой Отечественной войны, большое количество писем, газетных вырезок и др.

В настоящей публикации представлены четыре письма – воспоминания Героев Советского Союза – участников Великой Отечественной войны, уроженцев Бурятии (летчики Петр Тимофеевич Харитонов и Василий Павлович Михалев, артиллерист Николай Иванович Редковский, танкист Михаил Алексеевич Федотов), которые детализируют целостную картину военных событий, рассказывают нам о войне от первого лица, что позволяет изучать историю Великой Отечественной войны без искажения фактов. Кроме того, документы личного характера популяризируют наследие Великой Отечественной войны.

Петр Тимофеевич Харитонов (1916–1987) родился в Тамбовской области. После окончания средней школы направился в далекий город Улан-Удэ, где работал плотником на стройке. После окончания педагогических курсов работал учителем в начальной школе № 12 г. Улан-Удэ. Перед войной окончил Батайскую военно-авиационную школу летчиков. С первых дней на фронте известен как летчик, совершивший два тарана в воздушных боях. На его счету более 300 вылетов, сбил 14 самолетов врага. В своем письме приводит три стихотворения разных авторов, посвященных его подвигам: А. Твардовского, Л. Поповой, В. Саянова, останавливается на неточностях, которые встречаются в публикациях о нем (док-т № 1).

Василий Павлович Михалев (1917–2006) родился в г. Верхнеудинске (Улан-Удэ). Окончил семиклассную школу, школу фабрично-заводского ученичества и аэроклуб. В 1937 г. как один из лучших пилотов был оставлен при аэроклубе в Улан-Удэ летчиком-инструктором. В 1940 г. призван в РККА. В том же году окончил Ульяновскую военную авиационную школу пилотов. Служил летчиком-инструктором в той же школе. На фронте с 1943 г. За время войны совершил 159 боевых вылетов, провел 49 воздушных боев, сбил 23 самолета лично и 14 в группе. В письме он рассказывает о своей послевоенной жизни (док-т № 4).

Николай Иванович Редковский (1921–2008) родился в Кемеровской области, с 1932 г. проживал в Бурят-Монгольской АССР. Окончил Томское артиллерийское училище. С июня 1941 г. на фронте. К январю 1945 г. командовал батареей. Отличился во время освобождения Польши. После войны продолжил службу в Советской армии, проживал в г. Киеве. Его письмо отличается краткостью, в нем он отвечает на пять вопросов Е.М. Кричениккера, из которых узнаем о его послевоенной жизни (док-т № 2).

Михаил Алексеевич Федотов (1916–1986) родился в с. Тимлюй Кабанского района Бурят-Монгольской АССР. Работал трактористом-механиком в колхозе. С июня 1941 г. на фронте, воевал в качестве командира танка Т-34. Отличился при прорыве обороны противника и наступлении на р. Висла в районе Гданьска, о своем подвиге он отправил выписку из Указа Президиума Верховного Совета СССР (док-т № 3).

№ 1

Письмо Героя Советского Союза Петра Тимофеевича Харитонova
21 марта 1967 г.

г. Донецк

Начальнику Политотдела
Военного комиссариата Бур[ятской] АССР
подполковнику Соболеву

Дополнительный материал о моей боевой деятельности в годы Великой Отечественной войны вы можете найти в изданных книгах: «Герои и подвиги», сборник Лениздат, 1963 г., Ленинград, Торговый переулок, 3, типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57; «Твои герои, Ленинград», А. Буров, сборник Лениздат, Ленинград, Торговый переулок, 3, типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57 (Там не точно о первом таране: не 28, а 27 июля 1941 г.)

Так как в книге Бурова «Твои герои, Ленинград» приводится стихотворение Твардовского не полностью, а только два столбика, то я напишу его в этом письме. Оно подписано как фронтовая корреспонденция «Действующая армия, 9 июля 1941 г.»:

Блистают зарницы Великой войны –
И вот они первые трое,
Отмеченных первой наградой страны
«Звездой Золотою» Героя.

В тревожное небо, в грозовую высь,
С укатанной взлетной площадки
Они на машинах своих поднялись
С врагами померяться в схватке.

Когда провожает машину твой взгляд,
Скользя по невидному следу,
Как хочется верить, что скоро назад
Вернется товарищ с победой.

Все трое с победой вернулись они,
И день этот – ныне вчерашний.
И новые, новые ночи и дни
Проходят в работе бесстрашной.

Сколько еще себя в схватках лихих
Покажут советские люди.
Мы многих прославим, но этих троих
Уже никогда не забудем.

Мы в них подведем нашим подвигам счет,
Победам над силой коварной.
И будет всегда называть их народ
С любовью своей благодарной.

Запомним же русские их имена,
Что дороги будут для внуков,
Здоровцев Степан [III] – командир их звена,
Пилот Харитонов и Жуков [IV].

Родные, вы служите славно стране,
В боях за штурвалами сидя,
Пусть матери ваши и жены во сне

Всегда вас веселыми видят. (Из сборника стихов «Счастье летать», Военное издательство Министерства обороны СССР. – Москва. – 1960. – С. 39)

Людмила Попова

Посвящено второму тарану Героя Советского Союза Петра Харитонова

Воздушная тревога

Останется в памяти, как это было:
Чуть только сирены послышался гул,
Как ринулся твой самолет острокрылый
В бездонное небо навстречу врагу.

Ты знал, что внизу непреклонно и гордо
Живет, продолжая свой путь непростой
И с Армией вместе сражается город,
Тебя научивши владеть высотой.

Ты шел на врага, ты рванулся в атаку,
Запутал ты путь его мертвой петлей.
И бил пулемет по фашистскому знаку,
И облако местом менялось с землей.

Как быстро в бою иссякают патроны,
Но твой говорил неуступчивый взгляд:
«Не выйдет! Не дашь ты проклятиям тонны
Обрушить на наш, на родной Ленинград.
За Родину!...» Сверху винтом в оперенье!
Ты видел раскрывшейся бездны края,
И рухнувший «Хейнкель» ... И как управленье
Вся, вздрогнув, теряла машина твоя...

Ты выпрыгнул. Ветры гудели сердито,
И воздух клубился под легким зонтом.
И рядом спускались четыре бандита,
Всех ближе – полковник с железным крестом

Четыре стреляли в тебя пистолета,
Всех метче полковник – испытанный ас.
И пуля, задев корешок партбилета,
Плечо, оцарапав, свистя, пронеслась.

Земля подошла перекличкой орудий,
С бойцами в крутом, маскированном рву.
Навстречу бежали советские люди,
И бросил полковник оружие в траву.

И ты прочитал в его пристальном взгляде
И лютую злобу, и страх пред тобой.
Мы взяли их в плен. В этот миг в Ленинграде
Раздался воздушной тревоги отбой.

Виссарион Саянов

Где горят по Запсковью стога
В грозный час боевого полета,
Харитонов винтом самолета
Сбил, тараня, машину врага.

Он вернулся с победой. Потом
Шло двенадцать машин к Ленинграду.
Нет немецким бандитам пощады!
В бой отважно рванулись звеном.

На заре разошелся туман...
В схватке доблестной, в схватке неравной
Бой закончен победою славной.
Побеждает наш русский таран!

Помнят летчики клятву свою:
Мы летать к нам фашистов отучим!
Прямо в сердце тараном летучим
Будем бить их в воздушном бою.

В некоторых изданиях, а вернее, в книге «Крылатые богатыри» Н. Минеев (Н. Петров) допустил ошибку и приписал первый таран Здоровцеву, тогда как первый таран был мой, а потом – Здоровцева (мы служили с ним в одном полку). А также в газете «Правда» от 8 июля 1966 г. (исправлено в книге Бурова).

Книгу «Люди подвига» я не читал, так как у меня ее нет, а поэтому прошу, после издания книги «Золотые Звезды воинов Бурятии», одну выслать мне.

За время Великой Отечественной войны совершил более трехсот боевых вылетов, участвовал почти в полусотне воздушных боев, сбил четырнадцать самолетов противника.

Длительное время работал в Штабе гражданской обороны Донецкой области. Сейчас не работаю там. Я являюсь членом Советского комитета ветеранов войны, членом Донецкого общества «Знание», провожу большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Книги, которые у меня есть с материалами и другие документы выслать не могу, так как боюсь, что затеряются. Притом, что они мне очень дороги, потому что подарены. Например, книга «Твои герои, Ленинград» подарена исполкомом Ленгорсовета в честь 20-летия Победы советского народа над фашистской Германией.

Для сведения:

Сын Юрий, родившийся в 1938 г. в Улан-Удэ, в 1961 г. окончил Днепропетровский госуниверситет. С тех пор работает на одном из заводов под Москвой. Дочь Лариса, 1946 года рождения, сейчас учится в Донецком медицинском институте на 3 курсе.

Высылаю фотографии.

С уважением к Вам, Герой Советского Союза П. Т. Харитонов, 21/III-67 г.*

Подполковник Криченивкер Е. М.

[ГАРБ. Ф. Р-1971. Оп. 1. Д. 86. Л. 36–39об. Рукопись. Подлинник].

№ 2

Письмо Героя Советского Союза Николая Ивановича Редковского
Е. М. Криченивкеру

г. Киев, Украина

1 декабря 1965 г.

Относительно Вашей просьбы

1. Фотокарточку высылаю, правда, несильно устаревшую.
2. Какими орденами награжден – на фото они видны.
3. Подробное описание боевых дел – в письме это будет трудновато. Что касается событий, развернувшихся 29 января 1945 г. на Одере: 14 января 1945 г. 7 гв[ардейский] кк.** в составе 1-го Белорусского фронта с Пулавского плацдарма начал наступление (так началась Висло-Одерская операция). Я командовал батареей. Не ввязываясь в большие бои, наша задача была как можно скорее выйти на р. Одер и занять плацдарм. Задача наша была выполнена.

4. Сейчас я нахожусь в запасе. Работаю в Совете Министров Украины. До реорганизации Управления народного хозяйства работал в Комитете по координации НИР, занимался вопросами внедрения математических методов и вычислительной техники в учет, планирование и управление производством, сейчас – этими же вопросами занимаюсь в Главном Управлении по м[атериально]-т[ехническому] снабжению.

5. Относительно И. Рубленко [V]. Во время войны мы с ним не встречались. Встретились после войны в Москве, в академии, он был, кажется на 2 курсе. У него были какие-то жизненные неурядицы, я судить о них не берусь – точно не знаю, но в 1956 г. он, не окончив академию, куда-то уехал, уволившись из армии. По отрывочным сведениям, я считал, что он где-то в районе Иркутска. Я пытался через Иркутский ВК узнать его адрес, но мои просьбы остались без ответа.

С приветом <подпись> Редковский

[Там же. Л. 25. Рукопись. Подлинник].

* Подписано Криченивкером Е. М.:

– «Трое» – А. Т. Твардовский, Собр. соч., том первый, стр. 269.;

– Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1941 г. о присвоении звания Героя Советского Союза командиру звена мл. л-ту Здоровцеву С. Ч., летчику мл. л-ту Жукову М. Ч., летчику мл. л-ту Харитонову П. Т.

Хранить вечно! Личное письмо первого Героя войны П. Харитонova.

** Так в тексте.

№ 3

Письмо Героя Советского Союза Михаила Алексеевича Федотова

Е. М. Кричевкеру

о. Сахалин

2 апреля 1967 г.

Здравствуй, многоуважаемый Ефим Миронович!

С большим приветом к вам Федотов М. Я очень рад вашему письму, которое вы написали мне, где вы интересуетесь моей жизнью, здоровьем и главное – хотите узнать о моих подвигах в годы Отечественной войны.

Сообщаю вам охотно о том, что вырезок из газет и каких-либо документов особых при мне нет, которые я бы мог вам выслать, потому что все они розданы и никто мне их не вернул и по сей день.

Сообщаю вам мой подвиг – из выписки Указа Президиума Верховного Совета СССР: «Во время Великой Отечественной войны он участвовал в ожесточенных схватках с врагом, трижды был ранен. Это было под Данцигом [VI], у поселка Эмаус. Танк Федотова был атакован тремя фашистскими самоходными орудиями. В неравном бою он подбил две вражеские машины, а затем под прикрытием дымовой завесы ворвался на позицию минометной батареи врага и гусеницами уничтожил ее. На своем боевом счету герой-танкист имел шесть подбитых и уничтоженных немецких танков и самоходных орудий, одиннадцать пушек, две минометные батареи, три бронетранспортера и около сотни солдат и офицеров врага. 29 июня 1945 г. гвардии старшине М. А. Федотову было присвоено звание Героя Советского Союза».

Это я списал из выписки дословно. Служил я в то время в составе восьмого механизированного корпуса 64-й гвардии тяж[елого] танк[ового] полка 2-го Белорусского фронта. Участвовал в освобождении Варшавы, под Ленинградом на Тихвинском направлении, в освобождении Харькова.

В настоящее время я живу в городе Южно-Сахалинск, работаю в специальном дорожном управлении бульдозеристом.

Вот краткая моя биография.

Посылаю вам свое фото. Конечно, гражданское, военного не имею.

Желаю вам больших успехов в вашей жизни и хорошего здоровья и успехов в выпуске вашей книги.

Если нужно будет еще что-нибудь, то пишите мне по адресу: г. Южно-Сахалинск, Уральский переулок, 16, Федотову М. А.

До свидания.

[ГАРБ. Ф. Р-1971. Оп. 1. Д. 86. Л. 32–33. Рукопись. Подлинник].

№ 4

Воспоминания Героя Советского Союза Михалева Василия Павловича

Е. М. Кричевкеру

г. Куйбышев

18 марта 1963 г.

Здравствуйте, дорогие земляки!

Получил вашу записку, где вы просите написать кое-какие данные, удовлетворяю вашу просьбу. Сохранились лишь две вырезки, могу послать их вам, но в них мало, что сказано. Как я писал уже вам, сами вырезки не сохранились – пока был в госпитале, вещи находились в полку, и их растеряли.

После войны, в 1947 году, из трех дивизий – две расформировали, в том числе и нашу, осталась лишь дивизия, которой командовал А. Н. Покрышкин [VII]. Нашей дивизией командовал И. К. Горегляд, сейчас генерал-майор, служит в Москве в генеральном штабе.

После расформирования меня перевели в 9-ю гвардейскую дивизию (Покрышкинскую), там прослужил 1 год на должности заместителя командира полка в звании майора (16-го полка). Майора присвоили в апреле 1945 года. С августа 1948 года по ноябрь

1949 года служил под Москвой (в Кубинке), летал на реактивной технике, участвовал в парадах. Служил также заместителем командира полка (первые шесть месяцев командовал эскадрильей, так как место заместителя полка было занято). В мае 1949 года присвоили звание подполковника. В ноябре 1949 года уехал на курсы усовершенствования на 1 год в Липецк. После курсов был назначен также заместителем командира полка в Грозный, где прослужил 1 год и был командирован советником в Китай, где пробыл 3 года. В январе 1953 года получил звание полковника. После командировки был назначен командиром полка в Латвию, где стал помощником командира дивизии по огневой и тактической подготовке. В этой должности пробыл до января 1959 года, то есть до ухода в запас. Дивизия, в которой воевал, была 205-я истребительная авиационная дивизия (ИАД), а полк 508-й. Весь наш корпус получил звание гвардейского – был 7-й истребительный авиационный корпус (ИАК), стал 6-й гвардейский истребительный авиационный корпус (гв[ардейский] ИАК), командовал им генерал Утин [VIII]. Дивизия стала 22-й гв[ардейский] ИАД, наш полк – 213 гв[ардейский] ИАП.

Сейчас работаю в отделе снабжения треста «Волгоэнергомонтаж» [IX] в должности инженера по оборудованию. Жена работает в школе учительницей в группе продленного дня. Сын Борис, 1947 года рождения, учится в 9 классе. Дочь Лида, 1950 года рождения, учится в 6 классе. Сын занимается спортом, больше всего увлекается фехтованием и баскетболом. На городских юношеских соревнованиях занимал 1 и 2 места по фехтованию.

Я награжден медалью «Золотая Звезда», двумя орденами Ленина, орденами: Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны II степени, Красной Звезды; медалями: «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Советской Армии и Флота», «40 лет Советской Армии и Флота» и две китайские медали.

Орденом Отечественной войны II степени был награжден за первый таран. Орден Ленина дали после того, как не утвердили в корпусе представление к званию Героя Советского Союза в 1943 году (посчитали, что еще мало сбитых самолетов, а было сбито 9, из них 6 бомбардировщиков и 3 истребителя). Орден Красного Знамени получил за 4 сбитых самолета. Всего сбитых лично 29 самолетов. Орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги» дали за выслугу лет.

Вы просите описать самый памятный эпизод. Трудно какой-либо эпизод выделить. Пожалуй, больше запечатлелся первый таран, видимо, потому что он был первый.

Могу вам еще описать один бой. Это было 29 октября 1943 года под Кривым Рогом. Стояла низкая облачность высотой метров 300–400, что затрудняло боевую работу, но работать было нужно. Командир полка подполковник Зайченко поставил мне задачу – вылететь четверкой, и дал возможность подобрать сильных летчиков. Я взял ведомых: своего командира звена Стройнова Николая (ныне Герой Советского Союза, полковник), командира звена из другой эскадрильи Коломийца с напарником (фамилию его не помню). Противника в районе патрулирования не было, а 3 штуки Ю-87 («Юнкерсы») появились в другом районе над селом Баштино [X]. Идем туда, вступаем в бой, увлеклись и ушли на территорию противника, сбить не смогли. На дороге увидели колонну танков противника до 200 единиц, атаковали живую силу, подожгли одну автомашину. Во второй вылет дали прикрывать Баштино. Подходим к району патрулирования и видим Ю-87, которые цепочкой выходили из-за облаков (было их около 12 штук). Пошли в атаку сбоку слева, разбили строй, стали действовать по одному, атакуя трех Ю-87 сверху, сбоку сзади, слева. беру среднего – две длинных очереди, и Ю-87 встал вертикально, тут же перейдя в пикирование к земле. Развернулся влево и догоняю двух остальных Ю-87, открывая огонь короткими очередями, они стараются уйти в облака. Подхожу вплотную, открываю огонь, и Ю-87 становится вертикально.

Я хотел правым разворотом уйти от столкновения, но уйти было нельзя. Сжался в кабине, приготовился к удару и проговорил вслух: «Ну, капут тебе на полях Украины». В это время – удар, вырвало управление, самолет стал делать «бочки». Вижу – земля уже близко, схватил ручку управления и вывел самолет, а Ю-87 упал на землю. Опробовал управление – самолет послушный, но несколько вяловато реагирует на отклонение

рулей. Увидел, что левая часть стабилизатора согнута под 90°, а левый руль высоты оторван.

Собрались все вместе, стали уходить домой, но я увидел Фокке-Вульф FW 190 [XI] до 12 штук, которые с бомбами шли бомбить тот же район. Идем в атаку. С первой же атаки разбили строй и стали вести бой. Я сбил двух Ю-87, Стройнов сбил один МЕ-109 (Мессершмитт Bf 109), и сами потеряли одного.

29 мая 1944 под Яссами вылетали патрулировать парами. Калинин Дмитрий с ведомым Шкондиным встретили два МЕ-109 и обоих сбили. В это время на нас с Калининым напали два «охотника» МЕ-109, завязали бой. Калинин подбили «Аэрокобру» (Bell P-39 Airacobra – американская машина) и он ушел на аэродром. Веду бой с МЕ-109 и одного сбиваю. МЕ-109 упал в 100 метрах от расположения танкистов. Когда Сандыга приземлился, танкисты стали его обнимать и целовать.

30 мая 1944 года. Под Яссами вылетел группой в шесть самолетов «Аэрокобр» и сбили 5 самолетов, из них два Ю-87 сбил я, один – Калинин (первый), один – Калинин (второй), один – Шкондин. Во втором вылете в составе 12-ти самолетов. Я – четверкой в ударной группе. Одну четверку возглавлял Чепинога и одну – Морозов. Сбили пять самолетов (из них я сбил три).

1 июня 1944 года меня атаковали два МЕ-109 – «охотники» и один перебил мне правую ногу, после чего я вел с ними бой еще минут 15, затем стал выбиваться из сил и решил садиться в поле на фюзеляж. Подобрал место для посадки и выпустил посадочные щитки, но один МЕ-109 очередью перебил мой мотор, и он заглох. Приземлился, и меня стали расстреливать на земле. Но хорошо, что стреляли сзади, спасла броня. Командир корпуса Утин был на командном пункте и видел, как я крутился. Позднее, когда я вернулся из госпиталя, он сказал, что я «здорово крутился».

Пролежал в госпитале 6 месяцев. «Золотую Звезду» мне вручал М. И. Калинин 6 октября 1944 года – у меня есть фото.

Посылаю вам свои фото разных времен, снимался в разном воинском звании. А также посылаю две сохранившиеся вырезки из газет и письмо своих оружейников, может быть, пригодится вам – его мне сбросили с самолета в госпиталь. Старые фото и письмо прошу вернуть. В книге «Звезда на крыльях» в статье генерала Рамазанова несколько строк есть обо мне.

Ну, вот все, что мог вам добавить. С приветом, (подпись). Желаю удачи с выпуском книги*.

[ГАРБ. Ф. Р. 1971. Оп. 1. Д. 86. Л. 16–22. Рукопись. Подлинник].

Примечания

I. Герой Советского Союза – звание учреждено 16 апреля 1934 г. Постановлением ЦИК СССР. Оно устанавливало, что высшей степенью отличия СССР является «присвоение за личные или коллективные заслуги перед государством, связанные с совершением героического подвига, звания Героя Советского Союза».

II. «Нормандия – Неман» – французский истребительный авиаполк, действовавший во время Второй мировой войны против немецко-фашистских захватчиков на советско-германском фронте в 1943–1945 гг. В его составе служили и выходцы из Бурятии, например генерал-майор Г. Н. Захаров.

III. Степан Иванович Здоровцев (1916–1941) – командир звена 158-го истребительного авиационного полка. Отличился, прикрывая в составе полка воздушные подходы к Ленинграду в районе Пскова. 28 июня 1941 г. в воздушном бою с тремя вражескими бомбардировщиками, израсходовав боезапас, таранным ударом сбил немецкий самолет, сохранив при этом свой. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1941 г. «за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и героизм» (за совершенный воздушный таран) было присвоено звание Героя Советского Союза.

IV. Михаил Петрович Жуков (1917–1943) – летчик 158-го истребительного авиационного полка, 29 июня 1941 г. в воздушном бою над Псковским озером израсходовал весь бое-

* Подписано Кричевикером Е. М.: Письмо Героя Советского Союза Михалева. Наказ: «Сохранишь навечно!»

запас и, не желая упустить врага, пикированием вогнал немецкий бомбардировщик в озеро. Сам невредимым вернулся на свой аэродром базирования. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1941 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

V. Речь идет о Герое Советского Союза Иване Александровиче Рубленко (1919–1981), артиллеристе.

VI. Данциг – город в Польше, ныне – г. Гданьск.

VII. А. Н. Покрышкин (1913–1985) – советский военачальник и летчик-ас в годы Великой Отечественной войны, маршал авиации, первый трижды Герой Советского Союза.

VIII. Александр Васильевич Утин (1906–1950) – советский военачальник, участник Великой Отечественной войны, гвардии генерал-лейтенант авиации, командир 6-го гвардейского истребительного авиационного корпуса, Герой Советского Союза.

IX. Трест «Волгоэнергомонтаж» основан в 1937 г. в г. Куйбышев (ныне – г. Самара). Предназначался для производства электромонтажных работ по Приволжскому военному округу.

X. Баштино – село Кривоградской области Украины.

XI. Фокке-Вульф FW 190 – немецкий одноместный одномоторный поршневого истребитель-моноплан, стоявший на вооружении военно-воздушных сил Германии во время Второй мировой войны.

Источник и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. Р-1971 «Кричевкер Ефим Миронович (1926–) – работник облвоенкомата, член внештатного отдела по освещению жизни военкоматов», оп. 1, д. 86.

Кричевкер Е. М. Солдатская слава. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – 118 с.

Кричевкер Е. М. Люди подвига: очерки о воинах Бурятии – Героях Советского Союза / Е. М. Кричевкер, Д. Д. Хилтухин. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 146 с.

Цыренов Д. М. Герои Бурятии / Д. М. Цыренов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1995. – 224 с.

Цыренов Д. М. Герои Бурятии / Д. М. Цыренов. – 3-е изд., доп. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2014. – 136 с.

References

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. R-1971 «Krichenivker Efim Mironovich (1926–) – rabotnik oblvoenkomata, chlen vneshtatnogo otdela po osveshcheniyu zhizni voenkomatov», op. 1, d. 86.

Krichenivker E. M. Soldatskaya slava. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1966. – 118 s.

Krichenivker E. M. Lyudi podviga: ocherki o voinah Buryatii – Geroyah Sovetskogo Soyuza / E. M. Krichenivker, D. D. Hiltuhin. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1963. – 146 s.

Cyrenov D. M. Geroi Buryatii / D. M. Cyrenov. – 2-e izd., pererab. i dop. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1995. – 224 s.

Cyrenov D. M. Geroi Buryatii / D. M. Cyrenov. – 3-e izd., dop. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 2014. – 136 s.

УДК 930.85
ББК 63.3(2)62
DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-33-41

М. В. Амгаланова

ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(из фронтовой тетради д. и. н., проф. Бато Бадмаевича Батуева)

Во фронтовой тетради гвардии младшего лейтенанта Бато Бадмаевича Батуева представлены как широко известные тексты песен, ставшие символом Великой Победы, так и солдатский фольклор, отражавший личные переживания и события. Песни записаны при освобождении Молдавии, Болгарии, Румынии. Такие фронтовые тетради – источник культурно-исторической памяти нашего народа.

Ключевые слова: историческая память, историческое наследие, Великая Отечественная война, песни военных лет, фронтовая тетрадь.

М. V. Amgalanova

SONGS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A FACTOR
IN THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY
(from the front notebook of Doctor of Historical Sciences,
Professor Bato Badmaevich Batuev)

The front-line notebook of the guards junior lieutenant Batuev Bato Badmaevich contains both well-known song lyrics, which became a symbol of the Great Victory, and soldier's folklore, reflecting personal experiences and events. The songs were recorded during the liberation of Moldova, Bulgaria, and Romania. Such front-line notebooks are a source of cultural and historical memory of our people.

Keywords: historical memory, historical heritage, the Great Patriotic War, songs of the war years, the front notebook.

Преемственность культурно-исторического опыта – важное условие цивилизационного развития любого общества и государства. Сохранение и передача этого опыта обеспечивают их ценностное и целостное бытие. 2025 г. объявлен Годом защитника Отечества с целью сохранения исторической памяти, в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., в благодарность ветеранам и в знак признания подвигов участников специальной военной операции [Указ Президента РФ 2025]. В указе отражен методологический подход, связанный с усвоением, сохранением и трансляцией исторической памяти, преемственностью поколений, традиционными ценностями, уважением к самоотверженности, военным и трудовым подвигам предков, признанием заслуг современных героев. Важная для нашей многонациональной страны и постсоветского пространства дата – 80 лет Великой Победы является символом национального самосознания и гражданской идентичности. Цивилизационное отличие нашей страны, национальная идея – в благодарности и памяти тех, кому мы обязаны нашей жизнью, кто отстоял наши экзистенциальные ценности на полях войны, в тылу и на фронте. Память о Великой

АМГАЛАНОВА Мария Викторовна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и искусствоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: amgalanova@rambler.ru.

Отечественной войне сохраняется и передается в празднике Победы, в Бессмертном полку, в книгах, кинематографе, песнях и мн. др.

Никогда связь искусства с жизнью народа не проявлялось так наглядно и так впечатляюще, как в годы войны. Первые отклики писателей появились в лирике, которая отличается от других жанров оперативностью и эмоциональностью. Без поэзии – стихов и песен – на войне нельзя было обойтись, она воздействовала на чувства людей, придавала сил и стойкости, уверенности в неизбежной Победе, поддерживала в самые трудные минуты на фронте и в тылу. Множество песен, появившихся уже в первые дни войны, сразу «уходили на фронт», передавались из уст в уста, переписывались друг у друга в тетрадки и блокноты, даже переделывались на свой лад, становясь ближе, понятнее, острее.

В современной социокультурной жизни песни Великой Отечественной войны, безусловно, являются фактором формирования и сохранения исторической памяти и культурного наследия, а также трансляции этических и ценностных основ российского общества, поскольку «историческая память характеризуется как устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании. Ей свойственна не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого» [Бадмаев 2012: 79]. Действительно, сегодня Великую Отечественную войну мы воспринимаем и осмысливаем в т. ч. через эмоции, закрепленные в песнях военных лет. Неслучайно в наши дни одним из востребованных и получивших широкий общественный отклик стал проект «Песни Победы», цель которого – объединение поколений через песни. Ярким примером стал концерт «Хора Турецкого», приуроченный к 80-летию Победы. 6 мая 2025 г. в здании ООН в Нью-Йорке музыканты исполняли песни, ставшие символом памяти и подвигов Великой Отечественной войны.

Песни описывали все, что происходит на передовой и в тылу, рассказывали о солдатской дружбе, боевых подвигах, повседневной жизни и, конечно, о любви, тоске по дому. Именно они позволяли оставаться человеком, не черстветь душой. У многих солдат были альбомы и тетради, в которых они записывали широко известные сегодня нам песни, но также их окопные вариации или сочиненные самими. Такая тетрадь есть и в нашей семье. В ней мой дедушка – 19-летний младший лейтенант Бато Бадмаевич Батуев – записывал слова песен, которые пели фронтовики. После окончания школы в 1942 г. он поступил на физико-математический факультет Иркутского университета, откуда в самом начале 1943 г. был призван в армию. Он «обучался в Забайкальском пехотном училище на станции Дивизионная недалеко от города Улан-Удэ... в звании младшего лейтенанта был отправлен на фронт. В должности командира пулеметного взвода, затем взвода автоматчиков сражался в составе 3-го Украинского фронта, был участником Яссо-Кишневской операции. Принимал участие в освобождении Молдавии, Румынии и Болгарии от фашистских оккупантов. За боевые заслуги он награжден орденом «Отечественная война» 2 степени, 12 медалями» [Доржиев 2015: 10]. Демобилизован в декабре 1945 г. В мирное время Б. Б. Батуев посвятил жизнь педагогике и науке, стал доктором исторических наук, профессором.

По тетради можно проследить боевой путь молодого лейтенанта из Бурятии, сохранившего топонимику освобожденных населенных пунктов, городов: с. Михайлово (г. Ямбол), с. Минбани (г. Казанлык) в Болгарии и с. Семеномич (г. Черноводы), г. Яссы в Румынии. Информаторами были гвардии лейтенант А. А. Жданов, старшина В. И. Куликов, А. С. Аршинский – фронтовой друг Б. Батуева на долгие послевоенные десятилетия.

Не случайно на первых страницах этой тетради с припиской «записано в вагоне в июне 1944 г. при следовании на фронт» появились слова песни «Забайкалье».

Кто учился в Забайкалье воевать,
Тот в любом бою сумеет устоять.
Силен телом, крепок волей боевой
Забайкалец наш боец передовой.

Припев: Забайкалье, Забайкалье, породнились мы с тобой,
Породнились в Забайкалье командир и рядовой.

Здесь суровая жестокая зима,
Степи голые, песчаные поля.
Здесь порой бывает очень трудно жить,
Но зато потом легко будет служить.

Припев
Если летом нас опаливает зной,
То зимой нас жжет морозец ледяной.
Кто полгода в Забайкалье проживет,
Тот нигде и никогда не пропадет.

Припев
Здесь оружие вручила нам страна,
Здесь присяга нами верная дана.
И, когда придет дивизиям приказ,
Забайкалец на защите в тот же час.

Припев
Где бы нам ни приходилось воевать,
Наше знамя будем грудью защищать!
Здесь в тылу учился жизни фронтовой,
Забайкальский офицер передовой.

Припев: Забайкалье, Забайкалье, распрощались мы с тобой,
Распрощался с Забайкальем офицер молодой.

Авторство этой песни в тетради не указано. Возможно, и даже вероятно, что это коллективное творчество, отразившее эмоциональное настроение молодых людей, готовых к исполнению своего долга. В ней запечатлены многовековые черты образа храброго защитника-забайкальца, воплотившего в себе черты любящего и верного своей Родине – *тоонто нутаг* – воина-кочевника, воина-казака – носителя традиций знаменитого Селенгинского пехотного полка (ранее Селенгинского мушкетерского полка). В этом образе преемственность с современными воинами, в частности с Героем России, нашим земляком Иваном Калашниковым, чьи слова «буряты не бегут» произвели сильное впечатление на Президента В. В. Путина. В песне описаны особенности природно-климатических условий проживания людей в Забайкалье, которые автор напрямую связывает с формированием специфической ментальности, что отражено в строках о суровой зиме, холодных ветрах, бесконечности степи, открытого безграничного пространства, которые помогут в боевой службе на любых просторах. Эмоциональное наполнение придают строки о сегодняшнем дне, когда пришлось проститься с малой Родиной и выехать на защиту большой. Мотив прощания также дополняет эмоциональную насыщенность, говоря об индивидуализации чувств конкретного человека, подчеркивая неразрывную связь всех времен, где куется дух воина – защитника Отечества.

В 19 лет Б. Батуев в звании младшего лейтенанта командовал взводом, а это огромная ответственность за принятие решение, выполнение поставленной задачи, сохранение жизней бойцов. Потому неслучайно в тетради записан текст песни со слов старшины В. Куликова, которая по форме, размеру больше похожа на стихотворение.

Офицер
От пыли воздух серым стал –
Полнеба заревом объято,
Устало ты припоминая,
Что спал спокойно ночь когда-то.
Грохочут пушки в стороне,
И мины рвутся близко рядом,
Мечты об отдыхе и сне
На долгий час оставить надо.

Пора схватиться грудь на грудь!
Таков приказ! Готовься к бою!
Он проложил атаке путь
На карте твердою рукой.
Гремят разрывы впереди –
И небо пламенем объято,
Но всюду видит командир
Спокойный ясный взор солдата.
Он крутом
Отважным словом одобряя:
– Вперед, друзья! Еще нажмем!
– Нажмем! – солдаты отвечают.
Он вспомнил: в сумке полевой
Письмо, он ждал его так долго.
Письмо от матери родной
Из дальних мест, с любимой Волги.
Ответить надо... А пока...
– Связной! Тащи сюда расчеты,
Пускай расставят пулеметы,
Пускай ударят с бугорка!
От дыма воздух густ и сер,
Но небо снова голубое...
Родную роту после боя
Обходит русский офицер.

Эта песня о русском офицере, который изо дня в день проживает тяжелые будни войны. Эта повседневность отражена в сером от пыли воздухе, объятom пламенем небе, грохоте артиллерии, разрывах мин, а офицер и мечтать не может о сне. Промелькнула мысль, что надо ответить матери, которая в далеких краях, будь то берега любимой Волги или степи Забайкалья, все время думает о нем. Но будни войны на первом месте: есть приказ, надо твердой рукой готовить роту к атаке и бою. Необходимость выполнения долга показана без героического и эпического пафоса, максимально приближено к реальности боевой повседневности, когда офицер видит понимание в спокойном ясном взоре солдат. Обращение офицера: «Вперед, друзья!» и введение диалогической речи: «Еще нажмем! – Нажмем! – солдаты отвечают» восходит к традиции русской батальной лирики (Г. Р. Державин «На взятие Измаила», М. Ю. Лермонтов «Бородино») о братстве солдат и офицеров. Последние строки подтверждают значимость командного состава, веры в солдат и веры солдат в офицера. Здесь представлен собирательный образ настоящего офицера, выполняющего обыденный, но очень важный долг – после боя обойти родную роту.

Командир пулеметного взвода Б. Батусев не случайно зафиксировал в своей традиции текст следующей песни, также записанной со слов старшины В. Куликова. В народной песенной манере, с определенным азартом показана великая роль стрелков, помощи и поддержки пехоты при наступательных операциях.

Стрелковая

Не пора ль нам спеть, ребята,
Песнь о доблестных стрелках?
Ровен шаг, движенья четки,
Блещет солнце на штыках.
Припев: Ветерок вечерний мчится,
Загораются огни.
На стрелка, душа-девица,
На советского взгляни!
До свидания, дорогая,
Эх, дороги далеки!

Враг грозил родному краю –
Взяли мы врага в штыки!
Припев: Долг мы выполним почетный,
И пробьем любую бронь.
Наш гранатный, пулеметный,
Крепкий сталинский огонь!

Традиционная тематика русской песни представлена в тексте «Незримая рана». Дословный текст песни опубликован во «Фронтовом дневнике танкиста» В. Н. Выголго, который записал их в январе 1944 г. на ст. Лепеквинская. В дневнике Б. Батуева отмечено, что текст записан в 1944 г. в с. Михайлово (г. Ямбол, Болгария) со слов А. Ждана.

Незримая рана

О чем ты тоскуешь, товарищ родной,
Гармонь твоя стонет и плачет.
И взор твой печален, молчишь, как немой.
Скажи нам, что все это значит...
Друзья, свое горе я вам расскажу.
Поверьте, друзья, без изъяну.
Незримую рану я в сердце ношу,
Кровавую жгучую рану.
Есть муки, которые смерти страшней
Они мне надолго остались.
Над гордой и светлой любовью твоей
Немецкие псы надругались...
Я сон потерял, и во мраке ночей,
Лишь только глаза закрываю,
Любовь свою вижу в руках палачей
И в кровь свои губы кусаю.
И нет мне покою ни ночью, ни днем,
От ярости я задыхаюсь.
И только в атаке, в бою, под огнем
Я мстью своей утешаюсь.
Рыдает и стонет по милой гармонь,
Она так любила трехрядку.
Скорей бы услышать команду: «Огонь»
И бросится в смертную схватку» [Жирова].

Оригинальный текст песни «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк» написан В. Лебедевым-Кумачом на музыку В. Соловьева-Седова.

Тематика русской песни связана с гармонью-трехрядкой, красной нитью проходящей через весь текст. Неслучайно лирический герой – гармонист, который в традиционной культуре играет множество ролей. Он не только вокалист и музыкант, но и хранитель традиционных норм и ценностей, защитник семьи, общины. Гармонь – это символ мирной жизни, инструмент, выражающий радость и печаль, но печаль личную. Здесь гармонь символизирует другой уровень чувств, не светлой печали, а общенародного гнева.

Обращение к боевому товарищу-сослуживцу представляет собой сочетание разговорного начала и лирического обращения, свойственного народной песне. В ответ тоскующий друг раскрывает причину своего горя, которое связано с судьбой любимой. Страшные картины надругательства, истязаний и расправы фашистскими палачами стоят перед глазами, что порождает в нем сложные, почти непередаваемые словами чувства любви и невозможности спасти девушку, которые ни на минуту не покидают его, что в конечном итоге приводит к эмоциональному накалу, наполненному яростью. В фашистах он видит только врага, которого необходимо уничтожить. Отражением таких чувств, которые испытывала вся страна, зная, что творят фашисты на оккупированных терри-

ториях, стало опубликованное 18 июля 1942 г. в газете «Красная Звезда» стихотворение К. Симонова «Убей его!» И снова возникает образ гармонии-трехрядки, которая рыдает и стонет, и это соотносится со стоном его души, что заставляет вновь и вновь бросаться в бой. Эмоциональная наполненность песни относит нас к строкам одной из самых мощных и суровых песен «Священная война», о том, как «ярость благородная вскипает, как волна». Еще один очень важный момент отражен в песне: индивидуальная судьба, горе отдельного человека тесно переплетаются с судьбами других людей, выходя в общую судьбу всего советского народа, всеми силами в благородной ярости борющегося с фашистскими захватчиками.

В поэтической отечественной традиции тема матери присутствует всегда. Она тесно связана с образом Родины и родного дома. Отправляясь на фронт, молодой боец – вчерашний школьник, особенно остро ощущает духовную связь с родными и, конечно, скучает по матери.

Письмо к матери

Ты пишешь мне письма издалека,
Твои слова, что в старой русской сказке.
Твой каждый слог и каждая строка
Полны любви и материнской ласки.
Ты говоришь, родимая, о том,
Что письма наши редко получаешь,
Что наш родной любимый русский дом
О нас фронтовиках давно скучает.
Поверь и мне, в лишениях и в борьбе
Родней и ближе стали чувства эти.
Я сознаю, мать, дороги тебе
Твоею грудью вскормленные дети.
В тот нервный день войны ты шла...
Ты шла в слезах до самого вокзала
И ... материнскою рукой
На подвиг нас благословляла.
Твое письмо, читая наизусть,
Мне также просто хочется ответить:
Родная мать, уйми тоску и грусть,
Ты для меня дороже всех на свете.
Настанет день, и ты откроешь дверь,
Обнимешь вновь меня, родного сына,
Когда умрет последний немец-зверь
От моего штыка на улице Берлина.

По стилистике этот текст близок к письмам русских поэтов к матери. Чувства, которые испытывает автор, – самые сокровенные в поэтическом общерусском контексте: русские сказки, русский дом. Это очень пронзительный текст, соотносимый с известным «Письмом с фронта» Э. Асадова, которое переписывали в свои тетрадки бойцы. Основной темой является материнская любовь, благословляющей на боевой подвиг своих детей. В нем отражена непоколебимая вера и матери, и сына в возвращение в отчий дом, на малую Родину.

Среди текстов есть песни, которые условно можно отнести к жанру городского романса (или современному шансону). Вариация опубликована со слов фронтовика И. И. Бабакова (г. Москва).

«Моя любимая
С обидой пишешь письма мне,
Что я забыл тебя,
Но ты пойми, я на войне,

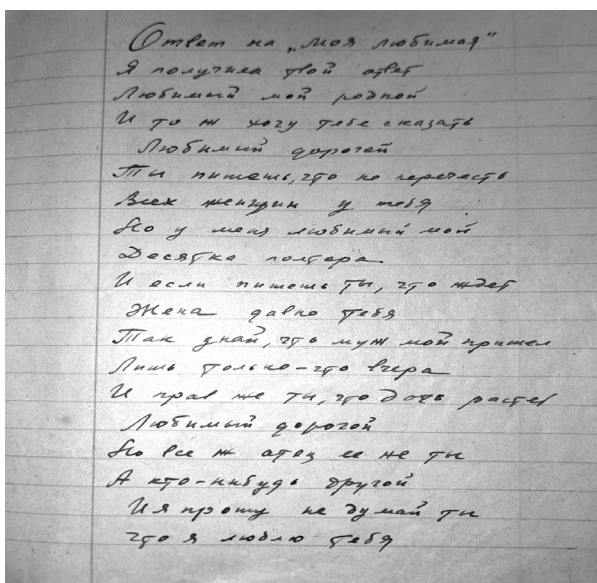
Моя любимая.
Как много, мне не перечесть,
Ждут писем от меня
И в Омске есть, и в Томске есть
Моя любимая.
Но ждет меня уже давно
Законная жена.
Тебя забыть мне суждено,
Моя любимая.
Хотя тобой везде горжусь,
Но ждет меня семья,
Тебя забыть мне суждено, моя любимая.
За шутки ты меня прости, всему вина – война,
Но ждет меня уже давно
Законная жена» [Самоделова 2005: 10–11].

В стилистике жанров городского романса и шансона раскрывается история мимолетного романа, случайная встреча на дорогах войны, которых у героя, по всей видимости, было немало. Говоря слова любви, он не скрывает, что у него есть семья, жена, и после войны он вернется только к законной супруге. На войне таких историй было множество, о которых рассказано в песнях, литературе, кинематографе. Удивительным является не то, что воспет частный случай, а то, что он получил дальнейшее развитие.

Во встрече молодых людей виноваты не столько человеческие пороки и страсти, а война, с чем оба героя соглашаются, не испытывая чувства обиды. В большей степени сложные дороги войны и повседневные будни отражают обостренное желание жизни, вызванное ощущением близкой смерти. Вместе с тем здесь глубокий философский контекст человеческих качеств, межличностных отношений, облаченных в форму легкого городского романса.

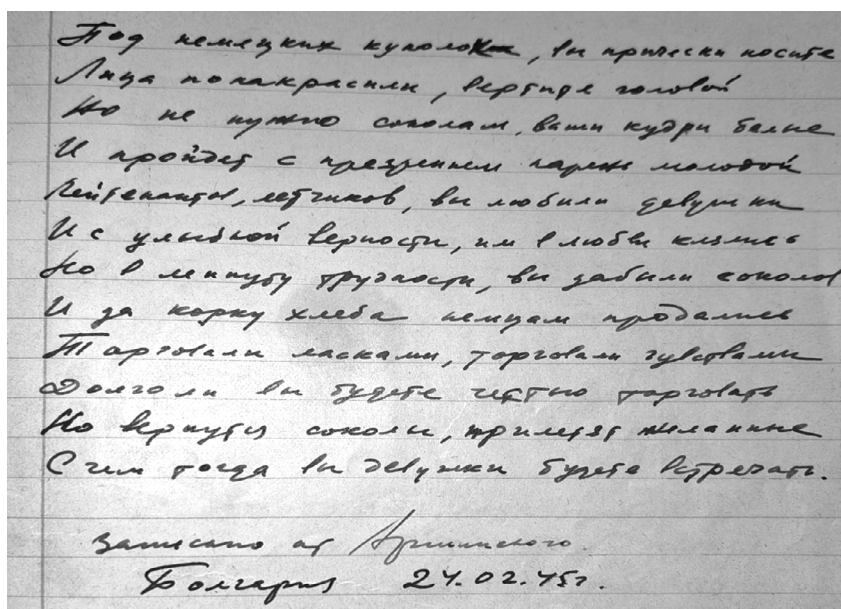
Еще одна страшная сторона войны получила отражение в тексте, который даже не имеет названия. Сохранилось много дневниковых записей периода оккупации Киева, в т. ч. стихов и песен. А. Сорокин и М. Дацишина опубликовали некоторые документы, хранящиеся в РГАСПИ [2022]. Мы приводим вариацию, записанную Б. Б. Батуевым по словам А. Аршинского 24 февраля 1945 г. в Болгарии:

«Молодые девушки немцам улыбаются,
Позабыли девушки о своих парнях,
Только лишь родителям горе прибавляется,
Плачут они бедные о своих сынах.
Молодые девушки, скоро позабыли вы,
Что где-то там за Родину вспыхнет жаркий бой,
Что за вас же, девушки, в первом же сражении
Кровь прольет горячую парень молодой.

Ответ на „Моя любимая“
Я получила твой ответ
Любимый мой родной
И то же хочу тебе сказать
Любимый дорогой
Ты пишешь, что не переживаю
Всех невзгод и потерь
Но у меня любимый мой
Два года полжизни
И если пишешь ты, что ждет
Женка далеко тебя
Ты же знаешь, что муж мой пришел
Лишь только-только воя
И как же ты, что до сих пор
Любимый дорогой
Но все же ах, не ты
А кто-нибудь другой
И я про это не думаю
Что я люблю тебя

Далеко от Харькова за широкой Волгою
Пал в боях за Родину молодой герой
Только ветер волосы развеивает русые,
Словно их любимая теревит рукой.
Пообмочит дождичек его кости белые,
И засыплет ласково мать – земля сыра,
Так погибли юные, так погибли смелые,
Что дрались за Родину, жизни не щадя».

Форма фольклорного русского сказания вызывает параллели с образами былинных богатырей, защищающих Родину, и их женами, закрепляющими и транслирующими вечные ценности любви и верности. При этом строки напоминают советское плакатное творчество – безэмоциональную, сухую констатацию предательства. Здесь нет имен, обращений, какой-то личностной идентификации. Это просто «они», некие молодые девушки, которые в тяжелейшие для всей страны годы выбрали личное благополучие, продались за корку хлеба. По сути в тексте они приравнены к предателям Родины, к ним нет чувства жалости, попытки понять причину такого поступка, нет осуждения, т. е. они ниже социальной оценки.

В солдатской тетради Б. Батуева записаны грузинская песня «Сулико», казачья «Не для меня Дон разольется», русские «Степь да степь кругом», «Ямщик». Это показывает высочайший пример сплоченности и дружбы представителей разных национальностей, которые бок о бок прошли дорогами войны, доказав всему миру, что есть такое единство, как советский народ, и такая страна, как Союз Советских Социалистических Республик.

Сегодня история Великой Отечественной войны, военные будни, бессмертные подвиги на фронте и в тылу, простые человеческие чувства, надежды и страхи воспринимаются и осмысливаются нами в т. ч. через призму военных песен. У каждой песни, родившейся в военные годы, своя история, свой путь и своя судьба, они – летопись происходивших событий, обобщенный коллективный опыт о прошлом во всем многообразии его проявлений.

Источники и литература

Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2025 г. № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501160039?index=1> (дата обращения: 13.03.2025).

Бадмаев В. Н. Ментальность и историческая память / В. Н. Бадмаев // Вестник Калмыцкого университета. – 2012. – Вып. 1(13). – С. 78–84.

Доржиев Б. Ш. Бато Бадмаевич Батуев (1925–2004 гг.) – человек, педагог, ученый, воин / Б. Ш. Бадмаев // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1(8). – С. 9–17.

Жирова О. Фронтовой дневник танкиста [Электронный ресурс] / О. Жирова. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/frontovoj-dnevnik-tankista-read-730986-1.html> (дата обращения: 07.05.2025).

Самоделова Е. А. Фольклор военных лет / Е. А. Самоделова // Живая старина. – 2005. – № 2. – С. 8–13.

Сорокин А. «На Подоле закапывали людей живыми...»: свидетельства немецкой оккупации Киева / А. Сорокин, М. Дацишина // Родина. – 2022. – № 7. – С. 110–116.

References

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 16 yanvarya 2025 g. № 28 «O provedenii v Rossijskoj Federacii Goda zashchitnika Otechestva» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501160039?index=1> (data obrashcheniya: 13.03.2025).

Badmaev V. N. Mental'nost' i istoricheskaya pamyat' / V. N. Badmaev // Vestnik Kalmyckogo universiteta. – 2012. – Vyp. 1(13). – S. 78–84.

Dorzhiyev B. Sh. Bato Badmaevich Batuev (1925–2004 gg.) – chelovek, pedagog, uchenyj, voyn / B. Sh. Badmaev // Vestnik Vostochno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. – 2015. – № 1(8). – S. 9–17.

Zhirova O. Frontovoj dnevnik tankista [Elektronnyj resurs] / O. Zhirova. – Rezhim dostupa: <https://www.rulit.me/books/frontovoj-dnevnik-tankista-read-730986-1.html> (data obrashcheniya: 07.05.2025).

Samodelova E. A. Fol'klor voennyh let / E. A. Samodelova // Zhivaya starina. – 2005. – № 2. – S. 8–13.

Sorokin A. «Na Podole zakapывали lyudej zhivymi...»: svidetel'stva nemeckoj okkupacii Kievа / A. Sorokin, M. Dacishina // Rodina. – 2022. – № 7. – S. 110–116.

УДК 355.292.3(571.54)
ББК 63.3(2)622.8(2 Рос.Бур)
DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-42-47

Г. И. Мададаева

ЗАЩИТНИК ЛЕНИНГРАДА – МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ХОМОНОВ

Статья посвящена ученому Михаилу Петровичу Хомонову. Кратко дана оценка его деятельности как ученого. Особое внимание уделено Михаилу Петровичу как защитнику Родины в тяжелые годы Великой Отечественной войны, использована его переписка с боевыми друзьями-однополчанами.

Ключевые слова: М. П. Хомонов, ученый, Великая Отечественная война, однополчане.

G. I. Madadaeva

DEFENDER OF LENINGRAD – MIKHAIL PETROVICH KHOMONOV

The article is dedicated to the scientist Mikhail Petrovich Khomanov. His activities as a scientist are briefly assessed. Particular attention is paid to Mikhail Petrovich as a defender of the Motherland during the difficult years of the Great Patriotic War, and Khomanov's correspondence with his fellow soldiers about the military events of that time is given.

Keywords: M. P. Khomanov, scientist, Great Patriotic War, fellow soldiers.

М. П. Хомонов. 4 июля 1941 г.

Михаил Петрович Хомонов (10.02.1913–11.11.1995) – кандидат филологических наук (30 июля 1952 г.), заслуженный деятель науки Бурятской АССР, видный ученый-фольклорист и монголовед. В сферу его научных интересов прочно вошли литературные и фольклорные памятники монголов. Он стал первым из фольклористов, кто осуществил двуязычное издание эхирит-булагатской версии Гэсэриады. Публикация этих текстов, представляющих собой уникальную эпическую трилогию о герое небесного происхождения и его земных наследниках и не имеющую аналогов в эпосе монгольских народов, стала знаковым событием в бурятской фольклористике [Дугаров 2013: 5, 8].

Михаил Петрович Хомонов человек военного поколения. Получив 1 июля 1941 г. диплом Ленинградского университета, он добровольцем уходит на фронт.

Как рассказывал автору статьи Михаил Петрович, пункт призыва находился при университете на Васильевском острове, он попал в 4-ю дивизию и был направлен в артиллерийское училище. Враг вплотную подошел к Ленинграду и уже в сентябре курсанты училища бы-

ли направлены в 168-ю СД, которую срочно перебросили на Невскую Дубровку. Здесь шли самые ожесточенные сражения на Ленинградском фронте. «Невский пятачок» стал братской могилой для наших воинов и последним пристанищем для тысяч

вражеских солдат, офицеров. «Там каждый клочок земли орошен кровью тех, кто защищал Ленинград, – вспоминал мой дядя. – Там polegло несколько наших дивизий, ученые, профессора со своими студентами, писатели, артисты, художники, инженеры, рабочие. Там под ураганным огнем солдаты стояли насмерть. Несколько раз пытались расширить плацдарм. Трудности наступления с открытого пятка, где ни маневра, ни флангового удара нельзя осуществить. После нескольких боев стрелковая дивизия понесла тяжелейшие потери, и, когда позволяла ситуация, ее отводили на отдых и на пополнение. Но и на отдыхе было беспокойно».

Постоянное удостоверение участника войны и лист Серийный № **40393**

№ Хомонов (фамилия)
Михаил (имя)
Петрович (отчество)
Хом. М. П. (личная подпись владельца билета)
В-819862

Военный билет выдан
М. П. 17 1962 г.
Восстановлен в Родвоенком. г. Ленинград
(наименование военного комиссариата)
Родвоенком. г. Ленинград (должность, звание, подпись) Шихов

Серия АГ
I. ВОЕННО-УЧЕТНЫЕ ДАННЫЕ
Ракетные войска и козачий
1. Род войск (служба) Артиллерия
ВУС № 015
2. Военное звание мл. лейтенант
3. Запас 0 разряда 2 разряда
3 разряда
4. Должность командир взвода
управления
5. Должен состоять на учете по 31 декабря
1962 года

IV. УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

С какого времени (м-ц, год)	По какое время (м-ц, год)	Должность
6.1941	9.1941	Ком-р взв. управл.
9.1941	7.1944	Ком-р взв. управл.
8.1945	9.1945	Ком-р взв. управл.

Войсковая часть, соединение, фронт, армия
412 гауб. арт. п-к 168 стр. див. ил. Лен. фр.
248 арт. п-к 86 стр. див. ил. Лен. фр.
94 арт. п-к 94 стр. див. ил. Заб. фр.

Постоянное удостоверение участника войны и лист **таковой ВРУЧЕНЫ**

Из письма однополчанина командира батареи П. И. Любименко, полученное Михаилом Петровичем после войны: «Я вспоминаю, как мы сражались в шахматы в обороне на Синявинских болотах у треугольника железных дорог. Прямым попаданием 210 м/м снарядом был разбит наш наблюдательный пункт. Погиб дежуривший там разведчик Чирков. К счастью ни тебя, ни меня в это время на НП не было» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 54. Л.13].

В интернете много документов о боях на Невском пятачке. Из воспоминаний участника боев Ю. Р. Пореша. Ноябрь 1941 г.: «Все окопы и ходы сообщений были забиты замершими трупами. Они лежали по всей площади пятачка, там, где их настигла пуля или осколок. Трудно об этом вспоминать, но так было. Укрытие, в котором мне и мои двум товарищам довелось разместиться, было вместо наката перекрыто окоченевшими трупами, трупами были частично выложены стены, амбразуры для ведения огня были оборудованы между трупами, уложенными вдоль окопов вместо бруствера. Вся площадь пятачка представляла собой кладбище незахороненных солдат и офицеров» [Невский пятачок].

А. М. Андреев – командующий 86-й СД осенью 1941 г. в своих воспоминаниях писал: «Над рекой и пятачком господствовала мрачная громада 8-й ГРЭС, дававшая врагу не только отличные возможности для наблюдения, но и превосходные условия для оборудования огневых позиций и надежными убежищами в подземных этажах. ... Река и пятачок, благодаря излучине Невы, простреливались также еще из деревни Арбузово в спину нашим частям, наступающим на эстакаду и ГРЭС» [Там же].

О 8-й ГРЭС в своем письме вспоминал и Михаил Петрович. Как правило, оставшиеся в живых бойцы и командиры из разных частей переходили в состав других дивизий и продолжали вести боевые действия. Так, Михаил Петрович с сентября 1942 г. по июль 1944 г. был уже в 86-й СД. Он рассказывал: «Под шквальным огнем почти все погибают, я да еще несколько бойцов остаются, прибывает пополнение и снова многих косит. Когда вернулся домой, никто не удивился, что я жив и здоров, все село говорило, что мама день и ночь молилась и капала тарасуном». Михаил Петрович говорил, что никогда не забудет Невский пятачок, прорыва блокады Ленинграда, своих товарищей, воевавших вместе с ним. В боях под Псковом в июле 1944 г. он был серьезно ранен. До января 1945 г. находился на излечении в эвакогоспитале № 399 в г. Улан-Уде (так записано в военном билете). После излечения снова на фронт в 94-ю СД уже Забайкальского фронта. Завершил военную службу в июле 1946 г.

В Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН в личном фонде ученого фольклориста М. П. Хомонова хранятся письма однополчан, воевавших с ним на Ленинградском фронте.

События военных лет никогда не оставляли душу и сердце Михаила Петровича. Он решил узнать что-либо о своих сослуживцах. Написал обращение к ветеранам 86-й СД, с которыми защищал Ленинград. Из письма Совета ветеранов 4-й дивизии народного ополчения Дзержинского района г. Ленинграда 86-й Тартуской стрелковой дивизии: «Уважаемый т. Хомонов. Прочитал в газете Вечерний Ленинград Ваше объявление и сообщаю: Совет ветеранов 86 ТСД действует с 1965 г. объединяет комитеты ветеранов подразделений, входящих в дивизию: 169 СП, 330 СП, 284 СП, 248 АП, 128 ОПТД, 6-н связи, 14 медсанбат, управление дивизии. На учете более 1000 человек. Председатель Совета ветеранов генерал-майор в отставке Демидов С.П. (быв. к-р дивизии) ... Пишет Вам Семенов Виктор Федорович быв. начбр. дивизии.... Заместитель пред. Совета ветеранов Синакович Сергей Владимирович» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 49. Л. 1–1об.]

В письме Семенов также сообщил о себе и просил данные М. П. Хомонова. Так, Михаил Петрович узнал адреса однополчан и начал переписку со своими фронтовыми друзьями. Они писали, чем стали заниматься после окончания войны, вспоминали товарищей, писали о своих планах, о семьях.

В письме однополчанину командиру дивизиона Ф. М. Лазариди Михаил Петрович написал о книгах по защите Ленинграда, о дивизии, в которой они воевали, о взятии

Шлиссельбурга и встрече с Волжским фронтом, выразил свое мнение о книгах. Особенно он выделил книгу «Операция Искра», где описаны бои 86-й СД: «Части 86 СД умело осуществили обходной маневр, 15 января штурмом овладели Преображенской горой и ворвались на окраину Шлиссельбурга, начали уличные бои, которые продолжались до 18 января и днем 18 января части 86 СД штурмом овладели Шлиссельбургом, вышли к Ладожскому озеру». Уже от себя Михаил Петрович добавляет о взятии Шлиссельбурга: «Некоторые действия боев я забыл. Помню на 8-й ГЭС был наш НП, а так же помню, как мы ходили по улицам разбитого Шлиссельбурга. Как наши солдаты напали на немецкие продовольственные склады. Были случаи, что солдаты умирали от передоза» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 4. Л. 9].

В ответ Федор Михайлович пишет: «Здравствуй дорогой Михаил Петрович! Как ты долго пропадал. Я очень рад, что ты, дорогой мой, написал письмо мне. Я много раз вспоминаю о нашей службе. Хорошо помню разговор о планах перед прорывом. Очень жалел о твоём уходе по ранению. Многих вспоминаю живых и мертвых» [Там же. Д. 55].

В письме от 27 октября 1982 г. Лазариди пишет: «Дорогой Михаил Петрович, январь 1983 года 40-летие прорыва блокады Ленинграда. Комитет ветеранов пока молчит, но я решил обязательно поехать, повидать ребят, доживших до этих дней. Сообщи твоё решение. Было бы хорошо встретиться. Начинаю писать письма всем ветеранам, пусть слетаются боевые орлы. Хочется вспомнить нашу боевую молодость, обидно, что память не удержала очень многих хороших ребят, особенно рядового и сержантского состава» [Там же].

Конечно, и Михаил Петрович собирался поехать на встречу, но не получилось. В других письмах Федор Михайлович сообщает о встречах с однополчанами и что многие фотографии разослал по музеям Ленинграда и Шлиссельбурга, хвалит их оформление.

Такие же дружественные, почти родственные отношения сложились с однополчанином, бывшим начальником батареи П. И. Любименко, с которым была длительная переписка. Из его письма: «Здравствуй, дорогой Михаил Петрович! Сердечно поздравляю тебя с главным, как я считаю, нашим праздником Днем Победы! Главным для нашего поколения потому, что главное, что мы сделали в нашей жизни – это добились победу какой ценой она была добыта – тебе отлично известно... Был приятно удивлен и очень рад получить твоё письмо. Прошу простить, что называю на ты, но у нас однополчан так принято, ведь мы не чужие друг другу, а как братья. Я уже много раз был на встречах однополчан в Ленинграде, которые проводятся в День Победы на Марсовом поле» [Там же. Д. 54. Л. 12].

В другом письме он пишет о сослуживцах: «Сержант Николаев, о котором ты вспоминаешь, был ранен при наступлении под Пушкином, а Евграфов воевал до конца войны. Ведь он был беспризорником. Елина я не помню. Вместе с Евграфовым были телефонисты Алтухов и Козлов. Козлов в том же Синявине подорвался на mine. Встретимся ещё кое-что и кое-кого вспомним» [Там же. Л. 13об.].

Павел Иванович сообщает о своём боевом пути после того, как они расстались после ранения Михаила Петровича. Пишет, что война для него даром не прошла, хотя он ни разу не был ранен, чему сейчас удивлен, но здоровье подорвано. В ответ на приглашение Михаила Петровича приехать в гости он пишет, что занят присмотром за внуком, сообщает о получении бандероли с видами Улан-Удэ и выражает мнение о городе, что он уютный и кругом лес, которого у них нет.

В личном архивном фонде Михаила Петровича находится копия открытки с изображением Чингис-хана и письмо однополчанина Г. Н. Осипова. Из письма: «... после боев по разгрому Хайларского укреп. района ... пришлось побывать, кроме города Хайлара, в городах Желантунь, Цицикар, Манчжурия и везде Хомонов старался посетить музеи, хранилище архивов, воинские (бывшие) японские учреждения, вплоть до тюрьмы, собирал различного рода картины и картинки. Нам казалось в то время весьма странным такое поведение нашего товарища офицера Хомонова. А вот теперь для меня стало ясным, что он, говоря языком артиллериста, вел беглый огонь на

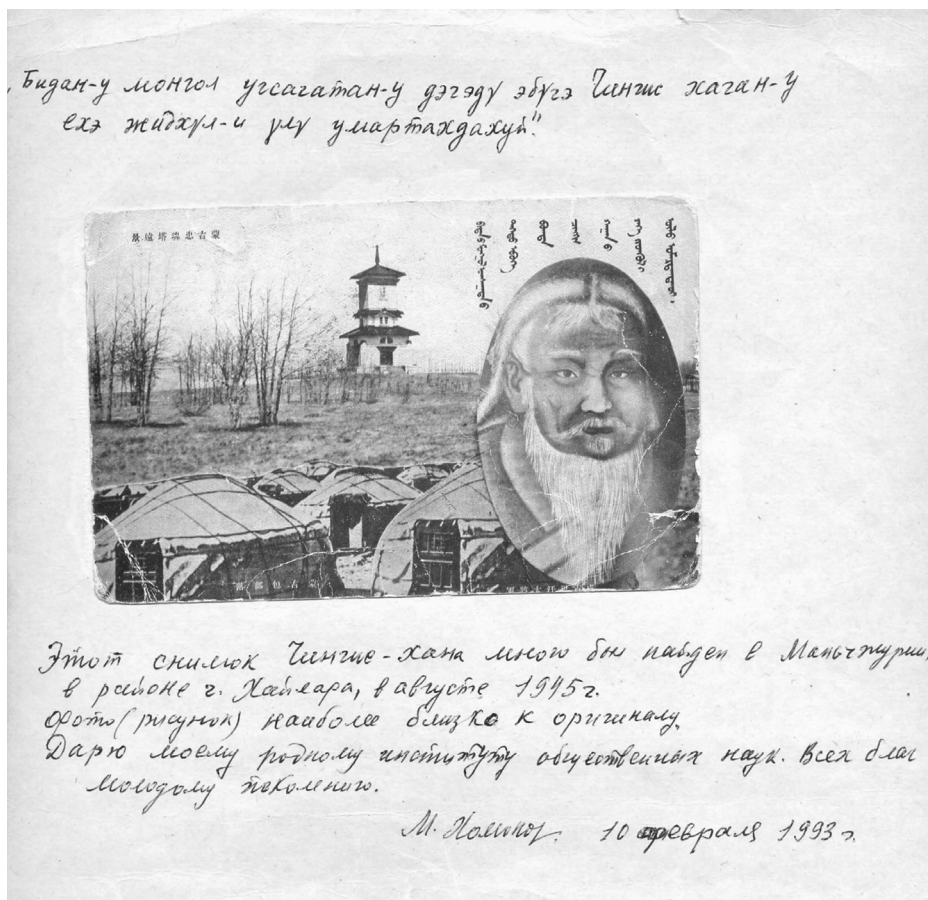
дальнем прицеле. Уже в то время занимался упорным трудом в достижении сегодняшней благородной цели... 16.1.1983 г.» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 58. Л. 1].

По диплому ЛГУ М. Хомонов лингвист. Поиск во время войны «картин и картинок», относящихся к литературно-фольклорным памятникам монголов, говорит об интуиции Михаила Петровича. Он станет исследователем Гэсэриады.

В фонде хранятся и другие письма от однополчан с поздравлениями с Днем Победы, днем рождения, праздниками, приглашениями на встречи ветеранов Великой Отечественной.

Из письма председателя Межрегионального фонда помощи жителям блокадного Ленинграда И. М. Терешина: «Уважаемый Михаил Петрович! Спасибо за письмо, за память о героическом Ленинграде... Поздравляем Вас с праздником 50-летия снятия блокады Ленинграда. Желаем здоровья. Этот праздник является государственным праздником России» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 56. Л. 2]. Также он сообщает, что письма переживших страшные дни блокады планируют издать в виде «Книги памяти».

23 января 1944 г. – день снятия блокады Ленинграда. Блокада – одно из самых трагичных событий Великой Отечественной войны. 872 долгих дня – все это время защищал Ленинград и участвовал в прорыве блокады Михаил Петрович Хомонов.

Портрет Чингис-хана

Прогноз статьи... Я от всего сердца благодарю
автора этой статьи за то, что он сохранил
жизнь и деятельность моего боевого друга
М. П. Хомонова, о котором я ранее не знал с
момента демобилизации из армии 1946 года.
С Хомоновым мы служили и воевали в 94-й дивизии,
в 94-м армейском корпусе, он был командиром
взвода управления полка в горах, а в 94-м
Скату известен в Михаиле Хомонове: когда
мы в Китае и после боев в разгроме
Дамларского укрепрайона, работы, уже в широчайших
условиях, приписав подвиги, кроме гора
Дамлара, в горах: Меланьтин, Цинцар,
Мансуров и в горах Хомонов собрал всевозможные
музеи, хранилища архивов, военные (были)
Скопские укрепления вплоть до пещеры,
собирал различные виды картин и картонки.
Нам казалось в то время странно то, что
поведение нашего товарища - организатора
Хомонова. А как интересно для нас было
использовать, так он, говоря о своих артефактах,
все делал огонь на дальних рубежах.
Уже в то время заблуждался убожеством
в достижении сегодняшней благодарности.
Если возможно, передать мне все, что связано
автору этой статьи и сандрукт армян Михаила
Хомонова. 16 I-82

Осипов Григорий Григорьевич -
персональный пенсионер.

Письмо Г. Н. Осипова

Источники и литература

Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН): ф. 23, оп. 3, д. 4, 49, 54, 56, 58.

Дугаров Б. С. М. П. Хомонов – видный ученый – фольклорист и монголовед // Проблемы центральноазиатского фольклора: вербальный текст и этнокультурные традиции: сб. науч. ст. – Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2013. – С. 5–14.

Невский пяточок [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Невский_пяточок (дата обращения: 23.12.2024).

References

Centr vostochnykh rukopisei i ksilografy Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN (CVRK IMBT SO RAN): f. 23, op. 3, d. 4, 49, 54, 56, 58.

Dugarov B. S. M. P. Homonov – vidnyj uchenyj – fol'klorist i mongoloved // Problemy central'noaziatskogo fol'klora: verbal'nyj tekst i etnokul'turnye tradicii: sb. nauch. st. – Ulan-Ude; Irkutsk: Ottisk, 2013. – S. 5–14.

Nevskij pyatachok [Elektronnyj resurs] // Vikipediya. – Rezhim dostupa: https://ru.wikipedia.org/wiki/Nevskij_pyatachok (data obrashcheniya: 23.12.2024).

УДК 792(571.54)"1941/45"

ББК 85.334.3(2=642)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-48-53

И. С. Цыремпилова, А. А. Байданова

РЕПЕРТУАР ТЕАТРОВ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОТ КЛАССИКИ ДО ВОЕННЫХ СПЕКТАКЛЕЙ

В статье рассматриваются изменения в репертуаре театров Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны. На основе актов приемки спектаклей, отложенных в Государственном архиве Республики Бурятия, в хронологической последовательности представлено обновление театрального репертуара согласно задачам военного времени. Особое внимание уделено постановкам патриотических спектаклей на национальном материале.

Ключевые слова: театр, репертуар, пьеса, спектакль, Великая Отечественная война, Бурят-Монгольская АССР.

I. S. Tsyrempilova, A. A. Baidanova

THE REPERTOIRE OF THEATERS IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: FROM CLASSICS TO WAR PLAYS

The article examines changes in the repertoire of theaters in the Buryat-Mongolian ASSR during the Great Patriotic War. Based on the acceptance acts of performances stored in the State Archive of the Republic of Buryatia, the updates in the theatrical repertoire are presented in chronological order according to the tasks of wartime. Special attention is given to the productions of patriotic plays based on national material.

Keywords: theater, repertoire, play, performance, Great Patriotic War, Buryat-Mongolian ASSR.

В современных условиях изучение истории культуры и искусства Бурятии в годы Великой Отечественной войны является одним из приоритетных исследовательских направлений. Это обусловлено не только недостаточной степенью изученности этой темы, но и ее особым значением для сохранения исторической памяти и культурной идентичности. Именно искусство в условиях военных конфликтов и напряженных социальных изменений становится не только способом выражения чувств, переживаний и морального состояния людей, но и ключевым инструментом для объединения и консолидации общества.

Следует выделить ряд работ исследователей, в которых нашли отражение особенности формирования и развития театрального искусства Бурятии, в т. ч. и в годы Великой Отечественной войны. К ним в первую очередь относятся обобщающие труды профессора В. Ц. Найдаковой, основателя театроведения в Бурятии, а также работы Л. И. Протасовой, Е. А. Гильмуллиной, Е. Г. Санжиевой, С. В. Кириченко, Я. О. Жабоевой, В. Д. Бабуевой и др. Однако детального изучения репертуара театров в военные годы как основного показателя их деятельности еще не проводилось. Цель нашей статьи – на основе архивных документов рассмотреть репертуар театров Бурят-Монголь-

ЦЫРЕМПИЛОВА Ирина Семеновна – доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: irina161073@mail.ru.

БАЙДАНОВА Анна Андреевна – преподаватель кафедры музеологии и наследия, аспирант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: dambinovaanna@yandex.ru.

ской АССР как отражение хроники событий и развития идейно-художественной мысли, поддержания морального духа населения в условиях военного времени.

С началом Великой Отечественной войны перед учреждениями культуры были поставлены новые задачи, в первую очередь – обновление репертуара согласно военным реалиям. Так, в июле 1941 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР направил республиканским управлениям, краевым и областным отделам по делам искусств директивное письмо, в котором были намечены конкретные меры «по быстрой и решительной перестройке» работы учреждений искусств. Так, театрам необходимо было «форсированными темпами подготовить новые спектакли, организующие народ на защиту родины; пересмотреть действующий репертуар». Основное место в репертуаре театров должны были занять «боевые спектакли на темы защиты родины, разгрома ее врагов, Гражданской войны и победы над германскими интервентами, спектакли о героическом прошлом русского народа и других народов нашей страны, о мужественной борьбе народов против германского фашизма» [Музы в шинелях... 2006: 19–20].

Согласно отчету Управления по делам искусств при СНК БМАССР «О работе управления за 1942–1945 гг.», к началу войны на территории Бурят-Монгольской АССР функционировали «Государственный ордена Ленина Бурят-Монгольский музыкально-драматический театр, Государственный русский театр юного зрителя, Бурят-Монгольский передвижной колхозно-совхозный театр» [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 13. Л. 1]. Этот список в ноябре 1941 г. пополнил прибывший в эвакуацию Харьковский русский драматический театр. После реорганизационных мероприятий в труппы Харьковского театра и ТЮЗа влились актеры закрытого Кяхтинского драматического театра и расформированного Государственного театра русской драмы [Там же. Д. 8. Л. 11].

Единственный театр, находившийся в эвакуации на территории Бурят-Монгольской АССР, – Харьковский драматический начал показ спектаклей 19 декабря 1941 г. В целом за период эвакуации (до 21 августа 1943 г.) он представил 500 спектаклей и дал 350 шефских концертов в воинских частях и госпиталях [Кириченко 2020: 46].

Еще до войны репертуарная политика в театральных учреждениях страны регламентировалась едиными установками. Так, в 1939 г. «для установления единого порядка приема спектаклей и усиления борьбы за высокое идейно-художественное качество театральных постановок» Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром (ГУРК) и Управлением театров Комитета по делам искусств при СНК СССР введены правила приема выпускаемых театрами спектаклей. После просмотра спектакля в обязательном порядке проводилось его обсуждение «под председательством представителя органов репертуарно-зрелищного контроля», также в обсуждении принимали участие представители отдела по делам искусств, руководители и коллектив театра. К рассмотрению новых постановок привлекались специалисты, мастера искусств, писатели. Прием каждого спектакля оформлялся специальным актом, в который заносились все замечания и поправки [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3. Л. 70]. Эти документы, сосредоточенные в фонде Р-955 «Министерство культуры Республики Бурятия» Государственного архива Республики Бурятия, позволяют проследить изменения в репертуарной политике театров Бурят-Монгольской АССР в годы войны.

С началом войны репертуар театральных учреждений Бурятии подвергся значительным изменениям, условия военного времени поставили перед руководством задачи по созданию новых пьес. Так, в 1942 г. Харьковский драматический театр получил акты приемки по следующим спектаклям: «Дым Отечества» братьев Тур и Л. Шейнина (15 апреля), «Тот, кого искали» А. Раскина и М. Слободского (4 мая), «Урок жизни» В. Головчинера (25 мая), «Русские люди» К. Симонова (9 ноября), «Мадридская сталь» Лопе де Вега (30 ноября); Государственный ордена Ленина Бурят-Монгольский музыкально-драматический театр: «Шел солдат с фронта» – по повести В. Катаева «Я, сын трудового народа» (19 сентября), «Рыбаки Байкала» Н. Балдано (1 ноября), «Счастье» П. Маляревского (11 декабря); Театр юного зрителя: «Бедность не порок» А. Островского (9 апреля), «Партизаны уходят в лес» М. Данилевского (30 мая).

В 1943 г. больше всего новых постановок осуществлено в музыкально-драматическом театре: «Сын народа» Г. Цыдынжапова (28 мая), опера П. Чайковского «Евгений

Онегин» (2 июня), балет Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан» (4 июня), «Снайпер» Г. Цыдынжапова (20 июня). 26 января в Харьковском театре состоялся просмотр спектакля «Фронт» А. Корнейчука, в Театре юного зрителя 4 января – «Осада Лейдена» И. Штока, 29 мая – «Весна в Москве» В. Гусева.

Одной из отличительных особенностей репертуара стали постановки национальных спектаклей наряду с мировыми и отечественными классическими произведениями. Это знаковое явление военных лет свидетельствовало о развитии бурятского профессионального искусства. Наиболее ярко это проявилось в деятельности Государственного ордена Ленина Бурят-Монгольского музыкально-драматического театра.

Среди первых патриотических постановок необходимо выделить спектакли «Рыбаки Байкала» и «Снайпер». Спектакль «Рыбаки Байкала» Намжила Балдано в постановке народного артиста УССР, художественного руководителя Харьковского театра драмы А. Г. Крамова, стал первой бурятской пьесой о войне. Основной задачей автора было показать, что страна превратилась в единый боевой лагерь, что война имела всенародный характер. Так, известный театровед, профессор В. Ц. Найдакова описывала основной сюжет пьесы: «В далеком байкальском колхозе рыбаки и их семьи живут одними помыслами со всей страной, руководимы одной целью – дать больше рыбы стране. В пьесе одни сцены происходят в Бурятии, рисуют рыбаков, трудовые будни, другие картины переносят читателя на западный фронт, где воины-буряты плечом к плечу с русскими, белорусами, украинцами и сынами других национальностей страны бьются с фашистами» [1981: 155].

Контрольный просмотр спектакля состоялся уже 1 ноября 1942 г., где присутствовали: уполномоченный ГУРК по Бурят-Монгольской АССР Д. Линхобоев, директор театра Л. Ф. Либерзон, начальник управления по делам искусств БМАССР Г. Д. Бельгаев, от обкома ВКП(б) – Зугеев, писатель А. Шадаев, народный артист СССР Г. Ц. Цыдынжапов, драматург Н. Г. Балдано, музыкальный руководитель театра П. М. Берлинский, дирижер Харьковского театра Шац, дирижер Забельский, художник Аретаков, зав. постановочной частью Федосимов, главный режиссер театра А. В. Миронский.

После просмотра режиссер-постановщик А. Г. Крамов дал следующую характеристику работе: «...пьеса описывает героев тыла и фронта. Рыбаки Байкала не только дают свою продукцию, но и отправляют своих сыновей на фронт. Арсалан – простой и молодой байкальский колхозник, проявляет героические подвиги, взяв стратегический пункт и получил звание Героя Советского Союза... Показана настоящая дружба в колхозе, каждый колхозник хочет дать Родине самое лучшее... Коллектив театра отнесся к постановке очень добросовестно. Актеры сделали очень много, играют без нажима, нет фальши или формализма. Весь спектакль играется – на простых тонах» [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3. Л. 50]. Крамов, положительно оценивая актерскую работу, отметил заслуженного артиста БМАССР Пагбаина, который создал прекрасный образ немного грубоватого старика Хусая; заслуженных артистов РСФСР: Гармаевой (Сэсхэн – «много лирики, ее песня не тоскливая, а дает хорошую мысль»), Гендуновой (Хатунай – «много юмора, смеха, настоящая советская жизнерадостность»), Генинова (Ангасай), который создал «внутренне-теплого и доброго старика-колхозника». Также хорошо сыграли участники фронтовых сцен заслуженные артисты БМАССР Халматов, Балдаков, Петрова, а также Гаврилов, Аюшин, Шагжин.

Автор пьесы Н. Балдано, подчеркнув, что была сделана большая работа и замечен рост актеров, высказал свои замечания: «Последнее действие в колхозном клубе пропадает. Желательно было бы последнюю картину оставить в оформлении первой картины. Финал 5-й картины не удался, оркестр заглушает актеров. У каждого колхозника-рыбака должен быть дождевик. Слышен шум шторма, но нет настоящего байкальского шторма. Задник не отутюжен, необходимо заменить другим» [Там же].

Решением комиссии стало разрешение на публичный показ спектакля в театре с учетом предложенных изменений: «1. В первой картине усилить настроение военного времени, создавая суровость, напряженность работы. Показать полную боевую готовность колхозников-рыбаков. 2. Пересмотреть фронтовые сцены в сторону некоторого

сокращения музыкального оформления. 3. Необходимо заменить задник. 4. Действие 7 картины перенести на фон первой картины. 5. Образ председателя колхоза (Самданов) смягчить, даже во внешних движениях и сделать более или менее простым, обаятельным типом колхозного руководителя» [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3. Л. 50об.].

Таким образом, была решена основная задача – создан патриотический спектакль на материале национальной драматургии, который получился «оптимистический, боевой, зовущий людей и тыла, и фронта на новые подвиги во славу нашего любимого Отечества» [Найдакова 1981: 156].

Еще одной постановкой музыкально-драматического театра стала пьеса Г. Ц. Цыдынжапова «Снайпер», акт о приемке которой был составлен 20 июня 1943 г. Постановка осуществлена заслуженным артистом УССР В. Аристовым и посвящена судьбе молодого солдата-снайпера, прототипом которого стал герой Великой Отечественной войны снайпер Северо-Западного фронта Цырен-Даши Доржиев, который уничтожил 297 фашистов, 1 самолет. Роль главного героя исполнил Владимир Халматов. Постановка была разрешена с учетом доработки замечаний: «Были неудачны фронтовые сцены. Бойцы Красной Армии в окружении немцев. Только раненный Доржиев остается живым, а остальные бойцы уничтожены немцами. Производит впечатление полного краха Красной Армии. Предложено изменить эти сцены» [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3. Л. 36].

Позже эту пьесу поставили также в Бурят-Монгольском республиканском колхозно-совхозном театре, просмотр которой состоялся 9 февраля 1944 г. На приемке присутствовала комиссия в составе: начальник управления по делам искусств при СНК БМАССР Г. Д. Архинчеев, заместитель начальника управления Л. Ф. Либерзон, уполномоченный Главреперткома Д. Линхобоев, постановщик спектакля А. В. Миронский, директор театра Г. А. Батубаев, художественный руководитель театра Миронов, народные артисты БМАССР В. К. Халматов и П. М. Берлинский, художественный руководитель ТЮЗа С. П. Бейзе, писатель А. И. Шадаев.

Комиссия высказала ряд серьезных замечаний: «...еще нужно много работать над воспитанием актера... актеры в отдельных мизансценах переигрывают... роль старика Дондупа не найдена, он звучит несколько фальшиво. Во время артиллерийской канонады курят и просят кушать – все это не нужно... В спектакле нет никакого оформления, можно сделать живописное оформление, но художник ограничился двумя порталами. Нельзя показывать спектакль в таком халтурном оформлении». Публичный показ в аймаках республики был отложен до устранения замечаний [Там же. Л. 39].

Г. Ц. Цыдынжапов написал еще одну историко-революционную пьесу «Сын народа». Сюжет посвящен одному из первых бурятских революционеров, участнику революции 1905 г. Цыремпилю Ранжурову [Санжиева 2020: 135]. Она была поставлена на сцене музыкально-драматического театра, главную роль исполнил сам автор. В акте о приеме спектакля от 28 мая 1943 г. указывалось, что «основной герой Ранжуров трактуется в возрастном тоне... необходимо изменить возрастное положение и усилить лирические сцены» [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3. Л. 41].

В театральный репертуар были также включены лучшие произведения современной советской драматургии. Так, Харьковский драматический театр поставил военные пьесы «Русские люди» К. Симонова и «Фронт» А. Е. Корнейчука.

Всесоюзная премьера «Русских людей» состоялась 12 июля 1942 г. в Московском театре драмы и в течение года десятки театров страны поставили эту пьесу. Улан-Удэ не стал исключением, уже 8 ноября состоялась генеральная репетиция пьесы в постановке народного артиста УССР А. Г. Крамова и режиссера М. Д. Рахманова. Члены комиссии отметили, что театр хорошо справился с постановкой, «сделан волнующий, патриотический спектакль, который будит ненависть к врагу и поднимает ярость в борьбе советского народа против фашизма». Высказанные замечания касались ускорения темпа спектакля («недостаточное биение пульса войны»), изменения образа командира партизанского отряда Сафронова («усилить в нем командирскую выправку», «в образе которого больше чувствуется эпоха гражданской войны»), сокращения текста в некоторых сценах [Там же. Л. 52].

26 января 1943 г. состоялся прием спектакля «Фронт» А. Е. Корнейчука. Пьеса написана в 1942 г. и стала одним из наиболее известных советских драматических произведений о Великой Отечественной войне. В центре сюжета – конфликт между двумя поколениями командиров, который разворачивается на фоне событий военного времени, противостояние между старшим поколением, сформировавшимся в годы Гражданской войны, и молодым, получающим боевой опыт сейчас. При приеме спектакля было высказано замечание о необходимости полного раскрытия «образа члена военсовета Гайдара как партийного руководителя фронта, а также начальника политотдела Огнева» [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3. Л. 45]. Этот спектакль стал последней постановкой Харьковского драматического театра в Бурят-Монгольской АССР.

В репертуаре Театра юного зрителя также были новые постановки на военную тематику. 30 мая 1942 г. театр сдавал пьесу «Партизаны уходят в лес» М. Ф. Данилевского в постановке режиссера Н. Новикова. В ней описывалась жизнь партизанского отряда, действующего в тылу врага, в оккупированной фашистами деревне. Акт приема спектакля содержал замечания, подлежащие устранению: «В образе начальника партизанского отряда нет жизни и событий народного движения... нет обаяния и человечности. Украинская хата не соответствует в действительности... Введено много излишних песен» [Там же. Л. 54].

В 1944–1945 гг. репертуарная политика театров стала меняться в сторону классических произведений. Так, в 1944 г. Бурят-Монгольский музыкально-драматический театр поставил «Коварство и любовь» Шиллера (8 марта), «Женитьбу Бальзамина» А. Островского (9 июня), «Бабжа-Барас-батор» Н. Балдано (11 октября); ТЮЗ – «Домик в Черкизове» А. Арбузова (май), «Чрезвычайный закон» братьев Тур и Л. Шейнина (13 июля); Государственный театр русской драмы – «Таланты и поклонники» А. Островского (6 июля). До Дня Победы были сданы следующие спектакли: Музыкально-драматический театр – «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира (27 февраля); ТЮЗ – «Юность отцов» Б. Горбатова (25 января), «Три мушкетера» А. Дюма (27 апреля).

Выделялась из постановок этих лет героическая пьеса-эпопея «Бабжа-Барас-батор», написанная Н. Балдано на основе исторических фактов и бурятского фольклора. Появление новой пьесы о народном герое – борце с маньчжурскими захватчиками за независимость своего народа соответствовало задачам военного времени. Главного героя с большим успехом исполнил Л. Линховоин. Пьеса получила первую премию на конкурсе, посвященном 20-летию БМАССР [Иванов 1975: 154].

Деятельность театров не ограничивалась только рамками сценической площадки. Насыщенные концертные программы, мини-спектакли, литературные монтажи и другие так называемые «малые формы» прокатывались в аймаках республики, в воинских частях и госпиталях от Забайкалья до Дальнего Востока. Эти выступления помогали поддерживать боевой дух солдат и поднимали настроение раненых бойцов, рабочих тыла. Так, например, с начала войны по декабрь 1942 г. Государственный Бурят-Монгольский музыкально-драматический театр дал 323 концерта, из них в госпиталях – 197; Харьковский русский драматический театр – 240 концертов, из них в госпиталях – 170; Бурят-Монгольский колхозно-совхозный театр – 30; Театр юного зрителя – 85, из них в госпиталях – 75 [Бурятия в годы... 2020: 260].

На гастроли в Монголию и на Дальний Восток вывозились уже целые спектакли. Так, осенью 1943 г. Музыкально-драматический театр выехал в Монголию со спектаклями «Баир», «Снайпер» и балетом «Бахчисарайский фонтан»; весной 1945 г. театр повез спектакли «Бахчисарайский фонтан», «Тщетная предосторожность», «Половецкий стан», «Вальпургиеву ночь», «Счастье» [Протасова 2017: 40–41].

Таким образом, театральные коллективы Бурят-Монгольской АССР в условиях военного времени, несмотря на кадровые, материальные и ресурсные трудности, обновили свой репертуар, реагируя на новые вызовы. Сохраняя довоенные классические постановки, театры переориентировались на создание боевого и патриотического репертуара. Отличительная особенность – появление национальных спектаклей, в которых нашли отражение героическое прошлое бурятского народа, его борьба за свободу и

независимость. Репертуарная политика как основной показатель деятельности театров соответствовала времени, отвечала поставленным задачам и была направлена на воспитание патриотических чувств, укрепление моральной устойчивости. Новые постановки притягивали зрителей историческими фактами, духом времени, подвигами героев, а также способствовали формированию коллективной памяти о войне.

Источники и литература

- Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. Р-955, оп. 1, д. 3, 8, 13.
Бурятия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сб. док-тов, коммент., перечень док-тов. – Иркутск: Оттиск, 2020. – 848 с.
Гильмулина Е. А. Государственный русский драматический театр Бурятии (становление и развитие профессионального театрального искусства): автореф. дис. ... канд. иск. / Е. А. Гильмулина. – Владивосток, 2006. – 23 с.
Жабаева Я. О. Становление и развитие профессиональной музыкальной культуры Бурятии (1923–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Я. О. Жабаева. – Улан-Удэ, 2006. – 24 с.
Иванов А. Когда гремели пушки... (хроника культурной жизни в годы войны) / А. Иванов // Байкал. – 1975. – № 2. – С. 151–154.
Кириченко С. В. Творческая интеллигенция Бурят-Монголии в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кириченко // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2020. – Т. 31. – С. 44–51.
Музы в шинелях: Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны: документы, тексты, воспоминания. – М.: РОССПЭН, 2006. – 398 с.
Найдакова В. Ц. Бурятский драматический театр от возникновения до 1970-х годов / В. Ц. Найдакова. – Улан-Удэ: [б. и.], 1981. – 466 с.
Протасова Л. И. Балетный театр Бурятии (1939–2000) / Л. И. Протасова. – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2017. – 204 с.
Санжиева Е. Г. Военные страницы истории Бурятского музыкально-драматического театра / Е. Г. Санжиева // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2020. – № 4(42). – С. 134–137.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. R-955, op. 1, d. 3, 8, 13.
Buryatiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 gg.: sb. dok-tov, komment., perechen' dok-tov. – Irkutsk: Ottisk, 2020. – 848 s.
Gil'mulina E. A. Gosudarstvennyj russkij dramaticheskij teatr Buryatii (stanovlenie i razvitie professional'nogo teatral'nogo iskusstva): avtoref. dis. ... kand. isk. / E. A. Gil'mulina. – Vladivostok, 2006. – 23 s.
Zhabaeva Ya. O. Stanovlenie i razvitie professional'noj muzykal'noj kul'tury Buryatii (1923–1945 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Ya. O. Zhabaeva. – Ulan-Ude, 2006. – 24 s.
Ivanov A. Kogda gremeli pushki... (hronika kul'turnoj zhizni v gody vojny) / A. Ivanov // Bajkal. – 1975. – № 2. – S. 151–154.
Kirichenko S. V. Tvorcheskaya intelligenciya Buryat-Mongolii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / S. V. Kirichenko // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. – 2020. – T. 31. – S. 44–51.
Muzy v shinelyah: Sovetskaya intelligenciya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dokumenty, teksty, vospominaniya. – M.: ROSSPEN, 2006. – 398 s.
Najdakova V. C. Buryatskij dramaticheskij teatr ot vzniknoveniya do 1970-h godov / V. C. Najdakova. – Ulan-Ude: [b. i.], 1981. – 466 s.
Protasova L. I. Baletnyj teatr Buryatii (1939–2000) / L. I. Protasova. – Ulan-Ude: Izd.-poligraf. kompleks FGBOU VO VSGIK, 2017. – 204 s.
Sanzhieva E. G. Voennye stranicy istorii Buryatskogo muzykal'no-dramaticheskogo teatra / E. G. Sanzhieva // Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. – 2020. – № 4(42). – S. 134–137.

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)
DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-54-58

А. Н. Романенко

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ МАНЬЧЖУРИИ: ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА КРАСНОЙ АРМИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ВНЕЗАПНОСТИ И ОПЕРАТИВНОГО УСПЕХА (1945 г.)

Статья восполняет пробел в изучении «невидимого фронта» периода Маньчжурской операции, фокусируясь на роли спецслужб в достижении стратегической внезапности и обеспечении оперативного превосходства над Квантунской армией. На основе рассекреченных архивных материалов, включая донесения разведгрупп, директивы Ставки и отчеты контрразведчиков, реконструируются методы сбора информации, дезинформации противника и нейтрализации японских агентов. Автор доказывает: ключевым фактором победы стало сочетание радиоэлектронной разведки, оперативной маскировки и эффективной контрразведывательной сети, блокировавшей утечки данных. Особое внимание уделено координации между фронтовыми управлениями и центральным аппаратом НКВД, чьи решения минимизировали риски срыва наступления.

Ключевые слова: Маньчжурская наступательная операция, военная разведка, армейская контрразведка, Красная армия, стратегическая внезапность, оперативная маскировка.

A. N. Romanenko

THE INVISIBLE FRONT OF MANCHURIA: MILITARY INTELLIGENCE AND COUNTERINTELLIGENCE OF THE RED ARMY IN ENSURING STRATEGIC SURPRISE AND OPERATIONAL SUCCESS (1945)

The article fills in the gap in the study of the “invisible front”, focusing on the role of special services in achieving strategic surprise and ensuring operational superiority over the Kwantung Army. Based on declassified archival materials, including intelligence reports, Stavka directives, and counterintelligence reports, the methods of collecting information, disinformation of the enemy, and neutralizing Japanese agents are being reconstructed. The author proves that the key factor in the victory was a combination of electronic intelligence, operational camouflage and an effective counterintelligence network that blocked data leaks. Special attention is paid to coordination between the frontline administrations and the central office of the NKVD, whose decisions minimized the risks of disrupting the offensive.

Keywords: Manchurian offensive operation, military intelligence, army counterintelligence, Red Army, strategic surprise, operational camouflage.

В условиях трансформации глобальной безопасности, где гибридные войны, киберконфликты и борьба за информационное превосходство становятся доминирующими формами противостояния, обращение к историческому опыту стратегического применения разведки и контрразведки приобретает особую значимость. Маньчжурская операция 1945 г., в которой СССР добился беспрецедентной стратегической внезапности, сегодня служит отличным кейсом для анализа современных вызовов: от дезинформационных кампаний в конфликте на Украине до противодействия кибератакам на критическую инфраструктуру. Усиление напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая территориальные споры вокруг Тайваня и Южно-Китайского моря, актуализирует изучение советского опыта нейтрализации мощной

сухопутной группировки (Квантунской армии) в кратчайшие сроки – сценарий, гипотетически применимый к современным кризисам.

Несмотря на обширную историографию Маньчжурской операции, роль разведки и контрразведки долгое время оставалась периферийной в исследованиях, фокусировавшихся на военно-стратегических аспектах. Лишь с рассекречиванием архивов СМЕРШ и ГРУ в 2010-х гг. стало возможным комплексное изучение механизмов управления «невидимым фронтом». Современные работы, например статья А. К. Белова [2022] или анализ Т. Накамуры [Nakamura 2022], выявляют пробелы, показывающие отсутствие сравнительных исследований советских и японских методов радиоперехвата, недостаточное внимание к роли локальных агентурных сетей. Актуальность их восполнения подчеркивается запросом на междисциплинарные подходы, интегрирующие историю, политологию и базы данных. Так, методы оперативной маскировки 1945 г. («маскировочные дивизии», фиктивные радиосети) сегодня перекликаются с цифровыми технологиями создания ложных целей в киберпространстве. Исследование не только углубляет понимание итогов Второй мировой, но и предлагает инструментарий для анализа современных конфликтов, где, как и в Маньчжурии в 1945 г., победа достигается задолго до первого выстрела – в пространстве информации и дезинформации.

Успех Маньчжурской наступательной операции Красной армии, завершившейся разгромом Квантунской армии за 10 дней, основывался на трех взаимосвязанных элементах: радиоразведке, агентурных сетях и оперативной маскировке.

Радиоразведка, включавшая перехват и дешифровку японских сообщений, позволила советскому командованию отслеживать перемещения войск и корректировать планы. Как отмечает В. А. Головачев, «к августу 1945 г. советские криптоаналитики добились 85 % расшифровки японского военного кода, своевременное распознавание которого обеспечило превосходство в оперативном планировании» [2021: 144].

Параллельно агентурные сети, действовавшие на территории Маньчжурии с 1943 г., собирали информационные данные о дислокации укрепрайонов и моральном состоянии японских частей. По мнению японского историка Т. Накамуры, «советские резиденты внедрялись даже в штабы Квантунской армии, передавая информацию о планах обороны Мукденского направления» [Nakamura 2022: 78].

Оперативная маскировка, включавшая имитацию оборонительных работ и ложные радиопереговоры, окончательно дезориентировала противника. Американский исследователь Дж. Р. Лундсгаард подчеркивает, что «советские войска создали 12 фиктивных штабов в Забайкалье, чья активность убедила японцев в отсутствии подготовки к наступлению» [Lundsgaard 2023: 112].

Синтез этих методов привел к дезориентации противника. Квантунская армия ожидала удара в конце сентября, а не в августе, а основные силы были сосредоточены на юге Маньчжурии, а не вдоль границы с МНР (табл. 1).

Таблица 1

Методы достижения стратегической внезапности в Маньчжурской операции

Метод	Содержание	Результат
Радиоразведка	Перехват и дешифровка японских кодов, анализ радиопереговоров	Выявление слабых участков обороны, корректировка направления главного удара
Агентурные сети	Внедрение агентов в штабы, сбор данных о дислокации и укреплениях	Получение точных карт оборонительных рубежей, включая Хайларский УР
Оперативная маскировка	Создание ложных штабов, имитация обороны, дезинформация через радиоперехват	Срыв сроков мобилизации Квантунской армии, рассредоточение ее резервов

Сост. по: [Головачев 2021; Nakamura 2022].

Сохранение секретности подготовки Маньчжурской операции в условиях протяженного фронта и активной деятельности японской разведки стало возможным благодаря системной работе военной контрразведки (СМЕРШ) и территориальных органов НКВД. Ключевым элементом успеха стало сочетание превентивного выявления вражеских агентов, жесткой цензуры переписки и радиоконтроля, а также создания «ложных каналов» утечек. По данным А. К. Белова, «за май – август 1945 г. в приграничных районах Забайкалья и Приморья были нейтрализованы 47 японских резидентов, включая группу “Сакура”, планировавшую диверсии на Транссибирской магистрали» [2022: 93]. Западные исследователи, такие как К. Э. Харрисон, акцентируют роль дезинформации: «... советские контрразведчики внедряли в японские сети фальшивые данные о сроках переброски войск. Дезинформация заставила командование Квантунской армии рассредоточить силы» [Harrison 2021: 134]. Особое внимание уделялось контролю над местным населением: комендатуры перекрывали доступ в 30-километровую приграничную зону, а радиоперехватывающие станции глушили подозрительные сигналы. Как отмечает японский историк М. Танака, «из 120 радиogramм, отправленных японскими агентами в августе 1945 г., лишь 9 достигли штаба в Чанчуне, остальные были перехвачены или искажены» [Tanaka 2023: 67]. Результатом стала невозможность для противника определить не только направление главного удара, но и сам факт концентрации 1,5-миллионной группировки РККА (табл. 2).

Таблица 2

Контрразведывательные меры Красной армии в Маньчжурской операции

Метод	Реализация	Результат
Нейтрализация агентуры	Аресты японских шпионов, вербовка двойных агентов, ликвидация диверсионных групп	Срыв планов саботажа инфраструктуры, изоляция Квантунской армии от данных
Информационный контроль	Цензура почты, радиоглушение, создание фиктивных радиосетей для дезинформации	Формирование у противника ложных представлений о дислокации советских войск
Режим секретности	Закрытие приграничных зон, ограничение передвижений, ложные приказы по цепочкам связи	Исключение утечек через местное население и перебежчиков

Сост. по: [Белов 2022].

Уникальность Маньчжурской операции 1945 г. заключалась в интеграции разведки и контрразведки в единый управленческий механизм, где фронтовые разведотделы, центральный аппарат НКВД и штаб Забайкальского фронта действовали как взаимодополняющие элементы. Эта система, основанная на оперативном обмене данными и четкой иерархии решений, позволила превратить разведку в стержень стратегического планирования. По мнению Д. В. Морозова, «ежедневные сводки из ГРУ и НКВД, поступавшие в штаб Забайкальского фронта, синтезировались в единую оперативную картину, содержательные элементы которой обеспечили точное определение направлений главных ударов» [2000: 117]. Западные исследователи, такие как Г. Ф. Уилкинс, подчеркивают технологическую составляющую, согласно которой «советская система шифрованной связи “Сирена-3”, внедренная в 1944 г., позволила передавать разведданные от агентурных сетей до штабов фронтов за 12–18 часов. Скорость передачи важных данных была втрое быстрее японских аналогов» [Wilkins 2021: 89]. Решающую роль сыграло создание Совета координации при Ставке, куда вошли представители НКВД, ГРУ и командования фронтов. Как отмечает китайский историк Л. Чжэн, «за август 1945 г. Совет провел 23 заседания, на которых перераспределялись ресурсы авиаразведки и контрразведывательные резервы между направлениями» [Zheng 2023: 154]. Результатом стала беспрецедентная гибкость: разведданные о слабости японской обороны на Хингане мгновенно трансформировались в приказ о переносе танковой армии Рыбалко с Халун-Аршанского на Мукденское направление (табл. 3).

Таблица 3

Синхронизация управления разведкой в Маньчжурской операции

Элемент системы	Механизм взаимодействия	Результат
Центральный аппарат НКВД	Координация агентурных сетей, анализ стратегических данных, контроль за дезинформацией	Централизованное планирование операций, минимизация дублирования функций
Фронтовые разведотделы	Сбор тактической информации, взаимодействие с армейскими частями, радиоперехват	Оперативная корректировка наступления на уровне дивизий и корпусов
Штаб Забайкальского фронта	Интеграция данных в оперативные планы, распределение ресурсов, связь со Ставкой	Оптимизация маршрутов наступления, концентрация сил на критических участках

Сост. по: [Морозов 2020; Wilkins 2021].

Маньчжурская наступательная операция августа 1945 г., завершившаяся разгромом Квантунской армии за рекордные 10 дней, стала не только триумфом советского военного искусства, но и демонстрацией беспрецедентной эффективности разведки и контрразведки как инструментов стратегического управления.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать: успех операции был предопределен не столько численным превосходством или технической оснащенностью войск, сколько синхронизацией «невидимого фронта» с задачами фронтового командования. Впервые за годы Второй мировой войны разведка перестала играть вспомогательную роль, превратившись в системообразующий элемент планирования, а контрразведка обеспечила сохранение секретности в условиях, когда масштабы подготовки исключали скрытность по умолчанию.

Ключевым достижением Красной армии стало создание многоуровневой системы управления данными, где радиоразведка, агентурные сети и оперативная маскировка функционировали как взаимодополняющие компоненты. Расшифровка японских кодов, осуществленная к августу 1945 г., дала возможность не только отслеживать перемещения войск, но и прогнозировать реакцию противника на дезинформацию. Как показали материалы ГРУ, 72 % решений штаба Забайкальского фронта корректировались на основе данных радиоперехвата. Своевременный радиоперехват вдвое сократил время реакции на изменения обстановки. Параллельно агентурные группы, действовавшие в глубоком тылу, обеспечили составление детальных карт укрепрайонов, включая параметры бетонных дотов и схемы минных полей. Такой симбиоз технологических и «человеческих» методов разведки разрушил японскую систему обороны еще до начала наступления.

Не менее значимым оказался вклад контрразведки, сумевшей нейтрализовать угрозу утечек в условиях, когда концентрация 1,5-миллионной группировки на границе с Маньчжурией была фактически невозможна для полного сокрытия. Жесткий контроль информационных потоков, включая глушение радиосигналов и создание ложных каналов передачи данных, позволил ввести противника в заблуждение относительно сроков и направлений ударов. По оценкам японских историков, до 89 % сведений, полученных Квантунской армией в июле – августе 1945 г., являлись дезинформацией, предопределившей катастрофические просчеты в распределении сил.

Особую научную ценность представляет выявленный механизм координации между фронтовыми разведорганами, центральным аппаратом НКВД и Ставкой Верховного Главнокомандования. Ежедневный обмен сводками, создание Совета координации и внедрение системы «Сирена-3» для шифрованной связи сформировали модель управления, где разведданные мгновенно трансформировались в оперативные приказы. Данный опыт, как подчеркивает Г. Ф. Уилкинс, стал прообразом современных систем ситуационного анализа, используемых в военном планировании.

Проведенное нами исследование вносит вклад в дискуссию о роли спецслужб на

заключительном этапе Второй мировой войны, предлагая пересмотреть устоявшиеся оценки Маньчжурской операции исключительно как «молниеносного удара». Архивные материалы и данные зарубежных коллег подтверждают: победа была достигнута задолго до 9 августа 1945 г. – в кабинетах криптоаналитиков, на радиоперехватывающих станциях и в штабах контрразведки. Дальнейшее изучение темы видится перспективным в контексте сравнительного анализа советских и союзнических методов ведения разведки, а также влияния «маньчжурского опыта» на послевоенное развитие спецслужб.

Литература

Белов А. К. Контрразведка СМЕРШ на Дальнем Востоке: операции против Японии (1943–1945) / А. К. Белов // Новый исторический вестник. – 2022. – № 3. – С. 89–97.

Головачев В. А. Радиоразведка в операциях Красной Армии на Дальнем Востоке: 1941–1945 гг. / В. А. Головачев // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 8. – С. 141–149.

Морозов Д. В. Управление разведкой в операциях Красной Армии на Дальнем Востоке: 1944–1945 / Д. В. Морозов // Военная мысль. – 2020. – № 5. – С. 112–120.

Harrison K. E. Soviet Counterintelligence in the Russo-Japanese War of 1945: Methods and Legacy / K. E. Harrison // Intelligence and National Security. – 2021. – Vol. 36. – No. 2. – P. 129–141.

Lundsgaard J. R. Deception and Maskirovka: Soviet Military Tactics in the Pacific Theater / J. R. Lundsgaard // Journal of Slavic Military Studies. – 2023. – Vol. 36. – No. 1. – P. 105–120.

Nakamura T. The Collapse of Kwantung Army: Intelligence Failures and Soviet Deception / T. Nakamura // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2022. – Vol. 9. – No. 3. – P. 71–89.

Tanaka M. Intelligence Wars in Manchuria: Japanese Perspectives on Soviet Deception / M. Tanaka // Journal of Strategic Studies. – 2023. – Vol. 46. – No. 4. – P. 58–73.

Wilkins G. F. Soviet Military Intelligence Systems in WWII: Technology and Efficiency / G. F. Wilkins // Journal of Military History. – 2021. – Vol. 85. – No. 3. – P. 84–95.

Zheng L. The Manchurian Strategic Puzzle: Coordination of Soviet Forces in 1945 / L. Zheng // Asian Historical Review. – 2023. – Vol. 49. – No. 2. – P. 149–160.

References

Белов А. К. Контрразведка СМЕРШ на Дальнем Востоке: операции против Японии (1943–1945) / А. К. Белов // Новый исторический вестник. – 2022. – № 3. – С. 89–97.

Головачев В. А. Радиоразведка в операциях Красной Армии на Дальнем Востоке: 1941–1945 гг. / В. А. Головачев // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 8. – С. 141–149.

Морозов Д. В. Управление разведкой в операциях Красной Армии на Дальнем Востоке: 1944–1945 / Д. В. Морозов // Военная мысль. – 2020. – № 5. – С. 112–120.

Harrison K. E. Soviet Counterintelligence in the Russo-Japanese War of 1945: Methods and Legacy / K. E. Harrison // Intelligence and National Security. – 2021. – Vol. 36. – No. 2. – P. 129–141.

Lundsgaard J. R. Deception and Maskirovka: Soviet Military Tactics in the Pacific Theater / J. R. Lundsgaard // Journal of Slavic Military Studies. – 2023. – Vol. 36. – No. 1. – P. 105–120.

Nakamura T. The Collapse of Kwantung Army: Intelligence Failures and Soviet Deception / T. Nakamura // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2022. – Vol. 9. – No. 3. – P. 71–89.

Tanaka M. Intelligence Wars in Manchuria: Japanese Perspectives on Soviet Deception / M. Tanaka // Journal of Strategic Studies. – 2023. – Vol. 46. – No. 4. – P. 58–73.

Wilkins G. F. Soviet Military Intelligence Systems in WWII: Technology and Efficiency / G. F. Wilkins // Journal of Military History. – 2021. – Vol. 85. – No. 3. – P. 84–95.

Zheng L. The Manchurian Strategic Puzzle: Coordination of Soviet Forces in 1945 / L. Zheng // Asian Historical Review. – 2023. – Vol. 49. – No. 2. – P. 149–160.

УДК 341.7(470)
ББК Ф49(2)8
DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-59-65

С. И. Кузнецов

МИССИЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА К. Н. ДЕРЕВЯНКО:
СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ
(1945–1949 гг.)

Статья посвящена дипломатической деятельности генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко на посту советского представителя в Союзном совете для Японии в 1945–1949 гг. К. Н. Деревянко – видный советский военачальник подписал Акт о капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. и был оставлен в Токио в качестве руководителя советского представительства. Работая в Союзном совете, он выступал с различными инициативами по послевоенному устройству Японии и с критикой деятельности американских оккупационных властей.

Ключевые слова: Япония, внешняя политика СССР, демократические преобразования в Японии, Вторая мировая война, Союзный совет, генерал-лейтенант К. Н. Деревянко.

S. I. Kuznetsov

THE MISSION OF LIEUTENANT GENERAL K. N. DEREVYANKO:
SOVIET DIPLOMACY IN POST-WAR JAPAN (1945–1949)

The article is devoted to the diplomatic activities of Lieutenant General K. N. Derevyanko as the Soviet representative in the Allied Council for Japan in 1945–1949. K. N. Derevyanko, a prominent Soviet military leader, signed the Instrument of Surrender of Japan on September 2, 1945 and was left in Tokyo as the head of the Soviet mission. While working in the Allied Council, he put forward various initiatives for the post-war structure of Japan and criticized the activities of the American occupation authorities.

Keywords: Japan, USSR foreign policy, democratic reforms in Japan, World War II, Allied Council, Lieutenant General K. N. Derevyanko.

Утром 2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» подписан акт о капитуляции Японии, поставивший точку во Второй мировой войне. Его подписали представители США, Англии, Франции, Советского Союза и других стран. От СССР подпись под документом поставил сравнительно малоизвестный на тот момент генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко. Сама по себе эта процедура имела больше символическое значение и, возможно, для подписания документа подошла бы какая-то более значительная фигура – маршал А. М. Василевский или кто-то из командующих фронтами. Очевидно, что выбор генерала Деревянко продиктован политическими причинами – в частности, ухудшением отношений с бывшими союзниками. Об этом говорит известный российский японовед А. Н. Куланов: «Москва решила максимально дистанцироваться от действий американских союзников в Японии, пытавшихся сделать Советский Союз “соучастником” и не хотела разделять ответственность за действия США в Японии. Поэтому представителем советского командования в Токио был назначен военачальник средней величины» [2022: 83]. Это вполне вероятно, однако труднодоказуемо – документальных подтверждений этому пока нет. С другой стороны, участие СССР в делах послевоенной Японии оказалось более чем скромным:

КУЗНЕЦОВ Сергей Ильич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: s.kuznetsov@hist.isu.ru; профессор университета Хоккайдо (Япония). E-mail: sergey.kuznetsov@oia.hokudai.ac.jp.

К. Н. Деревянко

он не получил ни оккупационной зоны, ни права введения оккупационных войск. В качестве приза в советско-японской войне были получены лишь около полумиллиона военнопленных, отправленных на стройки Сибири и Дальнего Востока. Даже праздник – день победы над Японией, учрежденный Президиумом Верховного Совета, оставался нерабочим днем только в 1945 и 1947 гг. С 1947 г. день стал обычным рабочим, и хотя праздник формально отменен не был, отмечать его перестали. Наверное, на этом фоне и фигура советского представителя, подписавшего акт о капитуляции 2 сентября, становилась менее значительной. Заметим, в Советской исторической и Советской военной энциклопедиях отсутствуют даже краткие справки о генерале К. Н. Деревянко, а единственная небольшая книжка о нем вышла только в 1971 г. (см.: [Деревянко 1971]). Один из немногих очевидцев, оставивших воспоминания, сотрудник советского посольства в Японии в 1941–1945 гг., а в послевоенное время – советской части Союзного совета для Японии М. И. Иванов в своей книге почти ничего не сказал о генерале, за исключением нескольких бытовых деталей: «Надо было видеть, с каким умилением японцы наблюдали за

товарищескими отношениями генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко и его шофера Вани Захарчука, в котором требовательность генерала и беспрекословное повиновение солдата сочеталось с сердечной заботой друг о друге. И уже совсем не было конца удивлению и разговоров токийцев, когда за руль автомобиля садился сам генерал» [Иванов 1978: 241].

Вместе с тем деятельность К. Н. Деревянко в Японии ограничивается не только и не столько подписанием акта о капитуляции, гораздо большее значение имеет его служба на посту представителя СССР в «оккупационном органе» (так назывался в первые месяцы его создания этот союзный аппарат в Японии), а затем – в Союзном совете для Японии – органе, созданном в декабре 1945 г. по решению Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании для проведения консультаций и рекомендаций главнокомандующему оккупационными войсками в Японии.

Биография генерала типична для людей его поколения, а ее основные факты повторяются во многих изданиях, начиная с небольшой книги В. К. Деревянко. Он родился 14 ноября 1904 г. в с. Косеновка Уманского уезда Киевской губернии, учился в церковно-приходской школе и, возможно, окончил несколько классов гимназии. В Красной армии с 1922 г. В 1924 г. окончил школу старшин в Киеве и якобы в ней же начал изучать японский язык, в котором добился больших успехов. А. Куланов справедливо сомневается в этом: «Легенды утверждают, что по окончании школы Кузьма уже мог говорить и писать по-японски. Но поверить в то, что он поднялся до такого уровня, изучая язык самостоятельно вряд ли возможно» [2022: 79]. Скорее всего, биографы соблазнились этим фактом – связать эту учебу с «японским» будущим генерала. Более серьезное обучение он получил в 1936 г. в Академии им. Фрунзе, где также изучал иностранные языки. С 1936 г. он служит в Разведуправлении Красной армии и об этом периоде по понятным причинам мало что известно. Деревянко принял участие в советско-финской войне. С первых дней Великой Отечественной он на фронте. Сначала в разведотделе, а затем занимает штабные должности в ряде армий на Северо-Западном, Степном, 2-м и 3-м Украинских фронтах. Звание генерал-майора присвоено Постановлением СНК от 3 мая 1942 г., генерал-лейтенанта – 19 апреля 1945 г. После войны генерал совсем недолго представлял СССР в Союзном совете в Австрии. В начале июня 1945 г. генерал

получает назначение на Дальний Восток, однако принять участие в боевых действиях ему уже не удалось. 12 августа 1945 г. он назначен представителем Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе Верховного главнокомандующего союзными войсками на Тихом океане генерала Дугласа Макартура. Уже 25 августа Деревянко с группой советских военных вылетел из Владивостока в Манилу, где находился штаб Макартура. До этого здесь в Маниле 19 августа начались переговоры Макартура и заместителя начальника Генерального штаба Императорской армии генерал-лейтенанта Кавабэ Торасиро, в ходе которых была проведена подготовительная работа по созданию акта о капитуляции.

Подписание акта о капитуляции Японии. 2 сентября 1945 г.

Сразу после капитуляции Японии советское посольство в Токио было упразднено. Большая часть дипломатов вернулась на родину, им на смену прибыли новые люди. Большинство из них составляли генералы и офицеры всех родов войск. Вместе с военным персоналом прибыла и группа дипломатов и специалистов по экономическим, социальным и другим вопросам. Советский дипломат А. П. Марков, работавший в те годы в Японии, писал: «Наша работа в Токио имела лишь отдаленное отношение к дипломатии. Полновластным хозяином в Японии был штаб американского генерала Д. Макартура. В Советском же представительстве хозяйничали военные — несколько десятков офицеров, занимавшихся оперативной работой и сотни полторы сержантов для охраны бывшего Советского Посольства, в котором теперь разместилось представительство. Наши отношения со штабом Макартура становились все более натянутыми. Какие-либо контакты по дипломатической линии практически отсутствовали. Все шло через военных, через Союзный совет для Японии» [2002: 179].

В отечественной историографии широко распространено мнение об исключительной ответственности США за те неудачи, что постигли внешнюю политику СССР в отношении Японии в 1945–1951 гг. Активная деятельность американского правительства, направленная на отстранение СССР от решения вопросов послевоенного устройства Японии, общеизвестна. Однако считать это единственной причиной, повлиявшей на расстановку сил на Дальнем Востоке, вряд ли правомерно. В такой обстановке важной трибуной, с которой СССР стремился донести свою позицию по послевоенному устройству Японии, представлялся Союзный совет. Насколько же успешно отстаивал эту позицию член Совета от СССР — генерал К. Н. Деревянко? Его активность в Японии по отстаиванию интересов Советского Союза вскоре вызвала неудовольствие в штабе оккупационных сил. Как пишет английский представитель в Японии У. М. Болл: «В конце 1945 года генерал Деревянко был даже отозван в Москву, а Сталин даже написал госсекретарю США Дж. Бирнсу, что Макартур обращается с Деревянко как с предметом мебели» [Ball 1949: 178].

Первое заседание Союзного совета началось в 10 часов утра 5 апреля 1946 г. в здании Мэйдзи Билдинг в центре Токио. Заседание было открыто для прессы. Американский журналист Марк Гейн в своем дневнике сообщает: «Сегодня утром было положено неудачное начало существованию Союзного совета для Японии, центральную роль в котором играет генерал Макартур. С раннего утра зал заседаний был заполнен народом. По обе стороны огромного полированного стола сидели четыре главных делегата, а позади них – их советники. Соединенные Штаты представлял генерал Маркат, который будет председательствовать в Совете; Британское содружество наций У. М. Болл, когда-то возглавлявший факультет политических наук Мельбурнского университета; Россию – генерал-лейтенант Деревянко, участник наступления Советской Армии от Курска через Украину, и Китай – генерал-лейтенант Чжу Шимин, в прошлом служивший в Вашингтоне» [1951: 197–198].

Открывший заседание генерал Макартур с первых же слов дал понять присутствующим, какова позиция американских властей по отношению к Союзному совету и его деятельности: «Уже во второй фразе он пояснил, что Совет имеет лишь консультативные функции и что он не будет разделять высокой административной ответственности верховного главнокомандующего, как единственного обладателя исполнительной власти» [Там же: 198].

Один из членов китайского представительства – Иммануил Сю опубликовал в 1951 г. статью о деятельности Совета. Он, в частности, писал: «Наиболее объективной характеристикой работы Совета я бы назвал паралич, от которого он страдал большую часть своего существования. Неэффективность его работы была выдающаяся: из шестидесяти четырех заседаний, проходивших между 7 августа 1947 г. и 21 декабря 1949 г., когда советский делегат вышел из Совета, пятьдесят три были закрыты председателем менее чем через минуту после того, как они начались» [Hsu 1951: 173].

В чем причина неэффективности Совета? Безусловно, важнейшей причиной был диктат американских властей, которые в лице генерала Д. Макатура хотели сами решать все вопросы послевоенного устройства Японии. Это не могло не встретить возражения не только основного противника такой политики – советской стороны, но и представителей других стран – членов Совета. Китайский делегат считал, что причина лежала также в политике силы, которую стремились проводить участвовавшие в Совете стран. «Изначально создание этого совета было если не актом добросовестного международного сотрудничества, то неохотным компромиссом между различными заинтересованными странами. Все дискуссии отражали политику и интересы стран-членов в отношении Японии. Британские, китайские и советские члены, желая приобрести более существенный вес в проведении оккупационной политики, стремились расширить функции совета в максимальной степени, разрешенной сроком полномочий. С другой стороны, американский председатель, представляющий верховного главнокомандующего союзными державами, изо всех сил старался ограничить функции Совета в самых узких границах, сводя к минимуму его решения по поводу проведения оккупационной политики.

Судя по всему, эти две силы составляли что-то вроде баланса в Совете, пока на его 38-м заседании баланс наконец не был нарушен. С тех пор Совет пребывал в оцепенении» [Ibid.].

Судя по всему, США не планировали делать Совет реальным органом, как-то влияющим на положение дел в Японии. М. Гейн свидетельствует: «18 апреля 1946 г. Уже в течение двух дней в Союзном совете делятся споры. Из штаба Макатура получен приказ “заговорить Совет до смерти”. В меморандуме штаба указывалось, что нужно поставить в Совете “незначительные вопросы”, которые “не повредят нам”. Споры начались вчера утром, когда штаб отвечал на просьбу генерала Деревянко предоставить информацию относительно того, что японцы не подчиняются директивам о чистке. Отвечал генерал Уитни. Он говорил безапелляционным тоном, который граничил с явным оскорблением. Уитни утверждал, что вопрос Деревянко ставит под угрозу успех оккупации» [1951: 219–220]. В такой обстановке положение советского представителя было крайне сложно – Москва ждала результата, но все его запросы в Совете натывались на стену не-

понимания или откровенного неприятия. Британский член Совета У. М. Болл, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к СССР, свидетельствовал: «На первых трех заседаниях Совета российский член вел себя с безукоризненной вежливостью, достоинством и сдержанностью. Представители же Верховного главнокомандования нападали на него безо всякого повода. К сожалению, я несколько раз был вынужден поддержать российского члена, потому что, поддерживая США, я все же полагал необходимым сохранить и авторитет Совета. Если заседания Совета будут продолжены в атмосфере первых сессий, они, как правило, будут порождать конфронтацию, а не сотрудничество между Верховным главнокомандованием и членами Совета... Если каждое заседание будет использоваться Верховным главнокомандующим для публичной демонстрации неуважения к Совету и враждебного отношения к России, лучше избегать заседаний Совета» [Australian Government...].

Впрочем, и сам британский представитель в полной мере испытал кастовую спесь Макарута – профессионального военного по отношению к штатскому – профессору университета. М. Гейн пишет: «Боллу приходится трудно в Совете ... [известен] не единственный случай намеренного проявления пренебрежения к Совету вообще и к Боллу в особенности. Болл раздражает генерала Макарута и Атчесона. Они считают, что он должен быть в Совете их лояльным союзником, не задающим лишних вопросов. Их сердит его независимый вид и высказываемые время от времени едкие комментарии к некоторым из наиболее неумеренных претензий американского штаба. Атчесона раздражает также светские манеры и остроумие Болла» [1951: 350].

Позиция американцев в Совете вызывала критику не только советского представителя. Известный американский исследователь Грант Гудмен, присутствовавший на заседаниях, пишет: «Я с трудом мог поверить, когда увидел единство взглядов представителей России, Великобритании и Китая в отношении позиции американского председателя Совета. А тот невозмутимо заявлял, что как представитель Верховного командующего не может мириться с тем, как в совете затягивают (обсуждают) те или иные вопросы, он просто закрывал заседание и не назначал нового» [Goodmen 2013: 33].

10 апреля 1946 г. в Японии состоялись выборы в нижнюю палату парламента. В условиях откровенной послевоенной слабости японской компартии коммунисты не могли рассчитывать на сколько-нибудь значительный успех. В советских СМИ была развернута по этому поводу пропагандистская кампания. Ее результаты выразились в том, что за неделю до назначенного дня выборов советская печать уже подводила их итоги, утверждая, что «выборы в Японии не будут демократическими» [Трегубенко 2012: 184]. Соответствующее заявление в Союзном совете сделал и К. Н. Деревянко. Он потребовал от генерала Д. Макарута «издать специальное публичное предупреждение, что ... главнокомандующий оставляет за собой право подвергнуть проверке состав депутатов, избранных в парламент, и в случае если большинство из них будет признано не подходящими, то позднее будут проведены новые выборы» [Внешняя политика... 1952: 638].

После первого заседания Макарут в Совете практически не появлялся, ссылаясь на занятость. Все дискуссии с ним велись через американских представителей в Совете – Д. Атчесоном, а после его гибели в авиационной катастрофе – У. Себолдом. Американский корреспондент Н. Буш в 1946 г. поделился своими наблюдениями о К. Н. Деревянко: «В Союзный совет входят по одному члену от США, Британского Содружества, России и Китая. В отличие от Дальневосточной комиссии в Вашингтоне, которая номинально является директивным органом по оккупации, это консультативное учреждение. Что придает его заседаниям пикантный привкус, так это то, что они служат рупором сильного недовольства, выражаемые единственным членом, у которого есть какие-либо серьезные критические замечания, а именно – блистательным и неисправимым российским генерал-лейтенантом К. Н. Деревянко. Заседания Совета союзников обычно сразу же превращаются в обмен колкими любезностями между генералом Деревянко и менее резким, но значительно более последовательным представителем посольства Макарута Джорджем Атчесоном-младшим. Сидящий за столом напротив последнего генерал, похожий на бывшего полузащитника, носит малиновые погоны размером с черепицу и усмехается лучше всех. Затягиваясь огромной русской папиросой, он обвиняет своего

противника во всем на свете – от фашизма до дилетантизма и приносит новую обиду на каждую встречу. Г-н Атчесон, зная, что генерал Макартур старается игнорировать выводы Совета, а также сами заседания с тех пор, как он выступил на первом из них прошлой весной, обычно отвечает, что мнения генерала окажутся очень полезными и что он очень благодарен за возможность услышать о них. Если общественность США остается равнодушной к этому несколько приглушенному противостоянию, то российская миссия, возглавляемая генералом Деревянко, похоже, этого не делает, и его деятельность ни в коем случае не ограничивается его двухнедельными беседами с мистером Атчесоном» [Busch 1946: 104–105].

Наиболее значительные из заявлений К. Н. Деревянко в Союзном совете публиковались в центральных советских газетах, а позже вошли в ежегодные сборники документов и материалов по внешней политике Советского Союза. Например, 10 июля 1946 г. он выступил с рекомендациями о рабочем законодательстве в Японии: распространение гарантированной свободы профессиональных союзов; запрещение дискриминации членом союзов, запрет любых репрессий против рабочих за участие в забастовках, одинаковая заработная плата для мужчин и женщин и т. д. [Внешняя политика... 1952: 639].

5 октября 1946 г. на заседании Совета генерал Деревянко выразил обеспокоенность по поводу деятельности демобилизационного бюро при японском правительстве: «Не секретом является тот факт, что в административных органах демобилизационного бюро, которое является правительственным учреждением, находятся на службе несколько тысяч офицеров японской армии, флота и авиации. Я думаю, что аргументы о «незаменимости» не могут быть приняты во внимание для такого широкого использования офицеров вооруженных сил, какое имеет место в работе демобилизационного бюро» [Внешняя политика... 1953: 641]. 5 января 1949 г. в Союзном совете обсуждался вопрос о японской полиции. К. Н. Деревянко обоснованно обратил внимание Союзного совета на серьезную опасность дальнейшего увеличения численности и вооружения японских полицейских сил, поскольку имеется опасность возрождения на их базе японских вооруженных сил. Генерал напомнил, что до капитуляции в Японии было 56 тыс. служащих полиции, а после капитуляции с разрешения главнокомандующего (Макартура) ее численность была доведена до 93900 чел. [1971: 258].

Заслуги генерала на дипломатическом фронте были отмечены орденом Ленина (указ от 5 ноября 1947 г.), до этого, в мае 1946 г., он был награжден американским орденом «Legion Merit» (Легион почета) степени «Офицер».

В августе 1950 г. служба К. Н. Деревянко в Японии завершается, он возвращается в Москву, а в Союзном совете его сменяет генерал-майор А. П. Кисленко.

Несмотря на сложности и противоречия, деятельность К. Н. Деревянко в Союзном совете для Японии имела важное значение. Разумеется, он не мог самостоятельно принимать решения (У. М. Болл справедливо отмечал: «Чувствовалось, что генерал Деревянко явно вынужден был работать по строгим инструкциям, которые оставляли ему минимум индивидуальной свободы действий. Как следствие, той линии, которой он придерживался на заседаниях Совета была присуща чрезмерная жесткость и отсутствие адаптивности» [Ball 1949: 34]), но представлял интересы Советского Союза в важном международном органе по управлению послевоенной Японией, участвовал в разработке политики в отношении этой страны и внес вклад в процесс демилитаризации и демократизации. Деятельность К. Н. Деревянко в Японии протекала в условиях растущей «холодной войны». Советско-американские противоречия оказывали значительное влияние на работу Союзного совета, ограничивая его эффективность и способствуя формированию двух противостоящих блоков в регионе. Деревянко приходилось сталкиваться с давлением со стороны американской администрации, которая стремилась минимизировать советское влияние в Японии. Несмотря на эти сложности, он продолжал отстаивать интересы СССР и прилагал усилия для достижения взаимоприемлемых решений.

Источники и литература

Внешняя политика Советского Союза: док-ты и мат-лы (январь – декабрь 1946). – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – 836 с.

Внешняя политика Советского Союза: док-ты и мат-лы. 1949 год. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1953. – 687 с.

Гейн М. Японский дневник / М. Гейн; пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951. – 560 с.

Деревянко В. К. Солдат, генерал, дипломат / В. К. Деревянко. – Днепропетровск: Промінь, 1971. – 151 с.

Иванов С. И. Япония в годы войны. Записки очевидца / С. И. Иванов. – М.: Наука, 1978. – 253 с.

Куланов А. Кузьма Деревянко представитель СССР в Союзном командовании в Японии / А. Куланов // Воронцово поле. – 2022. – № 3. – С. 78–85.

Марков А. П. Как это было (Воспоминания сибиряка) / А. П. Марков. – 2-е изд. – М.: Слово, 2002. – 340 с.

Трегубенко А. В. Проблемы оккупации Японии в дискурсе советской прессы (1945–1951 гг.) / А. В. Трегубенко // Вестник Военного университета. – 2012. – № 1(29). – С. 183–189.

Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Historical Documents. 1947 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/historical-documents/Pages/volume-12/224-shaw-to-chifley.aspx> (дата обращения: 30.05.2025).

Ball M. W. Japan: Enemy or Ally? / M. W. Ball. – New York: The John Day Company, 1949. – 244 p.

Busch N. F. Report on Japan / N. F. Bush // Life. – 1946. – 2 Dec. – P. 104–107.

Hsu I. C. Y. Allied Council for Japan / I. C. Y. Hsu // The Far Eastern Quarterly. – 1951. – Vol. 1. – No. 2. – P. 173–178.

Goodmen G. K. Macarturian Japan: Remembered and Revised / G. K. Goodmen // The British Commonwealth and the Allied Occupation of Japan, 1945–1952. Personal Encounters and Government Assessment. – Leiden; Boston: Global Oriental, 2013. – P. 31–42.

References

Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuz: dok-ty i mat-ly (yanvar' – dekabr' 1946). – М.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1952. – 836 s.

Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuz: dok-ty i mat-ly. 1949 god. – М.: Izd-vo polit. lit-ry, 1953. – 687 s.

Gejn M. Yaponskij dnevnik / M. Gejn; per. s angl. – М.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1951. – 560 s.

Derevyanko V. K. Soldat, general, diplomat / V. K. Derevyanko. – Dnepropetrovsk: Promin', 1971. – 151 s.

Ivanov S. I. Yaponiya v gody vojny. Zapiski ochevidca / S. I. Ivanov. – М.: Nauka, 1978. – 253 s.

Kulanov A. Kuz'ma Derevyanko predstavitel' SSSR v Soyuznom komandovanii v Yaponii / A. Kulanov // Voroncovo pole. – 2022. – № 3. – S. 78–85.

Markov A. P. Kak eto bylo (Vospominaniya sibiryaka) / A. P. Markov. – 2-e izd. – М.: Slovo, 2002. – 340 s.

Tregubenko A. V. Problemy okkupacii Yaponii v diskurse sovetskoj pressy (1945–1951 gg.) / A. V. Tregubenko // Vestnik Voennogo universiteta. – 2012. – № 1(29). – S. 183–189.

Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Historical Documents. 1947 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/historical-documents/Pages/volume-12/224-shaw-to-chifley.aspx> (data obrashcheniya: 30.05.2025).

Ball M. W. Japan: Enemy or Ally? / M. W. Ball. – New York: The John Day Company, 1949. – 244 p.

Busch N. F. Report on Japan / N. F. Bush // Life. – 1946. – 2 Dec. – P. 104–107.

Hsu I. C. Y. Allied Council for Japan / I. C. Y. Hsu // The Far Eastern Quarterly. – 1951. – Vol. 1. – No. 2. – P. 173–178.

Goodmen G. K. Macarturian Japan: Remembered and Revised / G. K. Goodmen // The British Commonwealth and the Allied Occupation of Japan, 1945–1952. Personal Encounters and Government Assessment. – Leiden; Boston: Global Oriental, 2013. – P. 31–42.

УДК 903.5+397.4

ББК 63.4

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-66-72

А. А. Бембеева

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ КАЛМЫЦКОГО
НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

(по материалам археологических раскопок на территории
Республики Калмыкия 1962–2019 гг.)

В Калмыцком научном центре РАН собран большой объем археозоологических материалов почти за 70 лет археологических изысканий на территории Калмыкии. Цель данной работы – систематизация данных, полученных в ходе исследования костей животных, в т. ч. описание и анализ биологических и археологических параметров остеологических комплексов.

Ключевые слова: археологические раскопки, Республика Калмыкия, могильники, погребения, археозоология, остеологические комплексы.

L. A. Bembeyeva

ARCHEOZOOLOGICAL MATERIALS FROM THE OSTEOLOGICAL
COLLECTION OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

(based on the materials of archaeological excavations
in the Republic of Kalmykia in 1962–2019)

The Kalmyk Scientific Center of the RAS has collected a large amount of archeozoological materials during almost 70 years of archaeological research in Kalmykia. The purpose of this work is to systematize the data obtained during the study of animal bones. The research includes a description and analysis of the biological and archaeological parameters of osteological complexes.

Keywords: archaeological excavations, Republic of Kalmykia, mounds, burials, archeozoology, osteological complexes.

Введение

В фондах Калмыцкого научного центра РАН (далее – КалмНЦ РАН) помимо антропологических материалов находятся кости животных, собранные в ходе археологических раскопок курганных могильников и поселений на территории Республики Калмыкия с 1960-х гг. до 2019 г. Сбор и определение костных остатков животных в большинстве случаев производились археологами. В основном в полевых отчетах приводятся лишь общие сведения: кости барана, кости лошади и т. д., чаще всего просто «кости животных». Привлечение специалистов-археозоологов для описания сохранности материалов и определения видов животных начинается с конца 1990-х гг. и отражается в полевых отчетах и публикациях об археологических раскопках в виде приложений [Могильник Манджикины-1 1999: 59–61; Могильники Му-Шарет 2001: 100–103; Могильник Островной 2002: 212–227; Очир-Горяева 2017: 251, 323]. В 2019–2021 гг. опубликованы результаты исследований костей животных из погребений раннего железного века и эпохи средневековья трех курганных могильников: *Ергенинский*, *Дюкер*, *Кермен Толга* [Манджиева, Шарманджиева 2019а: 115–134; 2019б: 91–108; Шарманджиева, Манджиева 2019а: 135–150; 2019б: 201–206; Дорджиева, Бембеева 2021: 291–300]. Специфика этих работ заключается в том, что в них исследуется археозоологический материал отдельных могильников без сравнительного анализа с другими аналогичными памятниками.

БЕМБЕЕВА Любовь Алексеевна – младший научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста, Россия). E-mail: bembeyeva.l.a@mail.ru.

Цель данной работы – систематизация данных, полученных в ходе исследования костей животных, накопленных почти за 70 лет археологических изысканий на территории республики, и ввод новых материалов в научный оборот.

Методы и материалы исследования

Описание и обработка костного материала животных проведены сотрудниками отдела археологии и антропологии КалмНЦ РАН Ц. В. Дорджиевой и Л. А. Бембеевой по общепринятым в археозоологии методикам [Антипина 2003]. За остеологические [I] комплексы были приняты скопления костей и отдельные кости животных. При описании комплексов использовалась специальная литература, анатомические атласы и определители [Зеленевский, Васильев, Логинова 2005: 34; Хрусталева, Михайлов, Шнейберг 2004:16; Вракин, Сидорова, Панов 2001: 51].

Методической основой работы стало применение статистического метода, посредством которого выяснялся характер распределения костей животных в кургане, вычислялось соотношение различных параметров остеологических комплексов и т. д.

Археозоологическая часть остеологической коллекции содержит две составляющие: собственно палеофаунистический материал («кухонные отбросы») трех поселений: *Джангар* (неолитический период), *Ергенинское* (эпоха средней бронзы XXIX–XXVII вв. до н. э.), *Башианта* (средневековое городище IX–X вв. н. э.) [Очир-Горяева, Кекеев, Буратаев 2018: 127–134] и кости животных из курганных могильников. Работа по разборке и приведению в порядок костного материала первой группы еще не проводилась ввиду отсутствия специалиста-археозоолога [II].

Данное исследование посвящено археозоологическим материалам из курганных могильников. Всего в коллекции насчитывается 847 остеологических комплексов из 60 курганных могильников, сохранившие этикетки с указанием погребального памятника, № кургана, № погребения/насыпи/жертвенника. Часть обработанного материала не сохранила первичные данные и относится к категории депаспортизированного материала (приблизительно 350 комплексов).

Археозоологический материал, как и антропологический, отличается хорошей сохранностью костной ткани благодаря местным природно-климатическим условиям. Большая часть территории Калмыкии расположена в районе Прикаспийской низменности и практически до мезолита находилась под водами Каспийского моря. В связи с этим почва характеризуется большим содержанием природного кальция, образовавшегося в результате морских отложений. Благодаря переизбытку кальция в почве костный материал сохраняет свою структуру [Шилов 1975: 63].

На основе информации, полученной после обработки костного материала животных, можно провести некоторые статистические исследования по видовому составу, количественному и другим признакам.

Видовой состав костей животных

По данным статистического исследования в погребениях, насыпях и жертвенниках, найденных в курганных могильниках, фиксируются костные остатки домашних и диких животных, а также неопределимые остатки животных (рис.).

В исследуемых остеологических комплексах различных погребальных памятников насчитывается 474 комплекса овцы (*Ovisaries*), что составляет 55,96 % от всей археозоологической коллекции. Анатомический спектр МРС (мелкий рогатый скот, к которому относится данный вид) чаще всего представлен костями передних и задних конечностей, лопаток, таза, позвонков, ребер. Реже встречаются такие части скелета, как череп и дистальные части конечностей. И только в единичных случаях были зафиксированы полные наборы костей овцы.

Второе место, но со значительным «отрывом», принадлежит костям лошади (*Equiscaballus*), которые были определены в количестве 175 комплексов (20,66 %). Анатомический спектр лошади включает в себя тот же набор костей, который мы наблюдаем у овцы, но отличается по частоте встречаемости. Так, чаще всего в погребениях, насыпях, жертвенниках обнаруживаются следующие комплексы: череп и нижняя челюсть, позвонки, метаподии, проксимальные, средние и дистальные фаланги

конечностей. Реже – лопатки, ребра, кости таза, фрагменты костей передних и задних конечностей. Полные наборы костей лошади зафиксированы также в единичных случаях, в основном в жертвенниках или насыпях курганов.

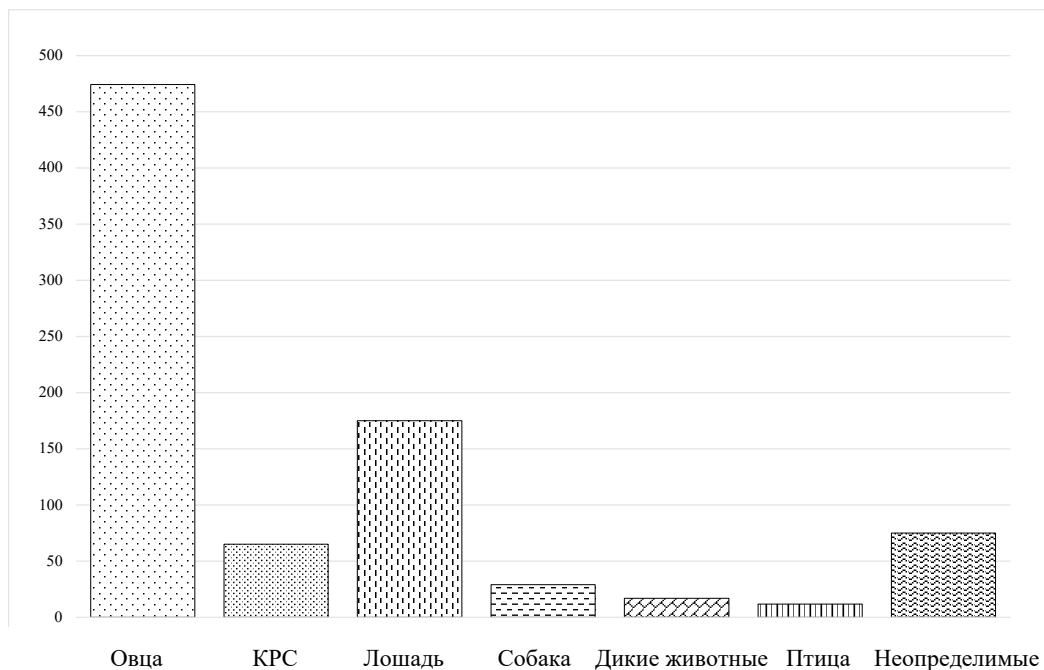

Рис. Видовой состав археозоологического материала, хранящегося в фондах КалмНЦ РАН

Кости крупного рогатого скота (далее – КРС) (*BosTaurus*) в исследуемой коллекции определены в достаточно малом количестве – 65 комплексов (7,67 %). Анатомический спектр КРС представлен в основном фрагментами черепа (зубы, рога, нижняя челюсть), а также проксимальными, средними и дистальными фалангами передних и задних конечностей. Целый костяк КРС хорошей сохранности встречен в одном жертвеннике, в остальных случаях кости коровы – россыпь мелких фрагментов плохой сохранности.

Кости собаки (*Canisfamiliaris*) насчитывают остатки 29 особей, что составляет 3,42 %. Важно отметить, что небольшая доля костных остатков собак в погребениях свидетельствует о том, что они не имеют отношения к мясному потреблению. Об этом говорит и анатомический спектр животного, представленный в основном полным набором костей.

Таким образом, данные виды относятся к группе домашних животных и насчитывают 743 остеологических комплекса (87,72 %).

В группе диких животных отмечаются костные остатки 17 особей, что соответствует 2,0 % обработанного материала. Данная группа состоит из таких видов животных, как лисица (*Vulpes*), заяц (*Lepus*), суслик (*Spermophilus*), хорек (*Mustela*), змея (*Serpentes*) и др. В отдельную группу выделены кости птицы, зафиксированные в погребениях в виде отдельных костей и фрагментов, в количестве 12 особей (1,41 %). Из-за недостаточного количества материала не удалось определить, к какому виду пернатых они относятся.

Доля неопределимых остатков костей животных составляет 8,85 % (75 комплексов). Это в основном сильно фрагментированные части костей плохой сохранности, определение видовой принадлежности которых было невозможно.

Анализ соотношения остатков групп диких и домашних животных в изученных погребальных памятниках показывает, что кости домашних животных (овца, КРС, лошадь, собака) значительно преобладают над костями диких животных.

Отдельные категории погребальных комплексов

Исследуемая коллекция – материалы из раскопок прошлых лет, часть которых утрачена по разным причинам, не всегда в полевых отчетах даны описания костей животных. И. М. Григорьева считает, что в таких случаях актуально исследование костных материалов в рамках отдельных категорий погребальных комплексов, имеющих разное семантическое значение, а не всех комплексов в кургане, вместе взятых [2023: 39].

Н. А. Рослякова при исследовании археозоологического материала из могильников срубной культуры выделила четыре категории погребальных комплексов: остатки «напутственной пищи», погребальные жертвенные комплексы, погребальный инвентарь и отдельные кости или их скопления. Эти названия традиционно закреплены за ними в археологической литературе [2016: 26].

По местоположению остеологических комплексов в курганах можно определить, какие животные и каким образом были использованы в погребальном обряде и для нашей коллекции.

1. Категория «*остатки напутственной пищи*» включает в себя кости животных, зафиксированных при раскопках погребений на дне могильных ям. Это самая многочисленная группа остеологических комплексов отмечена в 465 погребениях эпохи бронзы – средневековья. Часто в одном погребении находилось по два и более комплексов. В погребении 1 кургана 6 могильника *Гува-2* (1978) определены костные остатки двух овец и двух лошадей [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 14. Л. 195–198], в погребении 9 кургана 7 могильника *Заханата* (1976) – трех овец [Шнайдштейн 1985: 85–86], в погребении 1 кургана 2 могильника *Большой Царын* (1977) – трех лошадей и двух овец [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 8. Л. 7–13].

2. Категория «*погребальные жертвенные комплексы*» в нашем исследовании объединяет сооружения без погребения человека и названные в полевых отчетах как жертвенник, жертвенное место, тризна, кострище, костница. Зафиксировано 26 жертвенных комплексов, в которых находились кости животных. В кургане 6 могильника *Ергенинский* (1981–1982) обнаружены три тризны, содержащие кости пяти КРС и фрагменты трех животных неопределимого вида, представленных россыпью костных обломков плохой сохранности [Архив ИА РАН. Р-1 9516. Л. 7–9]. В кургане 7 могильника *Эвдык-11* (1983) в одном жертвеннике находились фрагменты костей лошади, овцы, собаки и несколько особей неопределимого вида. Там же зафиксировано кострище с фрагментами костей овцы [Там же. Р-1 9589. Л. 3–4]. В кургане 5 могильника *Чограйский-5* (1986) находилась костница также с костями овцы [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 41. Л. 46–51]. В кургане 5 могильника *Канал Волга-Чограй-56* (1988) раскопано жертвенное место с целым костяком КРС хорошей сохранности и фрагментами другой особи, а также фрагментами костей овцы [Там же. Д. 62. Л. 43–46].

3. Категория «*отдельные кости или их скопления*» включает в себя находки костей животных в насыпях, ровиках, бровках курганов и насчитывает 200 остеологических комплексов. В основном это отдельные кости или фрагменты разного анатомического спектра (череп, нижняя челюсть, зубы, позвонки, ребра, кости передних или задних конечностей, фаланги и т. д.). В насыпи кургана 4 могильника *Островной* (2000) обнаружено около 32 комплексов, представленных отдельными костями или фрагментами костей разного вида животных [Архив ИА РАН. Р-1 22440. Л. 159]. Но встречаются скопления костей, представляющих собой одну тушу или ее часть. Так, в насыпи кургана 2 могильника *Овата-2* (1992) был найден один комплекс, состоявший из более 20 костных обломков, принадлежащих одной лошади [НА КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 72. Л. 19–20].

4. Категория «*погребальный инвентарь*» включает в себя остеологические комплексы, найденные в погребениях и представленные отдельными костями, положенными в виде отдельных предметов в качестве погребального инвентаря. В ис-

следуемой коллекции к этой категории можно отнести находку из погребения 32 кургана 4 могильника *Черноземельский-1* (1998) – три клыка волка со следами сверления – возможно, заготовку для ожерелья [Архив ИА РАН. Р-1 23817. Л. 63–64]. В основном же в эту группу входят наборы астрагалов овцы (т. н. альчики). Традиция, связанная с помещением в погребение таранных костей животных, на территории евразийских степей распространяется в эпоху бронзы. В нашей коллекции такие наборы встречены в 11 погребениях эпохи бронзы – средневековья в количестве от 12 до 64 шт.

С. С. Марков предлагает несколько вариантов интерпретации этих находок: в качестве набора для игры в кости; как гадальные кости; символы благополучия; обереги [2002: 41–44].

Выводы

В результате проведенного многостороннего исследования археозоологических материалов, включающего описание и анализ биологических и археологических параметров остеологических комплексов, сделаны некоторые предварительные выводы:

1. В большинстве случаев при проведении погребальных обрядов использовались домашние животные (овца, лошадь, КРС, собака). Костные остатки диких животных, возможно, являются случайными находками, не имеющими отношения к погребальным обрядам.

2. Видовой состав свидетельствует о преобладании остеологических комплексов овцы (55,96 %) в погребениях эпохи бронзы – средневековья. Значительно уступают комплексы лошади (20,66 %), очень малый процент составляют кости КРС (7,67 %). Кости собаки встречаются реже (3,42 %), но отмечены в погребениях всех курганных культур на территории республики.

3. Распределение костей животных по отдельным категориям погребальных комплексов (напутственная пища, жертвенные комплексы, отдельные кости или их скопление, погребальный инвентарь) дает представление о ритуальном значении разных видов животных в различных архитектурных структурах курганов.

4. Такой большой объем археозоологического материала требует дальнейшего детального исследования.

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» № 122022700134-6.

Примечания

I. Под «остеологическим комплексом», или «комплексом», подразумевается набор костных фрагментов или даже один фрагмент, обнаруженный в кургане отдельно от других наборов костей животных [Яворская 2012: 116].

II. Отдельные исследования культурного слоя поселений Джангар и Ергенинское были приняты П. А. Косинцевым, но не опубликованы.

Источники и литература

Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук (НА КалмНЦ РАН): ф. 14, оп. 2, д. 8, 14, 41, 62, 72.

Архив Института археологии Российской академии наук (Архив ИА РАН): Р-1 9516, 9589, 22440, 23817.

Антипина Е. Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты / Е. Е. Антипина // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 7–33.

Вракин В. Ф. Практикум по анатомии с основами гистологии и эмбриологии сельскохозяйственных животных / В. Ф. Вракин, М. В. Сидорова, В. П. Панов. – М.: Колосс, 2001. – 272 с.

Григорьева И. М. Животные в погребальном обряде кочевников раннего железного века Оренбургского Приуралья в IV–II вв. до н. э. / И. М. Григорьева // Археология евразийских степей. – 2023. – № 1. – С. 39–44.

Дорджиева Ц. В. Кости животных из позднесарматских погребений курганной группы Кермен Толга / Ц. В. Дорджиева, Л. А. Бембеева // *Oriental Studies*. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 291–300.

Зеленевский Н. В. Анатомия и физиология животных / Н. В. Зеленевский, А. П. Васильев, Л. К. Логинова. – М.: Академия, 2005. – 464 с.

Манджиева В. В. Археозоологический материал из погребений хазарского времени курганной группы Дюкер / В. В. Манджиева, Ц. В. Шарманджиева // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. – 2019а. – № 4. – С. 115–134.

Манджиева В. В. Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Ергенинский в Калмыкии (по материалам полевого отчета В. П. Шилова, М. А. Очир-Горяевой и коллекции КалмНЦ РАН) / В. В. Манджиева, Ц. В. Шарманджиева // *Magna Absurgit: Historia Stiorum*. – 2019б. – № 2. – С. 91–108.

Марков С. С. Астралаги в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья / С. С. Марков // *Вестник общества открытых исследований древности*. – 2002. – Вып. 1. – С. 39–48.

Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования) / отв. ред. Е. В. Цуцкин, Н. И. Шишлина. – М.; Элиста, 1999. – 95 с.

Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование / сост. и ред. Е. В. Цуцкина, Н. И. Шишлиной. – М., 2001. – 130 с.

Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия: сб. ст. / отв. ред.: Н. И. Шишлина, Е. В. Цуцкин. – М.; Элиста, 2002. 325 с.: ил.

Очир-Горяева М. А. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. – 420 с.: ил.

Очир-Горяева М. А. Палеоантропологический и палеозоологический материал из раскопок на территории Республики Калмыкии: сбор, изучение, хранение / М. А. Очир-Горяева, Э. А. Кекеев, Е. Г. Буратаев // *Из истории культуры народов Северного Кавказа*. – Ставрополь, 2018. – С. 127–134.

Рослякова Н. В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья: дис... канд. ист. наук / Н. В. Рослякова. – Ижевск, 2016. – 332 с.

Хрусталева И. В. Анатомия домашних животных / И. В. Хрусталева, Н. В. Михайлов, Я. И. Шнейберг. – М.: Колосс, 2004. – 704 с.

Шарманджиева Ц. В. Археозоологический материал из курганной группы Дюкер позднесарматского времени / Ц. В. Шарманджиева, В. В. Манджиева // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. – 2019а. – № 4. – С. 135–150.

Шарманджиева Ц. В. Сравнительный анализ археологического материала из курганной группы Дюкер в Калмыкии (по материалам полевого отчета Е. В. Цуцкина и коллекции КалмНЦ РАН) / Ц. В. Шарманджиева, В. В. Манджиева // *Magna Absurgit: Historia Stiorum*. – 2019б. – № 1. – С. 201–206.

Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья / В. П. Шилов; АН СССР Институт археологии. – Л.: Наука, ЛОИА, 1975. – 208 с.

Шнайдштейн Е. В. Раскопки курганной группы Заханата / Е. В. Шнайдштейн // *Древности Калмыкии* / отв. ред. К. Н. Максимов. – Элиста, 1985. – С. 70–93.

Яворская Л. В. Погребальные ритуалы по археозоологическим материалам / Л. В. Яворская // *Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований)* / отв. ред. А. С. Скрипкин. – Волгоград: РАНХиГС, 2012. – С. 116–126.

References

Nauchnyj arhiv Kalmyckogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk (NA KalmNC RAN): f. 14, op. 2, d. 8, 14, 41, 62, 72.

Arhiv Instituta arheologii Rossijskoj akademii nauk (Arhiv IA RAN): R-1 9516, 9589, 22440, 23817.

Antipina E. E. Arheozoologicheskie issledovaniya: zadachi, potencial'nye vozmozhnosti i real'nye rezul'taty / E. E. Antipina // Novejshie arheozoologicheskie issledovaniya v Rossii. K stoletiyu so dnya rozhdeniya V. I. Calkina. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – S. 7–33.

Vrakin V. F. Praktikum po anatomii s osnovami gistologii i embriologii sel'skohozyajstvennyh zhivotnyh / V. F. Vrakin, M. V. Sidorova, V. P. Panov. – M.: Koloss, 2001. – 272 s.

Grigor'eva I. M. Zhivotnye v pogrebal'nom obryade kochevnikov rannego zheleznoogo veka Orenburgskogo Priural'ya v IV–II vv. do n. e. / I. M. Grigor'eva // Arheologiya evrazijskikh stepej. – 2023. – № 1. – S. 39–44.

Dordzhieva C. V. Kosti zhivotnyh iz pozdnesarmatskih pogrebenij kurgannoj grupy Kermen Tolga / C. V. Dordzhieva, L. A. Bembeeva // Oriental Studies. – 2021. – T. 14. – № 2. – S. 291–300.

Zelenevskij N. V. Anatomiya i fiziologiya zhivotnyh / N. V. Zelenevskij, A. P. Vasil'ev, L. K. Loginova. – M.: Akademiya, 2005. – 464 s.

Mandzhieva V. V. Arheozoologicheskij material iz pogrebenij hazarskogo vremeni kurgannoj grupy Dyuker / V. V. Mandzhieva, C. V. Sharmandzhieva // Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN. – 2019a. – № 4. – S. 115–134.

Mandzhieva V. V. Sravnitel'nyj analiz arheozoologicheskogo materiala iz kurgannoj grupy Ergeninskij v Kalmykii (po materialam polevogo otcheta V. P. Shilova, M. A. Ochir-Goryaevoj i kollekcii KalmNC RAN) / V. V. Mandzhieva, C. V. Sharmandzhieva // Magna Absurgit: Historia Stiorum. – 2019b. – № 2. – S. 91–108.

Markov S. S. Astragaly v pogrebal'noj obryadnosti epohi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya / S. S. Markov // Vestnik obshchestva otkrytyh issledovanij drevnosti. – 2002. – Vyp. 1. – S. 39–48.

Mogil'nik Mandzhikiny-1 – pamyatnik epohi bronzy – rannego zheleznoogo veka Kalmykii (opyt kompleksnogo issledovaniya) / otv. red. E. V. Cuckin, N. I. Shishlina. – M.; Elista, 1999. – 95 s.

Mogil'niki Mu-Sharet v Kalmykii: kompleksnoe issledovanie / sost. i red. E. V. Cuckina, N. I. Shishlina. – M., 2001. – 130 s.

Mogil'nik Ostrovnoj. Itogi kompleksnogo issledovaniya pamyatnikov arheologii Severo-zapadnogo Prikaspiya: sb. st. / otv. red.: N. I. Shishlina, E. V. Cuckin. – M.; Elista, 2002. – 325 s.: il.

Ochir-Goryaeva M. A. Drevnie nekropoli Ergeninskij vozvyshehnosti. – Elista: KalmNC RAN, 2017. – 420 s.: il.

Ochir-Goryaeva M. A. Paleoantropologicheskij i paleozoologicheskij material iz raskopok na territorii Respubliki Kalmykii: sbor, izuchenie, hranenie / M. A. Ochir-Goryaeva, E. A. Kekeev, E. G. Burataev // Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. – Stavropol', 2018. – S. 127–134.

Roslyakova N. V. Pogrebal'nye komplekсы s kostyami zhivotnyh iz mogil'nikov srubnoj kul'turno-istoricheskij obshchnosti Samarskogo Povolzh'ya: dis... kand. ist. nauk / N. V. Roslyakova. – Izhevsk, 2016. – 332 s.

Hrustaleva I. V. Anatomiya domashnih zhivotnyh / I. V. Hrustaleva, N. V. Mihajlov, Ya. I. Shnejberg. – M.: Koloss, 2004. – 704 s.

Sharmandzhieva C. V. Arheozoologicheskij material iz kurgannoj grupy Dyuker pozdnesarmatskogo vremeni / C. V. Sharmandzhieva, V. V. Mandzhieva // Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN. – 2019a. – № 4. – S. 135–150.

Sharmandzhieva C. V. Sravnitel'nyj analiz arheologicheskogo materiala iz kurgannoj grupy Dyuker v Kalmykii (po materialam polevogo otcheta E. V. Cuckina i kollekcii KalmNC RAN) / C. V. Sharmandzhieva, V. V. Mandzhieva // Magna Absurgit: Historia Stiorum. – 2019b. – № 1. – S. 201–206.

Shilov V. P. Ocherki po istorii drevnih plemen Nizhnego Povolzh'ya / V. P. Shilov; AN SSSR Institut arheologii. – L.: Nauka, LOIA, 1975. – 208 s.

Shnajdshtejn E. V. Raskopki kurgannoj grupy Zahanata / E. V. Shnajdshtejn // Drevnosti Kalmykii / otv. red. K. N. Maksimov. – Elista, 1985. – S. 70–93.

Yavorskaya L. V. Pogrebal'nye ritualy po arheozoologicheskim materialam / L. V. Yavorskaya // Kurgany bronzovogo veka v izluchine Dona (opyt kompleksnyh arheologicheskij i estestvennonauchnyh issledovanij) / otv. red. A. S. Skripkin. – Volgograd: RANHiGS, 2012. – S. 116–126.

УДК 572.08+903.5

ББК 28.718+63.4

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-73-80

А. И. Бураев, Я. В. Дикий

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В статье приводятся результаты завершающего этапа работы над созданием базы данных посткраниальных материалов, хранящихся в государственных учреждениях науки, образования и культуры Республики Бурятия, в ходе которого были обработаны и частично измерены, там, где это позволяет сохранность материала, костные останки семи погребенных, хранящиеся в Национальном музее РБ. В музее хранятся материалы из пяти плиточных могил, материалы хуннского погребения и одного погребения, отнесенного к этнографической современности.

В результате общая база посткраниальных данных, хранящихся в учреждениях науки, образования и культуры РБ, включает к настоящему времени 203 разновременных костяка от неолита до этнографической современности.

Ключевые слова: Республика Бурятия, Национальный музей РБ, антропология, посткраниальные материалы, плиточные могилы, хунну.

A. I. Buraev, Ya. V. Dikiy

ANTHROPOLOGICAL COLLECTIONS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article presents the results of the final stage of work on the creation of a database of postcranial materials stored in state institutions of science, education and culture of the Republic of Buryatia, during which the bone remains of seven buried people stored in the National Museum of the Republic of Buryatia were processed and partially measured, where the preservation of the material allows it. In total, the museum contains materials from five slab graves, materials from one Xiongnu burial and one burial attributed to the ethnographic modern era.

As a result, the general database of postcranial data stored in scientific, educational and cultural institutions of the Republic of Buryatia currently includes 203 skeletons of different periods, from the Neolithic to the ethnographic present

Keywords: Republic of Buryatia, National Museum of the Republic of Buryatia, anthropology, postcranial materials, slab graves, Xiongnu.

В рамках ревизии палеоантропологических материалов, хранящихся в учреждениях культуры, науки и образования Республики Бурятия, проведена работа по учету и созданию базы данных краниологических и остеологических материалов. Заключительным этапом стал учет и внесение в базу данных антропологических материалов, хранящихся в Национальном музее Республики Бурятия.

В соответствии с поставленными задачами осуществлена работа по сверке и дополнительному измерению антропологических материалов в Яхтинском краеведческом музее им. ак. В. А. Обручева, Восточно-Сибирском государственном институте культуры и Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Музее ИМБТ СО РАН (до 2024 г. Музей БНЦ СО РАН). Стоит отметить, что этот процесс сопровождался поиском информации о месте, дате

БУРАЕВ Алексей Игнатьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: buraev1961@mail.ru.

ДИКИЙ Ярослав Витальевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: yaroslavdikiy@gmail.ru.

обнаружения и авторе раскопок. К сожалению, не везде это удалось. В ряде случаев имя автора невозможно установить. Место обнаружения и культурная принадлежность хранящихся материалов не всегда поддаются четкой хронологической и локальной идентификации в силу неточности или утраты документов учета. В основном это касается коллекции палеоантропологического материала из Кяхтинского краеведческого музея им. ак. В. А. Обручева. Результаты проведенных исследований введены в научный оборот [Бураев и др. 2021; Бураев, Дикий 2022а, б; 2023].

Национальный музей Республики Бурятия образован в 2011 г. на базе Музея истории им. М. Н. Хангалова, Художественного музея им. Ц. С. Сампилова и Музея природы Бурятии, а в 2013 г. к Национальному музею присоединен Новоселенгинский музей декабристов. На сегодняшний день имеется существенная археологическая коллекция, которая включает в себя около 7 тыс. ед. хр., хронологически относящихся к бронзовому веку, хуннскому времени и эпохи средневековья. В ее состав входит также незначительный по своему объему палеоантропологический материал.

В Национальном музее находятся на хранении посткраниальные материалы семи костяков, из которых пять относятся к культуре плиточных могил, т. е. к позднему бронзовому веку. Отметим, что сохранность этих материалов очень плохая, кости часто фрагментированы и не подлежат измерению. Поэтому наша работа была направлена на максимальное получение информации при визуальном осмотре.

Итак, под инвентарным номером МИБ НВ-2769 в музее хранится нижняя челюсть, возможно, мужская (mat-I), которая получена Г. П. Сергеевым при археологических работах на Сотниковском могильнике (Иволгинский район РБ), где также были обнаружены фрагменты нижней челюсти ребенка (№ МИБ НВ-2713) и нижняя челюсть женщины (mat-I) (№ МИБ НВ-2663).

Далее приводится описание и измерения наиболее сохранившихся костяков.

В ходе Хоринской экспедиции в местности Сорхой, недалеко от с. Ацагат, Г. П. Сергеевым обнаружен фрагмент верхней челюсти. Половую и возрастную принадлежность индивида, которому принадлежал фрагмент, из-за плохой сохранности определить не удалось (№ МИБ НВ-2748). В ходе этой же экспедиции на г. Зан-бу(?) обнаружены обоженные кости, отнесенные Г. П. Сергеевым к этнографической современности, что может свидетельствовать об обрядовом трупосожжении. Среди сохранившихся костей имеются фрагменты черепа молодой женщины (adultus, 20–25 лет). Среди них лицевая, затылочная, височная кости и фрагменты верхней и нижней челюстей. Подчеркнем, что имеющиеся фрагменты костей черепа позволяют его отреставрировать, что в перспективе создаст возможность для скрупулезного исследования. Кроме фрагментарно сохранившегося черепа в погребении обнаружены практически все длинные кости скелета (за исключением двух малых берцовых костей), пригодные для измерения. Результаты измерения представлены в таблицы 1. Длина тела при жизни составляло 153,7 см, вес – 53,5 кг.

В настоящий момент в музее хранится практически целый костяк раннего железного века, полученный при раскопках рядовой могилы на хуннском некрополе в Ильмовой пади (Кяхтинский район РБ). В состав скелета входят: 1) хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью, принадлежавший женщине, которая отнесена нами к возрастной группе mat-I, краниометрические данные по настоящему экземпляру введены в научный оборот ранее в составе хуннской серии [Бураев 2006]; 2) все длинные кости верхних и нижних конечностей хорошей сохранности, кость плотная; 3) 22 позвонка, крестец и тазовые кости, по которым определен пол; 4) ребра, лопатки и кости плечевых и пальцев с фалангами. Необходимо отметить, что изученный хуннский костяк женщины передан в Национальный музей из Этнографического музея народов Забайкалья (г. Улан-Удэ). Индивидуальные данные измерений посткраниальных материалов хуннского костяка представлены в таблице 2. Отметим, что на втором и третьем ребре зафиксированы следы зажившего перелома. Длина тела при жизни – 164,6 см, вес – 61,2 кг, что выше среднего значения хуннской серии [Бураев, Дикий 2022б: 123].

Таблица 1

Индивидуальные измерения костяка № МИБ НВ-2748

	Признак	Левая	Правая
	1	2	3
Плечевая кость	1. Наибольшая длина	282	–
	2. Вся длина	277	–
	3. Ширина верхнего эпифиза	37 (?)	–
	4. Ширина нижнего эпифиза	53	–
	5. Наибольший диаметр середины диафиза	17	18
	6. Наименьший диаметр середины диафиза	13	14
	7. Наименьшая окружность диафиза	49	49
	7a. Окружность середины диафиза	50	51
	9. Наиб. ширина головки	36	–
	10. Вертикальный диаметр головки	37	–
	6:5. Указатель сечения	76,4	77,7
	7:1. Указатель массивности	17,3	–
	9:10. Указатель поперечного сечения головки	97,2	–
Лучевая кость	1. Наибольшая длина	224	–
	2. Физиологическая длина	211	–
	4. Поперечный диаметр	12	12
	5. Сагиттальный диаметр	10	10
	3. Наименьшая окружность диафиза	31	32
	5:4. Указатель сечения	83	83
	3:2. Указатель массивности	14,6	–
Ключица	1. Наибольшая длина	–	–
	6. Окружность середины диафиза	29	30
	6:1 Указатель массивности	–	–
Большая берц.	1. Полная длина	333	–
	8a. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	25	24
	9a. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	16	17
	10. Окружность на уровне середины диафиза	61	60
	10 b. Наименьшая окружность диафиза	57	57
	9a:8a. Указатель сечения	64	70,8
	10b:1. Указатель массивности	17,1	–

Окончание табл. 1

	1	2	3
Локтевая кость	1. Наибольшая длина	240	–
	2. Физиологическая длина	216	–
	11. Передне-задний диаметр	9	9
	12. Поперечный диаметр	11	12
	13. Верхний поперечный диаметр	16	15
	14. Верхний дорзоволярный диаметр	21	19
	3. Наименьшая окружность	27	26
	3:2. Указатель массивности	12,5	–
	11:12. Указатель сечения	81,8	75
	13:14. Указатель платолении	76,1	78,9
Бедренная кость	1. Наибольшая длина	401	–
	2. Длина в физиологическом положении	398	–
	21. Мыщелковая ширина	63	–
	6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	20	21
	7. Поперечный диаметр середины диафиза	22	22
	9. Верхний поперечный диаметр диафиза	26	25
	10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	19	19
	8. Окружность середины диафиза	66	67
	18. Вертикальный диаметр головки бедренной кости	39	–
	19. Сагиттальный диаметр головки бедренной кости	39	–
	8:2. Указатель массивности	16,5	–
	6:7. Указатель пилэстрии	90,9	95,4
	10:9. Указатель платимерии	73	76
	19:18. Указатель поперечного сечения шейки бедренной кости	100	–

В настоящий момент в музее хранится практически целый костяк раннего железного века, полученный при раскопках рядовой могилы на хуннском некрополе в Ильмовой пади (Кяхтинский район РБ). В состав скелета входят: 1) хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью, принадлежавший женщине, которая отнесена нами к возрастной группе mat-I, краниометрические данные по настоящему экземпляру введены в научный оборот ранее в составе хуннской серии [Бураев 2006]; 2) все длинные кости верхних и нижних конечностей хорошей сохранности, кость плотная; 3) 22 позвонка, крестец и тазовые кости, по которым определен пол; 4) ребра, лопатки и кости плюсны и пястья с фалангами. Необходимо отметить, что изученный хуннский костяк женщины передан в Национальный музей из Этнографического музея народов Забайкалья (г. Улан-Удэ). Индивидуальные данные измерений посткраниальных материалов хуннского костяка представлены в таблице 2. Отметим, что на втором и третьем ребре зафиксированы следы зажившего перелома. Длина тела при жизни – 164,6 см, вес – 61,2 кг, что выше среднего значения хуннской серии [Бураев, Дикий 2022б: 123].

Таблица 2

Индивидуальные измерения хуннского костяка (без инвентарного номера)

	Признак	Левая	Правая
	1	2	3
Плечевая кость	1. Наибольшая длина	291	298
	2. Вся длина	288	293
	3. Ширина верхнего эпифиза	44	45
	4. Ширина нижнего эпифиза	60	58
	5. Наибольший диаметр середины диафиза	22	22
	6. Наименьший диаметр середины диафиза	15	15
	7. Наименьшая окружность диафиза	59	57
	7а. Окружность середины диафиза	63	60
	9. Наиб. ширина головки	37	41
	10. Вертикальный диаметр головки	41	42
	6:5. Указатель сечения	68,1	61,1
	7:1. Указатель массивности	20,2	19,1
	9:10. Указатель поперечного сечения головки	90,2	97,6
Лучевая кость	1. Наибольшая длина	233	238
	2. Физиологическая длина	221	226
	4. Поперечный диаметр	16	16
	5. Сагиттальный диаметр	12	12
	3. Наименьшая окружность диафиза	33	33
	5:4. Указатель сечения	75	75
	3:2. Указатель массивности	14,1	13,8
Ключица	1. Наибольшая длина	122	100
	6. Окружность середины диафиза	31	31
	6:1. Указатель массивности	25,4	
Малая берц.	1. Наибольшая длина	335	334
	4а. Наименьшая окружность диафиза	36	35
	4а:1 Указатель прочности	10,7	10,4
Локтевая кость	1. Наибольшая длина	259	254
	2. Физиологическая длина	231	226
	11. Передне-задний диаметр	13	13
	12. Поперечный диаметр	17	17
	13. Верхний поперечный диаметр	17	18
	14. Верхний дорзоволярный диаметр	25	23
	3. Наименьшая окружность	34	35
	3:2. Указатель массивности	14,7	15,4
	11:12. Указатель сечения	76,4	76,4
	13:14. Указатель платолении	68	78,2

Окончание табл. 2

	1	2	3
Локтевая кость	1. Наибольшая длина	259	254
	2. Физиологическая длина	231	226
	11. Передне-задний диаметр	13	13
	12. Поперечный диаметр	17	17
	13. Верхний поперечный диаметр	17	18
	14. Верхний дорзовольярный диаметр	25	23
	3. Наименьшая окружность	34	35
	3:2. Указатель массивности	14,7	15,4
	11:12. Указатель сечения	76,4	76,4
	13:14. Указатель платолении	68	78,2
Бедренная кость	1. Наибольшая длина	410	408
	2. Длина в физиологическом положении	408	405
	21. Мыщелковая ширина	76	75
	6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	26	25
	7. Поперечный диаметр середины диафиза	29	28
	9. Верхний поперечный диаметр диафиза	34	32
	10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	25	24
	8. Окружность середины диафиза	81	82
	18. Вертикальный диаметр головки бедренной кости	42	43
	19. Сагиттальный диаметр головки бедренной кости	42	43
	8:2. Указатель массивности	19,8	20,2
	6:7. Указатель пилястрии	89,6	89,2
	10:9. Указатель платиметрии	73,5	75
	19:18. Указатель поперечного сечения шейки бедренной кости	100	100
Большая берц.	1. Полная длина	344	348
	8а. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	30	28
	9а. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	25	21
	10. Окружность на уровне середины диафиза	74	72
	10 b. Наименьшая окружность диафиза	66	65
	9а:8а. Указатель сечения	83,3	75
	10b:1. Указатель массивности	19,1	18,6

Также в коллекциях Национального музея есть один костяк очень плохой сохранности, который получен в ходе археологических работ Л. В. Лбовой и Л. Г. Ярославцевой в 1988 г. в Бичируском районе РБ на выдувах в местности Холодный Ключ. В его составе сохранились череп с нижней челюстью, левая берцовая, плечевая и локтевая кости. Все останки фрагментированные, имеют плохую сохранность и, соответственно, не пригодны для измерения, но тем не менее удалось определить возраст костяка по сохранившимся зубам (mat-I).

Кроме краниологических и посткраниальных материалов в Национальном музее хранится девять пластических антропологических реконструкций, которые расширяют наши представления о реальном облике древнего и средневекового населения и, несомненно, вызовут особый интерес к экспозиции музея. Среди них два бюста «селенгинского человека» работы М. М. Герасимова (тонированный гипс и белый гипс). Остальные реконструкции принадлежат Н. Н. Мамоновой: мужчина-кочевник IX–XI вв., женщина-кочевница IX–XI вв., мужчина-гунн, бюст мужчины из Тапхарского погребения (IX–XIII вв.), бюст девушки хамниганки, скульптурные изображения питекантропа и неандертальца [Балуева и др. 1988].

Все пластические антропологические реконструкции, находящиеся в Бурятии, выполнены достаточно давно, и работа по развитию этого направления, к сожалению, не велась с 1985 г.

Отметим, что скульптурные изображения позволяют современному человеку составить представление о том, как реально выглядели древние люди, населявшие территорию современной Бурятии.

Проведенная работа в Национальном музее РБ стала завершающим этапом по созданию базы данных посткраниальных материалов, хранящихся в коллекциях государственных учреждений культуры, науки и образования на территории Бурятии. В единую базу данных включены: 29 костяков из Кяхтинского краеведческого музея им. ак. В. А. Обручева, 3 костяка из Восточно-Сибирского государственного института культуры и 165 костяков, хранящихся в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 7 – из Национального музея и 6 – из Музея ИМБТ СО РАН. В Этнографическом музее народов Забайкалья хранится один детский костяк. В настоящее время в базу данных посткраниальных материалов Республики Бурятия включены костные останки 212 костяков, распределяющиеся в широком хронологическом диапазоне: от неолита до этнографической современности. Таким образом, обследованы все известные палеоантропологические материалы из коллекций государственных учреждений культуры, науки и образования на территории Бурятии.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») № 121031000241-1.

Литература

Балуева Т. С. Антропологические типы древнего населения на территории СССР. По материалам антропологической реконструкции. / Т. С. Балуева, Е. В. Веселовская, Г. В. Лебединская, А. П. Пестряков. – М.: Наука, 1988. – 208 с.

Бураев А. И. Новые данные по палеоантропологии Бурятии: хунну и средневековые / А. И. Бураев, Б. А. Базаров, Я. В. Дикий, Д. А. Мягашев // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2021. – № 4(44). – С. 9–17.

Бураев А. И. Общая характеристика остеологической коллекции ИМБТ СО РАН / А. И. Бураев, Я. В. Дикий // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2022а. – № 1(45). – С. 18–24.

Бураев А. И. Остеология хунну (по материалам лаборатории археологии, этнологии и антропологии) / А. И. Бураев, Я. В. Дикий // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – 2022б. – № 2. – С. 119–127.

Бураев А. И. Палеоантропологические исследования М. М. Герасимова в Байкальском регионе и новые материалы ИМБТ СО РАН / А. И. Бураев, Я. В. Дикий // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2023. – № 1(49). – С. 23–32.

References

Balueva T. S. Antropologicheskie tipy drevnego naseleniya na territorii SSSR. Po materialam antropologicheskoy rekonstrukcii. / T. S. Balueva, E. V. Veselovskaya, G. V. Lebedinskaya, A. P. Pestryakov. – M.: Nauka, 1988. – 208 s.

Buraev A. I. Novye dannye po paleoantropologii Buryatii: hunnu i srednevekov'e / A. I. Buraev, B. A. Bazarov, Ya. V. Dikij, D. A. Miyagashev // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2021. – № 4(44). – S. 9–17.

Buraev A. I. Obshchaya harakteristika osteologicheskoy kolleksii IMBT SO RAN / A. I. Buraev, Ya. V. Dikij // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2022a. – № 1(45). – S. 18–24.

Buraev A. I. Osteologiya hunnu (po materialam laboratorii arheologii, etnologii i antropologii) / A. I. Buraev, Ya. V. Dikij // Mul'tidisciplinarnye issledovaniya v arheologii. – 2022b. – № 2. – S. 119–127.

Buraev A. I. Paleoantropologicheskie issledovaniya M. M. Gerasimova v Bajkal'skom regione i novye materialy IMBT SO RAN / A. I. Buraev, Ya. V. Dikij // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2023. – № 1(49). – S. 23–32.

УДК 93/94

ББК 63.3(29=)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-81-86

П. А. Толмачев

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКОГО ЦАРСТВА С ПРАВОВЫМИ ОБЫЧАЯМИ БУРЯТ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

В статье предпринимается попытка пересмотра концепции зависимости правовых отношений бурят от разложения их родового строя, выдвинутого в середине XX в. Автор приходит к заключению, что обычное право бурят могло варьироваться в пределах разных родовых коллективов и имелись не обнаруженные на данный момент записи бурятского права русским письмом.

Ключевые слова: Сибирский приказ, буряты, русские, челобитье, обычное право, суд, приговор, головщина.

P. A. Tolmachev

PROBLEMS OF THE INTERACTION OF THE JUDICIAL PRACTICE OF THE RUSSIAN TSARDOM WITH THE LEGAL CUSTOMS OF THE BURYATS AT THE END OF THE 17TH – BEGINNING OF THE 18TH CENTURY

This article is the author's attempt to reconsider the idea, created in the middle of the 20th century, that the legal relations of the Buryats depended on the disintegration of their clan system. The author came to the conclusion that Buryat customary law could vary within different clan groups and that there were various records of Buryat customary law in the Russian script that haven't been discovered yet.

Keywords: Sibirsky prikaz, Buryats, Russians, petition, common law, court, sentence, golovshchina.

Судебные практики в государствах раннего Нового времени сильно ограничены в своих институциональных возможностях и были вынуждены адаптироваться к неоднородным в этнокультурном плане пространствам формировавшихся государств и империй. Российское царство XVII в. не исключение.

В рамках данной проблемы особое внимание исследователей привлекла найденная С. А. Токаревым [1939], записанная в Балаганском остроге 1693 г. «скаска» балаганских бурят во главе с Цосоем Багуновым, включавшая 11 пунктов, относящихся к *анзе* – материального возмещения за убийство, кражу или причинение серьезного вреда здоровью и имуществу. Источник свидетельствовал, что правовой контекст жизни бурятского общества XVII в. оформлялся в пределах обычного права, распространенного в среде монгольских народов. На фоне данного источника интерес исследователей вызвала опубликованная С. А. Токаревым бурятская челобитная 1701 г. с просьбой заменить *анзу* (головщину). После С. А. Токарева Е. М. Залкинд обнаружил архивный материал – бурятские челобитные 1697 г., в которых упоминались ссылки на «братские договоры» и «статьи», содержавшие сведения об обычном праве бурят [1952]. Данные документы привлекли внимание исследователей [Там же; Он же 1958: 250–252], вызвав разные толкования, которые так и не внесли достаточной ясности в историю правовых отношений бурят XVII в. Остаются вопросы: чем именно была обусловлена заинтересованность русской администрации и бурят в отмене головщины и введения телесных наказаний, какой круг заинтересованных это затрагивало и как эти изменения работали на практике.

Работа Е. М. Залкинда, несмотря на то что методологически может считаться устаревшей, остается непревзойденной с точки зрения постановки и степени глубины разработки проблематики, а также по обилию привлеченных источниковых сведений [1958]. Для пересмотра старых и постановки новых вопросов следует обратиться к подходам, изучающим общества и государства раннего Нового времени исходя из методов исторической антропологии [Glebov 2009: 121–154; Ходарковский 2019; Зуев, Игнаткин, Слугина 2017; Вульпиус 2023; Монахан 2024]. С данных позиций рассматриваемый нами регион на фоне современных исследований Сибири недостаточно разработан. В статье предлагается проанализировать условия и факторы, повлиявшие на попытку отмены *анзы* или ее сокращения, выявить интересы участников правовых действий как со стороны бурят, так и со стороны русской администрации и поставить проблему феномена правовых материалов бурятских иноземцев в контексте политической культуры Российского царства конца XVII в. Источниками выступают опубликованные и извлеченные из РГАДА архивные материалы Сибирского приказа, относящиеся к Иркутскому уезду.

В 1701 г. уголовные дела в среде бурятского населения частично были упорядочены Сибирским приказом в следующих пунктах: отменялась головщина за убийство, вместо этого предписывалось карать смертной казнью, за кражу лошадей и промысловых орудий следовало бить кнутом и резать носы, а за небольшое воровство меру наказания следовало определять в зависимости от тяжести преступления [Вершинин 1998: 134–135; Токарев 1939: 39–50]. Это произошло после челобитья 1701 г. самих бурят – верхоленского шуленги Базигидая Ахагалова и поддержавших его «лучших мужиков».

В челобитной от января 1701 г., поданной в Москву, истец – шуленга Базигидай Ахагалов пишет, что его отца в ссоре убил бурят Дагор, после чего выплатил только часть компенсации и умер, поэтому Ахагалов просит царя заставить трех детей Дагора выплатить ему весь остаток головщины в соответствии со старым бурятским обычаем. В тексте Ахагаев ссылается именно на обычай, но в приписке к документу говорится, что братские люди Борчихон Муксанов и Базигидай Ахагалов попросили царя избавить их от головщины за убийство и вместо нее судить по царскому указу: «И великий государь пожаловал бы их, велел их братью иноземцов, которые впредь учнут друг друга убивать до смерти, и им бы чинить великого государя указ, чего доведется, а по головщины б не иметь». А за крупное воровство предложили следующее: «А которые их братья крадут у своей братии ружье, с которым оне ходят для звериного промыслу, также и лошади, на которых работают, за воровство резать носы, чтоб те воры перед своею братьею добрыми людьми были знатны». Мотивировалось это тяжестью выплаты головщины, из-за которой «многие их братья ясашные иноземцы разорились вконец, и ясаку платить стало им нечем» [Токарев 1939: 49]. Слова Ахагалова в приписке создают странную ситуацию: неужели он, требуя выплаты *анзы* с детей ответчика, почти в тот же момент просит об ее полной отмене, при этом дело об материальной компенсации еще не было решено в его пользу. Ахагалов и, скорее всего, Муксанов были эхиритами, говорить за другие кланы они не могли. Разорение иноземцев наносило урон царской казне. Битье кнутом и резание носа – это мера наказания из общероссийской судебной практики за аналогичные преступления, как и смертная казнь за умышленное убийство [Коллманн 2016: 263–521]. Создается впечатление, что словесная челобитная Ахагалова записана под сильным влиянием со стороны российской администрации.

Головщину требуют за совершенное преступление в рамках правового обычая, но ее стремятся получить обманом, фактически сфабриковав дело, головщиной прикрывают и оправдывают насильственное приобретение чужого имущества. Поступают так и буряты, и российская администрация, последние в качестве приказных людей используют конфликты как среди иноземцев, так и между русскими и бурятами для получения своей доли прибыли, фактически прибегая к грабежу иноземцев. При этом приказчики, взыскивая головщину с бурят, действуют как лица, обладающие правом вмешиваться в правовые отношения иноземцев, более того, они взыскивают с них головщину в том размере, в каком рассудят необходимым.

8 сентября 1687 г. в Иркутске бил челом великому государю бурят Ботомойка Боджев на Иркисуйку и его отца Сюкейка о том, что Иркисуй выколол ему глаз и не выплатил ему головщины. И из-за этого увечья Ботомой, по его словам, не мог платить ясак. Стольник и воевода А. С. Синявин начал розыск, в ходе которого отец Иркисуя, не отрицая нанесения его сыном увечья, заявил, что между Ботомойкой и Иркисуйком была драка, но произошла она где-то 30 лет назад, а его сын Иркисуй умер 2 года назад [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 19–20]. Так как на протяжении столь долгого времени никакого челобитья Ботомой не подавал, то «ныне де он бьет челом на него ответчикова отца для того чтоб ему взять по головщину» [Там же. Л. 21]. Суд после очной ставки отклонил жалобу и обвинил истца, сочтя его действия манипуляциями. В январе 1692 г. бурят Бокунай Алакаев из Верхоленского уезда бил челом на волостного приказчика Василия, который предложил ему обменять его хорошего коня на соболя и свою лошадь в счет ясака, но в итоге обманул Бокунаю и не отдал коня назад. Также Василий ездил по улусу и, сажая людей в колоды, насильно взял в головщину семь рогатых скотин и кобылу. В ответ 23 января стольник и воевода князь И. П. Гагарин и князь М. П. Гагарин в Иркутске строго повелели приказчику Верхоленского острога Андрею Главинскому прекратить впредь всякое своеволие своего сына Василия, чтобы о нем больше не было челобитий со стороны бурят [Там же. Оп. 1. Ед. хр. 236. Л. 7–9].

27 января 1692 г. другой иркутский ясачный бурят Цагахан Цагадаев подал челобитную воеводе И. П. Гагарину в Иркутске с просьбой вернуть ему отобранный приказчиком в том же месяце скот, из-за чего он полностью разорился и не может платить ясак. По его словам, селенгинский казак Лаврентий Петров обвинил Цагахана в краже лошади, которую казак в действительности просто держал у себя, а также Цагахан был обвинен в порче сенных покосов. Из-за этой клеветы приказчик Кабаньей заимки Степан, будучи в сговоре с Лаврентием, изъял у Цагахана в качестве головщины 25 голов скота, а за сennую потраву отнял еще двух больших быков [Там же. Л. 10]. В ответ на челобитье И. П. Гагарин приказал селенгинскому казачьему десятнику Федору Вонифатьеву немедленно изъять у Лаврентия и Степана 27 голов скота, отобранного у Цагахана, и вернуть владельцу.

В 1692 г. Каркуцкого рода бурятская вдова Даракчин Алахаева жаловалась в Иркутскую приказную избу на побивших и ограбивших ее бурят «Нарутцкаго» [I] рода Ногонзона и Тертеевского рода Голюнгуя. Последние пытались оправдаться в своем грабеже тем, что решили вернуть положенное им по головщине за кобылу, якобы украденную в прошлом году ее мужем у Ногонзона, но суд счел их ответ ложью [Там же. Л. 28–29]. Показательным выступает розыскное дело о конфликте жителей Братского уезда в 1695–1696 гг., в т. ч. бурят с письменным головой Христофором Кафтыревым, изученное А. П. Окладниковым [2014: 171–208]. В конце концов в расспросе балаганских бурят 1693 г. Цосой Багунов заявил, что большая головщина за убийство взималась по распоряжению приказных людей, розыск шел по 10–20 лет, и именно из-за изъятия приказными людьми в свою пользу множества скота с головщины хозяйства бурят разорились [Сборник документов... 1960: 418].

В 1701 г. Сибирский приказ постановил в согласии с челобитьем бурятских иноземцев заменить *анзу* на уголовное наказание. Однако, исходя из анализа некоторой судебной документации Иркутского уезда последней четверти XVII – начала XVIII в., можно заметить сложную ситуацию, в которой не просто найти действительные изменения в судебных процессах с участием иноземцев и применения телесных наказаний на практике. В 1701 г. в Иркутском уезде на основании челобитья бурята Загачея Хенкурова на другого бурята Дарбея Дуртаева в краже лошади стольник Иван Федорович Никалев повелел провести розыск иркутскому толмачу Кузьме Звереву. Истец Хенкуров, по его словам, вышел по следу своей лошади к юрте ответчика и вблизи нее откопал в яме кожу и кости своей съеденной кобылы. Вызванный в Иркутскую приказную избу Дуртаев отрицал все сказанное истцом. Затем в дом к ответчику отправился толмач Зверев, и когда он прибыл в его юрту, там же вскоре объявились брат истца Хохор

Хенкуров и внук истаца Башей. По словам Зверева, они потребовали от Дуртаева либо принести присягу за украденную кобылу, либо платить за нее скотом. Дарбей отказался и от шерти [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Ед. хр. 450. Л. 98].

Из материалов дела нам известно, что истец и ответчик еще до визита толмача договорились о встрече, на которой Дуртаев должен был принести шерть, в случае если истец не примет шерть, то он терял свой иск, если от шерти откажется ответчик, то ответчик обязан был выплатить штраф скотом «по братцким договором». Оговорены были место принесения шерти, день и время: «... сего ж году мая от два дня бес малого числа впредь в пятонацотую ночь» [Там же. Л. 100]. Принесение шерти должен был засвидетельствовать иркутский конный казак Иван Захаров. По его же словам, ответчик отказался шертовать и уехал из своих юрт [Там же. Л. 99–100]. Учитывая отказ ответчика принести присягу воеводский суд постановил обвинить Дуртаева. При этом мера наказания основывалась на статьях из бурятского правового обычая: «А в братцких договорех в третьей статье написано: кто у кого крадет скотину большую и сыщется про ту кражу допряма, и за ту краденую болшую скотину имать на ответчика по пяти скотин и отдать исцом, а за воровство той кражи тем ворам чинить наказанья: бить кнутом и носы резать». В итоговом постановлении предписывалось: «И по сему великого государя указу и по приговору доправить на нем ответчике за краденую вышеписанную кобылу пять скотин болших по их братцким договором и отдать исцу Загачейку с роспискою. А за воровство учинить наказание чево доведется. По тому он ответчик и обвинен» [Там же. Л. 101–102].

За кражу лошади с 1701 г. должна была последовать стигматизация, однако в итоговом наказе предписывалось «учинить наказанье чево доведется», т. е. суду воеводы предоставлялся выбор в строгости наказания и, видимо, выбор в целесообразности его осуществления. Дуртаев был обязан выплатить компенсацию, но был ли он подвергнут добавок телесному наказанию – неизвестно.

При этом согласно шестой по счету статье, из «скаски», поданной в 1693 г., в Балаганском остроге за кражу лошади полагалось брать семь скотин: «А хто де украдет лошадь или какую иную рогатую животину, и за такие де кражи, за всякую скотину по 7 скотин», а в последующей статье написано: «И за иные де всякие кражи, oprичь скота, за всякое де место по 5 скотин» [Токарев 1939: 45]. С Дуртаева потребовали *анзу* согласно третьей статье, которая соответствовала седьмой статье в «скаске» Багунова 1693 г. В наказание он должен был отдать не семь, а пять скотин. Содержание и последовательность бурятских статей 1693 г. и упомянутых «братских договоров» 1701 г. немного отличаются. Это подтверждает, отмеченное Е. М. Залкиным колебание *анзы* и отсутствие ее строгой фиксации [1952: 184–185]. Можно говорить о некоторой вариативности в правовых практиках бурят. Ссылка на «третью статью» братских договоров в деле Хенкуева с Дуртаевым говорит о наличии в распоряжении Иркутской приказной избы еще одной не обнаруженной на данный момент записи обычного права бурят Иркутского уезда.

«Приговоры» 1693 и 1701 гг. рассматривались с позиции истории обычного бурятского права, процесса разложения родового строя, а позднее – в рамках трансформации царской политики в Сибири. Тем не менее они не в меньшей мере служат примером инкорпорации иноземцев путем приобретения ими письменной гарантии решать правовые конфликты совместно с царской администрацией. Российское судопроизводство в делах иноземцев строилось на прецедентном принципе. Попытка некоторых бурятских собраний уменьшить или отменить головщину была вызвана манипуляциями и злоупотреблениями ею со стороны как русских приказных, так и самих бурят. Даже введение новых норм с начала XVIII в. не отменяло старые обычаи и силу судебных прецедентов прошлого. На практике государство по-прежнему предоставляло воеводам решать дела в зависимости от ситуации, но последние не могли обойтись без сотрудничества с представителями коренного населения.

Примечание

I. В названии рода, возможно, ошибка писца, записавшего на слух.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА): ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 236; оп. 2, ед. хр. 111, 450.

Сборник документов по истории Бурятии XVII век. Вып. 1 / сост.: Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. – Улан-Удэ: АН СССР, 1960. – 493 с.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век) / Е. В. Вершинин. – Екатеринбург: Муницип. учеб. метод. центр «Развивающее обучение», 1998. – 203 с.

Вульпиус Р. Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке / Р. Вульпиус. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 712 с.

Залкинд Е. М. Из истории обычного права западных бурят / Е. М. Залкинд // Советская этнография. – 1952. – № 1. – С. 184–188.

Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 320 с.

Зуев А. С. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – 444 с.

Коллманн Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Н. Коллманн. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 616 с.

Монахан Э. Сибирские купцы: торговля в Евразии раннего Нового времени / Э. Монахан. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 568 с.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов / А. П. Окладников. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. – 512 с.

Токарев С. А. Памятник обычного права бурят XVII века / С. А. Токарев // Исторический архив. Т. II. – М.; Л.: АН СССР, 1939. – С. 39–50.

Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / М. Ходарковский. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 352 с.

Glebov S. Siberian Middle Ground: Languages of rule and Accommodation on the Siberian Frontier / S. Glebov // *Empire Speaks out. Languages of Rationalization and Self-description in the Russian Empire* / ed. by I. Gerasimov, J. Kusber, A. Semyonov. – Leiden; Boston: Brill, 2009. – P. 121–154.

References

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA): f. 1121, op. 1, ed. hr. 236; op. 2, ed. hr. 111, 450.

Sbornik dokumentov po istorii Buryatii XVII vek. Vyp. 1 / sost.: G. N. Rumyanecv, S. B. Okun'. – Ulan-Ude: AN SSSR, 1960. – 493 s.

Vershinin E. V. Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek) / E. V. Vershinin. – Ekaterinburg: Municip. ucheb. metod. centr «Razvivayushchee obuchenie», 1998. – 203 s.

Vul'pius R. Rozhdenie Rossijskoj imperii. Konceptii i praktiki politicheskogo gospodstva v XVIII veke / R. Vul'pius. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. – 712 s.

Zalkind E. M. Iz istorii obychnogo prava zapadnyh buryat / E. M. Zalkind // Sovetskaya etnografiya. – 1952. – № 1. – S. 184–188.

Zalkind E. M. Prisoedinenie Buryatii k Rossii / E. M. Zalkind. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1958. – 320 s.

Zuev A. S. Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporaciya narodov Sibiri v Rossijskoe gosudarstvo v konce XVI – nachale XVIII v. / A. S. Zuev, P. S. Ignatkin, V. A. Slugina. – Novosibirsk: IPC NGU, 2017. – 444 s.

Kollmann N. Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni / N. Kollmann. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – 616 s.

Monahan E. Sibirskie kupcy: trgovlya v Evrazii rannego Novogo vremeni / E. Monahan. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. – 568 s.

Okladnikov A. P. Ocherki iz istorii zapadnyh buryat-mongolov / A. P. Okladnikov. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2014. – 512 s.

Tokarev S. A. Pamyatnik obychnogo prava buryat XVII veka / S. A. Tokarev // Istoricheskij arhiv. T. II. – M.; L.: AN SSSR, 1939. – S. 39–50.

Hodarkovskij M. Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya / M. Hodarkovskij. 1500–1800. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. – 352 s.

Glebov S. Siberian Middle Ground: Languages of rule and Accommodation on the Siberian Frontier / S. Glebov // Empire Speaks out. Languages of Rationalization and Self-description in the Russian Empire / ed. by I. Gerasimov, J. Kusber, A. Semyonov. – Leiden; Boston: Brill, 2009. – P. 121–154.

УДК 614.2:316.9-054.57(091)"1721/1917"

ББК 5г(4Ирк)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-87-92

И. В. Орлова

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕДИЦИНЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ. Ч. I

В статье освещаются мероприятия, направленные на формирование новой модели оказания медицинской помощи сельскому населению. Реформирование сельской медицинской части в неземских губерниях было призвано компенсировать разрыв между земскими и неземскими губерниями. На основе источников, впервые вводимых в научный оборот, авторы проводят анализ эффективности мероприятий в Иркутской губернии. В публикации приводятся статистические данные из отчетов окружных врачей Иркутской губернии.

Ключевые слова: Иркутская губерния, окружной судебно-полицейский врач, окружной сельский врач, приемный покой, сельская лечебница.

I. V. Orlova

STRUCTURAL TRANSFORMATIONS OF RURAL MEDICINE IN EASTERN SIBERIA IN THE POST-REFORM PERIOD: ON THE EXAMPLE OF IRKUTSK PROVINCE. Part 1

The article covers the activities aimed at forming a new model of rendering medical care to the rural population. The reform of the rural medical unit in the non-zemstvo provinces was intended to compensate for the gap between the zemstvo and non-zemstvo provinces. Based on sources introduced into scientific circulation for the first time, the authors analyze the effectiveness of the activities in the Irkutsk province. The publication provides statistical data from the reports of district doctors of the Irkutsk province.

Keywords: Irkutsk province, district forensic police doctor, district rural doctor, emergency room, rural hospital.

До середины XIX в. сформировавшаяся в Российской империи модель организации медицинского дела распространялась на Иркутскую губернию в полном объеме государственных регламентов и требований. По штату, в округах Иркутской губернии состояло по одному окружному врачу, которые выполняли обязанности судебно-медицинского и медико-полицейского характера. Кроме врачей, в округах было по два лекарских помощника и одна окружная акушерка (повивальная бабка). Согласно российскому законодательству, внегородскому населению округов предписывалось оказывать помощью во время разъездов или в окружных больницах. На деле медицинская помощь на селе практически отсутствовала.

До начала 1860-х гг. *de jure* медицинская сфера Иркутской губернии организационно существовала в рамках общероссийских правил, *de facto* имела свои особенности при существенном отставании в темпах развития от европейских губерний. В июле 1862 г. Медицинский департамент направил министру внутренних дел доклад о необходимости преобразований приказной медицины. Основное внимание в докладе было обращено на расширение прав местных органов по управлению медицинским делом. 1 января 1864 г. утверждено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», вводившее земское самоуправление в ряде губерний. Результатом реформы

ОРЛОВА Ирина Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России (г. Иркутск, Россия). E-mail: irina_orlova7@mail.ru.

1864 г. стало появление уникальной формы медицинского обслуживания сельского населения – земской медицины.

В Иркутской губернии реорганизация медицинского обслуживания сельского населения началась в 1865 г., когда было принято положение «Об окружных сельских врачах в Восточной Сибири». Согласно территориальной адресности, это положение распространялось на Иркутскую, Енисейскую губернии и Забайкальскую область. Этот документ был призван внедрить элементы земской медицины «по примеру существующих в бывших казенных селениях Европейской России» [ПСЗРИ-2. Ст. 42199]. Для Восточной Сибири, в отличие от центральных губерний, не осуществлялся поиск эффективных форм управления на основе учета региональных особенностей. Положение 1865 г. определяло необходимые изменения, оставляя без внимания и анализа механизм реализации новых требований и ресурсный потенциал для преобразований. В каждом округе вводилось по одному окружному сельскому врачу и по три экзаменованных фельдшера, организовывались приемные покои на 4–5 койко-мест с небольшой аптекой. Сельско-врачебная деятельность отделялась от судебно-медицинской и возлагалась на окружного сельского врача, который также нес ответственность за проведение оспопрививания в округе. Таким образом, в каждом округе определялись две врачебные должности: окружной сельский и окружной (судебно-полицейский) врач. Оба находились в непосредственном подчинении Врачебной управы. Для окружных сельских врачей устанавливалось место пребывания в одном из центральных селений округа. Согласно п. 13 положения 1865 г., в обязанности сельского врача входило «подание врачебного пособия больным своего округа, как в их жилищах, так и в лечебных избах при невозможности пользования на дому и в случае заболевания заразительной и прилипчивой болезнью» [ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 70]. По мнению разработчиков положения, окружной сельский врач функционально приближался к роли земского разъездного врача в центральных земских губерниях.

Окружной сельский врач по статусу приравнивался к государственным служащим IX класса со всеми правами, установленными чинопроизводством, в т. ч. назначением прибавочного жалования за 5-летнюю службу в Сибири и пенсии за выслугу лет. Все это дополнялось следующими привилегиями:

- врач, прослуживший в должности пять лет и «заслуживший одобрение губернского начальства», имел преимущественное право перед прочими медицинскими чиновниками на занятие медицинских должностей в окружных и губернских городах Восточной Сибири;

- во время пребывания в должности врачу предоставлялось право на бесплатное пользование земельным участком, по размеру не превышающим 100 десятин, вблизи от крестьянских земель, после 15 лет службы врач мог приобрести эту землю в полное право собственности.

Каждому окружному сельскому врачу назначалось по три экзаменованных фельдшера. Им также предоставлялось право на бесплатное пользование участком земли для хлебопашества, размером до 30 десятин. Как и окружные сельские врачи, фельдшеры после 15 лет службы могли приобретать землю в собственность. Положением определялись условия расселения фельдшеров – бесплатно в специально отведенной половине лечебной избы или приемного покоя. В п. 8 положения 1865 г. оговаривалось, что при «недостатке желающих поступить на эти должности из фельдшерских школ» могли быть приняты лекарские ученики из городских больниц или крестьяне, обученные окружными врачами.

Расходы на содержание сельской медицинской части в восточно-сибирских губерниях возлагались на сельские общества, мирские сборы обеспечивали:

- организацию и содержание приемных покоев (наполнение их хозяйственным инвентарем и продовольственным минимумом для стационарных больных, отопление, освещение и уборку помещений);

- обеспечение окружного сельского врача жильем (бесплатное предоставление квартиры с необходимыми хозяйственными принадлежностями или выплату денег для найма жилья из расчета двух комнат). Расходы за проживание врача накладывались

на сельские общества той волости, где устанавливалось местопребывание окружного сельского врача;

– обеспечение врачей и фельдшеров обывательскими подводами для разъездов по округу.

Документальное закрепление в восточно-сибирских губерниях значительного объема нововведений, касающихся сельской медицинской части, предполагало создание новой модели организации медицинской помощи в отсутствии земств. Особый исследовательский интерес вызывает практическая реализация задуманных изменений на территории Иркутской губернии и степень достижения их цели. В связи с этим нельзя не отметить деятельное начало со стороны властей, в результате которого к концу 1865 г. было достигнуто следующее:

1. Государственным казначейством одновременно было отпущено Иркутской губернии 2410 руб., из расчета:

– снабжение медицинскими инструментами 5 врачей – 500 руб.;

– снабжение медицинскими средствами 15 фельдшеров по 24 руб. на каждого – 360 руб.;

– устройство 15 сельских аптек – 900 руб.;

– первоначальное приобретение вещей, необходимых для устройства 15 приемных покоев (тюфяки, одеяла, подушки, посуда и пр.), – 600 руб.;

– устройство походных аптек для 5 окружных сельских врачей – 50 руб. [ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1817. Л. 2–3].

2. Определены места для проживания врачей по пяти округам губернии:

– Иркутский округ: в Иркутске размещался окружной врач (судебно-полицейский), в с. Оек – окружной сельский врач;

– Киренский округ: в Киренске – окружной врач, в с. Усть-Кут – окружной сельский врач;

– Нижнеудинский округ: в Нижнеудинске – окружной врач, в с. Тулун – окружной сельский врач;

– Верхотенский округ: в Верхотенске – окружной врач, в с. Качуг – окружной сельский врач;

– Балаганский округ: в Балаганске – окружной врач, в с. Залари – окружной сельский врач [Орлова 2022: 18].

3. Произведен годовой расчет финансирования 5 округов Иркутской губернии на общую сумму 6400 руб. Таким образом, на один округ приходилось по смете 1280 руб. Расклад годового финансирования сельской врачебной части округа выглядел следующим образом:

– окружной сельский врач (1 штатная единица): 350 руб. – жалование, 200 – столовые, 100 – на разъезды по округу, 30 – на приобретение медицинских книг и журналов, 40 руб. – на канцелярские расходы;

– фельдшеры (на 3 штатные единицы): 360 руб. – жалование, 200 руб. – на медикаменты фельдшерам округа [ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1817. Л. 11].

Существенным недостатком универсального подхода в финансировании сельской врачебной части было отсутствие учета территориальных и климатических особенностей округов губернии. В Киренском округе, например, селения располагались по р. Лене и ее притокам на протяжении 2 тыс. верст, по р. Ангаре и ее притокам – на 900 верст. При таких расстояниях планомерное посещение каждого села врачом хотя бы дважды в год было трудновыполнимой задачей. При высокой частоте эпидемических вспышек некоторые селения, не требующие борьбы с «прилипчивыми болезнями», врач не навещал по году, выстраивая свой маршрут не планомерно, а ситуативно, направляя вместо себя фельдшеров, если в фельдшерском приемном покое не было больных.

Идея усилить округа губернии за счет введения одного окружного сельского врача и трех сельских фельдшеров с самого начала вскрыла ее провальный характер. С одной стороны, четыре штатных медика на округ не могли охватить медицинской квалифицированной помощью многочисленное население, с другой – комплектация каждого округа оставалась серьезной кадровой задачей. В Иркутской губернии, постоянно испытывавшей дефицит медицинских кадров, с преимущественной концентрацией

цией врачей в губернском центре, было невозможно сразу закрыть появившиеся штатные должности на селе. Привилегия, предоставляемая врачам и фельдшерам в виде земельных участков, также была слабой мотивацией. Как правило, сельский медицинский персонал этим не пользовался из-за нехватки времени, предпочитая получать денежную компенсацию от крестьянских обществ [Татарникова 2015: 138].

В архивных документах находим свидетельства, отражающие трудности, с которыми столкнулись врачи и фельдшеры при внедрении нововведений. В 1874 г. после пожара, уничтожившего Петропавловский приемный покой в Киренском округе, сельский фельдшер Л. Вербицкий, оставшись без жилья, вынужден был снимать квартиру. Через два года безучастного отношения крестьянского общества он направил рапорт в Иркутскую врачебную управу с описанием собственной бытовой проблемы и уведомлением об отсутствии приемного покоя. Попытка инспектора Врачебной управы С. Муратовского привлечь к решению вопроса окружные полицейские власти, проконтролировать исполнение п. 9 положения «Об окружных сельских врачах Восточной Сибири» встретила сопротивление со стороны окружного полицейского управления. На доводы инспектора управы, что фельдшер не может вести прием больных, особенно с «заразительными» болезнями в собственной квартире, из Киренского окружного полицейского управления был получен мирской приговор общества крестьян Петропавловской волости, где сообщалось: «В с. Чечуйском выделение помещения для приемного покоя, по неимению удобных для него домов, невозможно» [ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–1об.]. В 1880 г. тункинский сельский фельдшер Древновский сообщил в Иркутскую врачебную управу, что Смоленское отдельное общество с 1874 г. «не платит на содержание приемного покоя, не отводит ему хлебопахотной или сенокосной земли, и не удовлетворяет его за таковую деньгами». Полицейское управление также закрыло этот вопрос, выслав в ответ общественный приговор крестьян, которым объяснялось: «За недостатком удобной земли, общество взамен согласилось выдавать Тункинскому фельдшеру по 25 руб. в год, платеж начнет производить с 1880 г., так как уплатить денег за прежние годы не имеют возможности. На содержание приемного покоя Смоленские крестьяне согласились платить ежегодно по 10 руб. с 1880 г.» [Там же. Л. 81–82].

Приведенные факты, отражают не только невозможность крестьянских обществ материально поддерживать нововведения, касающиеся сельской медицинской части, но и пассивную роль в этих вопросах полицейских ведомств. Изложенные обстоятельства демонстрируют неготовность крестьянства к переменам, особенно при финансовом обременении. Более глубокие проблемы обусловлены формальным подходом при разработке положения «Об окружных сельских врачах Восточной Сибири».

Во-первых, большая часть расходов на содержание сельской медицины была возложена на низший уровень крестьянской и инородческой самоорганизации – волостные сходы и инородческие управы. В то время в Центральной России система земского самоуправления формировалась на основе выборности от представителей различных сословий и состояла из распорядительных органов (уездных и губернских земских собраний) и исполнительных органов (уездных и губернских управ), в Иркутской губернии сельское население при решении организационных вопросов руководствовалось обывательским мнением участников схода. Безусловно, в центральных губерниях основной доход (до 80 %) земства получали от поземельного сбора и основная тяжесть земских сборов также ложилась на крестьянство [Завражин 2009: 109]. Однако принятие решений в земских губерниях оставалось за выборными представителями из разных сословий.

Во-вторых, в положении 1865 г. законодательно не прописывались требования по оборудованию приемных покоев, их обустройство зависело от особенностей местности и от средств крестьянских или инородческих обществ. Это позволяло вариативно подходить к вопросу при создании приемного покоя, вплоть до категоричного отрицания их организации на селе.

В-третьих, не последнюю роль в вопросах развития сельской медицинской части в Иркутской губернии играли полицейские управления, что отражало наличие

модели дореформенного управления «народным здоровьем». Для неземских губерний сохранялись руководящие позиции Медицинского департамента МВД по вопросам организации борьбы с эпидемиями, судебно-медицинской деятельности и учету медицинских кадров. В земских губерниях правительственные органы осуществляли лишь общий надзор и приходили на помощь земским управам в случае значительных эпидемий или строительства крупных лечебных учреждений.

До конца XIX в. посредническая роль полицейского ведомства между Иркутской врачебной управой и практической деятельностью врачей, фельдшеров стояла на пути внедрения прогрессивных форм взаимодействия с населением, при этом полицейские окружные исправники сохраняли статус выразителей «компетентного мнения» по вопросам медицинского обслуживания. Ярким примером служит переписка медицинских чинов Иркутской врачебной управы с окружным полицейским исправником. По стечению обстоятельств вопрос вновь коснулся сельского фельдшера Л. Войцеховского, который в 1881 г. работал фельдшером в с. Тунка Иркутского округа. В связи с тем что тункинские крестьяне выражали открытое сопротивление организации приемного покоя, фельдшеру выплачивалось от крестьянского общества 120 руб. квартирных в год, в нанимаемом жилье он вынужден был вести прием больных.

Инспектор врачебной управы С. Муратовский 4 ноября 1881 г. докладывал губернскому начальству: «Фельдшер нанимает квартиру об одной комнате, которая служит и кухней, и спальней, и детской, и приемным покоем, куда являются больные, зараженные разными эпидемическими болезнями, заражают воздух, не смотря на все его предосторожности, чем ставят семейство в опасное положение, которое завершилось смертью его 3-х летнего ребенка, зараженного таким образом. Находясь в таком исключительном положении, фельдшеру Войцеховскому, если только в Тунке не устроят приемного покоя, остается одно: для спасения своего семейства от будущих зараз и во избежание нападков от писарей и общества, собрать свои пожитки и оставить Тунку» [ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 55–56]. Окружной исправник, отвечая на письмо, дал собственную оценку: «Больных в сказанный период, с заразительными и прилипчивыми болезнями не было, хотя и встречались таковые, то в незначительном числе и с весьма легкими болезнями: простуда, легкая лихорадка и т. п.» [Там же. Л. 59].

Представители полицейского ведомства проявляли особое отношение в вопросах организации приемных покоев. Конфликт мнений медицинских и полицейских чинов не способствовал положительному исходу поставленной задачи, заводя ситуацию в тупик. В ноябре 1882 г. иркутский окружной исправник докладывал, что здание Оекского приемного покоя вполне пригодно, «хотя сельский врач Бик при освидетельствовании 4 декабря 1879 г. уклонился от мнения о его годности» [Там же. Л. 60]. Отсутствие единого мнения стало возможным по причине слабой проработки вопроса на законодательном уровне.

Как уже упоминалось, допустимая норма «самоинициативности» в вопросе устройства приемных покоев обусловила привлечение различных ресурсов. В донесениях встречались следующие характеристики: «покой открыт в старом общественном здании, в котором в некоторых местах светится насквозь; окна стары и худы и притом одинарные, вследствие чего дом всегда холоден и угарен до того, что в нем и здоровому человеку невозможно пробыть более часа» или «при доме нет отхожего места и никакой загородки, при доме нет ни кухни, ни чайной посуды, а потому ни готовить пищу для больных, ни варить чай, или какую другую полезную в болезни траву не в чем» [Там же. Л. 38–39]. К разряду единичных проявлений отнесем такую форму реакции на новые требования, как привлечение третьих лиц и уход главы общества от персональной ответственности перед общинниками. Балаганский окружной сельский врач А. Поликовский с целью разъяснения необходимости устройства приемного покоя в беседе с инородческим населением встретил категоричное неприятие этой меры. Руководствуясь идеей воздействовать на общину через авторитетное лицо, врач в ноябре 1880 г. встретился с тайшой Балаганского инородческого ведомства Ф. Жербаковым. В частном разговоре с врачом Жербаков выражал полное согласие на открытие приемного покоя с фельдшером и аптекой и обещал личное содействие.

Однако поведал, что «почин в этом деле он не хочет брать лично на себя, этим он может возбудить неудовольствие у некоторых членов ведомства» и просил организовать распоряжение иркутского губернатора [ГАИО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 5. Л. 3].

Итак, особенности формирования новой структуры оказания медицинской помощи сельскому населению в неземской Иркутской губернии не могли компенсировать разрыв в развитии здравоохранения с земской медициной по причине отсутствия сельских органов самоуправления, способных принимать управленческие и контролирующие функции за деятельностью лечебных заведений.

Источники и литература

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 9, оп. 1, д. 1817; ф. 33, оп. 1, д. 10; ф. 43, оп. 1, д. 5.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗРИ-2): 1865. Т. XL. Отд-ние 1. № 42199. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – С. 646–649.

Завражин А. В. Земская реформа 1864 года и развитие местного самоуправления в России / А. В. Завражин // Выношу на защиту. – 2009. – № 1. – С. 108–111.

Орлова И. В. О функциях врачебно-санитарного надзора в должностях окружных врачей Иркутской губернии в XIX веке / И. В. Орлова // Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и защита прав потребителей: региональные аспекты: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2022. – С. 16–23.

Татарникова А. И. Сельское здравоохранение и сеть медицинских учреждений в Западной Сибири под воздействием модернизационных процессов (конец XIX – первая четверть XX в.) / А. И. Татарникова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 22. – С. 137–140.

References

Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 9, op. 1, d. 1817; f. 33, op. 1, d. 10; f. 43, op. 1, d. 5.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. II (PSZRI-2): 1865. T. XL. Otd-nie 1. № 42199. – SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1867. – S. 646–649.

Zavrazhin A. V. Zemskaya reforma 1864 goda i razvitie mestnogo samoupravleniya v Rossii / A. V. Zavrazhin // Vynoshu na zashchitu. – 2009. – № 1. – S. 108–111.

Orlova I. V. O funkciyah vrachebno-sanitarnogo nadzora v dolzhnostyah okruzhnyh vrachej Irkutskoj gubernii v XIX veke / I. V. Orlova // Sanitarno-epidemiologicheskoe blagopoluchie naseleniya i zashchita prav potrebitelej: regional'nye aspekty: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. – Irkutsk, 2022. – S. 16–23.

Tatarnikova A. I. Sel'skoe zdravoohranenie i set' medicinskih uchrezhdenij v Zapadnoj Sibiri pod vozdejstviem modernizacionnyh processov (konec XIX – pervaya chetvert' XX v.) / A. I. Tatarnikova // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2015. – № 22. – S. 137–140.

УДК 347.9(47)(091)

ББК X891.9(2Р)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-93-99

Т. А. Курас

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЛЕНОВ СУДЕБНЫХ ПАЛАТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1866–1917 гг.)

Статья посвящена характеристике благотворительной и иной общественно значимой деятельности членов судебных палат Российской империи. Судьи не ограничивались осуществлением своих профессиональных обязанностей, демонстрируя активную жизненную позицию. Члены судебных палат активно участвовали в деятельности благотворительных, а также научных, образовательных и других организаций, занимавшихся общественно полезной деятельностью. Это способствовало повышению авторитета судов, реализации прогрессивных идей в обществе.

Ключевые слова: судебная реформа, судебные палаты, общественная деятельность, благотворительность.

T. L. Kuras

PUBLIC ACTIVITY OF JUDGES OF THE JUDICIAL CHAMBERS IN THE RUSSIAN EMPIRE (1866–1917)

The article is devoted to the characteristic of charitable and other socially significant activity of the members of the judicial chambers of the Russian Empire. Judges were not limited to fulfilment of their professional duties, demonstrating an active life position. Members of the judicial chambers actively participated in the activities of charitable, as well as scientific, educational and other organisations engaged in socially useful activities. This helped to enhance the authority of the courts and the realisation of progressive ideas in society

Keywords: judicial reform, judicial chambers, public activity, charity.

Введение

В результате реализации в Российской империи судебной реформы 1864 г. в стране начала функционировать новая система судов, состоящая из мировых, окружных судов и судебных палат, возглавляемая Правительствующим Сенатом. Судебные палаты возглавляли судебные округа, на которые была поделена территория государства. К началу XX в. их было создано 14: Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Одесская, Казанская, Саратовская, Киевская, Виленская, Варшавская, Тифлисская, Иркутская, Омская, Ташкентская, Новочеркасская [Курас 2011: 17]. Судебные палаты состояли из гражданских и уголовных департаментов (по современной терминологии – гражданские и уголовные коллегии) и работали под руководством старшего председателя. Судьи именовались членами палаты. Они осуществляли правосудие, работая с высокой нагрузкой при скромном материальном обеспечении, нередко в неблагоприятных географических и климатических условиях. При этом они не ограничивались выполнением служебных обязанностей и активно участвовали в деятельности общественных, научных, учебных и благотворительных организаций на благо государства и общества.

Благотворительность в России

Говоря о благотворительности, следует отметить, что ее традиции почитаются во всем мире, поддерживаются государствами и передаются из поколения в поколение. В дореволюционной России ей уделялось значительное внимание. Понятие «благотворительность» родилось в России более двух веков назад и связано с именем императрицы Марии Федоровны, осуществлявшей обширную благотворительную деятельность.

КУРАС Татьяна Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры судебного права Юридического института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: tanya_kuras@mail.ru.

Благотворительные учреждения делились на благотворительные заведения и благотворительные общества. В специальных учреждениях лица, нуждавшиеся в помощи, могли либо постоянно проживать, либо ночевать, получать питание и т. п. Благотворительные общества представляли собой добровольные объединения людей, созданные с целью оказания помощи нуждающимся, к примеру в виде денег или вещей. Благотворительные учреждения находились в ведении государства. Ведомства, курирующие их, разделялись на «преследовавшие исключительно или преимущественно благотворительные цели» и на «не имеющие специального благотворительного назначения» [Лозовская, Харинина 2007: 136]. В современной России традиции благотворительности активно возрождаются и реализуются. Думается, целесообразно обращаться к положительному дореволюционному опыту участия судейского сообщества в благотворительных обществах и иной значимой общественной деятельности.

Благотворительная и иная социально значимая деятельность членов судебных палат

Служащие судов в дореволюционной пореформенной России были задействованы в деятельности благотворительных учреждений. В частности, члены судебных палат участвовали в функционировании воспитательно-исправительных ремесленных приютов путем участия в деятельности общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних преступников. Основой для их создания стал закон от 5 декабря 1866 г., в соответствии с которым суд стал вправе заменять тюремное заключение для несовершеннолетних преступников исправительным воспитанием в земледельческих и ремесленных приютах [Курас 2013: 16–17]. Члены судебных палат принимали активное участие в деятельности общества. К примеру, член Казанской палаты Н. Н. Галкин-Враской, по данным на 1901 г., был членом-казначеем Казанского отделения общества [Памятная книжка Казанской губернии 1901: 141–142]. Председатель 1-го Уголовного департамента Саратовской судебной палаты В. Я. Фукс, по данным на 1904 г., являлся председателем правления Саратовского Галкинского учебно-исправительного приюта [Памятная книжка Саратовской губернии 1904: 70]. Члены Виленской судебной палаты В. А. Шванебах и Ф. П. Добужинский, по данным на 1906 г., являлись членами правления Виленского отделения указанного общества, способствуя исправлению несовершеннолетних осужденных [Памятная книжка Виленской губернии 1906: 57].

Социально значимым являлось и «Попечительное о тюрьмах общество», образованное в начале XIX в. с целью «исправления преступников, улучшения состояния заключенных». Его стараниями на тюремные нужды помимо бюджетного финансирования была собрана значительная сумма, которая помогла привести в цивилизованный вид тюремную систему страны. В 90-е гг. XIX в. общество начало не только помогать отбывшим наказание в первое время пребывания их на свободе, но и возвращать их к честной жизни. К 1905 г. в рамках общества стали параллельно функционировать благотворительные и попечительные тюремные комитеты. Общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения, и благотворительные тюремные комитеты именовались обществами патроната. Они выполняли разные функции, действуя в едином направлении [Андреева 2012: 437–441].

Представители судебных палат активно участвовали в работе общества [Курас 2013: 18]. Члены сибирских судебных палат среди других не оставались в стороне. Так, для покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения Иркутской губернии, 18 декабря 1909 г. в Иркутске создано общество «Патронат» [Памятная книжка Иркутской губернии 1911: 104–105]. Первое заседание учредителей данного общества состоялось 28 декабря 1909 г. в здании Иркутской судебной палаты, на нем присутствовало 22 чел., в т. ч. члены палаты [Романов 1994: 137].

Представители судебных палат Российской империи активно участвовали и в работе российского общества Красного Креста. Оно оказывало помощь населению при стихийных бедствиях, помогало раненым во время войн и в мирной жизни, предостав-

ляя им бесплатное лечение, обучение ремеслам, строя дома для семей погибших солдат и офицеров, детские приюты и другое [Курас 2013: 17]. Члены Казанской, Виленской, Саратовской, Омской судебных палат, помимо личного служения, активно оказывали материальную помощь. Так, Казанское местное отделение российского общества Красного Креста, имея в своем распоряжении значительный капитал, оказывало разнообразную помощь раненым и увечным воинским чинам и содержало общину сестер милосердия. Член Казанской судебной палаты Н. Н. Галкин-Враской, по данным на 1893–1894 гг., являлся членом местного управления данного общества [Памятная книжка Казанской губернии 1894: 65, 99]. Председатель гражданского департамента Виленской судебной палаты М. М. Котляревский, по данным на 1906 г., являлся членом местного управления данного общества [Памятная книжка Виленской губернии 1906: 94–95]. Председатель департамента Виленской судебной палаты И. Г. Данилов, по данным на 1909 г., также был членом местного управления общества [Памятная книжка Виленской губернии 1909: 95]. Старший председатель Саратовской судебной палаты А. А. Миндер, по данным на 1912 г., являлся членом управления Саратовского местного управления указанного общества [Памятная книжка Саратовской губернии 1912: 119].

Еще одно общество – «Попечительство Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых» – осуществляло призрение, обучение и воспитание глухонемых. Представители палат содействовали его целям денежными взносами и личным трудом. Среди обществ, помогавших попавшим в трудную жизненную ситуацию, в работе которых участвовали члены палат, были и общество пособия бедным, общество попечительства лицам, отбывшим наказание, и бесприютным детям. Представители судебных палат занимались просветительской и благотворительной работой и в составе православных церковных братств, в частности «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии, «Братства во имя святых первоучителей славянских Кирилла и Мефодия» в Саратовской губернии, православного свято-духовского братства в Виленской губернии [Курас 2013: 18–19]. Так, по данным на 1909 г., одним из членов совета Виленского православного свято-духовского братства, находившегося под покровительством императора, являлся член Виленской судебной палаты Н. Н. Ридман [Памятная книжка Виленской губернии 1909: 57].

Члены судебных палат состояли и в советах губернских отделений Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых (учреждение существовало в России с 1881 г. как Мариинское попечительство для призрения слепых и было переименовано в 1888 г.). Его появление было продиктовано тем, что в конце XIX в. изменилось отношение просвещенной части российского общества к страдающим глазными заболеваниями. Начали внедряться передовые идеи в сфере профессионального образования, расширился круг сторонников обучения детей с нарушениями зрения, организации для них школ. Попечительство организовывало оказание медицинской помощи, развивало сеть учреждений для призрения, обучения и подготовки к трудовой жизни слепых детей. Внимание уделялось и мерам предупреждения слепоты [Люткене 2023: 21–22]. Члены судебных палат не оставались в стороне от указанной прогрессивной деятельности. К примеру, член Казанской палаты Н. Н. Галкин-Враской состоял в совете Казанского отделения общества [Памятная книжка Казанской губернии 1901: 141–142].

Члены судебных палат участвовали и в работе созданного в Российской империи в 1895 г. «Общества попечительства о народной трезвости». Его создание связано с тем, что на рубеже XIX–XX вв. в России проблема потребления алкоголя широкими слоями населения стала очень актуальной и привлекала к себе внимание специалистов и обывателей. Общественность и власть находились в поиске вариантов снижения алкоголизации населения. Цели общества определил Устав попечительств о народной трезвости, утвержденный 20 декабря 1894 г. В сферу его деятельности входило наблюдение за законной торговлей крепкими алкогольными напитками, распространение среди населения информации о вреде неумеренного потребления спиртного, поиск средств для предоставления возможности населению проводить досуг без алкоголя, «попечение об открытии и содержании лечебных приютов для страдающих запоем», содействие уч-

реждениям и частным обществам, деятельность которых направлена на достижение тех же целей. Отделения общества создавались на губернском и уездных уровнях во главе с губернаторами и предводителями уездного дворянства [Шевченко 2021: 430–431]. Члены судебных палат не оставались в стороне от работы таких обществ. К примеру, член Виленской судебной палаты Ф. П. Добужинский, по данным на 1906 г., являлся председателем городского комитета Виленского отделения указанного общества. Член этой же палаты П. Ф. Кобеко был участковым попечителем городского комитета общества [Памятная книжка Виленской губернии 1906: 101].

Представители судов нередко вовлекались в благотворительную деятельность, сдавая денежные средства на общественно значимые мероприятия. К примеру, в Иркутске был создан Комитет по высочайше разрешенному сбору средств и сооружению памятника державному основателю Великого Сибирского пути в бозе почившему императору Александру III. 24 мая 1906 г. председатель комитета обратился к председателю Иркутской судебной палаты Николаю Петровичу Еракову с просьбой принять участие в работе этого комитета как представителя высшей судебной власти в крае [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 411. Л. 145]. Члены Иркутской судебной палаты не остались в стороне от столь значимого мероприятия.

Кроме того, благотворительная деятельность судей имела и другие формы. Так, 27 ноября 1904 г. в Москве в Голицынской лечебнице умер член Иркутской судебной палаты П. Ф. Руднев, оставив по завещанию свою библиотеку Иркутской городской библиотеке [Романов 1994: 45].

Общественно значимая деятельность членов судебных палат по поддержанию научных, образовательных и иных подобных организаций

Представители судебных палат активно участвовали и в деятельности научных, образовательных и иных подобных организаций. К примеру, они поддерживали работу губернских статистических комитетов, которые начали создаваться по закону от 20 декабря 1834 г. и включали в себя руководителей основных учреждений губерний: предводителя дворянства, вице-губернатора, попечителя гимназий и прочих училищ, прокурора и других чинов. Председателями комитетов назначались губернаторы, членами были «жители губернии, пользующиеся общим уважением». К основным функциям комитетов относились сбор и содержание в исправности данных: а) о населении губерний, областей, уездов, городов и других населенных пунктов с распределением жителей по полу, сословиям, вероисповеданию, расселению и степени водворения и о движении населения; б) о пространстве и распределении земель, о числе поселений; в) о составе губернского управления; г) о состоянии губернского хозяйства и др.

Сведения по установленным рубрикам доставлялись для обработки в Петербург и превратились со временем в важный источник исторических знаний о России [Щавелев 2021: 30–31]. Статистические комитеты ежегодно издавали памятные книжки и другие справочно-информационные издания, имеющие в настоящее время весьма высокую ценность для исследователей [Курас Т. Л., Курас С. Л. 2020: 219–220]. Члены судебных палат не оставались в стороне от работы. К примеру, член Саратовской судебной палаты Н. Н. Минх, по данным на 1910 г., был действительным по выбору членом Саратовского статистического комитета [Памятная книжка Саратовской губернии 1910: 61–62].

Учебные заведения также не оставались без поддержки служащих судов. К примеру, член Виленской судебной палаты Ф. П. Добужинский, по данным на 1906 г., являлся членом попечительского совета частной женской гимназии [Памятная книжка Виленской губернии 1906: 39–41, 116]. Член этой же палаты Ф. А. Соколов, по данным на 1909 г., входил в состав попечительского совета указанной гимназии [Памятная книжка Виленской губернии 1909: 39–41, 116]. Члены палат участвовали и в деятельности, к примеру, Императорского музыкального общества под покровительством Великой княгини Александры Иосифовны. Так, председатель 2-го гражданского департамента Виленской палаты М. М. Котляревский, по данным на 1906 г., являлся директором Виленского отделения общества [Памятная книжка Виленской губернии 1906: 110].

Оценка общественно значимой деятельности судей при присвоении им звания почетного гражданина

Министерство юстиции подчеркивало высокую значимость занятия служащими судебного ведомства общественно полезной деятельностью. Председателям судов 13 февраля 1901 г. направлено разъяснение, в каких случаях можно ходатайствовать о присвоении судьям звания почетного гражданства. Разъяснялось, что следует учитывать заслуги, положенные в основание ходатайств о присвоении звания и занимаемое представляемыми лицами общественное положение. Подчеркивалась необходимость строгой оценки рода деятельности и общественного положения представляемых лиц. Условием должно быть осуществление продолжительной, полезной на разных поприщах деятельности [ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 2. Л. 63]. Представляется, что в палатах служило немало достойных представителей судейского сообщества, активно участвовавших в деятельности благотворительных и общественных организаций и заслуживших присвоения им звания почетного гражданина. К примеру, член Казанской палаты С. В. Дьяченко, по данным на 1901 г., состоял в семи обществах! Он являлся гласным Городской думы, членом Губернского экономического совета, представителем Казанского уезда в гласном губернском Земском собрании, товарищем председателя комитета по заведыванию библиотекой Святого Владимира, почетным попечителем реального училища, почетным членом Казанской художественной школы, гласным Земского собрания уездной земской управы [Памятная книжка Казанской губернии 1901: 20, 25–26, 31, 68, 133, 195].

Заключение

Таким образом, члены судебных палат Российской империи активно занимались благотворительной и иной общественно полезной деятельностью. Не ограничиваясь осуществлением правосудия, они работали на благо государства и общества. Это демонстрировало их активную жизненную позицию, способствовало повышению авторитета судебной власти и практической реализации прогрессивных идей. Представляется целесообразным обращаться к положительному историческому опыту участия судейского сообщества в благотворительных обществах и иной значимой общественной деятельности.

Источники и литература

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 245, оп. 1, д. 411; ф. 246, оп. 6, д. 2.

Памятная книжка Виленской губернии на 1906 год. – Вильна: Губерн. тип., 1906. – 299 с.

Памятная книжка Виленской губернии на 1909 год. – Вильна: Губерн. тип., 1909. – 451 с.

Памятная книжка Иркутской губернии на 1911 г. – Иркутск: Губерн. тип., 1911. – 258 с.

Памятная книжка Казанской губернии за 1893–1894 гг. – Казань: Тип. губерн. правл., 1894. – 235 с.

Памятная книжка Казанской губернии за 1901 г. – Казань: Тип. губерн. правл., 1901. – 386 с.

Памятная книжка Саратовской губернии на 1904 год. – Саратов: Паровая скоропечатня губерн. правл., 1904. – 368 с.

Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 год. – Саратов: Паровая скоропечатня губерн. правл., 1910. – 314 с.

Памятная книжка Саратовской губернии на 1912 год. – Саратов: Паровая скоропечатня губерн. правл., 1912. – 337 с.

Андреева Ю. В. Участие общества попечительного о тюрьмах и других организаций патрона в деятельности уголовно-исполнительной системы России / Ю. В. Андреева // Вестник КрасГАУ. – 2012. – № 5. – С. 437–443.

Курас Т. Л. Служба в судебных палатах, действовавших на центральных, западных и восточных территориях Российской империи / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3(54). – С. 15–21.

Курас Т. Л. Общественная деятельность служащих судебных палат Российской империи (1866–1917 гг.) / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 4(63). – С. 16–22.

Курас Т. Л. Деятельность судебных палат Российской империи и органов тюремного ведомства на страницах памятных книжек / Т. Л. Курас, С. Л. Курас // Власть. – 2020. – № 3. – Т. 28. – С. 219–224.

Лозовская Е. Г. Благотворительная деятельность ведомства учреждений Императрицы Марии Федоровны / Е. Г. Лозовская, Л. В. Харинина // Вестник ВолГУ. – 2007. – Сер. 7. – Вып. 6. – С. 136–139.

Люткене Г. В. Губернские отделения попечительства императрицы Марии Александровны о слепых в конце XIX века / Г. В. Люткене // Научные исследования и современное образование: мат.-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (г. Чебоксары, 5 апреля 2023 г.) / гл. ред. О. Н. Широков. – Чебоксары: ООО «Центр научного сотрудничества Интеллектив плюс», 2023. – С. 18–28.

Романов Н. С. Летопись г. Иркутска за 1902–1924 г. / Н. С. Романов. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 554 с.

Шевченко И. А. Попечительство о народной трезвости в России начала XX века: от винной монополии до «сухого закона» / И. А. Шевченко // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 426–450.

Щавелев С. П. Губернские статистические комитеты в истории русской археологии / С. П. Щавелев // Археология евразийских степей. – 2021. – № 5. – С. 29–41.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 245, op. 1, d. 411; f. 246, op. 6, d. 2.
Pamyatnaya knizhka Vilenskoj gubernii na 1906 god. – Vil'na: Gubern. tip., 1906. – 299 s.
Pamyatnaya knizhka Vilenskoj gubernii na 1909 god. – Vil'na: Gubern. tip., 1909. – 451 s.
Pamyatnaya knizhka Irkutskoj gubernii na 1911 g. – Irkutsk: Gubern. tip., 1911. – 258 s.
Pamyatnaya knizhka Kazanskoj gubernii za 1893–1894 gg. – Kazan': Tip. gubern. pravl., 1894. – 235 s.
Pamyatnaya knizhka Kazanskoj gubernii za 1901 g. – Kazan': Tip. gubern. pravl., 1901. – 386 s.
Pamyatnaya knizhka Saratovskoj gubernii na 1904 god. – Saratov: Parovaya skoropechatnaya gubern. pravl., 1904. – 368 s.
Pamyatnaya knizhka Saratovskoj gubernii na 1910 god. – Saratov: Parovaya skoropechatnaya gubern. pravl., 1910. – 314 s.
Pamyatnaya knizhka Saratovskoj gubernii na 1912 god. – Saratov: Parovaya skoropechatnaya gubern. pravl., 1912. – 337 s.
Andreeva Yu. V. Uchastie obshchestva popechitel'nogo o tyur'mah i drugih organizacij patronata v deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossii / Yu. V. Andreeva // Vestnik KrasGAU. – 2012. – № 5. – С. 437–443.
Kuras T. L. Sluzhba v sudebnyh palatah, dejstvovavshih na central'nyh, zapadnyh i vostochnyh territoriyah Rossijskoj imperii / T. L. Kuras // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2011. – № 3(54). – С. 15–21.
Kuras T. L. Obshchestvennaya deyatel'nost' sluzhashchih sudebnyh palat Rossijskoj imperii (1866–1917 gg.) / T. L. Kuras // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2013. – № 4(63). – С. 16–22.
Kuras T. L. Deyatel'nost' sudebnyh palat Rossijskoj imperii i organov tyuremnogo vedomstva na stranicah pamyatnyh knizhek / T. L. Kuras, S. L. Kuras // Vlast'. – 2020. – № 3. – Т. 28. – С. 219–224.
Lozovskaya E. G. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' vedomstva uchrezhdenij Imperatricy Marii Fedorovny / E. G. Lozovskaya, L. V. Harinina // Vestnik VolGU. – 2007. – Сер. 7. – Вып. 6. – С. 136–139.

Lyutkene G. V. Gubernskie otdeleniya popechitel'stva imperatricy Marii Aleksandrovny o slepyh v konce XIX veka / G. V. Lyutkene // Nauchnye issledovaniya i sovremennoe obrazovanie: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uch. (g. Cheboksary, 5 aprelya 2023 g.) / gl. red. O. N. Shirokov. – Cheboksary: OOO «Centr nauchnogo sotrudnichestva Interaktiv plyus», 2023. – S. 18–28.

Romanov N. S. Letopis' g. Irkutsk za 1902–1924 g. / N. S. Romanov. – Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1994. – 554 s.

Shevchenko I. A. Popechitel'stvo o narodnoj trezvosti v Rossii nachala XX veka: ot vinnoj monopolii do «suhogo zakona» / I. A. Shevchenko // Nauchnyj dialog. – 2021. – № 1. – S. 426–450.

Shchhavelev S. P. Gubernskie statisticheskie komitety v istorii russkoj arheologii / S. P. Shchhavelev // Arheologiya evrazijskih stepej. – 2021. – № 5. – S. 29–41.

УДК: 622.33(571.56-22)

ББК: 33.31(2Рос.Яку-37)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-100-104

В. В. Артемьева

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОИСК И ОБОСНОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ РАЗРАБОТКИ САНГАРСКОГО КАМЕННОУГОЛЬНОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ (1920-е гг.)

Статья посвящена геологической разведке и первым мероприятиям по промышленной разработке Сангарского каменноугольного месторождения. На основе архивных источников Национального архива РС(Я) рассматривается период становления угольной промышленности республики в 1920–1930-е гг. Сделан вывод, что промышленное освоение Сангарского каменноугольного месторождения имело огромное значение для развития морского пути в Арктику, значительно сократило расходы на транспортировку и повысило рентабельность речных и морских перевозок.

Ключевые слова: история Якутии, угольная промышленность, индустриализация, освоение месторождения угля, Сангарские угольные копи.

V. V. Artemyeva

GEOLOGICAL SEARCH AND JUSTIFICATION OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE SANGAR COAL DEPOSIT (1920S)

The article is devoted to geological exploration and the first measures for the industrial development of the Sangar coal deposit. On the basis of archival sources of the National Archive of the RS(Ya), the period of formation of the coal industry of the republic in the 1920s–1930s is considered. It is shown that the first steps in the development of coal deposits took place in difficult conditions of a shortage of qualified personnel, insufficient experience in managing and deploying industrial developments in difficult natural and climatic conditions of Yakutia. It is concluded that the industrial development of the Sangar coal deposit had a huge impact on the development of the sea route to the Arctic, reducing transportation costs and increasing the profitability of river and sea transportation.

Keywords: the history of Yakutia, the coal mining industry, mineral resources, mining, development of coal deposits, Sangar coal mines.

Процесс создания основ новой экономики, начавшийся в Якутии в 1920-е гг., был нацелен на скорейшее решение задач освоения доступных месторождений полезных ископаемых и их промышленной разработки. Среди самых необходимых для растущей экономики полезных ископаемых был уголь. С первых дней существования Якутской автономии делу создания угледобывающих предприятий стало придаваться большое значение, так как это был практически первый опыт создания промышленных предприятий и шахтного строительства в условиях севера.

Научная литература по тематике исследования довольно обширна, как на общероссийском, так и на региональном уровне. Одним из первых обобщающих трудов стала работа Г. Г. Колесова и С. Г. Потапова [1937], в которой впервые освещена проблема угледобычи в республике и заложен фундамент для дальнейшего изучения угольной промышленности в Якутии.

В 1946 г. вышла в свет монография Н. Н. Долгополова [1946], которая стала значительным достижением в изучении угольных ресурсов региона. Автор провел детальное исследование более 16 угольных месторождений, сравнив их свойства и определив потенциальные области применения угля.

В 1950-е гг. начался новый этап в изучении угольной промышленности Якутии. Появились труды, посвященные истории промышленной разработки отдельных угольных месторождений. Одной из первых является статья М. В. Местниковой, где впервые рассматривались этапы становления Сангарского угольного рудника [1957]. В монографии С. И. Бояковой показана роль Главного управления Северного морского пути в формировании угольной промышленности Якутской АССР и освещен его вклад в историю развития предприятий Зырянского, Кангаласского, Согинского угольных месторождений [1995].

В 1920–1930-е гг. на территории Якутии одним из самых крупных районов промышленной разработки угля являлось Сангарское месторождение. Первые сведения об углях на берегу р. Лены в районе Сангар появились еще до революции. Наиболее интенсивные поиски угольных месторождений на территории Якутии начались во время и после деятельности Русской Полярной экспедиции под руководством Э. В. Толля (1900–1903). Однако в тот период попытки участника экспедиции лейтенанта Н. Н. Коломйцева организовать добычу и доставку крупной партии угля для яхты «Заря» в район между г. Якутском и Булуном закончились неудачей. В дальнейшем поиски угля в устьях рек Амги и Вилюя предпринимались Якутской областной администрацией, но, не носившие постоянного характера, они не увенчались успехом [Она же 2007: 76].

Владельцы компании «Наследники А. И. Громовой» – И. И. Громов и М. В. Пихтин были заинтересованы в разработке угольного месторождения в районе Санахай (Сангар-Хая) в связи с тем, что пароход их компании осуществлял рейсы по низовьям р. Лена, где с конца XIX в. наблюдалось активное развитие рыболовства. В 1913 г. ими подана заявка в Горный округ на разработку площади выхода угольных пластов в районе Сангар-Хая, расположенной в 75 верстах от устья р. Вилюй. Предварительно здесь работала экспедиция в составе 8 человек во главе со штейгером Л. А. Либерманом. По сообщению газеты «Якутская окраина», залежи угля около Булуна были признаны незначительными и не представляющими особого интереса, в то время как около Сангара и Жиганска места были застолблены [1911]. С результатами своих исследований Либерман ознакомил общественность в газете «Русские ведомости» (1913 г.) и в журнале «Южный инженер» (1915 г.) [Боякова 2007: 76].

Так, в начале XX в. сангарский уголь получил известность в Якутской области. Но, несмотря на положительное заключение о перспективности Сангарского месторождения, в дореволюционный период его не удалось ввести в промышленную эксплуатацию. Это объяснялось тем, что геологоразведочные работы и промышленная добыча угля были невозможны из-за технологических ограничений в суровых климатических условиях. Кроме того, Якутская область, не имеющая развитой промышленности, при небольшой численности населения, проживающей среди 150 млн га лесов, потребности в угле не испытывало [Местникова 1957: 54].

Промышленная разработка Сангарского угольного месторождения стала реальностью лишь в советский период. Освоение Нижне-Ленских каменноугольных месторождений, куда входило и Сангарское, стало важным фактором развития Северного морского пути и речного судоходства. В перечне важнейших задач народного хозяйства Якутии добыча угля должна была стать одной из ведущих отраслей хозяйства, а угледобывающая промышленность – составить производственную базу для развития в Якутской АССР речного и морского транспорта, местной промышленности, расширения золотодобычи, разведки и промышленной разработки таких полезных ископаемых, как олово, серебро, железная руда, каменная соль и др. [Бурнашева, Ковлеков 2021: 283].

Программа восстановления экономики Якутии, направленная на вывод хозяйства края из кризиса и налаживание мирной жизни, принята I Всеякутским учредительным съездом Советов в 1922 г. Согласно плану восстановления хозяйства республики, базовой основой экономического возрождения республики должны были стать добывающая и обрабатывающая отрасли промышленности, создание которых требовалось начать с интенсивного исследования и эксплуатации естественных богатств края. Хозяйственным органам ЯАССР надлежало во главу угла своей деятельно-

сти поставить интенсивное исследование и эксплуатацию уже разведанных естественных богатств республики. VI Всеякутский съезд Советов (17 февраля – 4 марта 1929 г.) принял во внимание значительные успехи по расширению развития золотой промышленности и отметил, что интерес правительства должен быть направлен на усиление работы по другим видам добывающей промышленности, как то: соли, каменного угля, свинца и т. д.

Наметившиеся в середине 1920-х гг. на территории Якутской АССР быстрые темпы развития золотодобывающей промышленности значительно усилили потребность в промышленной разработке новых, ранее не осваивавшихся видов полезных ископаемых, среди которых на первое место по важности вышла промышленная разработка месторождений каменного угля, так как его добыча была сопряжена с меньшими затратами средств и рабочей силы, чем практиковавшаяся в 1920-е гг. заготовка и вывоз древесного топлива [Бурнашева 2020: 285].

На VII Всеякутском учредительном съезде Советов (17 января – 1 февраля 1931 г.) предлагалось осуществить переход на промышленную разработку угольных месторождений с целью полного удовлетворения минеральным топливом промышленных и транспортных нужд ЯАССР и развертывания угольной промышленности как основной энергетической базы будущей тяжелой индустрии [Всеякутские съезды... 1972: 239]. Особое внимание также было уделено развитию транспортной инфраструктуры, поскольку ее отсутствие стало серьезным препятствием для развития всего народного хозяйства. Правительству была поставлена задача, помимо полного выполнения всех мероприятий, запроектированных контрольными цифрами по Ленгосречфлоту на 1931 г., добиться максимального перевода судов с древесного отопления на каменноугольное до конца пятилетки [Там же: 259].

В 1927 г. для изучения и разработки недровых богатств республики СНК ЯАССР образовал Якутскую горнотехническую контору при Наркомторгпроме, в ведение которой перешли и Сангарские угольные копи [История Якутии 2021: 156]. Еще в 1925 г. по заданию угольной секции Геологического комитета ВСНХ РСФСР в Якутию был командирован геолог Г. А. Иванов, который представил предварительный отчет о произведенных им геологических работах по исследованию Кангаласского и Сангарского месторождений каменного угля. Для Горнотехнической конторы особенно важным оказалось положительное заключение Г. А. Иванова относительно сангарского угля. Тем не менее данный отчет не был подкреплён разведочными работами, что не позволяло с полной уверенностью оценить потенциал Сангарского месторождения.

Разведка и разработка Нижне-Ленских месторождений каменного угля стали важным фактором для развития северного мореплавания. Исследования этих месторождений приобретают особую значимость, так как открытие и освоение угольных запасов напрямую связано с будущим Ленского пароходства и северного каботажного плавания.

Летом 1927 г. пароход «Колыма» совершил рейс из Владивостока к устью Лены и был вынужден взять запас сучанского угля во Владивостоке, хватившего на весь рейс туда и обратно. Такая практика вела к значительному увеличению расходов на транспортировку и снижала рентабельность перевозок. Подчеркивалось, что каботажная операция никогда и ни при каких условиях не будет рентабельна, следовательно, может осуществляться только на условиях дотации [НА РС(Я). Ф. 526, Оп. 1. Д. 17. Л. 121]. Использование же сангарских углей, наоборот, позволило судам, совершающим рейсы к устью Лены, заправляться местным топливом на обратном пути, по крайней мере до Берингова пролива.

Организованная в 1927 г. геологоразведочная партия под руководством В. Н. Кузнецова и Л. Т. Софронова по исследованию Сангарского, Жиганского, Булунского месторождений и по рч. Сого, впадающей в бухту Тикси, установила, что уголь оказался наносным [Там же. Л. 122]. В геологическом отчете указанных специалистов месторождения описаны весьма подробно и обстоятельно. Они также представили тщательно составленные коллекции образцов угля из всех пластов, входящих в каждое месторождение, а также образцы пород, которые покрывают и подстилают угольные толщины.

Располагая промышленными пробами нижнеленских углей, Горнотехническая контора направила их Восточно-Сибирскому отделению Геологического института в Иркутске для технического анализа 43 пробы и в Московский теплотехнический институт для химического и теплотехнического анализа 11 проб, который впоследствии дал положительное заключение о теплопроводности сангарского угля.

Обширность работы, произведенной Горнотехнической конторой в 1927 г. по обследованию нижнеленских каменных углей, нашла свое отражение в представленном к печати отчете техников Кузнецова и Софронова на 59 листах (236 с.) со многими картами и фотоснимками. Впоследствии отчет издан Якутской комиссией Академии наук [НА РС(Я). Ф. 526, Оп. 1. Д. 17. Л. 125об.].

22 декабря 1927 г. в Сангары направлена партия из 20 чел. во главе со строителем Смаховым, десятником Поликарповым и завхозом Гребинским. Группа остановилась в дикой тайге, где кроме глубокого снега и леса ничего не было. В ведомости производственных построек за 1928–1929 гг. отмечено, что за пять месяцев были возведены три барака для проживания, амбулатория, контора, эстакада, временный пороховой, динамический склады, кузница, амбар, подвал, баня, временная пекарня [Там же. Л. 126]. «Не было даже магазина или лавки, поэтому продукты и товары рабочие получали со склада предприятия по “заборным” книжкам. Весь транспорт состоял из 6 лошадей. Дома освещались керосиновыми лампами. В 1931 г. открыли школу с двумя классами. Техническое руководство горными работами осуществлял инженер, обслуживавший одновременно два рудника: он постоянно жил на Кангаласском руднике и лишь три-четыре раза в год приезжал ненадолго в Сангарский рудник» [Местникова 1957: 54]. Добыча угля проводилась кустарным способом – вручную. В обрывистом берегу р. Лены, в обнаженных выходах угля закладывались штольни, где в качестве рельсов применялись деревянные бруски [Боякова 1995: 69]. Откатка угля производилась на тележках, выполненных вручную.

Промышленная эксплуатация Сангарского месторождения велась силами республики с 1928 г., когда были добыты первые 1800 т угля. На VII Всеякутском съезде Советов (17 января – 1 февраля 1931 г.) в центре внимания Якутского правительства и всех советских хозяйственных учреждений, организаций и общественности встал вопрос о разрешении транспортной проблемы. В ближайшие годы правительству необходимо было сделать упор на максимальное использование сплавных и судоходных рек республики. Помимо полного выполнения всех мероприятий, запроектированных контрольными цифрами первой пятилетки по Ленгосречфлоту на 1931 г., ставился перевод судов с древесного отопления на каменноугольное.

В августе 1934 г. Сангарские и Кангаласские угольные копи переданы Якутскому тресту ГУСМП, несмотря на упорное несогласие и сопротивление руководства республики. Высокие теплотворные качества угля и отсутствие вблизи трассы Северного морского пути других месторождений определили специализацию Сангарского рудника как основной топливной базы морского и речного флота Главсевморпути [Там же: 74].

Таким образом, в процессе восстановления народного хозяйства угольной промышленности уделяли особое внимание, поскольку уголь считался одним из важнейших источников топлива. СНК ЯАССР осознавало, что от развития горнодобывающей промышленности будут зависеть все остальные отрасли местной промышленности и сельского хозяйства. В связи с этим была образована Якутская горнотехническая контора при Наркомторгпроме, в задачи которой входило изучение и разработка недровых богатств республики. Изменения, произошедшие в географии топливной промышленности, а именно разведка и разработка Сангарских угольных копей, связаны с намерением снизить расходы на завоз топливных ресурсов в арктические районы и открыли новые возможности для развития судоходства в Арктике, сделав морские перевозки более доступными и эффективными.

Источники и литература

- Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)): ф. 526, оп. 1, д. 17.
- Всеякутские съезды Советов: док-ты и мат-лы. 1922–1937 / под общ. ред. М. М. Федорова. – Якутск: Кн. изд-во, 1972. – 375 с.
- Боякова С. И. Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 – июнь 1941 гг.) / С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 1995. – 124 с.
- Боякова С. И. Шахта «Сангарская» / С. И. Боякова // Кобяйский улус: история, культура, фольклор. – Якутск: Бичик, 2007. – С. 72–86.
- Бурнашева Н. И. Власть и управление национальной окраиной: экономика Якутии в XIX – первой трети XX века / Н. И. Бурнашева. – М.: АИРО – XXI, 2020. – 320 с.
- Бурнашева Н. И. Формирование топливно-энергетической системы Якутии в 1920–1930-е годы / Н. И. Бурнашева, И. И. Ковлеков // Научный диалог. – 2021. – № 9. – С. 278–291.
- Якутская окраина. – 1911. – № 207.
- Долгополов Н. Н. Угли Якутии / Н. Н. Долгополов // Труды горно-геологического управления. Вып. 29. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1946. – 98 с.
- История Якутии: в 3 т. Т. III / под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2021. – 591 с.
- Колесов Г. Г. Советская Якутия / Г. Г. Колесов, С. Г. Потапов. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 339 с.
- Местникова М. В. Сангарский угольный рудник / М. В. Местникова // Якутский республиканский краеведческий музей им. Е. Ярославского: сб. ст. Вып. II. – Якутск, 1957. – С. 53–55.

References

- Nacional'nyj arhiv Respubliki Saha (Yakutiya) (NA RS(Ya)): f. 526, op. 1, d. 17.
- Vseyakutskie s'ezdy Sovetov: dok-ty i mat-ly. 1922–1937 / pod obshch. red. M. M. Fedorova. – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1972. – 375 s.
- Boyakova S. I. Glavsevmorput' v osvoenii i razvitii Severa Yakutii (1932 – iyun' 1941 gg.) / S. I. Boyakova. – Novosibirsk: Nauka, 1995. – 124 s.
- Boyakova S. I. Shahta «Sangarskaya» / S. I. Boyakova // Kobyajskij ulus: istoriya, kul'tura, fol'klor. – Yakutsk: Bichik, 2007. – S. 72–86.
- Burnasheva N. I. Vlast' i upravlenie nacional'noj okrainoj: ekonomika Yakutii v XIX – pervoj treti XX veka / N. I. Burnasheva. – M.: AIRO – XXI, 2020. – 320 s.
- Burnasheva N. I. Formirovanie toplivno-energeticheskoy sistemy Yakutii v 1920–1930-e gody / N. I. Burnasheva, I. I. Kovlekov // Nauchnyj dialog. – 2021. – № 9. – S. 278–291.
- Yakutskaya okraina. – 1911. – № 207.
- Dolgoplov N. N. Ugli Yakutii / N. N. Dolgoplov // Trudy gorno-geologicheskogo upravleniya. Vyp. 29. – M.; L.: Izd-vo Glavsevmorputi, 1946. – 98 s.
- Istoriya Yakutii: v 3 t. T. III / pod obshch. red. A. N. Alekseeva; otv. red. S. I. Boyakova. – Novosibirsk: Nauka, 2021. – 591 s.
- Kolesov G. G. Sovetskaya Yakutiya / G. G. Kolesov, S. G. Potapov. – M.: Socekiz, 1937. – 339 s.
- Mestnikova M. V. Sangarskij ugol'nyj rudnik / M. V. Mestnikova // Yakutskij respublikanskij kraevedcheskij muzej im. E. Yaroslavskogo: sb. st. Vyp. II. – Yakutsk, 1957. – S. 53–55.

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(2Р54)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-105-110

А. М. Плеханова, А. А. Ширапов

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР
В ПЕРИОД НЭПа: СПЕЦИФИКА И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
(1923–1925 гг.)

Статья посвящена исследованию начального этапа создания банковского сектора Бурят-Монгольской АССР. Авторами доказано, что процесс формирования региональной сети финансово-кредитных учреждений в первой половине 1920-х гг. имел свою специфику, обусловленную наследием дореволюционной банковской системы и финансово-кредитного сектора ДВР, а также влиянием новой экономической политики.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, новая экономическая политика, банк, финансы, кредит.

A. M. Plekhanova, A. A. Shirapov

THE BANKING SYSTEM OF THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR
IN THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY:
SPECIFICITY AND CONDITIONS OF FORMATION (1923–1925)

The article is devoted to the study of the initial stage of the creation of the banking sector of the Buryat-Mongolian ASSR. The authors have proven that the process of forming a regional network of financial and credit institutions in the first half of the 1920s had its own specifics, conditioned by the legacy of the pre-revolutionary banking system and the financial and credit sector of the Far Eastern Republic, as well as the influence of the new economic policy.

Keywords: Buryat-Mongolian ASSR, new economic policy, bank, finance, credit.

30мая 1923 г. Президиум ВЦИК принял постановление об объединении автономных областей бурят-монгол РСФСР и ДВР и образовании Бурят-Монгольской АССР. На момент создания народное хозяйство республики находилось в состоянии кризиса. К началу 1923 г. фабрично-заводская промышленность представлена 16 действующими предприятиями с 854 рабочими. По сравнению с предреволюционным временем количество предприятий и занятых рабочих уменьшилось почти наполовину, а объем производства – более чем в три раза. Не менее тяжелая ситуация наблюдалась в сельском хозяйстве. Посевная площадь на территории, входившей в состав Бурят-Монгольской автономной области РСФСР, сократилась с 79,6 тыс. десятин в 1917 г. до 40,8 тыс. в 1922 г. Пострадало и животноводство – основная отрасль хозяйства бурят. В восточных аймаках, входивших в состав Бурят-Монгольской автономной области ДВР, в 1916 г. насчитывалось 1809,4 тыс. голов скота, в 1922 г. – 773,72 [Плеханова 2011: 271, 122–123].

Несмотря на столь сложное положение, власти республики прилагали максимум усилий для улучшения ситуации. К концу 1925 г. функционировало уже 19 промышленных предприятий, число рабочих выросло до 1081 чел. При этом стоимость произведенной продукции возросла по сравнению с 1924 г. почти на 100 % – с 2600 до 4500 тыс. руб. Наметились положительные сдвиги и в сельском хозяйстве. Поголовье скота в 1923 г. составляло 1405,2 тыс., а в 1925 г. уже 1594,4 тыс., увеличившись на

ПЛЕХАНОВА Анна Максимовна – доктор исторических наук, доцент, и. о. директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: plekhanova.am@mail.ru.

ШИРАПОВ Алдар Амгаланович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: agmaren@mail.ru.

14 %. Торговый сектор республики также демонстрировал положительную динамику. Товарооборот возрос с 19818 тыс. руб. в 1924 г. до 31005 тыс. по итогам 1925 г. [Плеханова 2011: 275, 231, 254]. Во многом данные успехи стали возможны благодаря восстановлению кредитных функций, что стало одной из характерных черт развития финансовой системы государства в период реализации новой экономической политики (НЭП).

По состоянию на 1925 г. на территории Бурят-Монгольской АССР действовали отделения Государственного банка (Госбанк), Дальневосточного банка (Дальбанк), Бурят-Монгольского общества сельскохозяйственного кредита (Бурсельскредит) [Бурят-Монгольская... 1926: 150]. 8 декабря 1925 г. открыло свои действия Верхнеудинское общество взаимного кредита (ВОВК) [ГАРБ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 31. Л. 56об.]. Основная задача финансовых организаций заключалась в обеспечении необходимыми капиталами региональной экономики. Так, только в 1925 г. Бурсельскредит кредитовал аграрный сектор на сумму 700 тыс. руб. [Бурят-Монгольская... 1926: 78–79].

Советской власти удалось в кратчайшие сроки развернуть на территории новообразованной республики действующую систему финансово-кредитных организаций. Возникает вопрос: что же стало причиной данного успеха? Тем более что имелись обстоятельства, которые должны были стать препятствиями на пути создания банковской системы.

Первая причина крылась в специфике исходной ситуации. К началу революционных событий 1917 г. Западное Забайкалье располагало развитой сетью финансово-кредитных организаций, включавшей в себя отделение Государственного банка в Кяхте, четыре филиала Русско-Азиатского и Сибирского торговых банков в Верхнеудинске и Троицкосавске, два верхнеудинских и одно кяхтинское общества взаимного кредита и 19 сельских кредитных товариществ. Спустя всего пять лет (с закрытием 1 сентября 1921 г. Верхнеудинского отделения Русско-Азиатского банка) на территории региона не осталось ни одного ссудо-сберегательного учреждения [Ширапов 2023: 144], что было следствием советской политики, направленной согласно Декрету ВЦИК «О национализации банков» на ликвидацию имперской банковской системы.

Проводившаяся в условиях военного времени политика военного коммунизма подразумевала не только закрытие банков, но и полную ликвидацию денежного оборота. Постановлением СНК от 11 октября 1920 г. для ряда государственных учреждений, предприятий и должностных лиц была отменена оплата за почтовые и телеграфные операции, пользование водопроводом, телефоном, газом, электричеством и т. д. Особо подчеркивалось, что «под упразднением платы в смысле настоящего постановления разумеется не только отмена платы наличными, но также отмена по указанным расчетам оборотных перечислений в денежной форме» [Декреты... 1983: 43–45]. Попытка окончательной ликвидации денежных знаков как расчетных средств предпринята 4 декабря 1920 г., когда было введено прямое снабжение населения продуктами питания в форме фиксированных пайков. Однако на деле указанные меры привели лишь к росту цен и расцвету нелегальной торговли.

К началу 1921 г. правительство большевиков под давлением антисоветских мятежей пришло к пониманию необходимости поиска новых путей стабилизации экономического положения в стране. В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) принято решение о переходе к новой экономической политике, подразумевавшей введение ряда элементов рыночной экономики при сохранении централизованной финансовой системы, государственного сектора и монополии внешней торговли. В число мероприятий, призванных улучшить состояние народного хозяйства страны, входило создание банковской системы и запуск в оборот твердой валюты. Уже 3 августа 1921 г. Народный комиссариат финансов РСФСР объявил о полном отказе от всех мер, связанных с национализацией и ликвидацией бывших банковских учреждений.

Со вступлением в силу Постановления ВЦИК «Об учреждении Государственного банка РСФСР» от 4 октября 1921 г. «в целях способствования развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также концентрирования денежных

оборотов и проведения других мер, направляемых к установлению правильного денежного обращения» [Директивы... 1957: 270–271] в стране стартовал процесс формирования новой – советской – финансово-кредитной системы. К основным функциям Госбанка были отнесены кредитование крупной государственной промышленности, кооперативных и частных предприятий, крестьянских хозяйств и кустарей, прием и выдача денежных вкладов, покупка и продажа иностранных ценных бумаг и драгоценных металлов, кассовое исполнение бюджета, организация и осуществление расчетов между учреждениями, предприятиями, организациями и т. п. К 1 января 1923 г. на территории РСФСР действовало уже 169 постоянных офисов Госбанка [Уразова 2008: 70]. Активно открывались и другие финансово-кредитные организации.

Советским правительством планомерно были проведены мероприятия, направленные на ввод в оборот твердой валюты. 11 октября 1922 г. объявлено о выпуске Госбанком в обращение обеспеченных золотом банковских билетов – червонцев. Таким образом, уже в первые годы НЭПа в стране создана действующая банковская система и стабильная внутренняя валюта, что, безусловно, стало благоприятным исходным условием для оперативного восстановления кредитно-финансовых функций в молодой Бурят-Монгольской автономии.

Второе обстоятельство, повлиявшее на формирование сети ссудо-сберегательных организаций в Бурят-Монгольской АССР, заключалось в том, что до образования республики часть ее территории входила в состав Дальневосточной республики. В ДВР, согласно положениям Конституции, принятой 27 апреля 1921 г., провозглашались сохранение института частной собственности и возможность ведения личного бизнеса [Основной... 1921: 18–19]. С целью выхода из экономического кризиса руководство ДВР предприняло ряд реформ, направленных на стабилизацию финансового рынка и модернизацию банковской системы. 16 мая 1921 г. принят Закон «Об урегулировании денежного обращения в Дальневосточной Республике», согласно которому денежной единицей объявлялся российский золотой рубль. Благодаря этому удалось стабилизировать ситуацию на внутреннем рынке ДВР и подготовиться к проведению банковской реформы. К этому времени на Дальнем Востоке еще сохранились имперские кредитные учреждения в лице Русско-Азиатского и Государственного банков, однако они уже практически не действовали. Отделения Госбанка выполняли «чисто казначейские функции, так как банковские операции стали для них совершенно невозможными, благодаря интервенции и гражданской войне» [Отчет... 1924: 2]. 7 марта 1922 г. «с целью содействия кредитом развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли, регулирования денежного обращения и упрочения денежной системы Республики» правительством ДВР, Дальневосточным отделением Центросоюза и Читинской торгово-промышленной палатой учрежден Банк Дальневосточной республики [Устав... 1922: 1]. С открытием в октябре 1922 г. офисов банка в Чите, Верхнеудинске, Сретенске, Благовещенске, Хабаровске, Зейске и Свободненске ДВР получила собственную сеть ссудо-сберегательных учреждений.

После вхождения ДВР в состав РСФСР ее хозяйство, в т. ч. банковский сектор, было без особых трудностей интегрировано в советскую систему, что стало возможным благодаря следующим обстоятельствам. Согласно подписанному 17 февраля 1922 г. соглашению о взаимном экономическом союзе, РСФСР в обмен на разрешение на вывоз «продуктов и предметов, составляющих государственную монополию, а также преимущественное право скупки золота и пушнины» обязывался снабжать ДВР «солью, хлебом и другими предметами первой необходимости из Сибири» [Поречин 1922: 101].

Финансовый рынок Дальневосточной республики также испытывал значительное влияние советской стороны, регулярно оказывавшей ей материальную помощь. Общая сумма советских дотаций республике к 1922 г. составляла 14 млн руб. золотой и серебряной монетой [Слабнина 1998: 22]. После вхождения ДВР в состав РСФСР власти последней объявили действующими «все законы и обязательства ДВР в области финансовой и экономической, поскольку они не противоречат новой экономике РСФСР. В частности, Дальревком объявляет действующим на прежних основаниях бывший

банк Д.В. Республики, переименованный в Дальне-Восточный Банк, и гарантирует сохранение свободы золотого обращения на нашей Дальне-Восточной окраине» [Погребецкий 1924: 388]. В результате созданная в ДВР сеть филиалов Дальбанка с вхождением в состав РСФСР не только не была ликвидирована, но и довольно успешно продолжала свою деятельность. В их числе и открывшее свои действия 6 июля 1922 г. Верхнеудинское отделение банка, ставшее первой финансово-кредитной организацией БМАССР [Отчет... 1924: 3].

Препятствием на пути формирования банковской системы Бурят-Монгольской АССР могла стать нехватка квалифицированных кадров. Известно, что в годы Гражданской войны и военного коммунизма кадровый состав банковских служащих понес значительный урон. Первые потери в среде сотрудников финансово-кредитных учреждений начались уже в ноябре 1917 г. 11 ноября уволен без права на пенсию управляющий Государственным банком И. П. Шипов, а 21 ноября ВЦИК в ответ на массовую забастовку служащих Госбанка, протестующих против захвата учреждения большевиками, издал декрет, согласно которому предлагалось «Совету Народных Комиссаров принять самые энергичные меры для немедленной ликвидации саботажа контрреволюционеров Государственного банка» [Декреты... 1986: 30–31]. Протестные акции сотрудников Госбанка удалось прекратить лишь 9 декабря 1917 г. Часть забастовщиков была уволена со службы, часть арестована и помещена под стражу [Соколов 2010: 154–156].

Увольнения и сокращения банковских служащих затронули все финансово-кредитные учреждения, в т. ч. и на территории Западного Забайкалья. Так, по состоянию на 1 сентября 1918 г. число служащих Верхнеудинского отделения Русско-Азиатского банка составляло 18 чел. [Ширапов 2023: 144]. Спустя четыре года (на момент закрытия учреждения) их осталось всего четверо: директор П. Т. Трунев и служащие – П. Д. Калининский, С. А. Левиков, М. Д. Малых [РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 332. Л. 40об., 41].

После перехода к НЭПу советское руководство стало привлекать к работе служащих из числа дореволюционных специалистов. Разработкой и реализацией финансовой реформы занимались опытные финансисты – Н. Н. Кутлер, В. В. Тарновский, профессора Л. Н. Юровский, П. П. Гензель, А. А. Соколов и др. [Стеколыщикова 2012: 72]. Сотрудников банковских учреждений набирали из числа лиц, имевших опыт работы в финансово-кредитных организациях Российской империи. Одним из первых председателей правления Госбанка СССР был Н. Г. Туманов, ранее занимавший должность помощника заведующего отделением Русского для внешней торговли банка.

В Бурят-Монголии кадровый состав новых банков также активно пополнялся из числа бывших служащих имперских финансово-кредитных организаций. Например, штат работников Верхнеудинского отделения Госбанка был укомплектован сотрудниками закрывшихся офисов Русско-Азиатского, Сибирского торгового и Государственного банков [Из века... 2012: 59]. В число создателей и руководителей Верхнеудинского общества взаимного кредита, открывшего свои действия в конце 1925 г., входили управляющий и сотрудники дореволюционного ВОВК. Пост председателя общества занимал М. И. Родовский [ГАРБ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 66. Л. 4], состоявший до 1917 г. в совете старого ВОВК [Отчет... 1913: 4]. Обязанности одного из главных членов правления ВОВК исполнял Н. М. Батков [ГАРБ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 66. Л. 4] – бывший помощник бухгалтера дореволюционного Верхнеудинского общества взаимного кредита [Отчет... 1913: 4]. Привлечение на работу в советские ссудо-сберегательные организации служащих имперских банковских учреждений сыграло важную роль в формировании советской банковской системы.

Таким образом, создание сети финансово-кредитных организаций в Бурят-Монгольской АССР имело свою специфику и было обусловлено рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, совпавшим по времени образованием Бурят-Монгольской АССР с «переходным экзаменом» страны – НЭПом, благодаря чему республика стала частью государства, уже имеющего динамично формирующуюся банковскую систему; во-вторых, успешной интеграцией банковского сектора ДВР в советскую экономику; в-третьих, привлечением на службу профессиональных сотрудников из кадрового состава имперских финансово-кредитных учреждений.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)») № 121031000243-5.

Источники и литература

- Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. Р-200, оп. 1, д. 31, 66.
Российский государственный исторический архив (РГИА): ф. 630, оп. 1, д. 332.
Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1924–1925. – Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1926. – 409 с.
Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.: сб. док-тов: в 4 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1957. – 879 с.
Декреты Советской власти о Петрограде. 25 октября (7 ноября) 1917 г. – 29 декабря 1918 г. – Л.: Лениздат, 1986. – 287 с.
Декреты Советской власти: в 18 т. Т. XI: Октябрь – ноябрь 1920 г. – М.: Политиздат, 1983. – 467 с.
Основной закон (Конституция) Дальне-Восточной Республики: утв. Учредительным собранием Дальнего Востока 27 апреля 1921 г. – Чита: Гос. тип. № 1, 1921. – 24 с.
Отчет Верхнеудинского общества взаимного кредита за 1912 г. – Верхнеудинск: Тип. А. К. Кобылкина, 1913. – 23 с.
Отчет Дальне-Восточного Акционерного Банка за 2-й операционный год: январь – сентябрь. 1923 год. – Чита: Дальне-Восточно-Сибирское изд-во «Книжное дело», 1924. – 116 с.
Устав Банка Дальневосточной республики. – Чита: Типо-литогр. «Экспедиция заготовления государственных бумаг», 1922. – 38 с.
Из века в век. Банковское дело в Республике Бурятия. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. – 488 с.
Плеханова А. М. Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации / А. М. Плеханова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 441 с.
Погребецкий А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924) / А. И. Погребецкий. – Харбин: Об-во изучения Маньчжурского края; Чита: Дальневосточно-Сибирское об-во «Книжное дело», 1924. – 419 с.
Поречин Г. Е. Советские республики в их взаимоотношениях / Г. Е. Поречин. – Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1922. – 156 с.
Слабнина Л. А. От керенок к совдензнакам. Денежное обращение в 1917–1924 гг. / Л. А. Слабнина // Россия и АТР. – 1998. – № 3. – С. 17–27.
Соколов Е. Н. Борьба Советского государства с сопротивлением банковских служащих в 1917–1919 гг. / Е. Н. Соколов // Наука и школа. – 2010. – № 4. – С. 154–156.
Стеколыщикова Н. П. Финансы СССР в годы «военного коммунизма» и период новой экономической политики / Н. П. Стеколыщикова // Балтийский экономический журнал. – 2012. – № 1(7). – С. 68–80.
Уразова С. А. Кредитная система СССР в период НЭПа / С. А. Уразова // Финансы и кредит. – 2008. – № 37(325). – С. 69–80.
Ширапов А. А. История ликвидации Верхнеудинского отделения Русско-Азиатского банка (1921–1922 гг.) / А. А. Ширапов // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия): сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. – С. 142–144.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. R-200, op. 1, d. 31, 66.
Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA): f. 630, op. 1, d. 332.
Buryat-Mongol'skaya ASSR. Ocherki i otchety. 1924–1925. – Verhneudinsk: Gosplan BM ASSR, 1926. – 409 s.
Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. 1917–1957 gg.: sb. dok-tov: v 4 t. T. 1. – M.: Politizdat, 1957. – 879 s.

Dekrety Sovetskoj vlasti o Petrograde. 25 oktyabrya (7 noyabrya) 1917 g. – 29 dekabrya 1918 g. – L.: Lenizdat, 1986. – 287 s.

Dekrety Sovetskoj vlasti: v 18 t. T. XI: Oktyabr' – noyabr' 1920 g. – M.: Politizdat, 1983. – 467 s.

Osnovnoj zakon (Konstituciya) Dal'ne-Vostochnoj Respubliki: utv. Uchreditel'nym soborom Dal'nego Vostoka 27 aprelya 1921 g. – Chita: Gos. tip. № 1, 1921. – 24 s.

Otchet Verhneudinskogo obshchestva vzaimnogo kredita za 1912 g. – Verhneudinsk: Tip. A. K. Kobylkina, 1913. – 23 s.

Otchet Dal'ne-Vostochnogo Akcionernogo Banka za 2-j operacionnyj god: yanvar' – sentyabr'. 1923 god. – Chita: Dal'ne-Vostochno-Sibirskoe izd-vo «Knizhnoe delo», 1924. – 116 s.

Ustav Banka Dal'nevostochnoj respubliki. – Chita: Tipo-litogr. «Ekspediciya zagotovleniya gosudarstvennyh bumag», 1922. – 38 s.

Iz veka v vek. Bankovskoe delo v Respublike Buryatiya. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2012. – 488 s.

Plekhanova A. M. Buryatiya v 1920-e gg.: opyt social'no-ekonomicheskoy modernizacii / A. M. Plekhanova. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2011. – 441 s.

Pogrebeckij A. I. Denezhnoe obrashchenie i denezhnye znaki Dal'nego Vostoka za period vojny i revolyucii (1914–1924) / A. I. Pogrebeckij. – Harbin: Ob-vo izucheniya Man'chzhurskogo kraja; Chita: Dal'nevostochno-Sibirskoe ob-vo «Knizhnoe delo», 1924. – 419 s.

Porechin G. E. Sovetskie respubliki v ih vzaimootnosheniyah / G. E. Porechin. – Minsk: Gos. izd-vo Belorussii, 1922. – 156 s.

Slabnina L. A. Ot kerenok k sovdenznakam. Denezhnoe obrashchenie v 1917–1924 gg. / L. A. Slabnina // Rossiya i ATR. – 1998. – № 3. – S. 17–27.

Sokolov E. N. Bor'ba Sovetskogo gosudarstva s soprotivleniem bankovskih sluzhashchih v 1917–1919 gg. / E. N. Sokolov // Nauka i shkola. – 2010. – № 4. – S. 154–156.

Stekol'shchikova N. P. Finansy SSSR v gody «voennogo kommunizma» i period novoj ekonomicheskoy politiki / N. P. Stekol'shchikova // Baltijskij ekonomicheskij zhurnal. – 2012. – № 1(7). – S. 68–80.

Urazova S. A. Kreditnaya sistema SSSR v period NEPa / S. A. Urazova // Finansy i kredit. – 2008. – № 37(325). – S. 69–80.

Shirapov A. A. Istoriya likvidacii Verhneudinskogo otdeleniya Russko-Aziatskogo banka (1921–1922 gg.) / A. A. Shirapov // Transgranich'e Vostoka Rossii v modernizacionnyh processah XX–XXI vv. (k 100-letiyu Respubliki Buryatiya): sb. nauch. st. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2023. – S. 142–144.

УДК 94(470)+94 (510)
ББК 63.3(2)6 – 2+63.3(5 Кит)6.
DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-111-116

В. А. Бармин

О МЕРАХ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СССР В СИНЬЦЗЯНЕ В 20-х гг. XX в.

В статье освещены методы конкурентной борьбы советского руководства с западными странами в 20-х гг. XX в. за восстановление в Синьцзяне экономического влияния России, утраченного в ходе Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны. Работа выполнена на основе источников центральных архивов Российской Федерации и анализа работ российской и зарубежной историографии.

Ключевые слова: Синьцзян, Советский Союз, экономика, конкуренция, борьба, западные фирмы, Англия, Германия, США.

V. A. Barmin

ON THE MEASURES OF THE SOVIET GOVERNMENT TO PROTECT THE ECONOMIC INTERESTS OF THE USSR IN XINJIANG IN THE 1920s

The article highlights the methods of the Soviet leadership's competitive struggle with Western countries in the 1920-s for the restoration of Russia's economic influence in Xinjiang, lost during the First World War, the October Revolution and the Civil War. The work was completed by the author based on sources found in the central archives of the Russian Federation and the analysis of works on Russian and foreign historiography.

Keywords: Xinjiang, Soviet Union, economy, competition, struggle, Western firms, England, Germany, USA.

Введение

По итогам Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны экономика России оказалась на грани коллапса. Прямым следствием этой ситуации стало то, что к 1920 г. она утратила свое преимущественное положение на товарном рынке Синьцзяна. Образовавшаяся ниша была тут же занята фирмами Англии, США и Германии.

Работы, посвященные состоянию экономики провинции, появились в советской научной печати уже в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. и продолжают публиковаться до настоящего времени. Однако сюжеты, связанные с защитой экономических интересов Советской России на рынках Синьцзяна, в этих трудах практически не затрагивались.

Заметное оживление интереса к теме политики СССР в отношении Синьцзяна обозначилось в конце 90-х – первой четверти 2000-х гг., когда появился доступ к ранее засекреченным архивным источникам. В этот период опубликованы работы Ю. М. Галеновича [1992], В. А. Бармина [1998, 2011], Т. А. Шеметовой [2024], японского исследователя К. Тэраяма [2013: 222–251], американского ученого-востоковеда А. Хазитотиса [Hasiotis 1987], австралийского китаевода Дэвида Брофи [Brophy 2016].

Но и в этих серьезных монографиях вопросы экономического противостояния СССР со странами Запада в указанный период в основном остались за рамками внимания авторов.

В предлагаемой статье предпринята попытка показать процесс поиска советским руководством таких форм и методов борьбы на конкурентном поле Синьцзяна, которые смогли бы компенсировать проблемы экономического характера.

БАРМИН Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, Россия). E-mail: valbarmin@mail.ru.

Результаты

По итогам Первой мировой войны, революции 1917 г. и войны Гражданской были утрачены практически все зарубежные товарные рынки, в т. ч. и Синьцзян. В провинции освоились и активно действовали западные фирмы. Советские дипломаты, оценивая сложившуюся ситуацию, писали, что после ухода из Синьцзяна российских фирм «... цены на синьцзянское сырье упали невероятно», и этим обстоятельством немедленно воспользовались иностранные конкуренты [АВП РФ. Ф. СВО – Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 2. Д. 1. Л. 268].

В 1921–1922 гг. правительство Советской России помогло китайской администрации разрешить острый конфликт с интернированными на территории провинции остатками разгромленных белогвардейских войск адмирала А. В. Колчака. Очень скоро, оправившись после понесенных поражений, лидеры белогвардейцев совершенно перестали считаться с правительством провинции. Одновременно они начали разрабатывать новые планы борьбы против советской власти. Например, атаман Оренбургского казачьего войска А. И. Дутов установил контакты «с английскими разведывательными органами, с антисоветскими организациями, с генералом Врангелем. ... поддерживал тесные отношения с руководителями басмаческого движения» [Красильников 2007: 132]. Таким образом, в ликвидации возникшей проблемы были заинтересованы и Урумчи, и Москва. Однако власти провинции не имели реальной силы для решения возникшего вопроса и вынуждены были обратиться за помощью к советскому руководству. Первым шагом в этом сотрудничестве стала как раз ликвидация руководителя военного крыла белогвардейской эмиграции в Синьцзяне генерала А. И. Дутова [Наземцева 2010: 39]. Следом в ходе двух военных операций, проведенных частями Красной армии в мае – июне и в сентябре 1921 г. в соответствии с соглашениями, подписанными 17 мая 1921 г. и 12 сентября 1921 г. [Документы внешней политики... 1960], были разгромлены войска белогвардейского корпуса генерала Бакича. Генерал Анненков чуть ранее был арестован и посажен в тюрьму самими китайцами. Эти события укрепили политические позиции Советской России в Синьцзяне, но ее экономическое присутствие в провинции продолжало оставаться более чем скромным. Фактически оно ограничивалось отдельными торговыми экспедициями. Оценивая сравнительный уровень экономического влияния в регионе западных стран и России за период 1924 г., консул СССР в г. Чугучаке А. Быстров отмечал в дневнике консульства, что только в Урумчи «... имеется до десятка иностранных фирм. Самые крупные – это “Бреннер и Брос” и “Фауст и К”». Он писал также, что «“Бреннер”... пользуется поддержкой крупного урумчинского чиновничества, которое состоит, в некотором роде, чуть ли не компаньонами...» [АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41а. П. 163. Д. 1. Л. 27–29].

Надо сказать, что позицию синьцзянской администрации поддерживало и центральное правительство Китая. Лидер Гоминьдана и председатель правительства Китая Чан Кайши утверждал, что «советская агрессия в Синьцзяне разворачивалась двумя параллельными путями: военным и экономическим» [Цзян Чжунчжэн 2009: 125].

Интересно, что в этот период английские, американские, немецкие фирмы и начавшие работать в провинции японские предприниматели чувствовали себя в Синьцзяне настолько уверенно, что Россию как серьезного конкурента даже не принимали в расчет. Например, английский консул Эсертон в 1921 г. писал из Кашгара в Лондон, что провинция является «великолепным рынком для английских товаров... но мы здесь имеем двух серьезных конкурентов в лице Америки и Японии...» [Бармин 2011: 25].

Необходимо отметить, что заводы иностранных фирм были хорошо оборудованы. Тот же Быстров, давая оценку их состоянию, сообщал: «... в техническом отношении заводы фирмы “Фауст” оборудованы гораздо лучше, чем заводы “Бреннера”» [АВП РФ. Ф. СВО – Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 2. Д. 1. Л. 53] и что «на заводах фирмы “Фауст” работают исключительно русские» [Там же. Л. 52]. Вполне понятно, что разрушенная экономика России в этот период не могла конкурировать с западными странами в вопросах технологического оснащения своих предприятий. Следует учесть, что коммерческая выгода деятельности иностранных фирм в Синьцзяне была столь привлека-

тельна, что «субсидировалась крупнейшими американскими и германскими банками», а закупленные и произведенные здесь товары экспортировались в Англию, Америку, Германию и в другие страны [АВП РФ. Ф. СВО – Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 2. Д. 1. Л. 52].

Для советского руководства было очевидно, что в сложившихся условиях вернуть утраченные позиции в формате привычного экономического соперничества в ближайшие годы не удастся, поскольку «... в связи с общим упадком фабричного производства» Россия в этот период не могла наращивать объемы их поставок в провинцию [Шеметова 2024: 210]. В то же время страна остро нуждалась в сырьевых ресурсах, которыми в избытке обладал Синьцзян. Специалисты, работавшие в провинции, писали в Москву: «Естественные богатства Синьцзяна настолько велики и грандиозны, что необходимо предпринять ряд специальных мер для эксплуатации этих богатств» [АВП РФ. Ф. СВО – Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 2. Д. 1. Л. 259]. Иными словами, предлагалось использовать в развернувшейся конкурентной борьбе весь спектр возможного противодействия, в т. ч. методы политического и административного характера. В результате внимание Москвы было обращено на пути доставки в провинцию импортных товаров, оборудования и даже на маршруты направлявшихся в провинцию дипломатов и разного рода специалистов. Между тем большая часть этих товаров, дипломатов и частных лиц прибывала в провинцию через территорию СССР. Учитывая этот фактор, советские уполномоченные организации уже к концу 1924 г. практически полностью прекратили выдачу западным фирмам разрешений на перевозку их грузов по железным дорогам Советского Союза. Например, выписки из дневника по консульству СССР в Чугучаке от 14 и 24 апреля 1925 г. свидетельствуют, что на ходатайство представительства германской фирмы «Фауст и К» в Синьцзяне «...разрешить провоз сырья транзитом через СССР в Германию» получено отрицательное заключение консула [Там же. Оп. 7. П. 107. Д. 4. Л. 159].

Тем временем для всех западных фирм альтернативный вариант экспорта и импорта товаров и сырья выючным транспортом через морские порты Китая в силу большого расстояния, отсутствия дорог и проблем внутривосточной нестабильности в стране был сопряжен со значительным их удорожанием. Востоковед А. Е. Ходоров, характеризуя логистику иностранных фирм, писал, что «железная дорога удешевляет доставку сахара в Синьцзян (тонна) с 76 до 20 коп., ткани с 68 до 26 коп. ... В обратную сторону: кожи не выдел. с 76 до 34 коп., хлопок с 75 до 34 коп. ...» [1927: 3]. Поскольку речь шла о сотнях и даже тысячах тонн грузов в год, а расстояние от Урумчи только до ближайшей железнодорожной станции на востоке (Гуй Хуа-чен) определялось в 4–5 месяцев караванного пути, можно было без особого труда посчитать потери в деньгах и во времени. Кроме того, существовали риски, связанные с продолжавшейся в Китае гражданской войной. В условиях политической анархии и безвластия идущие караваны часто подвергались разграблению. Исследователь О. Букштейн, хорошо знавший ситуацию с торговлей в Синьцзяне, отмечал, что «события на Востоке не создают никаких гарантий для отправителей товаров...» [1928: 8].

Одновременно с введенными запретами на провоз через территорию СССР товаров, принадлежащих западным фирмам, советские торговые организации начали отказываться от все форм сотрудничества с ними. Так, отдел Среднего Востока НКВД направил 25 июня 1925 г. в адрес Главного концессионного комитета СССР письмо за подписью Г. В. Чичерина, в котором потребовал «при переговорах с группой американских предпринимателей под фирмой “Белуха” относительно концессий на Юго-Западном Алтае... исключить вопросы о торговле с Западным Китаем и Монголией, т. к. участие американцев в торговле с упомянутыми странами в настоящее время является для СССР нежелательным» [АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 7. П. 107. Д. 4. Л. 172].

Довольно скоро практически все западные фирмы, потерявшие возможность переброски своих товаров через территорию СССР, оказались в весьма сложном финансовом положении. Генеральное консульство СССР в Урумчи сообщало, что «... западные фирмы все время снижают цены на кишки. За последнее время цена пучка с 1,25

лана дошла до 1/2 лана. У фирмы “Бреннер Бросс”, отправившей на Восток партию кишек (до 200000 шт.), в связи с Гражданской войной груз задержался в 12 днях пути от железнодорожной станции Гуй Хуа-чен. Так как товар находится в пути давно, то сделано распоряжение о срочной его пересортировке, иначе он пропадет» [АВП РФ. Ф. СВО – Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 2. Д. 1. Л. 11].

Генеральный консул СССР в Урумчи А. Быстров, отмечая успехи мероприятий, направленных на перекрытие для западных фирм транспортных путей через территорию Советского Союза, в докладе, направленном 29 сентября 1926 г. на имя заведующего отделом Среднего Востока НКВД В. М. Цукермана, писал, что «высокие цены, двойные пошлины (через Монголию), тяжести вьючного транспорта, один торговый оборот в полгода, а то и в девять месяцев, дальность пути и, наконец, постоянные волнения и войны внутри страны, имевшие последствием пропажи ценных торговых караванов в пути – все это имело один конец. Европа и Америка должны отказаться от покупки слишком дорогой синьцзянской пушнины. Иностранные фирмы прикрывают свои лавочки и их заводы» [Там же. Л. 227].

В поисках выхода из ситуации наиболее крупные зарубежные фирмы начали обращаться к советским торговым организациям с предложениями об объединении и совместной деятельности. Однако все они по понятным причинам получили отказ.

Отказываясь от любой формы сотрудничества с западными фирмами, советское руководство и в центре, и в приграничных с провинцией республиках прилагало большие усилия для организации тесного взаимодействия с купечеством Синьцзяна. Например, 25 мая 1925 г. Бюро Семипалатинского губкома РКП(б) КазССР обсудило вопрос «О мерах привлечения китайского купечества и их средств для увеличения нашего товарооборота с Западным Китаем». По итогам обсуждения члены губкома посчитали «... вполне своевременным и политически целесообразным организацию смешанного общества... втянув в настоящее общество наиболее влиятельные группы купечества Западного Китая. Организация означенного общества дает возможность *значительно усилить наше влияние в Западном Китае и ослабить тем самым укрепившуюся за последнее время работу иностранных фирм*» [Там же. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 7. П. 107. Д. 4. Л. 157] (курсив мой. – В. Б.).

В результате уже к началу 1926 г. комплекс мер Москвы, направленный на восстановление лидерства Советского государства на синьцзянском рынке, стал давать очевидные положительные результаты. Оценивая происходящие изменения, О. Букштейн писал, что, если в первой половине 1925 г. синьцзянский рынок «... продолжал испытывать ажиотаж по закупке и отправке сырья и пушнины на Восток, к концу этого года эти торговые пути и интересы к Тяньцзину и Шанхаю стали отмирать, а в 1926 г. иностранные предприниматели и вовсе свернули свои предприятия и прекратили деятельность» [1928: 208].

Заключение

Предпринятое исследование позволяет сделать вывод, что в условиях экономической разрухи и необходимости быстрого восстановления народного хозяйства советское правительство начало прилагать значительные усилия к возвращению утраченного страной экономического лидерства в Синьцзяне. Однако разрушенная промышленность России и ее технологическая отсталость не могли обеспечить поставку в регион нужных ее населению товаров и конкурировать на этом рынке с западными фирмами. В сложившихся обстоятельствах советское руководство начало активно использовать в конкурентной борьбе внеэкономические методы деятельности.

Положительным фактором в этой работе стал процесс нормализации отношений с китайской администрацией региона. Вслед за этим европейские и американские фирмы были лишены возможности доставки в провинцию своих товаров и вывоза закупленной продукции через территорию Советского Союза. Поскольку огромное расстояние между Синьцзяном и внутренними районами Китая сочеталось с полным отсутствием налаженных транспортных артерий, это значительно увеличивало расходы на логистику и снижало рентабельность торговых операций. Одновременно совет-

скими организациями стали отвергаться любые предлагаемые конкурентами виды сотрудничества, в т. ч. обещавшие очевидные выгоды. Однако с купечеством самой провинции советская сторона, напротив, укрепляла всесторонние связи, предоставляя ему разного вида льготы и преференции. Использование указанных форм и методов защиты экономических интересов страны привело в середине 20-х гг. к перелому сложившегося в провинции соотношения сил в пользу Советского государства. В результате уже в 1927 г. экономическое влияние СССР на территории Синьцзяна стало абсолютным.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ): ф. СВО, оп. 6, п. 2, д. 1; оп. 7, п. 107, д. 4; ф. 100, оп. 41а, п. 163, д. 1.

Документы внешней политики СССР. Т. IV. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Госполитиздат, 1960. – 422 с.

Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян 1918–1941 гг. (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. – 191 с.

Бармин В. А. Советский Союз и державы в Синьцзяне: экономическое и политическое противостояние в 20-х гг. XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: мат-лы конф. (г. Барнаул 7–8 окт. 2011 г.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 24–26.

Букиштейн О. Торговля СССР с Синьцзянской провинцией / О. Букиштейн // Новый Восток. – 1928. – № 20–21. – С. 201–217.

Галенович Ю. М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г. / Ю. М. Галенович. – М.: Институт Дальнего Востока, 1992. – 168 с.

Красильников В. Д. Синьцзянское притяжение / В. Д. Красильников. – М.: Дипакадемия, 2007. – 384 с.

Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.) / Е. Н. Наземцева. – Барнаул: ОАО ИПП «Алтай», 2010. – 270 с.

Тэраяма К. Советская политика в отношении Синьцзяна в 1930-е годы и японский фактор. Азиатская Россия и сопредельные государства: сб. науч. тр. / К. Тэраяма – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 222–251.

Ходоров А. Е. Западный Край и Семиреченская железная дорога / А. Е. Ходоров // Торговля России с Востоком. – 1927. – № 1–2. – С. 2–4.

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия и Китай. Воспоминания и размышления в 70 лет / Чжунчжэн Цзян. – М.: Посев, 2009. – 440 с.

Шеметова Т. А. Российско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1922 гг. / Т. А. Шеметова. – Барнаул: АлтГПУ, 2024. – 306 с.

Brophy D. Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia – China Frontier / D. Brophy. – Cambridge: Harvard University Press, 2016. – 347 p.

Hasiotis A. Soviet Political, Economic, and Military Involvement in Sinkiang from 1928 –1949 / A. Hasiotis. – New York; London, 1987. – 257 p.

References

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVP RF): f. SVO, op. 6, p. 2, d. 1; op. 7, p. 107, d. 4; f. 100, op. 41a, p. 163, d. 1.

Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. IV. 19 marta 1921 g. – 31 dekabrya 1921 g. / M-vo inostr. del SSSR. – M.: Gospolitizdat, 1960. – 422 s.

Barmin V. A. Sovetskij Soyuz i Sin'c'zyan 1918–1941 gg. (regional'nyj faktor vo vneshnej politike Sovetskogo Soyuz). – Barnaul: Izd-vo BGPU, 1998. – 191 s.

Barmin V. A. Sovetskij Soyuz i derzhavy v Sin'czyane: ekonomicheskoe i politicheskoe protivostoyanie v 20-h gg. XX v. // Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Vos'mye nauchnye chteniya pamyati professora A. P. Borodavkina: mat-ly konf. (g. Barnaul 7–8 okt. 2011 g.). – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2011. – S. 24–26.

Bukshtejn O. Torgovlya SSSR s Sin'czyanskoj provinciej / O. Bukshtejn // Novyj Vostok. – 1928. – № 20–21. – S. 201–217.

Galenovich Yu. M. «Belye pyatna» i «bolevye tochki» v istorii sovetsko-kitajskih otnoshenij. T. 1: Ot oktyabrya 1917 g. do oktyabrya 1949 g. / Yu. M. Galenovich. – M.: Institut Dal'nego Vostoka, 1992. – 168 s.

Krasil'nikov V. D. Sin'czyanskoe prityazhenie / V. D. Krasil'nikov. – M.: Dipakademiya, 2007. – 384 s.

Nazemceva E. N. Russkaya emigraciya v Sin'czyane (1920–1930-e gg.) / E. N. Nazemceva. – Barnaul: OAO IPP «Altaj», 2010. – 270 s.

Terayama K. Sovetskaya politika v otnoshenii Sin'czyana v 1930-e gody i yaponskij faktor. Aziatskaya Rossiya i sopredel'nye gosudarstva: sb. nauch. tr. / K. Terayama – Novosibirsk: Parallel', 2013. – S. 222–251.

Hodorov A. E. Zapadnyj Kraj i Semirechenskaya zheleznaya doroga / A. E. Hodorov // Torgovlya Rossii s Vostokom. – 1927. – № 1–2. – S. 2–4.

Czyan Chzhunchzhen (Chan Kajshi). Sovetskaya Rossiya i Kitaj. Vospominaniya i raz-myshleniya v 70 let / Chzhunchzhen Czyan. – M.: Posev, 2009. – 440 s.

Shemetova T. A. Rossijsko-sin'czyanskije torgovo-ekonomicheskie i politicheskie otnosheniya v 1914–1922 gg. / T. A. Shemetova. – Barnaul: AltGPU, 2024. – 306 s.

Brophy D. Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia – China Frontier / D. Brophy. – Cambridge: Harvard University Press, 2016. – 347 p.

Hasiotis A. Soviet Political, Economic, and Military Involvement in Sinkiang from 1928–1949 / A. Hasiotis. – New York; London, 1987. – 257 p.

УДК 94(517)

ББК 63.3(5)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-117-122

Г. Баттүшиг

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МОНЦЕНКООПА:
ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
МОНГОЛИИ (1921–1928 гг.)

В статье кратко рассмотрен период создания и развития Монгольского центрального кооператива (Монценкооп) за 1921–1928 гг., когда молодое монгольское государство пыталось взять в свои руки основные рычаги внутренней и внешней торговли страны путем формирования национальной торговой кооперации. Особое внимание уделено торгово-заготовительной деятельности и финансовой базе Монценкоопа.

Ключевые слова: Монценкооп, импорт и экспорт товаров, Стормонг, торговый оборот.

G. Battushig

TO THE STUDY OF HISTORY OF MONTSENKOOP:
ISSUES OF INTERNAL AND FOREIGN TRADE
OF MONGOLIA (1921–1928)

The article examines the period of the establishment and development of Mongolian Central Cooperative (Montsenkoop) for the years of 1921–1928 when young Mongolian state was determined to take into its own main vehicles of the internal and external trade of the country by launching the national trade cooperation. Main emphasis was given to the purchasing activities and the financial base of Montsenkoop.

Keywords: Montsenkoop, import and export of products, Stormong, trade turnover.

Монгольский центральный кооператив (Монголын Харилцан туслалцах Хоршоо) создан в ноябре 1921 г. по инициативе Догсомийн Бодоо, премьер-министра Монгольского народного правительства. Первыми его пайщиками были Богдо-гэгээн с супругой, чиновники Народного правительства, включая премьер-министра Бодоо, а также некоторые князья и представители духовенства. Кооператив насчитывал более 70 пайщиков с основным капиталом в 15 тыс. лан серебра [Монгол Улсын түүх 2023: 133]. 16 декабря 1921 г. состоялось первое собрание Монценкоопа.

Главной целью, поставленной народным правительством перед Монценкоопом при его организации, являлось ведение торговых операций путем кооперации, покупка животноводческого сырья у сельского населения и экспорт товаров первой необходимости из-за границы, открытие новых путей к экономической самостоятельности монгольского народа. В первые годы народной власти Монценкооп – единственный в стране хозяйственный орган, через который проводилась вся экономическая политика Монгольского правительства.

За первые три года его деятельности кооператив превратился в народную кооперативную организацию, работа которого распространилась в отдаленные уголки страны, где торговля раньше находилась всецело в руках китайских торговых фирм. Выступая на первом Великом Хуралдане в ноябре 1924 г. председатель Монценкоопа Цэдэн-иш Гочитский подводил итоги первых трех лет деятельности. По его мнению, цель Монценкоопа – не дать сырьевым ресурсам страны попасть к иностранным купцам, распоряжаться ими самим, ввозить дешевые и качественные товары из-за рубежа, продавать их прямо аратам, а также создавать промышленные предприятия по обработке сырья, открывать пути развития национальной экономики. Из его доклада следовало, что государство значительно помогало кооперации финансами, вложив 300 тыс. лан в 1923 г. и дополнительно 1 млн лан в конце 1923 г. Тем самым основной капитал Монцен-

коопа вырос до 1 млн 500 тыс. лан [БНМАУ-ын анхдугаар их хурал 1984: 234–237]. Таким образом, роль Монценкоопа на рынке постепенно повышалась благодаря вливанию значительных государственных средств.

К концу 1924 г., кроме столичной конторы и магазинов, Монценкооп сумел создать около 24 отделений и 86 торговых палаток по всем аймакам страны. Появились конторы и за границей: вначале в Калгане, Тяньцзине и Хайларе, а затем в Улан-Удэ и Москве. В 1924 г. Монценкооп также сумел открыть несколько шерстомоек, кожевенный завод в Алтан-Булаке и другие подсобные предприятия (табл. 1).

Таблица № 1

Основные данные о деятельности Монценкоопа

Показатель	1921 г.	1922 г.	1923 г.	Первые 6 месяцев 1924 г.
Число пайщиков, чел.	44 чел.			1931
Основной капитал, лан	15000	215000 лан		1550000
Средства выделенные из государственного бюджета, лан	10000 лан		300000 лан	1 млн лан
Импорт из-за границы, лан			531000 лан	Планируется за год ввезти товары на 1 млн янчаан
Цены на сырье, экспортированное за границу, лан			523000 лан	Планируется за год вывезти сырье на сумму 2 млн 980 тыс. янчаан
Чистая прибыль, лан			110000 лан	

Сост. по: [Ibid.: 234–237].

Цэдэн-Иш Гочитский докладывал, что Монценкоопу за первые 3 года удалось импортировать товаров первой необходимости на сумму 531 тыс. лан и экспортировать животноводческое сырье на сумму 523 тыс., что соответствовало 4 % годового импорта и 5 % годового экспорта Монголии. В 1924 г. кооператив планировал довести стоимость импорта до 1 млн янчаан и стоимость экспорта до 2 млн 980 тыс. Тем самым Монценкооп планировал увеличить долю кооперативной торговли до 5 % всего импорта и до 21 % годового экспорта Монголии [Там же: 236]. В конце своего доклада Цэдэн-Иш Гочитский призвал правительство всемерно поддерживать кооперативную торговлю в Монголии, сосредоточив монопольное право Монценкоопа закупать ключевое сырье и пушнину для экспорта и преимущественное право Монценкоопу покрывать импорт государственных и других организаций.

Наряду с Монценкоопом и иностранными (преимущественно китайскими) торговыми компаниями все активнее стали действовать советские заготовительные организации. Начиная с 1923 г. в Монголии начали активно работать советские заготовительные организации: акционерные общества «Шерсть» и «Госторг». Первые заготовительные отделения акционерного общества «Шерсть» организованы в аймаке Кобдо, и в 1925 г. они заготовили около 1 тыс. т шерсти, а в 1927 г. – около 5 тыс. т шерсти по всей Монголии [Асанов, Петров 1971: 23]. Начали внедряться в монгольский рынок и другие советские торговые организации – «Сибгосторг», «Дальгосторг», «Кожсиндикат» и др. В этой связи любопытен доклад советского консула, составленный 29 января 1925 г., под названием «Краткое сведение об Улясутае и его окрестностях в торговом отношении». Приводя такие цифры, как среднегодовые закупки в этом районе до 70 тыс. пудов шерсти овечьей, до 12 тыс. пудов шерсти верблюжьей, до 50 тыс. штук сурка весеннего и осеннего и т. д., консул пишет: «Монценкооп покупает всякое сырье и пушнину, которое сбывает в Китае. Сибкрайсоюз главным образом покупает скот и баранов, затем кожу и немного другого сырья и пушнины. Английская фирма Кауфман интересуется

главным образом шерстью овечьей, в 1923 году здесь в Кобдо Улясутайским отделением было закуплено до 25000 пудов, покупает также сурка, лисицу и волка, но в малом количестве и сбывает почти всю пушнину в Урге не вывозя в Китай. ... Из советских предприятий в Улясутае в 1924 году, кроме Сибкрайсоюза, не было. В настоящее время открыто отделение Вс. акц. о-ва «Шерсть», которое в настоящее время, пока что никаких закупок не производит» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 45. Л. 3].

Акционерное общество «Шерсть» стало активно работать на монгольском рынке: в 1923 г. закупила 700 тыс. т, в 1925 г. – 1 тыс., в 1927 г. – 5 тыс. т. В целом советские заготовительные организации за 1924–1928 гг. сумели заполучить почти 50 % монгольского рынка овечьей и верблюжьей шерсти. АО «Шерсть» также приобрело монгольскую торговую сеть английской фирмы «Кауфман». Однако возросшая роль Монценкоопа не всегда встречала поддержку со стороны советских организаций. В частности, советская сторона подняла шум вокруг договора, заключенного между Монценкоопом и английской фирмой «Вильсон» о покупке и продаже овечьей и другой шерсти.

Как свидетельствуют архивные документы, Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании 22 апреля 1926 г. рассмотрело вопрос о монгольской шерсти и постановило: признать нецелесообразным принятие акционерным обществом «Шерсть» договора К-о Вильсона с Монценкоопом, а также закупку шерсти сверх того количества, которое закуплено Вильсоном [Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 557. Л. 5]. Советское руководство болезненно воспринимало все те сделки, которые Монценкооп и советские торговые организации заключали с иностранными торговыми компаниями.

Как писал журнал «Хозяйство Монголии» в конце 1928 г., Монценкооп в 1923–1924 и 1924–1925 гг. большими шагами продвинулся вперед: Монголия была охвачена широкой сетью отделений и палаток, в значительной части вышибла из седла частный иностранный капитал, так как Монценкооп охватил около четверти торгового оборота страны и, наконец, «кооператив с каждым днем завоевывает симпатии все более широких масс населения» [Семенов 1928: 43–44] (табл. 2).

Таблица 2

Рост оборота Монценкоопа за 1923–1928 гг.

Годы операции	Заготовлено сырья на сумму, тугр.	Продано товаров на сумму, тугр.	Общий оборот, тугр.
1923–1924 гг.	747,400	758,600	1,506,000
1924–1925 гг.	4,597,000	4,146,000	8,743,000
1925–1926 гг.	4,849,000	5,123,000	9,972,000
1926–1927 гг.	5,862,000	4,234,000	10,096,000
1927–1928 гг.	5,896,000	4,278,000	10,174,000

Сост. по: [Там же: 42].

Хотя Монценкооп добился значительных успехов в своей деятельности за первые 7 лет его существования, тем не менее обнаружились серьезные недостатки и упущения в его работе. Как писал журнал «Хозяйство Монголии», увеличение задолженности Монценкоопа за разными лицами и учреждениями, особенно рост невозвращенных авансов по художам, приняло затяжной характер, что тяжело отражается на всей деятельности Монценкоопа. Другими словами, собственные капиталы Монценкоопа почти полностью розданы в долги, а его живой торговый оборот строится исключительно на заемные средства [Там же: 48].

Монгольский торгово-промышленный банк, или Монголбанк, выпустил в обращение национальную валюту МНР в виде банкнот 8 декабря 1925 г., что было встречено с большим удовлетворением всеми слоями населения. К 1 января 1927 г. эмиссия тугрика составила свыше 4 млн и продолжала быстро развиваться вследствие изъятия из обращения китайского янчаана и развертывания торгово-заготовительной деятельности Монценкоопа и акционерного общества «Стормонг», вытеснявшими товарообменные операции иностранных фирм [Банк-100... 2024: 120, 124].

Монголбанк в августе 1927 г. предоставляет кредиты на общую сумму 695 тыс. тугр. Монценкоопу на закупку осеннего сурка у сельского населения [МУУТА. ТБА. Х-279. Д-1. ХН-6. Х-79]. Весной 1928 г. Монголбанк предоставляет еще один кредит на сумму 300 тыс. тугр. Монценкоопу на закупку весеннего сурка [Ibid. ХН-9. Х-44]. Тем самым Монголбанком и другими советскими организациями были открыты кредиты Монценкоопу на закупку животноводческого и другого сырья и также товаров по льготным ценам. Премьер-министр и министр народного хозяйства А. Амар и член Коллегии Народного правительства Н. Жадамба в январе 1926 г. прибыли в Москву для проведения переговоров по вопросам торгово-экономического сотрудничества двух стран. Во время визита в Москву они написали письмо Г. В. Чичерину, наркому иностранных дел СССР, где указали на трудности, возникшие в монголо-советских торгово-экономических отношениях и предложения по их преодолению:

- советские торговые организации применяли такие методы, как стремление снизить цены на монгольское сырье, создавать препятствия в сезон снижения цен на сырье, ввезти импортные товары или в чрезмерно большом или в чрезмерно малом объеме;
- советские организации, используя свои монопольные позиции по некоторым товарам, создают препятствия свободной конкуренции и снижению цен на потребительские товары;
- гарантировать свободные торговые операции монгольских кооперативных организаций в СССР;
- дать разрешение Монгольскому правительству вести импортные и экспортные операции через СССР и беспрепятственно провозить свои товары по территории СССР;
- запретить советским организациям использовать мелких китайских торговцев в их деятельности;
- разрешить долгосрочные льготные займы монгольским торговым организациям, ведущим операции в СССР и давать такие же займы для торговых операций исходя из специфики Монголии [Ринчин 1996: 82–84].

Судя по протоколу заседания Монгольской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 мая 1926 г. Москва предпринимала шаги по исправлению тех недостатков в экономических взаимоотношениях между двумя странами, о которых указывались в вышеупомянутом письме Амара и Жадамбы к Чичерину. Кроме того, предлагалось обеспечить Монголию таким ассортиментом советских товаров, которые бы всецело удовлетворяли бы спросы монгольских потребителей, чтобы цены на советские товары смогли бы успешно конкурировать с иностранными такими же товарами, принять решительные меры, чтобы производить нужные ткани для Монголии, такие как далимба, цуямбу и др., немедленно прекратить любое соперничество с Монценкоопом, принять меры, чтобы создать смешанное общество, включающее Монценкооп и некоторые советские торговые организации, работающие в Монголии (цит. по: [Монголын тухай... 2002: 214–217]).

Полномочный представитель СССР в Монголии П. М. Никифоров резюмировал итоги своей 8-месячной деятельности по урегулированию двухсторонних отношений совместно с Народным правительством Монголии 16 марта 1926 г.:

1. Монголия перестала претендовать на Урянхайский край.
2. Осуществлена таможенная реформа в Монголии.
3. Добился приезда медицинской экспедиции из СССР.
4. Аннулирован торговый договор с английской компанией «Вильсон».
5. Цэдэн-Иш Гочитский отстранен от руководящей должности в «Монценкооп».
6. Создан Монголо-советский деловой клуб и т. д. [XX зууны... 2007: 52].

Чтобы остановить ненужное соперничество между советскими торговыми организациями между собой 1 июня 1926 г. создано акционерное общество по торговле СССР с Монголией «Стормонт» с основным капиталом 1,5 млн руб. В его задачу входили заготовки для нужд советской промышленности животноводческого сырья из Монголии и сбыт товаров советского производства. Тем самым с появлением «Стормонта» в МНР прекращали свою деятельность общество «Шерсть» и другие советские торгово-заготовительные организации.

Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании от 14 июля 1927 г. приняло решительные меры по укреплению экономических и торговых связей с Монголией. Это решение

было призвано устранить такие недостатки советской торговой политики в предыдущие годы, как высокие цены, низкое качество и ограниченный ассортимент товаров. В частности:

- начать процесс установления торгового договора между СССР и МНР;
- назначить такие цены на советские товары для Монголии, чтобы они не превышали цены на аналогичные иностранные товары;
- включить удовлетворение монгольского рынка в Советский промышленный план, и выпускать товары, учитывающие особенности монгольского рынка по качеству и ассортименту товаров;
- увеличить выпуск кредитов на Монценкооп (до 4 млн руб.) и Стормонга и т. д. [Монголын тухай... 2002: 233–234].

С. Нацов в своем докладе Коминтерну об итогах работы VI съезда МНРП, представленном 21 ноября 1927 г., отмечал, что «более 25 % всей торговли страны приходится на долю Монгольского национального кооператива. Работа Монценкоопа с каждым годом крепнет и развивается. Кроме Монценкоопа в стране работают 1697 крупных и мелких иностранных торговых фирм и до 700 ремесленных предприятий. Монценкоопом, с советскими хозяйственными организациями и другими торговыми фирмами в текущем году (1927 г. – Г. Б.) ввезено из СССР на 3.300.000 тугриков разных товаров и вывезено из Монголии на 2.000.000 тугриков различного сырья. Последняя цифра не является окончательной, так как осенний сезон вывоза сырья еще не наступил. Сравнение оборотов монголо-советской торговли по отдельным видам говорит об увеличении с каждым годом торгового оборота между двумя государствами» (цит. по: [Монголия... 2012: 272]).

Таким образом, развитие Монгольского центрального кооператива за рассматриваемый нами период можно разделить на три этапа:

– с ноября 1921 г по ноябрь 1923 г. – подготовительный, когда Монценкооп провел учредительное собрание и установил связь с населением и разъяснил ему свои цели и задачи;

– ноябрь 1923 г. – ноябрь 1925 г. – новый этап в деятельности Монценкоопа: начался приток членов, были влиты значительные государственные средства, началось внедрение в массы населения кооперативной грамотности и переход к стационарной работе в худонах путем открытия отделений и палаток;

– в третий период с 1925 по 1928 г. хотя Монценкооп достиг 25 % годового оборота всей торговли Монголии, но ему пришлось преодолеть некоторые проблемы, такие как соперничество с советскими торговыми организациями, рост задолженности и связанные с этим финансовые трудности, укрепление управленческого аппарата и подготовка грамотных служащих.

Во второй половине 1920-х гг. советскими организациями открыты широкие кредиты Монценкоопу на закупку товаров по льготным ценам и Монголбанку на проведение операций с иностранными фирмами. Практически СССР полностью перекрывал капитал, вывозимый из МНР иностранными фирмами, а с учетом товарных кредитов Монценкоопу вкладывал еще большие суммы.

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): ф. 17, оп. 3, д. 557; ф. 495, оп. 152, д. 45.

Монголия в документах Коминтерна: в 2 ч. Ч. I (1919–1929). – Улан-Удэ, 2012. – 527 с.
Асанов Б. А. Экономическое сотрудничество Советского Союза с МНР / Б. А. Асанов, Б. М. Петров. – М.: Экономика, 1971. – 166 с.

Семенов А. А. Торгово-заготовительная деятельность и финансовая база Монценкопа / А. А. Семенов // Хозяйство Монголии. – 1928. – № 5(12). – С. 40–50.

Банк-100: Түүхэн товчоон / ред. Ц. Цэрэндорж, Ц. Батбаяр. – Улаанбаатар, 2024. – Тал 114–115.

БНМАУ-ын анхдугаар их хурал. Дэлгэрэнгүй тайлан. – Улаанбаатар, 1984. – Тал 234–237.

Монгол Улсын түүх (XX–XXI зуун). II боть: Монгол Улсын үндэсний ардчилсан хөгжлийн замнал / ботийн редактор Ц. Батбаяр, Н. Хишигт. – Улаанбаатар: «Мөнхийн үсэг» ХХК, 2023. – 520 тал.

Монголын тухай БХК(б)Н-ын баримт бичигт (1920–1952). Баримтын эмхэтгэл. I боть (1920–1932). – Улаанбаатар, 2002. – Тал 214–217.

Ринчин М. Монгол Улсын санхүүгийн албаны түүх / М. Ринчин. – Улаанбаатар: Сангийн яамны хэвлэл, 1996. – 569 тал.

XX зууны 20-иод оны тэмдэглэлүүд / эмхэтгэсэн Д. Өлзийбаатар. – Улаанбаатар, 2007. – Тал. 52.

References

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI): f. 17, op. 3, d. 557; f. 495, op. 152, d. 45.

Mongoliya v dokumentah Kominterna: v 2 ch. Ch. I (1919–1929). – Ulan-Ude, 2012. – 527 s.

Asanov B. A. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Sovetskogo Soyuza s MNR / B. A. Asanov, B. M. Petrov. – M.: Ekonomika, 1971. – 166 s.

Semenov A. A. Torgovo-zagotovitel'naya deyatel'nost' i finansovaya baza Moncenkopa / A. A. Semenov // Hozyajstvo Mongolii. – 1928. – № 5(12). – S. 40–50.

Bank-100: Түүхэн товчоон / red. C. Cerendorzh, C. Batbayar. – Ulaanbaatar, 2024. – Tal 114–115.

BNMAU-yn anhdugaar ih hural. Delgerengyj tajlan. – Ulaanbaatar, 1984. – Tal 234–237.

Mongol Ulsyn түүх (XX–XXI зуун). II боть: Монгол Улсын үндэсний ардчилсан хөгжлийн замнал / ботийн редактор C. Batbayar, N. Hishigt. – Ulaanbaatar: «Mönhijn үсэг» НХК, 2023. – 520 тал.

Mongolyn tuhaj BHK(b)N-yn barimt bichigt (1920–1952). Barimтын emhetgel. I bot' (1920–1932). – Ulaanbaatar, 2002. – Tal 214–217.

Rinchin M. Mongol Ulsyn sanhyygijn albany түүх / M. Rinchin. – Ulaanbaatar: Sangijn yaamny hevlel, 1996. – 569 тал.

XX зууны 20-иод оны темдэглэлүүд / emhetgesen D. Өлзийбаатар. – Ulaanbaatar, 2007. – Tal. 52.

УДК 930

ББК 63.3

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-123-128

Ю. В. Кузьмин, В. А. Василенко

ТУВИНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ОБ АСПЕКТАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАЧАЛА XX в. В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Статья посвящена обзору основных работ по политической истории Тувы первой половины XX в., представленных в национальной исторической науке в постсоветское время. Приведен сравнительный анализ научных трудов, выделены основные сюжетные линии, наиболее ярко иллюстрирующие принципиальные изменения в подходах, используемых при рассмотрении ключевых тем тувинской истории.

Ключевые слова: Тува, политическая история, «урианхайский вопрос», национальные интересы.

Yu. V. Kuzmin, V. A. Vasilenko

THE POST-SOVIET TUVINIAN HISTORICAL SCIENCE ON THE ASPECTS OF THE NATIONAL POLITICAL HISTORY OF THE EARLY 20TH CENTURY

This article is devoted to an overview of the main works on the political history of Tuva in the first half of the 20th century, presented in national historical science in the post-Soviet period. A comparative analysis of scientific works is given, the main plot lines are highlighted, most vividly illustrating the fundamental changes in the approaches used in examining the key topics of Tuvan history.

Keywords: Tuva, political history, “Urianhai issue”, national interests.

Смена парадигм общественного, исторического сознания, обусловленная политическими процессами 1900-х – начала 2000-х гг., происходящими в России и на внешних рубежах, позволила историкам не только отказаться от классового подхода, но и объективно подходить к анализу исторических фактов с опорой на архивные документы и иные письменные источники.

Изучение аспектов региональной науки не стало исключением. В историографии политической истории Тувы рассматриваются вопросы, не получившие подробное освещение в советский период. К их числу относятся история дипломатии в Российской империи, «урианхайский пограничный вопрос», организация работы Усинского пограничного управления и пограничного комиссариата, деятельность органов власти Временного и Сибирского правительств и т. д. [Кузьмин 1997: 10–43].

Открытие доступа к фондам архивов позволило расширить документальную базу изучения означенных аспектов тувинской истории. В 1995 г. В. А. Дубровским опубликованы и введены в научный оборот важнейшие архивные документы, включая материалы о взаимоотношениях России с Алтын-ханами, о протекторате России над Тувой и учреждении республики Танну-Тува улус в 1921 г. [За три века... 1995: 7–77].

Научное переосмысление факта установления протектората в работах историков 1990-х – начала 2000-х гг. представлено в первом томе «Истории Тувы», переизданном в 2001 г. В отличие от одноименной монографии 1964 г., в «обновленном» исследовании протекторат рассматривается не как «грабительский» акт, отражающий суть агрессив-

КУЗЬМИН Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Байкальский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: kuzminuv@yandex.ru.

ВАСИЛЕНКО Виктория Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архив Российской академии наук (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vasil-vic79@yandex.ru.

Настоящая статья является продолжением темы, заявленной в предыдущем исследовании. См.: Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2025. – № 2(58). – С. 94–99.

ной политики царской России, а как закономерное продолжение устойчивого развития русско-тувинских связей, позволившим в будущем Туве сохранить свою национальную и этническую специфику [История Тувы 2001].

Активным инициатором переиздания «Истории Тувы», автором и научным редактором подразделов второго тома стал директор Тувинского института гуманитарных исследований с 2000 по 2008 г. и с конца 2021 г. по настоящее время В. Д. Март-оол. Ему принадлежит бесспорная заслуга в развитии научных традиций тувиноведения, в т. ч. национальной политической истории.

После длительного перерыва в издании «Ученых записок ТНИИЯЛИ» [1], прекращенного в 1975 г. и возобновленного на регулярной основе в 2002 г., появляются статьи, посвященные событиям политической истории Тувы второй половины XIX в. – 1914 г. В них также присутствуют иные оценки на факт установления протектората, отличные от точек зрения советских ученых. Так, в статье «Урянхайский вопрос и протекторат» В. Д. Март-оола подчеркивается, что «объявление протектората России над Тувой – это не только шаг колониальной политики царизма, но и сложный противоречивый процесс взаимодействия двух народов с различными общественно-экономическими отношениями, которые надо рассматривать в единстве» [2002: 11].

В диссертационном исследовании «Российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг.» Г.-А. О. Ондар «урянхайский вопрос» рассматривает как часть геополитики России, Китая, Монголии. Установление протектората России над Тувой в 1914 г. и последующая политика Временного и Сибирского правительств отвечали общенациональным интересам [2000: 181]. Ценность исследования Г.-А. О. Ондар заключается также в введении большого количества новых архивных материалов по истории Тувы.

В диссертации А. А. Бомбужай аспекты крестьянской колонизации, развития русской торговли в Туве во второй половине XIX – начале XX в. рассматриваются также в качестве составной части «урянхайского вопроса» [1999: 230].

Работы видного тувинского ученого, одного из главных исследователей политической истории Тувы Н. М. Моллерова являются общепризнанной классикой. В сферу его научных интересов попадают, пожалуй, все ключевые темы тувинской новой и новейшей истории: эволюция «урянхайского вопроса», трансформация политико-правового статуса Тувы из объекта в субъект международного права, процессы политической модернизации Тувы, личность в истории республики и т. д. В его монографии «История советско-тувинских отношений в 1917–1944 гг.» подробно представлена динамика развития русско-тувинских отношений от момента становления институтов большевистской власти в Туве до вхождения республики в состав СССР в 1944 г. [2005: 16–33].

В комплексной работе Н. М. Моллерова и В. Д. Март-оола «Урянхайский вопрос в политической истории России: возникновение и долговременная актуальность» на глубоком уровне были рассмотрены различные методологические подходы, используемые учеными в разные периоды времени при изучении означенной проблематики [2013: 23–72].

Актуализация архивных материалов по истории Тувы идет через их опубликование. В 2011 г. совместно с Тувинским институтом гуманитарных исследований и Институтом истории Академии наук Монголии был издан четырехтомник «Собрание архивных документов по истории Тувы» [2011–2014]. Это уникальное издание материалов тувинских и монгольских архивов, отражающих важнейшие этапы в истории дипломатии России, Тувы и Монголии. В состав первого тома (1738–1991) вошли документы Государственного архива Республики Тыва на старомонгольском языке. Во второй том вошли ранее неопубликованные материалы, отражающие непосредственно главные события в политической истории Тувы периода 1911–1921 гг., в т. ч. российско-монгольское соглашение 1912 г., переписка тувинских нойонов с представителями российской, монгольской, китайской власти в период 1911–1921 гг. и т. д. Третий том издания (1921–1944 гг.) содержит важнейшие документы по отношениям Тувы с Советской Россией и МНР. Научный интерес представляют материалы по истории борьбы

с белогвардейским движением, об организации работы Русской самоуправляющейся трудовой колонии в Танну-Урянхае (РСТК), материалы о восстании на Кемчике 1924 г. и ряд других. В состав четвертого тома (1944–1991) вошли документы, отражающие эволюцию российско-тувинских и монголо-тувинских отношений в период, когда Тува вошла в состав СССР на правах автономной республики. Многие из материалов были опубликованы впервые. Таким образом, данное издание представляет несомненную ценность как для узких специалистов, так и для широкого круга лиц и позволяет дополнить имеющиеся сведения о различных аспектах тувинской политической истории.

В 2007–2008 гг. вышла в свет антология основных трудов по археологии, этнографии, истории «Тыва Дептер», составителем которой стал политический деятель, президент Русского географического общества С. К. Шойгу. Данное 7-томное издание является настоящим подарком для всех, кто интересуется, знает и любит историю Тувы. В 2022 г. антология переиздана. По инициативе С. К. Шойгу, а также при грантовой поддержке РГО с 2014 г. осуществляется публикация серии книг «Жизнь замечательных людей Тувы». Часть из них посвящена общественным и политическим деятелям в Туве – И. Г. Сафьянову, С. Тока [Моллеров 2014; Салчак Тока 2015].

Политическая история Тувы первой четверти XXI в. изучается и в рамках университетской науки. В работах З. Ю. Доржу, В. А. Василенко, С. В. Саая, С. Ч. Сат рассматриваются различные аспекты тувинской политической истории [Доржу 2014: 157–158; Василенко 2022: 43; Саая, Сат 2006].

В монографии С. В. Саая «Россия – Тува – Монголия»: «центральноазиатский треугольник» в 1921–1944 гг.» особое внимание уделено вопросу развития тувинско-монгольских отношений в начале 1920-х гг. Опираясь на материалы фондов Архива внешней политики Российской Федерации, автор приводит интересные факты, доказывающие, что «тувинский вопрос» в политике России и Монголии не был решен до конца в 1920-х – начале 1930-х гг. На это отчасти повлияла неопределенность в политике НКВД СССР относительно «полного» признания существования ТНР как самостоятельного государства [2003: 47].

В совместном труде С. В. Саая и С. Ч. Сат «Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 годы)» дан анализ интеграционных процессов, происходящих в Туве до ее вхождения в состав СССР. Авторы подчеркивают особую роль России в перемене геополитического статуса Тувы в период начала XX в. – 1940-х гг. [2006: 76–120].

Итак, в начале XXI в. благодаря введению в научный оборот новых архивных материалов, отказу от классового подхода появляется возможность обобщения исторической информации, относящейся к отдельным сюжетным линиям тувинской политической истории, происходит переосмысление накопленного материала.

В настоящее время изучение отдельных аспектов исторического тувиноведения приобретает комплексный характер. В работах Ч. К.-О. Ламажаа, Н. П. Москаленко рассматриваются вопросы преемственности поколений, национальной идентичности, клановости в тувинской элите и проч. [Ламажаа 2010а: 10–110; Москаленко 2004: 190–199].

Одной из важных тем для понимания политических процессов, происходящих на территории Тувы в период действия протектората, является вопрос организации административно-территориального управления после 1914 г. Работа заведующей сектором истории, ведущего сотрудника ТИГИ Аяны Анай-ооловны Самдан посвящена анализу указанной проблематики. При рассмотрении вопроса организации работы российских органов управления на местах автор выделяет особую роль иркутского генерал-губернатора [2018: 8]. К числу важных мероприятий, предпринятых иркутским генерал-губернатором Л. М. Князевым в Танну-Урянхае, стал перенос южной границы Танну-Урянхайского края от хр. Танну-ола по течению р. Тес, что имело важное экономическое, этнографическое и военное значение [Там же: 11]. По ее замечанию, действия, осуществляемые российскими властями на местах, заложили важный фундамент дальнейшего сближения тувинской и российской политических элит [Там же: 8–9]. Отметим, что вопрос организации работы органов российскими чиновниками, характер их взаи-

модействия с местным населением, а также вышестоящими органами власти требует детального изучения и может являться предметом специального изыскания.

В настоящее время в ряде исследований обобщающего характера посвящены характеристике тувиноведения. Так, в статье «Тувиноведение – область знания и социальная миссия» Ч. К.-О. Ламажа на описательном уровне представляет четкую типологизацию тувиноведения как область естественно-научного и гуманитарного знания. В контексте типологизации «по субъектам» ученой представлено деление тувиноведения на «внешнее» и «внутреннее» [2010б: 26]. По ее мнению, субъективизм и этноцентризм присущ «внутреннему» тувиноведению, и эти факторы существенным образом обедняют региональную науку, ставят ее в зависимость от ведущих научных центров страны [Там же: 28].

Если говорить об изучении политической истории Тувы периода конца XIX – первой четверти XX в. в рамках «внутреннего» тувиноведения, то оно, безусловно, развивается с учетом всех политических изменений и процессов, происходящих в стране, а также в рамках общепринятых методологических подходов и принципов отечественной исторической науки. Однако доступ к большому массиву архивных материалов Национального архива Республики Тыва, территориальная, языковая общность позволяют тувинским ученым существенным образом обогатить и дополнить различные разделы тувинской политической истории ранее неизвестным фактическим материалом, открыть отечественным и зарубежным исследователям новые темы для научных работ. Отметим, что, несмотря на существующее многообразие подходов, присутствующих в изучении политической истории Тувы, ряд важных аспектов требует детального рассмотрения. Так, по-прежнему малоизученными остаются вопросы участия органов регионального управления и местной власти в решении «урянхайского вопроса»; нуждаются также в более тщательной проработке и анализе документы ряда ведомственных архивов по политической истории Тувы после 1921 г. Вопрос о характере действий органов власти Временного правительства, Сибирского правительства в Туве также требует дополнительного изучения. Остается слабоизученным период 1920–1940 гг. Сохраняют актуальность вопросы, связанные с широким тиражированием трудов современных тувинских историков.

Итак, в 1990–2000-е гг. историческое тувиноведение претерпело существенную трансформацию, обусловленную наличием доступа к архивным документам, отказом от единого подхода к изучению истории. Политическая история Тувы, историография «урянхайского вопроса» продолжают быть востребованными для анализа. В работах тувинских ученых пересмотрена оценка роли тувинской элиты в вопросе национально-государственного самоопределения, а также действий представителей российской власти на местах. Переосмысление многих аспектов политической истории Тувы второй половины XIX – первой половины XX в. в историческом тувиноведении, введение в научный оборот новых архивных материалов рождает многообразие подходов к рассмотрению данной проблематики. Появляются комплексные исследования, выполненные на стыке гуманитарных наук.

Завершая статью, отметим, что в Туве бережно хранят традиции изучения политической истории региона. Результаты исследований тувинских ученых весомым образом расширяют и дополняют научные изыскания, проводимые как российскими учеными, так и за рубежом.

Примечание

1. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Основан 1 октября 1945 г.

Источник и литература

Собрание архивных документов по истории Тувы. Т. I–IV / гл. ред.: К. А. Бичелдей, С. Чулуун; ред. кол.: Б. Баярсайхан, А. А. Самдан, Л. К. Хертек и др. – Улан-Батор; Кызыл: АДМОН ПРИНТ, 2011–2014.

Бомбужай А. К.-О. Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. К.-О. Бомбужай. – М., 1999. – 272 с.

Василенко В. А. На пути к протекторату (отношения правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам установления политического влияния в Туве во второй половине XIX в. – 1914 г.) / В. А. Василенко. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 223 с.

Василенко В. А. Вклад Зои Юрьевны Доржу в развитие исторической науки и образования в Восточной Сибири / В. А. Василенко // V Центральнoазиатские исторические чтения: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (9–10 июня 2022 г.). – Кызыл: Изд-во Тув. гос. ун-та, 2022. – С. 41–46.

Доржу З. Ю. К вопросу об установлении протектората России над Тувой в 1914 г. / З. Ю. Доржу // Власть. – 2014. – Т. 22. – № 4. – С. 157–161.

За три века. Тувинско-русско-монгольско-китайские отношения (1615–1915) / сост. В. А. Дубровский. – Кызыл: Республиканская типография, 1995. – 84 с.

История Тувы: в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. С. И. Вайнштейна. – Новосибирск: Наука, 2001. – 367 с.

Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.) / Ю. В. Кузьмин. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1997. – 232 с.

Ламажаа Ч. К.-О. Клановость в политике регионов России. Тувинские правители / Ч. К.-О. Ламажаа. – СПб.: Алетей, 2010а. – 206 с.

Ламажаа Ч. К.-О. Тувиноведение – область знания и социальная миссия / Ч. К.-О. Ламажаа // Новые исследования Тувы. – 2010б. – № 4. – С. 17–33.

Март-оол В. Д. Урянхайский вопрос и протекторат / В. Д. Март-оол // Ученые записки ТИГИ. – 2002. – Вып. XIX. – С. 4–12.

Моллеров Н. М. Урянхайский вопрос в политической истории России: возникновение и долговременная актуальность / Н. М. Моллеров, В. Д. Март-оол. – Кызыл: ТИГИ, 2013. – 244 с.

Моллеров Н. М. История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.) / Н. М. Моллеров. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2005. – 326 с.

Моллеров Н. М. Иннокентий Георгиевич Сафьянов / Н. М. Моллеров. – М.: Слово, 2014. – 320 с.

Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке / Н. П. Москаленко. – М.: Наука, 2004. – 221 с.

Ондар Г. А.-О. Российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г. А.-О. Ондар. – Кызыл, 2000. – 202 с.

Саая С. В. Россия – Тува – Монголия: «центрально-азиатский треугольник» в 1921–1944 годах / С. В. Саая. – Абакан: Журналист, 2003. – 199 с.

Саая С. В. «Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 гг.) / С. В. Саая, С. Ч. Сат. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. – 293, [2] с.

Салчак Тока / под общ. ред. С. К. Шойгу; отв. ред. К. А. Бичелдей. – М.: Слово/Slovo, 2015. – 544 с.

Самдан А. А. Усиление российского политического влияния и административная реформа в Туве / А. А. Самдан // Oriental studies. – 2018. – № 5(39). – С. 2–13.

References

Sobranie arhivnyh dokumentov po istorii Tuvy. T. I–IV / gl. red.: K. A. Bicheldej, S. Chuluun; red. kol.: B. Bayarsajhan, A. A. Samdan, L. K. Hertek i dr. – Ulan-Bator; Kyzyl: ADMON PRINT, 2011–2014.

Bombuzhaj A. K.-O. Rossiya i Tuva: problema stanovleniya svyazej v konce XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 / A. K.-O. Bombuzhaj. – M., 1999. – 272 s.

Vasilenko V. A. Na puti k protektoratu (otnosheniya pravitel'stva imperskoj Rossii s Kitaem i Mongoliej po voprosam ustanovleniya politicheskogo vliyaniya v Tuve vo vtoroj polovine XIX v. – 1914 g.) / V. A. Vasilenko. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. – 223 s.

Vasilenko V. A. Vklad Zoi Yur'evny Dorzhu v razvitie istoricheskoy nauki i obrazovaniya v Vostochnoj Sibiri / V. A. Vasilenko // V Central'noaziatskie istoricheskie chteniya: sb. mat-lov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (9–10 iyunya 2022 g.). – Kyzyl: Izd-vo Tuv. gos. un-ta, 2022. – S. 41–46.

Dorzhu Z. Yu. K voprosu ob ustanovlenii protektorata Rossii nad Tuvoj v 1914 g. / Z. Yu. Dorzhu // *Vlast'*. – 2014. – T. 22. – № 4. – S. 157–161.

Za tri veka. Tuvinsko-russko-mongol'sko-kitajskie otnosheniya (1615–1915) / sost. V. A. Dubrovskij. – Kyzyl: Respublikanskaya tipografiya, 1995. – 84 s.

Istoriya Tuvy: v 3 t. T. 1 / pod obshch. red. S. I. Vajnshtejna. – Novosibirsk: Nauka, 2001. – 367 s.

Kuz'min Yu. V. Mongoliya i «mongol'skij vopros» v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii (konets XIX – 30-e gg. XX v.) / Yu. V. Kuz'min. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1997. – 232 s.

Lamazhaa Ch. K.-O. Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli / Ch. K.-O. Lamazhaa. – SPb.: Aletejya, 2010a. – 206 s.

Lamazhaa Ch. K.-O. Tuvinovedenie – oblast' znaniya i social'naya missiya / Ch. K.-O. Lamazhaa // *Novye issledovaniya Tuvy.* – 2010b. – № 4. – S. 17–33.

Mart-ool V. D. Uryanhajskij vopros i protektorat / V. D. Mart-ool // *Uchenye zapiski TIGI.* – 2002. – Vyp. XIX. – S. 4–12.

Mollerov N. M. Uryanhajskij vopros v politicheskoy istorii Rossii: vzniknovenie i dolgovremennaya aktual'nost' / N. M. Mollerov, V. D. Mart-ool. – Kyzyl: TIGI, 2013. – 244 s.

Mollerov N. M. Istoriya sovetsko-tuvinskih otnoshenij (1917–1944 gg.) / N. M. Mollerov. – M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2005. – 326 s.

Mollerov N. M. Innokentij Georgievich Saf'yanov / N. M. Mollerov. – M.: Slovo, 2014. – 320 s.

Moskalenko N. P. Etnopoliticheskaya istoriya Tuvy v XX veke / N. P. Moskalenko. – M.: Nauka, 2004. – 221 s.

Ondar G. A.-O. Rossijsko-tuvinskie otnosheniya v 1911–1921 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 / G. A.-O. Ondar. – Kyzyl, 2000. – 202 s.

Saaya S. V. Rossiya – Tuva – Mongoliya: «central'no-aziatskij treugol'nik» v 1921–1944 godah / S. V. Saaya. – Abakan: Zhurnalist, 2003. – 199 s.

Saaya S. V. «Geopoliticheskij status Tuvy v pervoj polovine XX veka (1911–1944 gg.) / S. V. Saaya, S. Ch. Sat. – Abakan: Hakas. kn. izd-vo, 2006. – 293, [2] s.

Salchak Toka / pod obshch. red. S. K. Shojgu; otv. red. K. A. Bicheldej. – M.: Slovo/Slovo, 2015. – 544 s.

Samdan A. A. Usilenie rossijskogo politicheskogo vliyanija i administrativnaya reforma v Tuve / A. A. Samdan // *Oriental studies.* – 2018. – № 5(39). – S. 2–13.

УДК 94(517)+94(57)

ББК 63.3(29=)+63.3(5)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-129-132

Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин

ЧИПЧИҢ: ВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЭТНОНИМА

В статье обсуждается возможная историческая параллель для этнонима, известного у старых баргутов как *čipčin* (*šibšīn*) и у хамниган как *šipšīn barya* на территории Монголии, а также как *čipčinud* на территории Приаргунья. Предлагается сопоставить с ним название одного из племен Восточно-тюркского каганата, известного в VII в. в китайской передаче как *чжи-ши* (執失), что может быть реконструировано как **čipčit*.

Ключевые слова: этноним, баргуты, буряты, хамниганы, древние тюрки.

B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin

ČIPČIN: ON THE POSSIBLE HISTORICAL ROUTE OF THE ETHNONYM

The article discusses a possible historical parallel for the ethnonym known to the Old Barguts as *čipčin* (*šibšīn*) and to the Khamnigans as *šipšīn barya* in Mongolia, and as *čipčinud* in the Argun region. It is proposed to compare it with the name of one of the tribes of the Eastern Turkic Khaganate, known in the 7th century in Chinese transmission as *zhi-shi* (執失), which can be reconstructed as **čipčit*.

Keywords: ethnonym, Barguts, Buriats, Khamnigans, ancient Turks.

Этноним, отмеченный во второй половине XVII в. в составе старых баргутов как *čipčin*, в измененном, согласно законам фонетики, произношении *šibšīn*, также проникший к хамниганам как *šipšīn barya* в Монголии [Ураи-Кёхальми 1964: 156, 158, 161] и *čipčinud* (очевидно, **čipčinūd*) в Приаргунье (так называемые маньковские хамниганы: [Широкогоров 2017: 223, 232 (табл. II); Нанзатов, Содномпилова, 2020: 28 (табл. 1), 30, 31 (табл. 2)]; об аффиксах мн. ч. в хамниганском языке см.: [Janhunen 2003: 89]), восходит, видимо, к форме *čipčin*. Этимология этого названия неоднократно обсуждалась (см., напр.: [Нанзатов, Содномпилова 2020: 34; Тишин 2022: 168–169]; в отмеченных публикациях даны ссылки на другие работы). Не стремясь добавить ничего нового к этим дискуссиям, мы укажем на параллель, насколько нам известно, не привлекавшую внимание ранее, которая позволит взглянуть на вопрос о происхождении этнонима под новым углом.

В номенклатуре племен Первого Восточно-тюркского каганата известно название, переданное в китайском звучании как *чжи-ши* (執失). После того как весной 630 г. восточно-тюркский *Эллиг каган (реконструкция титула здесь не обсуждается) был пленен войсками империи Тан и многие подчиненные ему предводители капитулировали, подведомственные ему племена тюрков были расселены в Ордосе, составив население шести специально созданных для этой цели округов (*чжоу*, 州): по три в двух в военных губернаторствах (кит. *ду-ду-фу*, 都督府) Дин-сян (定襄) и Юнь-чжун (雲中), учрежденных соответственно для племен левого и правого «крыльев». Согласно сообщению в главе 73 «Тан хуэй яо», они были организованы в 3-й день 3-го месяца 4-го года эры правления *чжэнь-гуань* (貞觀) [20.04.630] [ТХЯ, цз. 73: 46; ср.: СТШ, цз. 215а: 216] [I], хотя, как отметил еще Лю Мао-цай, первые достоверные сведения в китайских источниках относятся только к 649 г. [Liu Mau-Tsai 1958: 151, 584 (Anm 784)]. Собственно

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: nanzatov@yandex.ru.

ТИШИН Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tihij-511@mail.ru.

название округа *чжи-ши*, учрежденного для племени с соответствующим названием, фигурирует в составе военного губернаторства Дин-сян [СТШ цз. 436: 2а, 2б; Малявкин 1980: 105]. Это название значится в списке племен в главе 72 «Тан хуэй яо», в известных изданиях которого написание *чжи-ши* (執失) ошибочно слито в один иероглиф *жэ* (熱) [Цзнь Чжун-мянь, 1958: 655]. Среди представителей этого племени известен такой деятель, как Чжи-ши Сы-ли (執失思力) (ум. в 662 г.), сподвижник *Эллиг кагана, в течение более 30 лет находившийся на службе империи Тан (его официальная биография изложена в главе 110 «Синь Тан шу» [СТШ, цз. 110: 7а–8а]; см. также: [Liu Mau-Tsai, 1958: 817 (Index: s. v. *Tschi-schi-sse-li* 執失思力); Малявкин 1981: 27, 90 (коммент. 32)]).

Собственно исходный облик названия *чжи-ши* (執失) [пиньин. *zhí-shī*], соответствующий ран. ср.-кит. **teip-ɕit*, позд. ср.-кит. **tʃip-tʃit* [Pulleyblank, 1991: 406, 282], может быть формально реконструирован как **čipčit*, **čipčil*, **čipčir*. Насколько нам известно, в каких-либо других источниках на других языках сопоставимых названий не обнаруживается. Если вариант реконструкции **čipčit* корректен, то для формы исходного названия не исключена интерпретация как образования с монгольским аффиксом множественности +(U)t. Последний отмечен в памятниках древнетюркской рунической письменности в составе титулатуры, причем все подобные примеры титулов в форме ед. ч. имеют конечный -n, который отпадает при наращивании аффикса (*tegin* → *tegit*; *tarqan* → *tarqat*; *sänjün* → *sänjüt*); возможно, это свидетельствует о том, что тюрки (в политическом и лингвистическом смысле) заимствовали титулатуру у своих политических предшественников – народа *жоу-жань* (柔然), в тех формах, какие употреблялись в их языке [Pelliot 1915: 688–689; Doerfer 1992: 51–52; Erdal 2004: 129]. Соответственно, если образование **čipčit* относится к тому же типу заимствований, оно может быть старше VII в., когда впервые встречается в источниках. Это обстоятельство по причине недостаточной проясненности состояния монгольских, тюркских и других сопредельных языков делает какие-либо попытки этимологизации преждевременными.

Таким образом, совпадение названия, отмеченного в племенной номенклатуре монгольских народов начиная со второй половины XVII в., и племенного названия VII в. эпохи Второго Восточно-тюркского каганата, возможно, говорит о существовании очередного примера этнонима-«долгожителя» вне зависимости от политической идентичности и языковой его принадлежности в разные хронологические периоды.

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» 121031000243-5.

Примечание

1. Здесь и далее за аббревиатурой названия китайского источника следует номер главы (кит. *цзюань*, 卷), затем – номер страницы. Пагинация приводится по изданию «Цинь-дин сы ку цюань-шу» (欽定四庫全書, Высочайше утвержденное полное собрание книг по четырем разделам). Используются следующие сокращения: СТШ – «Синь Тан шу» (新唐書, Новая книга [о династии] Тан); ТХЯ – «Тан хуэй яо» (唐會要, Собрание важнейших [сведений периода династии] Тан).

Литература

Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии / А. Г. Малявкин // Дальний Восток и соседние территории в средние века / отв. ред. Е. И. Деревянко. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 103–126.

Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования) / А. Г. Малявкин. – Новосибирск: Наука, 1981. – 336 с.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования / А. Г. Малявкин. – Новосибирск: Наука, 1989. – 432 с.

Нанзатов Б. З. Маньчжурские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение / Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2020. – № 4(40). – С. 28–36.

Тишин В. В. Коллективный труд по итогам полевых экспедиций к баргутам Внутренней Монголии. Рец. на: Зориктуев Б. Р., Сундуева Е. В., Маншеев Д. М., Болхосоев С. Б., Николаева Н. Н. Баргуты Китая / отв. ред. Л. С. Дампилова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2021. – 282 с. / В. В. Тишин // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2022. – № 2(46). – С. 166–170.

Урай-Кёхальми К. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган / К. Урай-Кёхальми // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 83. Монголоведение и тюркология / отв. ред. Н. А. Сыромятников, Н. П. Шастина. – М.: Наука, 1964. – С. 156–164.

Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп) / С. М. Широкогоров; пер. с англ. – М.: Наука, 2017. – 710 с.

Doerfer G. Mongolica im Alttürkische / G. Doerfer // Bruno Lewin zu Ehren. Festschrift aus Anlaß seines 65. Geburtstages. Bd. III. KOREA. Koreanistische und andere asienwissenschaftliche Beiträge / Hg. Michael Kuhl und Werner Sasse. – Bochum: Brockmeyer, 1992. – S. 39–56. – (Bochumer Jahrbuch zur Ostasienforschung. – Bd. 14).

Erdal M. A Grammar of Old Turkic / M. Erdal. – Leiden; Boston: Brill, 2004. – XII, 575 p. – (Handbook of Oriental Studies. – Section 8. Central Asia. – No. 3).

Janhunen J. Khamnigan Mongol / J. Janhunen // The Mongolic languages / ed. by J. Janhunen. – London: Routledge, 2003. – P. 83–101.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe) / Mau-Tsai Liu. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – I. Buch. Texte. – 484 S. – (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. – Bd. 10); II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. – S. 485–831. – (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. – Bd. 10).

Pelliot P. L'Origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turcs / P. Pelliot // T'oung Pao (Second Series). – 1915. – Vol. XVI. – P. 687–689.

Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin / E. G. Pulleyblank. – Vancouver: UBC Press, 1991. – VII, 488 p.

Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. Ту-цзюэ цзи ши 突厥集史 / Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. – Пекин [北京]: Чжун-хуа шу-цзюй 中華書局, 1958. – 1136 с.

References

Malyavkin A. G. Taktika Tanskogo gosudarstva v bor'be za gegemoniyu v vostochnoj chasti Central'noj Azii / A. G. Malyavkin // Dal'nij Vostok i sosednie territorii v srednie veka / отв. ред. Е. И. Derevyanko. – Novosibirsk: Nauka, 1980. – S. 103–126.

Malyavkin A. G. Istoricheskaya geografiya Central'noj Azii (materialy i issledovaniya) / A. G. Malyavkin. – Novosibirsk: Nauka, 1981. – 336 s.

Malyavkin A. G. Tanskije hroniki o gosudarstvakh Central'noj Azii: teksty i issledovaniya / A. G. Malyavkin. – Novosibirsk: Nauka, 1989. – 432 s.

Nanzatov B. Z. Man'kovskie hamnigany v XIX v.: etnicheskij sostav i rasselenie / B. Z. Nanzatov, M. M. Sodnompilova // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2020. – № 4(40). – S. 28–36.

Tishin V. V. Kollektivnyj trud po itogam polevyh ekspeditsij k bargutam Vnutrennej Mongolii. Rec. na: Zoriktuiev B. R., Sundueva E. V., Mansheev D. M., Bolhosoev S. B., Nikolaeva N. N. Barguty Kitaya / отв. ред. Л. С. Дампилова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2021. – 282 с. / В. В. Тишин // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2022. – № 2(46). – С. 166–170.

Urai-Kyohal'mi K. Eshche raz k voprosu o proiskhozhdenii hamnigan / K. Urai-Kyohal'mi // Kраткие сообщения Института народов Азии. Вып. 83. Монголоведение и тюркология / отв. ред. Н. А. Сыромятников, Н. П. Шастина. – М.: Наука, 1964. – С. 156–164.

Shirokogorov S. M. Social'naya organizatsiya severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geografii rasseleniya i istorii etih grupp) / S. M. Shirokogorov; per. s angl. – М.: Наука, 2017. – 710 с.

Doerfer G. Mongolica im Alttürkische / G. Doerfer // Bruno Lewin zu Ehren. Festschrift aus Anlaß seines 65. Geburtstages. Bd. III. KOREA. Koreanistische und andere asienwissenschaftliche

Beiträge / Hg. Michael Kuhl und Werner Sasse. – Bochum: Brockmeyer, 1992. – S. 39–56. – (Bochumer Jahrbuch zur Ostasienforschung. – Bd. 14).

Erdal M. A Grammar of Old Turkic / M. Erdal. – Leiden; Boston: Brill, 2004. – XII, 575 p. – (Handbook of Oriental Studies. – Section 8. Central Asia. – No. 3).

Janhunen J. Khamnigan Mongol / J. Janhunen // The Mongolic languages / ed. by J. Janhunen. – London: Routledge, 2003. – P. 83–101.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe) / Mau-Tsai Liu. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – I. Buch. Texte. – 484 S. – (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. – Bd. 10); II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. – S. 485–831. – (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. – Bd. 10).

Pelliot P. L'Origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turcs / P. Pelliot // T'oung Pao (Second Series). – 1915. – Vol. XVI. – P. 687–689.

Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin / E. G. Pulleyblank. – Vancouver: UBC Press, 1991. – VII, 488 p.

Cen' Chzhun-myan' 岑仲勉. Tu-czyue czi shi 突厥集史 / Cen' Chzhun-myan' 岑仲勉. – Peking [北京]: Chzhun-hua shu-czyuj 中華書局, 1958. – 1136 s.

УДК 27-722.51(092)(470)

ББК 63.3(5Кит)+86.37

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-133-138

А. В. Ишин, Г. А. Зябрева

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЭПИСТОЛЯРИЙ АРХИЕПИСКОПА
ТАВРИЧЕСКОГО ГУРИЯ (Карпова) –
ВЫДАЮЩЕГОСЯ МИССИОНЕРА И ДИПЛОМАТА

Статья посвящена осмыслению дальневосточного эпистолярия выдающегося миссионера и дипломата XIX столетия – архиепископа Таврического Гурия (Г. П. Карпова). Авторы приходят к заключению о многоплановости и универсальности писем иерарха как ценного исторического источника. Научное представление о масштабе миссионерской и просветительской деятельности святителя дополняют сведения архивных документов.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, Китай, архиепископ Таврический Гурий, дальневосточный эпистолярый.

A. V. Ishin, G. A. Zyabreva

FAR EASTERN EPISTOLARY OF ARCHBISHOP
OF TAURIDE GURY (Karpov) –
AN OUTSTANDING MISSIONARY AND DIPLOMAT

The article is devoted to understanding the Far Eastern epistolary writings of the outstanding missionary and diplomat of the 19th century – Archbishop of Taurida Gury (G. P. Karpov). The authors come to the conclusion that the hierarch's letters are multifaceted and universal as a valuable historical source. The scientific understanding of the scale of the saint's missionary and educational activities is supplemented by information from archival documents.

Keywords: Great Silk Road, China, Archbishop of Taurida Gury, Far Eastern epistolary.

«Принимаясь за письмо из такого местечка, как Пекин, куда дорожка лежит странами малоизвестными Европе, вполне чувствую обязанность хоть слегка коснуться того, что я видел в дороге и что вижу, живя на месте...» [Таврические... 1882: 1075], – так выдающийся архипастырь, миссионер, богослов и дипломат XIX столетия, святитель Таврический Гурий (канонизирован в 2008 г.) начинал свою 20-летнюю миссионерскую деятельность в далекой китайской земле.

В историю Русской православной церкви епископ (с 1881 г. архиепископ) Таврический Гурий (Григорий Платонович Карпов, 1815–1882) вошел как человек удивительной кротости, незлобия, добросердечия, жертвенности. Поистине это был добрый пастырь, мудрый и дальновидный кормчий церковного корабля! Видный этнограф, синолог, переводчик Евангелия на китайский язык, дипломат, он впервые отправился в Пекинскую духовную миссию в конце декабря 1839 г., блестяще зарекомендовав себя во время обучения в Санкт-Петербургской духовной академии.

Архиепископ Таврический и Симферопольский Гурий (Карпов)

ИШИН Андрей Вячеславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института «Таврическая академия» Федерального государственного автономного учреждения высшего образования Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия). E-mail: a.ischin@yandex.ru.

ЗЯБРЕВА Галина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета русского языка и литературы Федерального государственного автономного учреждения высшего образования Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия). E-mail: ziabreva.galya@yandex.ru.

2 июля 2008 г. Некрополь у храма Всех святых г. Симферополя. Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь торжественно начинает процедуру обретения мощей святителя Гурия Таврического. Фото А. В. Ишина

го выразилось в разграблении пекинского садово-дворцового комплекса, известного под названием Юаньминъюань. Эти события ярко описал капитан Чарльз Гордон из британских королевских инженерных войск: «Вы вряд ли сможете представить себе красоту и великолепие тех мест, которые мы сожгли. Сердцу было больно жечь их; на самом деле эти дворцы были такими большими, а времени у нас было так мало, что мы не могли разграбить их как следует. Множество золотых украшений сгорело, так как их приняли за медь. Эта задача оказалась ужасно деморализующей для армии. Все обезумели от мародерства» (цит. по: [Джейвин 2022: 168]).

Во многом именно благодаря усилиям руководителя Пекинской духовной миссии архимандрита Гурия в 1858 г. заключены Айгунский и Тяньцзиньский договоры. Этот дипломатический успех был закреплен Пекинским трактатом 2 ноября 1860 г. (здесь и далее – ст. стиль). Как подтвердили обе договаривающиеся стороны, этот документ был принят «...для вящего скрепления взаимной дружбы между двумя империями, для развития торговых сношений и предупреждения недоразумений» [Ишин, Иваниченко 2016: 52]. В 1861 г. стороны провели делимитацию российско-китайской границы, обменявшись картами и описаниями разграничений. На официально утвержденной карте границу обозначили красной линией по китайскому берегу Амура, Уссури и протоке Казакевича. Таким образом, реки Амур и Уссури признавались полностью принадлежащими России, а вместе с ними и значительные территории в том регионе, где прежде установленной границы не было [Там же].

Современник и сослуживец архиепископа Гурия в Крыму протоиерей Алексей Назаревский в своей юбилейной речи в честь 50-летия образования Таврической епархии (1909 г.) приводит воспоминания самого архипастыря, согласно которым его миссионерская и дипломатическая деятельность во многом воспрепятствовала реализации сценария, нацеленного на превращение Поднебесной в британскую колонию [Назаревский 1909].

Высокую оценку дипломатическим усилиям главы Пекинской духовной миссии дает чрезвычайный посланник Русского правительства в Китае граф Н. П. Игнатьев: «Я искренно любил, почитал и ценил покойного Преосвященного Гурия, – пишет

Будущий иерарх служил в Пекинской духовной миссии в период с 1840 по 1865 г., которую возглавил в 1856 г. Наряду с блестящим, по существу единственным по-настоящему классическим переводом Нового Завета, Псалтыри, Священной истории Ветхого и Нового Заветов и многих других богословских, богослужебных, учебных книг на китайский язык [Иванов 1883: 234], архимандрит Гурий внес огромный вклад в установление добрососедских отношений между Российской империей и Китаем. Он регулярно участвовал в переговорах Российского посольства с китайскими властями, увенчавшихся воссоединением с Россией Амурской области, Уссурийского и Приморского края, включая порт Владивосток. Это было время так называемой Второй опиумной войны, которую вели Великобритания и Франция при поддержке США с Цинской империей. Интервенты, помимо прочего, требовали от правящей в Китае династии официального права торговать опиумом.

Отношение западных держав к культурному наследию Поднебесной ярче все-

гр. Игнатьев. – В бытность мою посланником в Пекине в 1859–60 годах, он состоял начальником Пекинской духовной миссии и был главнейшим помощником моим в трудных моих обязанностях при переговорах с китайскими сановниками – Сушенем и Шерганем ... О. Гурий переводами своими и знанием Маньчжурских и Китайских нравов оказал мне большую помощь» (цит. по: [Назаревский 1909]).

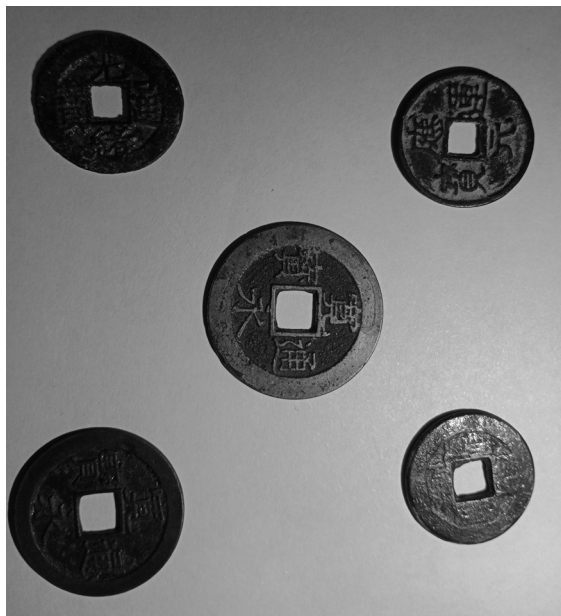
Наши представления о значении миссии святителя Гурия на Дальнем Востоке во многом дополняются его перепиской со своим духовным отцом – Саратовским епископом (впоследствии архиепископом Нижегородским) Иаковом (в миру Иосифом Ивановичем Вечерковым), также выдающимся миссионером и богословом, который обратил к каноническому православию несколько тысяч раскольников и являлся одним из любимейших духовных писателей Н. В. Гоголя.

«Таврические епархиальные ведомости» отмечали: «Как видно, Иеромонах Гурий был в самых близких, поистине сыновних, отношениях к Преосвященному Иакову. Близость эта объясняется тем, что первый воспитывался в Саратовской Семинарии при Преосвященном Иакове, при нем окончил курс, при нем был учителем Саратовского училища; притом же Гурий, как видно, с молодых лет отличался благочестивым настроением, так что и в Академию отправился (все притом же Преосвященным) в одежде послушника, с намерением поступить в монашество, – такого человека не мог не полюбить Преосвященный Иаков, – сам глубоко благочестивый Архипастырь и строгий аскет» [1882: 1074–1075].

Преосвященный Иаков всемерно ободрял своего духовного сына, неустанно молился за его здоровье, и переписка отразила в т. ч. упорную борьбу с тяжелым физическим недугом святителя Гурия, который он преодолел в Пекине во многом благодаря ощутимой духовной поддержке преосвященного...

Одно из писем (от 14 августа 1844 г.) «пекинского цикла» великого миссионера свидетельствует о весьма непростых условиях, в которых начиналось его служение: «Пятьдесят человек, христиан больше по имени, рождению, привычке, нежели убеждению (имеются в виду русские удалы – основатели Албазинского острога за рекой Амур, принятые на службу в китайскую императорскую гвардию – “знаменные войска” маньчжурской династии Цин в конце XVII века. – *Авт.*), что могли они значить против 3-х миллионов народонаселения? Что они могли противопоставить совокупному натиску бесчисленных суеверий, обычаев совершенно разнородных, примеров соблазнительных, – жизни, духу китаизма, совершенно расходящимся с жизнью и духом христианства? Пища, одежда, помещение, служба, связи, знакомства – все раскрывало им новый мир, вливало в них новый дух, вытесняя родное, с собою принесенное. Меньше было бы странности, если б у русских, пришедших в Китай, были священники, словом и делом наставлявшие их вере; по крайней мере, если б жены их были христианки. Промыслу не угодно было ниспослать им этой милости. Священники их сами требовали наставления, а жены выданы из Син-бу, из смиренного дома, где они содержались за примерный разврат. Несмотря на то, христианство в Китае существует, – правда оно похоже больше на обстрелянный корабль – без парусов, мачт и руля, с пробитыми боками и сильною течью. Но, под кровом Божиим, этот жалкий корабль в тихой пристани, на месте не глубоко: настоящее его состояние больше некрасиво, нежели опасно» [Макарий 1884: 655–662].

21 сентября 1845 г. святитель охарактеризовал весьма непростую геополитическую ситуацию, которая складывалась для Китая в связи с давлением западных держав: «Дела Китая чрезвычайно плохи; день ото дня становятся запутаннее и труднее. Серебро весьма поднялось в цене. Англичане продают опий и коленкор дешево, но не иначе, как на серебро. Новых рудников не разрабатывается. Недочеты по казенным сборам, заминка в торговом обороте, усиление народонаселения и оскудение средств продовольствия, взяточничество и вероломство всегда были и будут худыми вестниками. Не знаю, как Бог поможет им. К Англичанам присоединились теперь и Французы, и Американцы. Иностранных товаров премножество и почти нипочем. А свои редуют и, по крайней мере, второе дороже и хуже привозных. Государь китайский стал что-то очень ласков к Русским. Не только исполняет всякую просьбу Русского подворья, даже сам

Монеты Китая династической эпохи. Фото
А. В. Ишина

навязывается с милостями. Вероятно, он об чем-нибудь задумался» [Таврические... 1883: 118–119].

Пекинский эпистолярный святителя Гурия – источник многоплановый и поистине универсальный. Он содержит уникальные сведения по истории православия на китайской земле, миссии Русской православной церкви на Дальнем Востоке, о духовном и политическом состоянии Поднебесной эпохи династии Цин, и, что особенно ценно, о трудностях и невзгодах, которые пришлось преодолевать святителю, твердо вставшему на путь апостольского подвига.

По нашему убеждению, имеются все основания рассматривать гурьевский эпистолярный в цивилизационной проекции с ярко выраженной метаидеей – апостольская миссия российского православия в историко-культурном интервале Великого шелкового пути.

И миссия эта с несомненностью предполагает как собственно духовно-

просветительскую компоненту, так и компоненту геополитическую, выраженную в дипломатическом оформлении российско-китайских отношений как отношений стратегического союза двух государств-цивилизаций. Удивительный талант просветителя и миссионера вновь ярко проявился после принятия архимандритом Гурием епископского сана и в период его служения на Таврической кафедре (1868–1882), духовно окормлявшей не только Крымский полуостров, но также Днепровский, Мелитопольский, Бердянский уезды.

Выявленные нами архивные источники свидетельствуют, что архипастырь, несмотря на огромную занятость, находил время и силы, чтобы вникать во все детали церковной жизни вверенной ему епархии, будь то восстановление древней часовни, возведение храма, обнаружение реликвии, работа епархиальных учреждений, проведение богослужений. Неудивительно, что трудами преосвященного Гурия в Таврической епархии развернулось масштабное церковное строительство, были созданы духовная семинария, мужское духовное училище, преобразовано женское духовное училище, основано симферопольское Александро-Невское братство, начато издание «Епархиальных ведомостей». Для него не существовало «малозначительных» дел. Владыка Гурий стал достойным продолжателем великого проекта святителя Иннокентия (в миру Иван Алексеевич Борисов, 1800–1857), архиепископа Херсонского и Таврического, по созданию «Русского Афона» в Крыму. Отметим, что наряду с неустанным попечением о крымских монастырях, огромное внимание уделялось организации исследований, сохранению и популяризации христианских памятников Тавриды.

Важное значение имело участие святителя Гурия в установлении гармоничной модели взаимодействия церкви и научно-археологических кругов. Так, например, архипастырская резолюция от 20 мая 1876 г. об организации раскопок в Херсонесе гласила: «Не худо войти в рассмотрение обстоятельств дела и составить план; и [правила] раскопок т. е. [показать] долю участия и прав[ославного] монастыря на могущие быть найденными вещи. Еп. Гурий» [ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1445. Л. 4].

Печать глубокой образованности и рассудительности святителя проявлялась и в его спокойном, по-настоящему мудро и взвешенном восприятии важных событий епархиальной и общественной жизни.

Так, например, в резолюции владыки Гурия от 23 июля 1875 г. на рапорт священника Космо-Дамиановской церкви селения Тимошевки Димитрия Дементьева об обращении скопцов говорилось следующее: «Искренности обращения скопцов я не верю. Советую и Вам быть осторожнее. Усердно наставляйте их в православной вере, обличайте заблуждение скопческое, но к св. причастию не допускайте скопцов по меньшей мере три года: /кроме смертного случая/. О ходе этого дела уведомляйте меня почаще и [пообстоятельнее]. [Впрочем] Вы ведете журнал Ваших собеседований? Выдержки из него были бы очень любопытны. Прилежнее молитесь Богу о помощи. Еп. Гурий» [ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1429. Л. 1].

Узнав о том, что в Бердянском уезде верующие собирались для прославления обнаруженной ими в источнике иконы Божией Матери, архипастырь отреагировал следующей резолюцией от 31 мая 1877 г.: «Икону прислать в Кафедральный собор для хранения; деньги (79 к.) хранить в Берд[янском] соборе показывая (до времени) особо статью; а народ убеждать, чтоб сами собою, без священников никаких собраний молитвенных не составляли и явленных икон не выдумывали. Еп. Гурий» [Там же. Д. 1184. Л. 1].

Обширные заслуги архиепископа Таврического Гурия уже при жизни были отмечены многочисленными наградами: бриллиантовой панагией, орденами Святой Анны 1–3-й степеней; Святого Владимира 2–4-й степеней, пожизненной государственной пенсией (обильно жертвующей на благотворительные нужды), золотым наперсным крестом и другими знаками отличия [Гермоген 1887: 173–174].

Но в поистине планетарном масштабе его многогранной деятельности Китай и Дальний Восток всегда будут занимать особое место, ведь именно святитель Гурий, пожалуй, как никто другой, показал, что Великий шелковый путь – это живое мета-историческое движение во встречном направлении, культурно связывающее Россию с Поднебесной.

Источники и литература

Государственный архив Республики Крым (ГАРК): ф. 118, оп. 1, д. 1184 (Гурий, епископ Таврический и Симферопольский. Резолюция от 31 мая 1877 г.), 1429 (Гурий, епископ Таврический и Симферопольский. Резолюция от 23 июля 1875 г.), 1445 (Гурий, епископ Таврический и Симферопольский. Резолюция от 20 мая 1876 г.).

Гермоген, епископ Псковский и Порховский, бывший Таврический и Симферопольский. Таврическая епархия / Епископ Псковский и Порховский Гермоген. – Псков: Тип. Губернского правления, 1887.

Джейвин Л. Наикратчайшая история Китая. От древних династий к современной супердержаве / Л. Джейвин; пер. с англ. О. Г. Постниковой. – М.: КоЛибри, 2022. – 320 с.

Иванов А. Преосвященный Гурий, архиепископ Таврический и Симферопольский (Краткий очерк его служения в Таврической епархии) / А. Иванов // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. – 1883. – Т. XIII. – С. 233–243.

Ишин А. В. Русский просветитель Китая. Архипастырский подвиг святителя Гурия (Карпова) / А. В. Ишин, Е. Ю. Иваниченко // Покров. – 2016. – № 2(542). – С. 52–55.

Макарий, епископ Нижегородский. Письмо иеромонаха Гурия, скончавшегося архиепископом Таврическим, к Саратовскому епископу Иакову, скончавшемуся в С.-Петербурге архиепископом Нижегородским. Русские и Греко-Российская Церковь в Китае в XVII–XIX вв. / епископ Нижегородский Макарий // Русская старина. – 1884. – Т. 43 (июль, август, сентябрь).

Назаревский А., протоиерей. Высокопреосвященный Гурий, архиепископ Таврический и Симферопольский. Речь, произнесенная в зале Таврической духовной семинарии в день празднования 50-летия Таврической епархии (1909 г.) [Электронный ресурс] / протоиерей Алексей Назаревский // Кафедральный Александро-Невский собор. – Режим доступа: <https://alexandr-nevsky.ru/svyatitel-guriy-tavricheskiy>.

Таврические епархиальные ведомости. – 1882. – № 22. – 15 нояб; 1883. – № 3. – 1 февр.

References

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK): f. 118, op. 1, d. 1184 (Gurij, episkop Tavricheskij i Simferopol'skij. Rezolyuciya ot 31 maya 1877 g.), 1429 (Gurij, episkop Tavricheskij i Simferopol'skij. Rezolyuciya ot 23 iyulya 1875 g.), 1445 (Gurij, episkop Tavricheskij i Simferopol'skij. Rezolyuciya ot 20 maya 1876 g.).

Germogen, episkop Pskovskij i Porhovskij, Byvshij Tavricheskij i Simferopol'skij. Tavricheskaya eparhiya / episkop Pskovskij i Porhovskij Germogen. – Pskov: Tip. Gubernskogo pravleniya, 1887.

Dzhejvin L. Naikratchajshaya istoriya Kitaya. Ot drevnih dinastij k sovremennoj superderzhave / L. Dzhejvin; per. s angl. O. G. Postnikovoj. – M.: KoLibri, 2022. – 320 s.

Ivanov A. Preosvyashchennyj Gurij, arhipiskop Tavricheskij i Simferopol'skij (Kratkij ocherk ego sluzheniya v Tavricheskoj eparhii) / A. Ivanov // Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej. – 1883. – T. XIII. – 1883. – S. 233–243.

Ishin A. V. Russkij prosvetitel' Kitaya. Arhipastyrskij podvig svyatitelya Guriya (Karpova) / A. V. Ishin, E. Yu. Ivanichenko // Pokrov. – 2016. – № 2(542). – S. 52–55.

Makarij, episkop Nizhegorodskij. Pis'mo ieromonaha Guriya, skonchavshegosya arhipiskopom Tavricheskim, k Saratovskomu episkopu Iakovu, skonchavshemusya v S.-Peterburge arhipiskopom Nizhegorodskim. Russkie i Greko-Rossijskaya Cerkov' v Kitae v XVII–XIX vv. / episkop Nizhegorodskij Makarij // Russkaya starina. – 1884. – T. 43 (iyul', avgust, sentyabr').

Nazarevskij A., protoierej. Vysokopreosvyashchennyj Gurij, arhipiskop Tavricheskij i Simferopol'skij. Rech', proiznesennaya v zale Tavricheskoj duhovnoj seminarii v den' prazdnovaniya 50-letiya Tavricheskoj eparhii (1909 g.) [Elektronnyj resurs] / protoierej A. Nazarevskij // Kafedral'nyj Aleksandro-Nevskij sobor. – Rezhim dostupa: <https://alexandr-nevsky.ru/svyatitel-guriy-tavricheskij>.

Tavricheskie eparhial'nye vedomosti. – 1882. – № 22. – 15 noyab.; 1883. – № 3. – 1 fevr.

УДК 294.3

ББК 86/35

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-139-145

А. В. Лощенков

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВТОРОГО НАСТОЯТЕЛЯ
ЦУГОЛЬСКОГО ДАЦАНА Г.-Ж. ДЫЛГЫРОВА (1816–1872)
В ТИБЕТСКОМ ФОНДЕ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ч. I

Статья вводит в научный оборот тексты, изданные и составленные вторым Цугольским настоятелем Г.-Ж. Дылгыровым с 1864 по 1869 г. Проведено сравнительное исследование со списком двух гарчаков (каталогов) Цугольского дацана и определены авторы текстов. Выявлены собственные работы Г.-Ж. Дылгырова, в т. ч. четыре автобиографических текста.

Ключевые слова: Г.-Ж. Дылгыров, Бурятия, буддизм, Цугольский дацан, гелуг, ксилограф.

A. V. Loshchenkov

CREATIVE HERITAGE OF THE SECOND ABBOT
OF THE TSUGOL DATSANS G.-ZH. DYLGYROV (1816–1872)
IN THE TIBETAN COLLECTION OF THE CENTER
OF ORIENTAL MANUSCRIPTS AND XYLOGRAPHS
(IMBTS SB RAS). Part 1

The article introduces into scientific circulation the texts published and compiled by the second Tsugolsky abbot G.-Zh. Dylgyrov from 1864 to 1869. A comparative study was conducted with the list of two garchaks (catalogues) of the Tsugolsky datsan and the authors of the texts were identified. G.-Zh. Dylgyrov's own works were identified, including four autobiographical texts.

Ключевые слова: G.-J. Dilgyrov, Buryatia, Buddhism, Tsugolsky datsan, Gelug, xylograph.

Галсан-Жимба Дылгыров (1816–1872, улус Судунтуй, Забайкальская область) – бурятский буддийский ученый, второй настоятель Цугольского дацана, переводчик и издатель как собственных трудов на тибетском и старомонгольском языках, так и необходимой литературы для философского факультета. Он является составителем трех небольших гарчаков, в которые вошли 70 наименований книг на тибетском языке, среди них авторские, ксилографированные им лично или под его руководством. Монгольский ученый Р. Отгонбаатар опубликовал статью о гарчаке Г.-Ж. Дылгырова – «Каталог ксилографов, напечатанных для приумножения даения дхармы, начиная с года дерева-мыши» (1864) [1995: 28–32], а также факсимиле всех тибетских гарчигов в своей книге «Монгол модон барын номын эх гарчиг» [Он же 1998: 121–131]. Это первая публикация об изданиях Г.-Ж. Дылгырова, в которой дан список всех названий текстов в транслитерации по системе Вайли, и были выделены лишь некоторые авторские работы. Ряд исследований и статей, посвященных творчеству автора, касались только отдельных текстов, приписываемых Дылгырову (Б. Д. Баяртуева, Д. С. Жамсуева, Е. Р. Шубина, Ц. П. Ванчикова).

Данная статья представляет собой первую часть исследования и содержит анализ первого из трех существующих гарчаков Г.-Ж. Дылгырова. Нами проведена сравнительная работа с двумя наиболее полными и известными каталогами изданий Цугольского дацана. При исследовании обнаружено, что наименования 22 текстов отсутствуют в перечне каталога Цугольского дацана [Сыртыпова, Гармаева, Базаров 2006:

ЛОЩЕНКОВ Алексей Вячеславович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: loshchenkov@mail.ru.

129–154] и «Своде Хамбо-ламы 1911 года» (далее – Свод Хамбо-ламы) [Catalogue... 1959: 84–95].

Исследование стало возможным благодаря изучению тибето-язычного литературного наследия, сохранившегося в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Фундаментальной базой для анализа письменного наследия являются: коллекции тибетоязычной литературы ТТ и ТТ1. Написание имен авторов передана согласно нормам лхасского произношения и немного отличается от широко используемого способа в статьях современных российских исследователей. В скобках даны транслитерация латиницей и бурят-монгольское произношение имени.

На данный момент каталогизационной работы 6 текстов из карчагов Дылгырова не были обнаружены в тибетском фонде ЦВРК. Это следующие тексты в материалах данной статьи: 3, 11, 13, 20. В Приложениях 1–3 представлена полнотекстовая транслитерация трех гарчаков для доступа исследователей к исходным материалам (табл.).

Таблица

Список авторов и количество их текстов в трех гарчаках

№ п/п	Автор	Количество
1	Галсан-Жимба Дылгыров	11 (авторских работ), из них 5 – автобиографические, 6 – по дхарме
2	Дже Цонкапа	9
3	Чахар Геше Лосан Цультим	4
4	Кончок Тенпе Донме (Гунтан Ринпоче)	5
5	Дакпа Шедуб	6
6	Лосан Пэлдэн Еше	1
7	Еше Гьялцен	3
8	Янчен Гаве Лодё	1
9	Егньен	1
10	Атиша	1
11	Наван Лосан Тэмпе Гьялцен (Арьяпандита)	2
12	Наван Лосан Чодэн	1
13	Кангьюрпа Ринпоче	1
14	Чанкья Ринпоче	1
15	Кедруб Сангье Еше	1
16	Чандракирти	1
17	Падмасамбхава	1
18	Джняна Шри	1
19	Туган Лосан Чоки Нима	1
20	Халха Чодзе Лама Тенпэ Донме	1
21	Наван Кедруб	1
22	Гендун Гьяцо	1
23	Дулдзина Дракпа	1
24	Будда Шакьямуни	1
25	Гьялсэ Тогме Санпо	1
26	Матибхадра	1

Полное название гарчака – «Каталог ксилографов, напечатанных для приумножения даяния дхармы, начиная с года дерева-мышь» (shing pho byi ba'i lo nas chos sbyin spel phyir par du bsgrubs pa'i dpe cha nams kyi kar chag), 2 f. Шифр Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН: ТТ-08228. Автор: Г.-Ж. Дылгыров. Нет в Своде [Catalogue... 1959]. Нет в издании С. Д. Сыртыповой, Х. Ж. Гармаевой, А. А. Базарова [2006] (далее – БКБ). Текст состоит из двух листов по пять строк на каждой стороне листа русской бумаги; размер рамки текста – 38,0х6,0, размер листа в целом – 45,0х9,0; пагинация сплошная – 1r–2r; качество печати хорошее. На левом краю расположен номер листа и краткое название текста – «каталог» (kar chag). Колофона нет. В гарчак вошли книги, ксилографированные Г.-Ж. Дылгыровым или под его руководством с 1864 г., включает названия 21-й книги общим объемом 224 листа, или 448 с.

1. «Краткая суть намтара всеведающего великого Цонкапы» (rje thams cad mkhyen pa tshong kha pa chen po'i nam thar gyi bsds don bzhugs so), 15 f. Автор – монгольский ученый Чахар Геше Лосан Цультим (bLo bzang thsul khriims, 1740–1810; бур. Лобсан Сультим). Шифр ЦВРК: ТТ-08779, ТТ-08884. Нет в Своде. Нет в БКБ. Текст входит в сумбум автора и представляет собой одну из последних по времени изданий обширной биографии основателя традиции гелуг Цонкапы. Это 10-я завершающая глава текста «Источник всех благ и счастья: жизнеописание великого всеведущего Дже Цонкапы» (rJe thams cad mkhyen pa tsong kha pa chen po'i nam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas). Составлено для краткого целостного понимания жития Дже Цонкапы теми, кто не имеет возможности охватить смысл изложенного в обширном тексте.

2. «Краткая суть стрóf сжатой практики, изреченной досточтимым Манджушри» (rje btsun 'jam pa'i dbyangs kyi gsungs pa'i nyams len mdor bsds tshigs bcad kyi bsds don bzhugs so), 4 f. Автор: Лосан Дакпа/Дже Цонкапа (bLo bzang grags pa, 1357–1419; бур. Лобсан Драгпа). Шифр ЦВРК: ТТ-08227, ТТ-10662, ТТ-10928. Свод Хамбо-ламы: Цугольский дацан № 79. Входит в собрание разрозненных текстов автора (rJe tsong kha pa chen po'i bka' 'bum thor bu). Краткое напоминание о трех основах буддийского пути: отречения (устремлении избавить ум от омраченности), бодхичитты (намерении достичь просветления ради блага существ) и правильного воззрения относительно реальности.

3. «Поэтические наставления для удрученности в сансарных феноменах» ('khor ba'i chos la yid 'byung ba'i snyan dngag bslab tshig), 4 f. Автор: Лосан Дакпа. Не обнаружен в фонде. Нет в Своде. Нет в БКБ. Опытный комментарий к практике развития отречения как основы духовного развития.

4. «Рассказ об удрученности сансарой – строфы побуждения себя» (rang la bskul ba'i tshigs bcad 'khor ba las skyo ba'i gnam zhes bya ba bzhugs so), 5 f. Автор: Лосан Дакпа. Шифр ЦВРК: ТТ-08226, ТТ-10917, ТТ-12113 [Ibid.: № 82]. Входит в собрание разрозненных текстов автора (rje tsong kha pa chen po'i bka' 'bum thor bu). Текст напечатан в 1866 г. Представлены в виде тезисов сущностные положения практик малой, средней и высшей личности для удерживания в памяти целостного пути.

5. «Наставления, приносящие пользу в этой и в будущих жизнях» ('di phyi gnyis kar phan pa'i man ngag bzhugs so), 7 f. Автор: Лосан Дакпа. Шифр ЦВРК: ТТ-08224, ТТ-12114, ТТ-13105, ТТ-01894 [Ibid.: № 78]. Из сумбума автора. Текст идентичен оригиналу. Вставок и правок Г.-Ж. Дылгырова при публикации текста нет. Текст напечатан в 1867 г.

6. «Строфы, побуждающие извлечь смысл из опоры, наделенной свободами и благоприятными условиями» (dal 'byor gyi rten la snying po len par bskul ba'i tshigs bcad bzhugs so), 3 f. Автор: Лосан Дакпа. Шифр ЦВРК: ТТ-08184, ТТ-08223, ТТ-10945, ТТ-12115 [Ibid.: № 80]. Из сумбума автора. Текст напечатан в 1868 г. Опытный комментарий к правильному использованию драгоценной человеческой жизни для осуществления временных и абсолютных целей буддийского пути.

7. «Светильник, проясняющий суть объяснения категорий трех обетов» (sdom pa gsum gyi nam grangs bstan pa don bsds gsal ba'i sgron me zhes bya ba bzhugs so),

28 f. Автор: Дакпа Шедуб (Grags pa bshad sgrub, 1675–1748; бур. Дарба Шедув). Шифр ЦВРК: ТТ-09451, ТТ-10673, ТТ-10925, ТТ-12092, ТТ1-00646 [Catalogue... 1959: № 69]. Из сумбума автора. Текст напечатан в 1867 г. Структурное описание обетов личного освобождения: генина, гецула и гелонга (трех монашеских степеней по возрастанию количества обетов).

8. «Лучи солнца сущностных положений – краткое изложение предписаний гелонга» (dge slong gi bsalab bya mdor bsduḡ gnad kyi nyi zer zhes bya ba bzhuḡs so), 5 f. Автор: Лосан Пэлдэн Еше (bLo bzang dpal ldan ye shes, 1738–1780; бур. Лобсан Балдан Еше). Шифр ЦВРК: ТТ-10331, ТТ-12054, ТТ-12116, ТТ1-01674 [Ibid.: № 68].

9. «Источник сиддхи – совершенно тайные краткие записи, объясняющие положения глубокого срединного воззрения» (zab mo dbu ma'i lta ba'i gnad ston pa'i yig chung shin tu gsang ba dngos grub kun 'byung zhes bya ba bzhuḡs so), 9 f. Автор: Еше Гьялцен (Tshe mchog gling yongs 'dzin Ye shes rgyal mtshan, 1713–1793; бур. Еше Жалсан). Шифр ЦВРК: ТТ-10339, ТТ-12117 [Ibid.: № 66]. Ясное изложение сущностных воззрений буддизма, как эзотерических, так и экзотерических, в соответствии с наставлениями традиции Венсапи (dBen sa bLo bzang don grub, 1505–1566). Текст напечатан в 1868 г.

10. «Брод для мудрых – разъяснение 108 групп концептов материнских сутр к праджняпарамите» (yum gyi mdo'i 'gres rkang brgya rtsa brgyad gsal bar byed pa mkhas pa'i 'jug ngogs zhes bya ba bzhuḡs so), 25 f. Автор: Дакпа Шедуб. Шифр ЦВРК: ТТ-07789, ТТ-07790, ТТ-08883, ТТ-10330, ТТ1-02872 [Ibid.: № 60]. Текст напечатан в 1868 г.

11. «Комментарий на тибетском к разрозненному собранию мантр на санскрите и их значение» (rgya skad dang sngags don thor bu bod skad du bkral pa), 13 f. Автор: Дакпа Шедуб [Ibid.: № 59].

12. «Украшение речи – метод прочтения мантр» (sngags kyi bklag thabs smra ba'i rgyan ces bya ba bzhuḡs so), 11 f. Автор: Дакпа Шедуб. Шифр ЦВРК: ТТ-11812, ТТ-12055, ТТ1-03417, ТТ1-03450 [Ibid.: № 83]. Текст напечатан в 1868 г.

13. «Зеркало, проясняющее трудные положения – краткое изложение характерных особенностей восьми падежей, субъекта, объекта и действия» (rnam dbye brgyad dang bya byed las gsum sogs kyi khyad par mdo tsam brjod pa dka' gnad rab gsal me long), 11 f. Автор: Янжан Гаве Лодо (A kya yongs 'dzin dbyangs can dga' ba'i blo gros, 1740–1827; бур. Янжан Гави Лодой) [Ibid.: № 91]. Не обнаружен в фонде.

14. «16 гласных и 34 согласных санскрита вместе с добавочными буквами-знаками» (rgya gar gyi dbyangs yig bcu drug dang gsal byed so bzhi yan lag dang bcas pa bzhuḡs so), 3 f. Автор: Г.-Ж. Дылгыров. Шифр ЦВРК: ТТ-11813, ТТ-12107 [Ibid.: № 86]. Текст напечатан в 1868 г.

15. «30 согласных и 4 гласных тибетского алфавита» (bod yig gsal byed sum cu dang dbyangs yig bzhi dang bcas pa bzhuḡs), 2 f. Автор: Г.-Ж. Дылгыров. Шифр ЦВРК: ТТ-12203, ТТ1-02855, ТТ1-03027 [Ibid.: № 87]. Текст напечатан в 1867 г.

16. «Песня, вдохновляющая к молитвенному обращению – мелодия тоски по доброте ширетуя Лосан Лхундруп Пэлсангпо, высшего светоча традиции гелуг» (zhwa ser bstan pa'i gsal byed dam pa ching bi shi ril thu nom chi shre thu bla ma blo bzang lhun grub dpal bzang po'i bka' drin pa'i gdung dbyangs gsol 'debs thugs rgyud bskul ba'i glu zhes bya ba bzhuḡs so), 3 f. Автор: Егньен (тиб. Ye rgyan; бур. Ержан). Шифр ЦВРК: ТТ-10939 [Ibid.: № 142]. Молитва к первому настоятелю Цугольского дацана Лубсану Лхундубу Дандарову (1781–1859). Автор, по всей видимости, засаг лама, рабджампа, 23-й учитель Дылгырова [Лощенков 2024: 156]. Текст напечатан в 1867 г.

17. «Произнесение имен учителей, поклонение им, способ памятования о них и об учителях линии преемственности» (bla ma'i mtshan brjod bla mar phyag 'tshal bla ma dran thabs bla ma'i bla ma zhes bya ba bzhuḡs so), 5 f. Автор: Г.-Ж. Дылгыров. Шифр ЦВРК: ТТ-09426, ТТ-10336, ТТ-12093, ТТ1-03422. Нет в Своде. Нет в БКБ. Текст напечатан в 1864 г.

18. «Список имен учителей, с которыми есть дхармовая связь» (chos 'brel thob pa'i bla ma rnam kyi mtshan tho bzhuḡs so), 6 f. Автор: Г.-Ж. Дылгыров. Шифр ЦВРК: ТТ-10337, ТТ-12096. Нет в Своде. Нет в БКБ.

Представлен список имен 52 учителей Дылгырова, даны названия полученных от них учений и передач на практике. Крайне важный текст для изучения возможной связи полученных им учений и издания ксилографов согласно гарчаку с вероятной целью распространения и прояснения сложных мест, а также для улучшения учебного процесса на философском факультете Цугольского дацана [Лощенков 2024: 152–162].

19. «Перечень, побуждающий к духовной практике с целью накопления и очищения» (bsag sbyang gi ched du dge sbyor la brtson pa'i grangs yig), 8 f. Автор: Г.-Ж. Дылгыров. Шифр ЦВРК: ТТ-13718. Нет в Своде. Нет в БКБ. Также представляет собой автобиографический текст, в котором зафиксированы практики и ретриты, выполненные Дылгыровым в течение жизни.

20. «Собственные деяния, освещение и воспоминания: 1–6 части» (rang spyod rang gsal rang gi themis yig), 52 f. Автобиография Г.-Ж. Дылгырова. Нет в Своде. Нет в БКБ. Текст не обнаружен в фонде. Частично был введен в научный оборот Ц. П. Ванчиковой [1999].

21. «Шлоки, побуждающие читать маны, включая просьбу-молитву» (ma ni bskul ba'i tshigs bcad 'dod gsol dang bcas pa bzhugs so), 2 f. Автор: Кончок Тэнпе Донме (dKon mchog bstan pa'i sgron me, 1762–1823; бур. Гунтан Гончок Данби Донме). Шифр ЦВРК: ТТ-12097, ТТ1-01893. Нет в Своде. Нет в БКБ. Нет в сумбуме автора, есть вероятность его написания в Бурятии.

Приложение 1

shing pho byi ba'i lo nas chos sbyin spel phyir par du bsgrubs pa'i dpe cha nmams kyi kar chag

rje thams cad mkhyen pa btsong kha pa chen po'i nram thar gyi bsdus don shog grangs bco lnga/ rje btsun 'jam pa'i dbyangs kyis gsungs pa'i nyams len mdor bsdus tshigs bcad kyi bsdus don bzhi/ 'khor ba'i chos la yid 'byung ba'i snyan dngag bslab tshig bzhi/ rang la bskul ba'i tshigs bcad 'khor ba las skyo ba'i gtam lnga/ 'di phyi gnyis kar phan pa'i man ngag bdun/ dal 'byor gyi rten la snying po len par bskul ba'i tshigs bcad gsum/ sdom pa gsum gyi nram grangs bstan pa don bsdus gsal ba'i sgron me nyer brgyad/ dge slong gi bslab bya mdor bsdus gnad kyi nyi zer lnga/ zab mo dbu ma'i lta khrid gsal bar ston pa'i yig chung shin tu gsang ba dngos grub kun 'byung dgu/ yum gyi mdo'i 'gres rkang brgya rtsa brgyad gsal bar byed pa mkhas pa'i 'jug ngogs nyer lnga/ rgya skad dang sngags don thor bu bod skad du bkral pa bcu gsum/ sngags kyi bklag thabs smra ba'i rgyan bcu gnyis/ nram dbye brgyad dang bya byed las gsum sogs kyi khyad par mdo tsam brjod pa dka' gnad rab gsal me long bcu gsum/ rgya gar gyi dbyangs yig bcu drug dang gsal byed so bzhi yan lag dang bcas pa gsum/ bod yig gsal byed sum cu dbyangs yig bzhi dang bcas pa gnyis/ zhwa ser bstan pa'i gsal byed dam pa ching bi shi ril thu nom chi shri thu bla ma blo bzang lhun grub dpal bzang po'i bka' drin pa'i gdung dbyangs gsol 'debs thugs rgyud bskul ba'i glu gsum/ bla ma'i mtshan brjod bla mar phyag 'tshal bla ma dran thabs bla ma'i bla ma lnga/ chos 'brel thob pa'i bla ma nmams kyi mtshan tho drug bsag sbyang gi ched du dge sbyor la brtson pa'i grangs yig brgyad/ rang spyod rang gsal rang gi themis yig dang po/ drug gnyis pa/ brgyad/ gsum pa/ bdun/ bzhi pa/ brgyad/ lnga pa bcu gcig/ drug pa bcu gnyis/ ma Ni bskul ba'i tshigs bcad 'dod gsol dang bcas pa gnyis/ dpe cha nmams kyi kar chag gnyis te/ shog grangs nyis brgya nyer drug go/

Приложение 2

lcag pho rta lo nas par du bzhengs pa'i dpe cha nmams kyi kar chag dang po mthong ba don ldan zhes bya ba bzhugs so

skyabs 'gro'i khrid yig mdor bsdus dngos grub kun 'byung shog grangs bcu gcig/ mchog gsum skyabs 'gro yongs grags dang ja mchod gsol 'debs gsum/ dga' ldan lha brgya mar grags pa'i bla ma'i rnal 'byor gsum/ jo bo a ti shas lha btsun byang chub 'od la gnang ba'i gdams ngag gsum/ tshe lha gsum dang 'brel ba'i bla ma'i rnal 'byor gsum/ tshe lha nram gsum gyi sgo nas tshe sgrub bya tshul drug tshe chog gi bla brgyud gsol 'debs gnyis/ bcom ldan 'das mgon po tshe dpag med kyi cho ga bdag mdun bskyed pa'i 'don bsgrig nyer bzhi/ rdo rje 'jigs byed dpa' gcig gi bla brgyud gsol 'debs gnyis/ rdo rje 'jigs byed dpa' gcig gi mngon rtogs bsgom bzlas mdor bsdus lnga/ rdo rje 'jigs byed dpa' gcig gi mngon rtogs bsdus pa'i dmigs rim dge

legs char 'bebs nyer bzhi/ bcom ldan sman bla'i chu mchod 'bul ba'i 'don cha bcu gcig_thugs rje chen po'i ma Ni ril sgrub kyi cho ga'i go rim 'don bsgrigs dang bcas pa dgu/ bla ma mchod pa'i tshogs mchod 'bul ba'i cho ga gsum/ 'phags pa thugs rje chen po la smre sngags bstod pa bzhi/ u rgyan rin po che'i gsol 'debs bsam pa lhun grub ma bzhi/ rje btsun 'phags ma sgröl ma'i maN+Dal bzhi pa'i cho ga 'dod dgu'i char 'bebs drug/ rgyal ba 'od dpag med kyi sgo nas zab lam 'pho ba'i rnal 'byor nyams su len tshul dgu/ rta mgrin gsang sgrub kyi sgo nas sku brnyan rab gnas byed tshul rol ba'i rgya mtsho bdun/ 'dod khams dbang phyug dpal ldan lha mo la tshes gtör 'bul ba'i 'don chog brgyad/ dam can chos rgyal yab yum gyi zor chen drug cu pa'i cho ga bcu gcig/ bkra shis dge mtshan spel ba'i cho ga dge legs char 'bebs bco lnga/ me lha mchod pa'i cho ga dpal 'byor rgya mtsho drug/ 'dul ba rgya mtsho'i snying po bsdus pa dang lha mo dbyangs can ma'i bstod pa bcas bzhi/ sdom pa gsum gyi bsngo bgrang byed tshul zur du bköl ba bco lnga/ dge slong gi bslab bya bsrung thabs kyi yig chung dang dge slong dge tshul gyi dus dran byed tshul drug/ dam tshig rdo rje'i bsgom bzlas byed tshul gsum/ bcom ldan 'das rdo rje sems dpa' yab yum gyi bsgom bzlas stobs bzhi'i sgo nas byed tshul dang tshul khirms bsrung ba'i smon lam bzhi/ byams skor spyān drangs bde chen lhun grub ma bzhi/ gtör ma cha gsum gtong tshul brgyad/ shis brjod bkra shis don grub lnga/ dge ldan bstan pa rgyas pa'i smon lam gnyis/ skyes bu gsum gyi chos skyong gi gtör 'bul dang dbyar gnas pa'i go rim bzhi/ tshogs chen smon lam chen mo'i go rim gsum/ kar chag mthong ba don ldan gnyis te/ shog grangs nyis brgya so dgu'o/

Приложение 3

lcags pho rta lo nas par du bzhengs pa'i dpe cha rnams kyi kar chag gnyis pa ngo mtshar me long zhes bya ba bzhugs so

sher phyin yum stong phrag brgya pa dngos po brgyad du bsgrigs pa'i sa bcad shog grangs bcu drug/ shir phyin stong phrag nyi shu lnga pa dngos po brgyad don bdun cur phyē nas bsgrigs pa'i sa bcad bcu/ shir phyin brgyad stong pa dngos po brgyad don bdun cur bsgrigs pa'i sa bcad bcu gcig/ shes rab snying po'i rnam bshad zab mo'i de kho na nyid gsal bar byed pa'i nyi ma zhe gcig/ gtsug tor gdugs dkar mo can gyi gzungs kyi rgyas 'grel dgongs don rab tu gsal bar byed pa'i sgron me zhe lnga/ lam gyi rnams gzhas go ba la phan pa'i yan lag gang zag dang chos kyi bdag med phra rags kyi don bshad pa'i tshul nyer gnyis/ blang dor la nye bar mkho ba'i rten 'brel gyi don dang rnam gzhas bshad pa'i tshul nyer bdun/ rgyal sras thogs med bzang po dpal gyis mdzad pa'i blo sbyong don bdun ma'i snyan brgyud kyi tshig rnams bkral ba nyer lnga/ dngos po brgyad don bdun cu byang chub lam rim gcig tu bsgrig pa'i sa lam rnam gzhas gi bsdus don brgyad/ bod kyi brda yig gsar rnying dang mngon brjod 'ga' zhig bsgrigs pa brgyad/ dge ldan bkra shis chos 'phel gling gi bca' yig bslab gsum rin po che'i gan mdzod dgu/ mtshan nyid slob gnyer byed tshul gyi bslab tshig snying gi nor bu bcu bzhi/ lcags pho rta lo nas par du bzhengs pa'i dpe cha rnams kyi kar chag gnyis pa ngo mtshar me long gnyis te/ shog grangs nyis brgya so brgyad do/ kar chag mthong ba don ldan dang/ ngo mtshar me long rnam gnyis 'di/ btsun gzugs dA na'i ming can gyis/ chu sprel dgun 'bring phyogs bzhir spel/

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности): Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.») № 121031000261-9.

Литература

Ванчикова Ц. П. О двух первых настоятелях Цугольского дацана / Ц. П. Ванчикова // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 92–94.

Лощенков А. В. Духовные наставники ширетуя цугольского дацана Галсан-Жимба Дылгырова (1816–1872) / А. В. Лощенков // Буддологические исследования. – 2024. – № 2(9). – С. 152–162.

Отгонбатаар Р. Один из гарчаков Д. Галсанжамбы / Р. Отгонбатаар // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. – Улан-Удэ, 1995. – С. 28–32.

Сыртыпова С. Д. Буддийское книгопечатание Бурятии XIX – нач. XX в. / С. Д. Сыртыпова, Х. Ж. Гармаева, А. А. Базаров. – Улаанбаатар, 2006. – С. 129–154.

Отгонбатаар Р. Монгол модон барын номын эх гарчиг / Р. Отгонбатаар. – Токио, 1998. – С. 121–131.

Catalogue of printing blocks of buddhist monasteries in Transbaikalia // SPS. Vol. 11. Four Mongolian historical Records of prof. Dr. Rinchen. – New Delhi, 1959. – P. 84–95.

References

Vanchikova C. P. O dvuh pervykh nastoyatelyakh Cugol'skogo dacana / C. P. Vanchikova // Problemy tradicionnoy kul'tury narodov Bajkal'skogo regiona. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. – S. 92–94.

Loshchenkov A. V. Duhovnye nastavniki shiretuya cugol'skogo dacana Galsan-Zhimba Dylgyrova (1816–1872) / A. V. Loshchenkov // Buddologicheskie issledovaniya. – 2024. – № 2(9). – S. 152–162.

Otgonbataar R. Odin iz garchakov D. Galsanzhamby / R. Otgonbataar // Srednevekovaya kul'tura Central'noj Azii: pis'mennye istochniki. – Ulan-Ude, 1995. – S. 28–32.

Syrtyanova S. D. (BKB) Buddijskoe knigopechatanie Buryatii XIX – nach. XX v. / S. D. Syrtyanova, H. Zh. Garmaeva, A. A. Bazarov. – Ulaanbaatar, 2006. – S. 129–154.

Otgonbataar R. Mongol modon baryn nomyn ekh garchig / R. Otgonbataar. – Tokio, 1998. – S. 121–131.

Catalogue of printing blocks of buddhist monasteries in Transbaikalia // SPS. Vol. 11. Four Mongolian historical Records of prof. Dr. Rinchen. – New Delhi, 1959. – P. 84–95.

УДК 930

ББК 63/2

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-146-152

А. В. Мешезников

САНСКРИТСКИЕ РУКОПИСНЫЕ РАРИТЕТЫ ИЗ СЕРИНДИЙСКОГО ФОНДА ИВР РАН

Статья посвящена обзору хранящихся в Сериндийском фонде ИВР РАН санскритских рукописей как источников по истории буддизма в Центральной Азии. Продемонстрированы «жемчужины» Сериндийского фонда ИВР РАН – санскритские рукописные сокровища, отражающие различные аспекты исторической и культурной репрезентации буддизма в Центральной Азии в древности и раннем средневековье.

Ключевые слова: буддийские рукописи, ИВР РАН, махаяна, Санкт-Петербург, санскрит, Сериндийский фонд, сутры, эзотерический буддизм.

A. V. Mesheznikov

SANSKRIT MANUSCRIPT RARITIES IN THE SERINDIA COLLECTION OF THE IOM, RAS

The article presents the review of Sanskrit manuscripts stored in the Serindia Collection (IOM, RAS) as sources on the history of Buddhism in Central Asia. The paper demonstrates the “pearls” of the Serindia Collection (IOM, RAS) – Sanskrit manuscript treasures reflecting various aspects of historical and cultural representation of Buddhism in Central Asia in the ancient and early medieval periods.

Keywords: Buddhist manuscripts, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Mahāyāna, Saint-Petersburg, Sanskrit, Serindia Collection, Sūtra, Esoteric Buddhism.

Выдвижение буддизма в конце I тыс. до н. э. за пределы материнской почвы и его последующее распространение и укоренение на обширных территориях Азии сыграли значительную роль в превращении древнеиндийского неортодоксального учения в первую мировую религию. При этом процесс его становления в качестве духовной доминанты в странах Востока непосредственно связан с особым регионом в восточной части Центральной Азии, так называемой Сериндией (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР), где начиная с первых веков нашей эры и на протяжении всего I тыс. н. э. воспроизводилась и функционировала буддийская традиция, прежде всего на санскрите, а также на локальных языках. Регион Сериндии включал опоясывавшие пустыню Такла-Макан города-оазисы Таримского бассейна, которые в первые века нашей эры стали ведущими центрами буддийской культуры и в домусульманский период в Центральной Азии являлись местом переписки санскритских буддийских текстов, их хранения, распространения и перевода, способствуя процессу преобразования буддизма в массовую и всеобъемлющую религию.

Настоящая статья посвящена обзору коллекции санскритских рукописей из петербургского собрания письменных памятников из Центральной Азии, которые хранятся в составе Сериндийского фонда Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН, бывш. Азиатский музей). Петербургская коллекция содержит первоисточники, оригинальные буддийские тексты на целом ряде языков, и является ценным информационным ресурсом для изучения истории распространения буддизма и развития буддийской рукописной традиции в Центральной Азии в I тыс. н. э.

Сериндийский фонд ИВР РАН является весьма обширным рукописным собранием (по актуальным данным, 6788 ед. описания) и содержит рукописи, обнаруженные в

МЕШЕЗНИКОВ Артем Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mesheznikoff@yandex.ru.

Центральной Азии в конце XIX – начале XX в. Название Сериндийского фонда соотносится с историко-культурной областью на периферии Индии, Китая и Тибета, известной как Сериндия. Данный топоним состоит из двух частей, буквально означая «Китай&Индия», и подчеркивает особенности географического расположения и исторического развития региона, существовавшего на границах двух цивилизационных очагов – Китая и Индии. Через Сериндию проходил Великий шелковый путь, на маршрутах которого располагались города-оазисы, такие как Турфан, Куча, Кашгар, Хотан, ставшие в I тыс. н. э. территорией продвижения индо-буддийской культуры благодаря распространению рукописных текстов. Обнаруженные в Сериндии в XIX–XX вв. рукописные памятники и сформировали нынешний Сериндийский фонд, который подразделяется внутри себя на отдельные части, представленные материалами на 12 различных языках (древнеуйгурском, китайском, санскрите, пракрите «гандхари», хотаносакском, тумшуксосакском, тохарских А и Б, согдийском, среднеперсидском, тибетском и арабском).

На Великом шелковом пути в городах-оазисах Таримского бассейна были обнаружены фрагменты буддийских канонических сочинений на санскрите. Рукописные находки такого рода подтвердили гипотезу И. П. Минаева о существовании наряду с палийским каноном других версий буддийского корпуса канонических текстов. На исторической родине буддизма большой массив текстов на санскрите был утрачен, поэтому дошедшие до наших дней рукописи из Сериндии уникальны в том смысле, что представляют то небольшое из большого корпуса буддийских текстов древнего и ранне-средневекового периодов, что сохранилось в санскритских оригиналах.

Санскритская часть Сериндийского фонда содержит 667 ед. хр. Сериндийские рукописи дошли до нас в довольно фрагментированном и разрозненном состоянии. Стоит особо подчеркнуть, что рукописи на санскрите – это сложнейшая по сохранности и наиболее древняя часть Сериндийского фонда. Из материалов санскритского сегмента петербургской коллекции введены в научное обращение лишь около 100 ед. описания, относительно целостных и перспективных для текстологической работы.

Многие санскритские рукописи добыты в ходе работы экспедиций российских ученых М. М. Березовского (1848–1912), С. Ф. Ольденбурга (1863–1934) и С. Е. Малова (1880–1957), исследовавших различные городские центры Сериндии [Попова 2008: 30–34]. При этом сложение Сериндийского фонда происходило не только за счет экспедиционных находок, но и благодаря деятельности российских дипломатов в Центральной Азии, покупавших рукописные раритеты у охотников за сокровищами из числа местного населения.

Ключевыми фигурами в формировании санскритской коллекции Сериндийского фонда, несомненно, выступили выдающийся индолог, специалист по истории буддийского искусства и памятникам индийской письменности С. Ф. Ольденбург, лично пополнявший и исследовавший Сериндийское собрание, и Н. Ф. Петровский, русский консул в Кашгаре, сыгравший ведущую роль в деле собирания санскритских памятников буддизма из Сериндии. Он занимался коллекционированием различных артефактов, буддийских письменных памятников и предметов искусства и отправлял рукописи, приобретаемые им в Кашгаре и Хотане, в Азиатский музей [Пещеры тысячи будд... 2008: 29].

Первым издателем и инициатором научного изыскания санскритских рукописей из Сериндии был С. Ф. Ольденбург, плодотворно сотрудничавший с Н. Ф. Петровским. После продолжительного перерыва начиная с 1950-х гг. изучение рукописного наследия городов-оазисов Сериндии возобновил В. С. Воробьев-Десятовский (1927–1956). В дальнейшем его дело продолжил научный коллектив – М. И. Воробьева-Десятовская (1933–2021), Г. М. Бонгард-Левин (1933–2008) и Э. Н. Темкин (1928–2019), результатом работы которых стали инвентаризация и введение в научное обращение ключевых санскритских текстов Сериндийского фонда, опубликованных в трех томах «Памятников индийской письменности из Центральной Азии» (1985, 1990 и 2004 гг.) [Мешезников, Шомахмадов 2021: 15].

С 2018 г. комплексным исследованием фонда занимается вновь образованная Лаборатория Сериндика, в задачи которой входит всестороннее описание рукописей, текстологическое исследование и создание каталогов. Работа с петербургской санскритской коллекцией еще далека до своего окончания, ее полная каталогизация не завершена, многие рукописи не вовлечены в научный оборот, не описаны и не исследованы в публикациях. Санскритская рукописная коллекция Сериндийского фонда ИВР РАН предоставляет ценный информационный ресурс, дающий новые стимулы для буддологических исследований и уникальные источники для изучения процесса трансмиссии буддизма за пределы Индостана в I тыс. н. э.

Буддийская санскритская традиция просуществовала в Сериндии почти 1000 лет, начиная с проникновения в города-оазисы первых рукописей и распространения ранних пракритских и санскритских текстов в первые века нашей эры, вплоть до самого конца I тыс., когда в Сериндии наступает эра ислама. В Сериндийском фонде самые древние рукописи на санскрите по палеографическим основаниям относятся ко II–III вв. н.э. Редчайшим примером относительно целого листа рукописи, датированной этим периодом, служит пальмовый манускрипт под шифром SI 1424 (рис. 1), содержащий фрагменты канонической Абхидхармы.

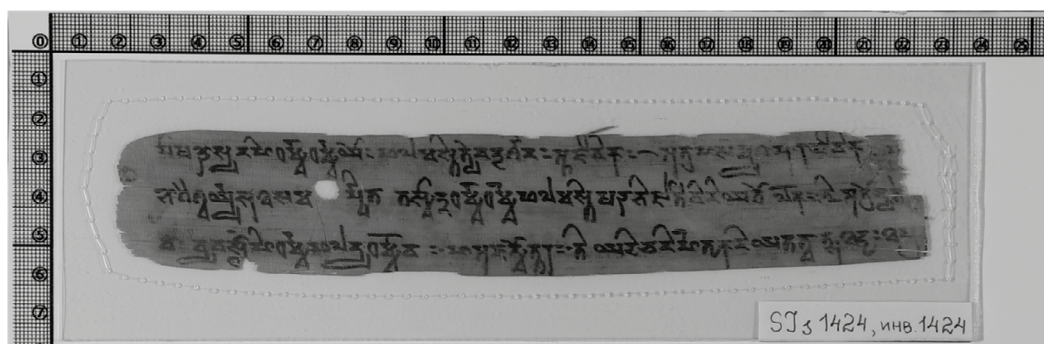

Рис. 1. SI 1424 (Куча, Он-Баш-Минуй; пальмовый лист, 4×20 см; санскрит, письмо «кушанское брахми»; II–III вв. н. э.; фрагмент Абхидхармы; Сериндийский фонд ИВР РАН, коллекция М. М. Березовского)

Ранний период распространения буддизма за пределы Индостана характеризуется проникновением в Центральную Азию рукописей на пальмовых листьях и бересте. Они попадали в Сериндию с индийских территорий, в частности из Гандхары и Кашмира. Распространение первых манускриптов связано с деятельностью буддийских проповедников, которые путешествовали вместе с торговыми караванами по Шелковому пути и вели проповедь в различных регионах Центральной Азии. Береста и пальма – традиционные индийские материалы, на которых фиксировались тексты буддийского канона, и они не встречались к северу от Гималаев, в сериндийской местности, иными словами, для Сериндии родными эти материалы для письма не являлись.

Наиболее ранние санскритские рукописи представляли собой фрагменты хинаянского канона, отрывки из Абхидхармы и Винаи. Подобных рукописей сохранилось крайне мало не только в петербургском собрании, но и в других мировых хранилищах, что обусловлено спецификой материала: что пальмовый лист, что береста очень хрупкие и недолговечные материалы для письма. Пальмовый лист при отсутствии внешних воздействий живет всего 80–100 лет и далее начинает приходить в негодность, а береста в сухом жарком климате осыпается и крошится. Не исключено, что именно по причине специфики сохранности доступных материалов для письма очень рано в прагматику монашеской жизнедеятельности вошло переписывание рукописей, поскольку необходимо было сохранить тексты физически, иначе рано или поздно они разрушались.

Редким исключением рукописи хорошей сохранности на бересте является уникальная находка из Мерва, центральноазиатского оазиса в западной части Шелкового пути. Хотя непосредственно к территории Сериндии «Мервская рукопись» (SI 6580; рис. 2) не относится, типологически она полностью вписывается в рамки рукописной культуры Центрально-Азиатского региона, а по совокупности кодицилогических и палеографических особенностей весьма схожа с рукописями, найденными в оазисах Таримского бассейна.

Рис. 2. SI 6580, «Мервская рукопись» (Кашмир (?); место находки – Мервский оазис (Туркменистан); береста, 5×19 см; санскрит, письмо «индийское гупта», IV–V вв. н. э.; «конспект» проповедника; Сериндийский фонд ИВР РАН)

Стоит сказать, что ее находка была поистине случайной. В 1966 г. на территории плодовоовощного совхоза, неподалеку от г. Байрам-Али, работник на бульдозере выравнивал поле и, срыв небольшой холм, среди комьев земли обнаружил разбившийся вдребезги глиняный кувшин, в котором содержалась пачка склеившихся между собой листов бересты. Рукописная находка была передана в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, где в ходе реставрации восстановлены 160 листов и фрагменты единой рукописи. По содержанию «Мервская рукопись» представляет собой конспект или записную книжку проповедника, который выписал для себя выдержки из канонических текстов. Она делится на три смысловые части и включает: 1) подборку дидактических рассказов; 2) тексты Винаи (положения монашеского устава, касающиеся дисциплины, морального поведения и обетов монахов); 3) отрывки из сутр, излагающие буддийскую догматику. Место создания рукописи связывают с Кашмиром, на что указывает береста как традиционный писчий материал этого региона и принадлежность текста школе сарвастивада, традиция которой функционировала на территориях Северной и Северо-Западной Индии.

Самые ранние санскритские рукописи на бумаге относятся к V–VI вв. Культурный и экономический расцвет сериндийских городов к середине I тыс. н. э. обусловил переход от заимствования рукописей из Индии к производству собственной бумаги и созданию манускриптов непосредственно на территории Сериндии. Появление бумаги, более износостойчивого материала, увеличило количество и качество рукописей, находившихся в обращении, упростило процесс их копирования и распространения. Рукописи на бумаге представляют самую многочисленную часть фонда.

В середине I тыс. н. э. в Сериндии происходит идеологический поворот в сторону махаяны. Если в первые века нашей эры в обращении находились тексты хинаянского канона, то вся вторая половина I тыс. характеризуется доминированием буддизма махаяны. Широкое распространение получают совершенно новые тексты – махаянские сутры. Исходя из содержательного состава рукописей Сериндийского фонда, популярностью в Сериндии пользовались где-то полтора десятка махаянских сочинений. При этом, судя по числу дошедших до нас листов и фрагментов, с большим отрывом самыми популярными и почитаемыми текстами были Махапраджняпарамита и Лотосовая сут-

ра, представленные в Сериндийском фонде в наибольшем количестве рукописных списков.

Ярким примером более поздних санскритских рукописей на бумаге в Сериндийском фонде служит знаменитая кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского (SI 1925; рис. 3). Это подлинная жемчужина петербургской коллекции, положившая начало Сериндийскому фонду (именно листы данной рукописи одними из первых поступили от Н. Ф. Петровского в Азиатский музей в конце XIX в.). Рукопись Н. Ф. Петровского представляет собой самый полный из известных центральноазиатских рукописных списков санскритской Лотосовой сутры (399 листов и фрагментов). Кашгарская рукопись свидетельствует о весьма высоком уровне рукописной культуры, являя собой продукт рукописного дела Сериндии на пике его развития, что характеризуется каллиграфически выверенным почерком, геометрически ровными линиями строк, высококачественным материалом (желтовато-коричневая однослойная вержированная бумага с идеально измельченной бумажной массой). По-видимому, в рукописи планировались и цветные миниатюры, на что указывают пустые декоративные круги.

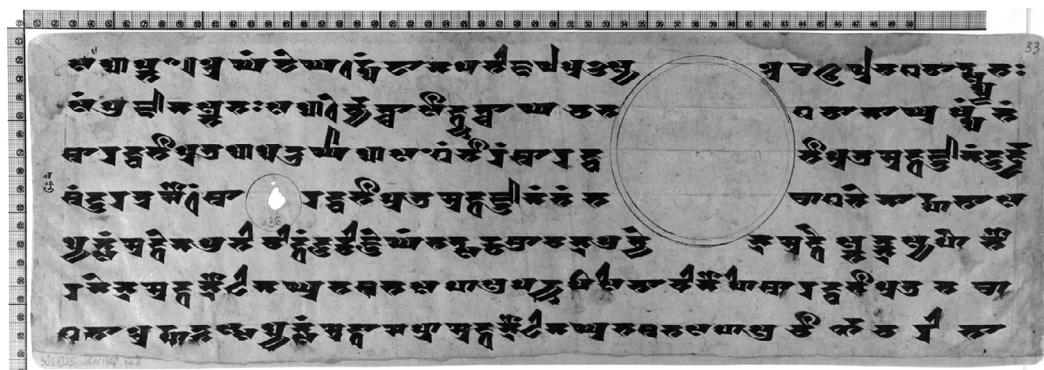

Рис. 3. SI 1925, «Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского» (Хотан; бумага, 18×57 см; письмо «южногуркестанское брахми»; VIII–IX вв.; Лотосовая сутра; Сериндийский фонд ИВР РАН, коллекция Н. Ф. Петровского)

В Сериндийском фонде рукописей, снабженных цветными изображениями, известно не так много: в отдельных случаях можно обнаружить иллюстрации, вписанные в декоративные окружности. Таких миниатюр в санскритской части фонда крайне мало (7 ед.), и их стандартный сюжет – Будда в окружении донаторов, заказчиков рукописи.

Наряду с популярными махаянскими сутрами широкое хождение в городах-оазисах Сериндии на фоне развития эзотерического направления буддизма махаяны во второй половине I тыс. н. э. получают тексты, содержащие буддийские «заклинания», дхарани, которым посвящен значительный пласт санскритских рукописей Сериндийского собрания. По своему функционалу подобные рукописи представляют собой тексты защитного свойства. В собрании насчитывается свыше 40 списков, включающих различного рода «заклинания», специфические словесные формулы, дхарани. В наибольшем количестве списков сохранились многочисленные версии Будданама-сутры (Сутра об именах будд) – подборки имен будд (развернутых хвалебных эпитетов) и посвященные им дхарани. Тексты эзотерического содержания – сборники дхарани и сутры, возвеличивающие имена будд, – по-видимому, были промежуточными текстами между махаянскими и ваджраянскими.

Подводя итоги обзора петербургского собрания санскритских письменных памятников, важно отметить, что в Сериндийском фонде отложилось свыше 600 ед. хр. – фрагментов санскритских рукописей из Хотана, Кашгара, Кучи и других центров буддийской культуры Сериндии, выступающих совокупным информационным ресурсом, который содержит комплекс новых данных для изучения истории буддизма и буддий-

ской рукописной культуры за пределами Индии в I тыс. н. э. Хранящиеся в Сериндийском фонде рукописи – ценнейшие образцы домусульманской культуры Центрально-Азиатского региона в аспекте религиоведения и истории рукописной книги. Многие материалы столь редкого и ценного собрания, о котором мало что известно не только широкой читающей публике, но и профессионалам в области изучения буддийского культурного наследия, до сих пор не описаны в публикациях, не введены в научный обиход и ждут своего исследования.

Примечания

I. В античных источниках Северный Китай эпох Чжоу, Цинь и Хань именовался Серика (лат. *Serica* < греч. *Σηρική*), а его жители – серы (лат. *Sērēs* < греч. *Σήρες*, мн. ч. от *Σήρ* ‘шелковичный червь’, возможно, от кит. *сы* 絲 ‘шелк’). Топоним «Сериндия» впервые встречается в VI в. у византийского историка Прокопия Кесарийского [Война с готами 1950: 431].

II. Гипотеза выдвинута на основе изучения сюжетов канонических джатак, запечатленных в рельефах Бхархутской ступы [Вигасин 2008: 151].

III. Помимо 667 ед. хр., зафиксированных в инвентарных книгах Отдела рукописей и документов ИВР РАН, на санскритскую часть Сериндийского фонда приходится большое количество еще неинвентаризированных рукописей, преимущественно россыпей и отложенных на реставрацию мелких фрагментов на бумаге, пальмовом листе и бересте, точный подсчет которых на текущий момент работы с фондом не представляется возможным.

IV. Многие санскритские материалы Сериндийского фонда Азиатского музея ИВР РАН были получены при содействии русских должностных лиц: среди них были Генеральный консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский (1837–1908), генеральный консул в Урумчи Н. Н. Кротков (1869–1919), секретарь консульства в Кашгаре М. И. Лавров (1877–1934), врач при Российском консульстве в Урумчи А. И. Кохановский (годы жизни неизвестны) и др.

V. По своей структуре Сериндийский фонд и, в частности санскритский сегмент, организованы таким образом, что состоят из ряда субколлекций, различных по своему объему и составу. Эти субколлекции названы именами фондообразователей, т. е. путешественников, исследователей и дипломатов, которые внесли вклад в формирование петербургского собрания рукописей из Сериндии. Памятники, относящиеся к собранию Н. Ф. Петровского, составляют примерно половину санскритской части фонда (около 300 ед. хр.).

VI. В конце 2018 г. по поручению Министерства науки и высшего образования РФ на основе Стратегии научно-технологического развития РФ Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.» в рамках проекта «Новых лабораторий» в ИВР РАН образована Лаборатория Сериндика, цель которой – комплексное источниковедческое исследование материалов Сериндийского фонда.

VII. В X–XI вв. Кашгар, Хотан и другие субрегионы Сериндии были исламизированы, и с буддизмом там было покончено навсегда.

VIII. Санскритские рукописи, обнаруженные на обширной территории от Гильгита до восточной окраины Таримского бассейна, были записаны характерными территориально-временными графическими вариациями письма брахми в I тыс. н. э. Подробнее об особенностях развития индийских и центральноазиатских разновидностей письменности брахми см.: [Sander 1968].

IX. На бересте, в частности, составлена самая древняя рукопись в Сериндийском фонде – фрагменты берестяного свитка Дхармапады (SI 3328), выполненного на пракрите «гандхари» письмом кхароштки в I–II вв. н. э. Однако стоит отметить, что с усилением роли санскрита для буддизма пракрит «гандхари» и письмо кхароштки в дальнейшем вышли из употребления и для записи буддийских текстов не использовались.

X. Эзотерический буддизм возник в Индии в III–IV вв. н. э. как особое направление в рамках индийской махаяны, уделявшее значительное внимание ритуальным практикам и магии [Смертин 2021: 3–4]. Как пишет Ю. Г. Смертин, эзотерический буддизм является общим обозначением широкого спектра практик и верований, появившихся в ходе эволюции махаяны, при этом к нему же можно отнести тантризм как самостоятельное течение в буддизме, имеющее собственный свод доктринальных текстов (тантры) [Там же: 20].

Литература

Вигасин А. А. Изучение Индии в России (очерки и материалы) / А. А. Вигасин; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Степаненко, 2008. – 537 с.

Война с готами / Прокопий из Кесарии; пер. с греч. С. П. Кондратьева; вступ. ст. З. В. Удальцовой. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 514 с.

Мешезников А. В. История изучения санскритских рукописей Сериндийского фонда ИВР РАН / А. В. Мешезников, С. Х. Шомахмадов // Востоковедение: история и методология. – 2021. – № 2. – С. 12–23.

Пещеры тысячи будд. Российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея: каталог выставки / авт. концепции И. Ф. Попова; куратор выставки и науч. ред. каталога О. П. Дешпанде. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. – 479 с.

Попова И. Ф. Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков / И. Ф. Попова // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века: сб. ст. / под ред. И. Ф. Поповой. – СПб.: Славия, 2008. – С. 11–39.

Смертин Ю. Г. Эзотерический буддизм в Восточной Азии: учения и учителя / Ю. Г. Смертин. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 178 с.

Sander L. Paläographisches zu den Sanskrithandschriften der Berliner Turfansammlung. Mit 40 Alphabettafeln / L. Sander. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1968. – X, 203 S., 41 Taf. – (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland; Supplementband 8).

References

Vigasin A. A. Izuchenie Indii v Rossii (oчерki i materialy) / A. A. Vigasin; Moskovskij gos. un-t im. M. V. Lomonosova, In-t stran Azii i Afriki. – M.: Stepanenko, 2008. – 537 s.

Vojna s gotami / Prokopij iz Kesarii; per. s grech. S. P. Kondrat'eva; vstup. st. Z. V. Udal'covej. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. – 514 s.

Mesheznikov A. V. Istoriya izucheniya sanskritskih rukopisej Serindijskogo fonda IVR RAN / A. V. Mesheznikov, S. H. Shomahmadov // Vostokovedenie: istoriya i metodologiya. – 2021. – № 2. – S. 12–23.

Peshchery tysyachi budd. Rossijskie ekspedicii na Shelkovom puti. K 190-letiyu Aziatskogo muzeya: katalog vystavki / avt. koncepcii I. F. Popova; kurator vystavki i nauch. red. kataloga O. P. Deshpande. – SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2008. – 479 s.

Popova I. F. Rossijskie ekspedicii v Central'nyu Aziyu na rubezhe XIX–XX vekov / I. F. Popova // Rossijskie ekspedicii v Central'nyu Aziyu v konce XIX – nachale XX veka: sb. st. / pod red. I. F. Popovoj. – SPb.: Slaviya, 2008. – S. 11–39.

Smertin Yu. G. Ezotericheskij buddizm v Vostochnoj Azii: ucheniya i uchitelya / Yu. G. Smertin. – Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2021. – 178 s.

Sander L. Paläographisches zu den Sanskrithandschriften der Berliner Turfansammlung. Mit 40 Alphabettafeln / L. Sander. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1968. – X, 203 S., 41 Taf. – (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland; Supplementband 8).

УДК 930(519.3)

ББК 63.1(5Кор)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-153-158

В. Э. Цыремпилова, Ли Донхён

МАНЬЧЖОУ-ГО В СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема Маньчжоу-Го имеет достаточное научное освещение в отечественной историографии. Хотя работы корейских ученых еще не стали предметом специального изучения, в настоящей статье авторами предпринимается попытка систематизировать работы корейских исследователей по поставленной проблеме, что позволит выявить основные направления, а также внести новые факты в научный оборот.

Ключевые слова: Маньчжоу-Го, Корея, Япония, корейские исследования, историография, литература.

V. E. Tsyrempilova, Lee Donghyeon

MANCHUKO IN CONTEMPORARY KOREAN HISTORIOGRAPHY

The topic of Manchuko has sufficient scientific coverage in Russian historiography. Although the works of Korean scientists have not yet become the subject of special study, in this article the authors attempt to classify the works of Korean scientists due to the problem, that will allow to identify the main directions and introduce new facts into scientific discourse.

Ключевые слова: Manchuko, Korea, Japan, Korean studies, historiography, literature.

В 1932 г. образована империя Маньчжоу-Го, которая находилась под влиянием японской военной администрации на территории современной Маньчжурии на северо-востоке Китайской Народной Республики (КНР). В течение своего недолгого существования государство имело достаточный вес на международной арене и оставило след в мировой истории.

В 30–40-х гг. XX в. японские оккупанты проводили жесткую авторитарную политику на Корейском полуострове в отношении корейского народа, осуществили аннексию территории и подвергали дискриминации и фактической ассимиляции корейцев. Тем не менее в этот период наблюдается рост населения полуострова, увеличивается продолжительность жизни, кроме того, отмечается экономический рост. Так, ВВП в промежуток с 1912 по 1939 г. вырос в 2,66 раза, а уровень доходов на душу населения в 1,67 раза [구익중, 박지향, 김철 2006].

Однако Маньчжоу-Го, являясь фактически марионеточным государством Японии, для корейцев была новообразованной страной, которая предоставляла возможность вырваться из колониальной зависимости. Корейцы стремились перебраться в Маньчжоу-Го, чтобы получить возможность занять административные должности, повысить свой социальный статус. Однако высокая плотность населения Маньчжоу-Го не позволяла превратить свои намерения в реальность, хотя японское правительство проводило политику переселения корейцев с территории Японии в Маньчжоу-Го в качестве рабочей силы. При этом антияпонское национальное движение корейцев имело место и на территории Маньчжоу-Го [Гайкин 2012]. Тем самым история государства является достаточно актуальной для корейской историографии.

Анализируя публикации корейских исследователей, следует подчеркнуть, что изучение Маньчжоу-Го занимает достойное место в корейской исторической науке. При

ЦЫРЕМПИЛОВА Виктория Эдуардовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: vikaliv21@yandex.ru.

ЛИ ДОНХЁН – доцент-практик кафедры филологии стран Дальнего Востока Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: leedh920323@gmail.com.

этом они обращаются не только к корейским источникам, но и к источникам на китайском, японском и английских языках. Так, Ким Кихун в исследовании «Международные тренды в изучении истории Маньчжоу-Го», основанном на китайской, японской и английской историографии, приходит к следующим выводам: 1) в китайской историографии история Маньчжоу-Го изучается в рамках ее статуса марионеточного государства, а его экономическая политика рассматривается по большей части в рамках отрасли сельского хозяйства. Что касается финансов и промышленности, то их развитие было больше направлено на «эксплуатацию»; 2) японские исследователи настаивают на том, что политика, проводимая японскими властями, была ориентирована на «развитие», а не «эксплуатацию»; 3) для американских исследователей это направление было относительно новым, и Маньчжоу-Го рассматривается ими лишь как субъект Японии в Китае, нежели как самостоятельное государство. В последующем корейские ученые акцентировали внимание на отдельных аспектах проблемы [Kim 2001].

Еще одним исследователем Маньчжоу-Го на рубеже XX–XXI вв. является Хан Сокчжон, который используя материалы на китайском, японском и английских языках, представил ряд работ, требующих пристального изучения. Так, можно выделить его монографию «Переосмысление создания Маньчжоу-го: эффект марионеточного государства 1932–1935 гг.», которая отходит от привычного изложения исторических предпосылок формирования государства, а фокусирует внимание читателей на том, как именно создавалась нация на территории Маньчжоу-Го [한석정 2009].

В статье «Изучение суверенитета Маньчжоу-Го» он раскрывает сложности в признании суверенитета страны, которые не давали ей закрепиться на международной арене и зависели от руководства японских властей [Han 2001].

Несколько работ, опубликованных Хан Сокчжоном, посвящены анализу социального статуса корейцев на территории Маньчжоу-Го. Так, работа «Социальный статус корейцев в период Маньчжоу-го» отражает тот факт, что в начале 30-х гг. корейцы представляли национальное меньшинство, которое проживало в сельских и неблагополучных районах. Однако с началом Японо-китайской войны их положение изменилось, они становились руководящими лицами, занимая административные должности вместо японцев. Это, по мнению ученого, стало причиной негативного отношения к корейцам со стороны китайцев [Han 2011].

В работе «Расширение мыслей Пак Чон Хи, или Высокий модернизм на примере Маньчжоу-го» ученый подчеркивает, что проводимая политика Пак Чон Хи берет свое начало с Маньчжоу-Го. При этом он утверждает, что «плановая экономика Маньчжоу-го, которая напоминала социализм, оказала глубокое влияние на проведение первых четырех пятилетних планов правительства Пак Чон Хи» [한 2010: 130].

В исследовании «Формирование государственности в раннем Маньчжоу-Го и статус иностранных поселенцев: на примере корейцев и японцев» им приводится динамика изменения количества населения корейцев на территории государства, а также осуществлен сравнительный анализ изменения социального статуса корейцев и отношения к ним со стороны властей [Han 1995: 868–869].

Огромный вклад по исследованию Маньчжоу-Го на современном этапе внес Юн Хвитаг, который в свое время занимал должность председателя научного общества по изучению Маньчжурии, целью которого является научное сотрудничество по настоящей теме. Стоит отметить, что на протяжении более 20 лет он занимается всесторонним изучением Маньчжоу-Го, начиная от становления государственности до анализа художественной литературы того периода. Среди его работ можно выделить монографию «Маньчжоу-Го: составное национальное государство, рожденное колониальным воображением» [윤휘탁 2013]. На ее страницах показана роль Маньчжурии как буферной зоны, которая поставила под угрозу интересы восточноазиатских стран. Это комплексное исследование раскрывает исторические процессы по установлению власти на данной территории, которые приводили к изменениям в Восточной Азии.

Также на протяжении долгого времени ученым публикуются узконаправленные работы по теме, среди них: «Исследование Маньчжоу-Го в рамках японского империализма».

лизма: антияпонская вооруженная борьба и операция по чистке в целях безопасности» [윤휘탁 1996], «Национальный состав маньчжурского правительства и особенности управления» [윤휘탁 2009], «Понятие образования в Маньчжоу-Го и образование чосонцев» [윤휘탁 2016] и др.

Исследование Хан Хонгу «Наследие Маньчжоу-Го для Республики Корея» фокусируется на факте, что период жизни, проведенный Пак Чон Хи (3-й президент РК) в Маньчжоу-Го, где он учился в военной академии, стал основой для его социально-экономических преобразований в годы президентства. Автор отмечает, что такие действия, как патриотическая церемония утром понедельника, начинавшаяся с чтения присяги, военная тренировка утром четверга, проверка количества риса в дошираках (обед в корбочке), инспекция длины волос в школе и на улице и т. д., являются дубликатом социальных устоев в Маньчжоу-Го [Han Hong Koo 2001].

В Китайской республике был провозглашен принцип «Пять рас в одном союзе» (五族共和), который подчеркивает гармонию между пятью основными этническими группами Китая. На флаге догоминьдановской Китайской республики они представлены разноцветными полосами, где ханьцев символизировал красный цвет, маньчжуров – желтый, монгольские народы – синий, китайских мусульман – белый и тибетцев – черный. Однако история этого принципа и его символики закончилась в декабре 1928 г.

Видоизмененная версия принципа и флага нашла свое отражение в Маньчжоу-Го, однако теперь на флаге основной цвет занимал желтый, который символизировал маньчжуров, а четыре полосы в углу – японцев (красный цвет), китайцев-ханьцев (синий), монголов (белый), корейцев (черный).

В работе Ли Чжонсона «Теория пятиэтнической гармонии и отношения Японии и Маньчжоу-Го» утверждается, что целью этого принципа было содействие гармоничному и взаимному процветанию пяти этнических групп, но впоследствии оказалось, что он был направлен на подавление национального движения и сопротивление корейцев, маньчжуров, монголов и китайцев [이종성 2019].

К этой же теме можно отнести ряд работ, посвященных вопросу принятия закона о гражданстве в Маньчжоу-Го. Оно позиционировало себя как независимое государство, поэтому власти пытались создать собственную идентичность народа Маньчжоу-Го, что могло позволить им отделиться от китайцев Китайской республики. Кроме того, этот закон мог закрепить доминирующий статус японцев на территории страны [최봉룡 2011].

Так, Ким Кихун в исследовании «Ожидание и реальность становления гражданином Маньчжоу-го: на примере спора о Законе о гражданстве», проанализировав два законопроекта по Маньчжоу-Го, три – по Маньчжурской железнодорожной производственной ассоциации, по два – по Квантунской армии и генерал-губернаторству Кореи, выдвинул два вопроса, которые мешали принятию данного закона: первый вопрос – определения изначального гражданства, второй – приобретения гражданства иностранными гражданами, особенно корейцами и японцами, проживавшими на территории Маньчжоу-Го [김기훈 2013].

В исследовании Чхве Боннена «Дилемма о Законе о гражданстве в Маньчжоу-го: вопрос двойного гражданства чосонцев» также анализируется эта проблема.

При разборе трудов корейских исследователей работа Ким Гёнсук «Пик Чжангобон, граница между Чосоном, Маньчжурией и Советским Союзом: Хасанские бои с военной и дипломатической перспективы» [Gim 2022] привлекает тем, что в ней анализируются причины, ход битвы и ее влияние Хасана на Номонханский инцидент [I]. Автор основное внимание уделяется битве между советской и японской армиями, несмотря на то что геополитически пик Чжангобон имеет непосредственное отношение и к Корее. Сам автор также утверждает, что Корея не бралась в расчет, так как считалась японской колонией, поэтому им предпринимается попытка переосмыслить роль и значение Кореи (Чосон) в событиях у оз. Хасан и р. Халхин-Гол.

Наряду с этим корейскими исследователями уделяется внимание религии. В труде Ли Кёнмина «Буддизм и политика в отношении религии в Маньчжоу-го» под-

черкивается, что хотя Маньчжоу-Го считалось государством со свободой вероисповедания, многие из них, за исключением основных религий, считались сектантскими. Также власти собирали и контролировали данные, формировали систему наблюдения за верующими с помощью полиции; использовали пропаганду через организацию религиозных объединений. Что касается буддизма, то автором подчеркивается тот факт, что правительство Маньчжоу-Го и Япония использовали его в качестве одного из средств управления государством [이경민 2019].

Вызывают интерес работы ученых на тему мобилизации женщин в Маньчжоу-Го. Так, в ряде трудов Чон Кёнсон, затрагивающих вопрос о мобилизации женщин в ходе Японо-китайской войны, автор подчеркивает недостаточное освещение поставленной проблемы, в особенности изучения деятельности Маньчжурской женской оборонительной организации. В его трудах предпринимается попытка раскрыть основные аспекты как женской мобилизации, так и мобилизации военного периода [Jeon Kyoungsun 2016].

Особое внимание корейские ученые уделяли изучению как корейской, так и китайской художественной литературы. Корейская литература отражала текущее состояние и развитие корейского общества. Ряд исследований посвящен жизненному пути и творчеству корейского писателя Ан Сугиля, проживавшего в Маньчжоу-Го и активно занимавшегося просветительством. Его деятельность подробно освещена в труде Ли Хэён, Им Муна «Ан Сугиль и формирование маньчжурской литературы», авторы подчеркивают его роль в поддержке корейских литераторов посредством издания ежедневной газеты «Мансон Ильбо» на корейском языке [이해영, 임동 2013].

В статье Чон Чжунхёна «Образ Маньчжурии в современной литературе: на примере романов, написанных после образования Маньчжоу-Го» анализируются различные образы Маньчжурии и идеологии Маньчжоу-Го в корейской литературе колониального периода [정중현 2005].

В работе Ким Ёнчжу «Исследование воспроизведения маньчжурских персонажей в корейской поэзии периода Маньчжоу-Го: с точки зрения корейской диаспоры в период Маньчжоу-Го» основной акцент делается на изучении литературы того периода, ее образов и проблем, а не на биографиях авторов и критике самих произведений [김영주 2011].

В статье Ли Кёнсук «Система “национального учителя” в Маньчжоу-Го» детально изучается феномен, который называется «теория образовательного государства». Она была утверждена для создания и управления Маньчжоу-Го. Система национального учителя подразумевала под собой использование учителей с профессиональным педагогическим образованием для становления государственных чиновников, что могло позволить им обучать «великих граждан». Однако такая система имела утопический оттенок, поэтому не смогла проявить себя должным образом и привела к тому, что учителя потеряли свою образовательную автономию [Lee Kyungsook 2011].

Пак Сонджин в своем исследовании «Состав корейских чиновников и их особенность в Маньчжоу-Го» описывает способы поступления корейцев на государственную службу. По словам автора, в то время количество корейцев-чиновников составляло 201 чел., а самым предпочтительным способом получения должности было прохождение экзамена на госслужащего (больше 30 % от 201 чел.). Тем самым выбор сферы был ограничен: местное управление, юриспруденция, образование и полиция [Park Sung Jin 2009].

Рю Донён в работе «Образование и деятельность Ассоциации помощи в Харбине в период Маньчжоу-Го (1932–1937)» анализирует причины и основные события в деятельности ассоциации, которая являлась прояпонской и была направлена на погашение национального движения [Ryu 2020].

Таким образом, оценивая научное поле исследований корейских ученых, можно сказать, что проблема Маньчжоу-Го не только актуальна, но и требует дальнейшего изучения. При этом корейские ученые не ограничиваются лишь анализом образования государства, а освещают конкретные проблемы. Однако остается много аспектов, которые требуют дополнительного анализа. Так, представляет несомненный интерес бо-

лее глубокое изучение темы национального антияпонского движения на территории Маньчжоу-Го в связи с переосмыслением исторической памяти о событиях колониального периода.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» № 22-68-00054.

Примечание

I. Пер. с яп. яз. В отечественной историографии это событие – битва на р. Халхин-Гол, в японской – Номонханский инцидент.

Литература

- Гайкин В. А. Антияпонская борьба корейских партизан в Маньчжоу-го (начальный этап) / В. А. Гайкин // Россия и АТР. История и археология. – 2012. – № 2. – С. 111–121.
- Gim Youngsuk. Zhanggobong Peak (Zhanggufeng), the border between Joseon, Manchuria, and the Soviet Union / Youngsuk Gim // 사림 (성대사림). – 2022. – Vol. 80. – P. 241–270.
- Han Hong Koo. The Shadow of Manchukuo over South Korea / Koo Han Hong // 中国史研究. – 2001. – Vol. 16. – P. 237–262.
- Han Suk Jung. A Study on the Sovereignty of Manchukuo / Jung Han Suk // The Association for Historical Studies on Korean National Movement. 2001. – P. 249–273.
- Han Suk Jung. The social status of Koreans in the Manchukuo period / Jung Han Suk // 동북아역사논총. – 2011. – Vol. 31. – P. 11–39.
- Han Suk Jung. Nation-building of Early Manchukuo and the Status of Alien Settlers: Koreans and Japanese / Jung Han Suk // 한국사회학회. 1995. – P. 845–871.
- Jeon Kyoung Sun. Mobilization of women in Manchukuo during the Sino-Japanese War – Focusing on the Organization of Manchukuo National Defense Women’s Association / Sun Jeon Kyoung // 大丘史學. – 2016. – Vol. 117. – P. 233–257.
- Jeon Kyoung Sun. A Study on Manchukuo Women Mobilization Policy under the War System / Sun Jeon Kyoung, Wook Cha Chul // 中国史研究. – 2016. – Vol. 100. – P. 234–265.
- Kim Gihun. International trends of the research on the Manchukuo history / Gihun Kim // 中国史研究. – 2001. – Vol. 16. – P. 287–373.
- Lee Kyungsook. “The national teacher” system in Manchukuo / Kyungsook Lee // 한국교육사학 제33권 제 1호. – 2011. – Vol. 33. – No. 1. – P. 115–139.
- Park Sung-jin. The formation of Korean Higher Civil Servants and their Identity in Manchukuo / Sung-jin Park // 동양정치사상사. 제8권 1호. 2009. – P. 213–238.
- Ryu Dongyeon. The formation and activities of Harbin Assistance Association (哈尔滨协助会) during the Manchukuo Period / Dongyeon Ryu // 한국독립운동사연구 제69집. 2020. – P. 119–150.
- 김영주. 재만 조선인 시문학의 만주성 재현 연구 – 만주국 시기 디아스포라 관점을 중심으로. 语文学 (第112辑). 2011년. 225–247쪽.
- 김기훈. 만주국의 국민 만들기의 이상과 현실: 국적법 논쟁을 중심으로. 동북아역사논총, 0(39), 2013. 183–222쪽.
- 구익중, 박지향, 김철 등. 식민지 시기의 생활수준 // 해방 전후사의 재인식 – 서울: 책사상, 2006. 111쪽 (778 쪽).
- 이해영, 임몽. 만주국 선계 문학 건설과 안수길. 한국현대문학연구. 2013. 289–315쪽.
- 이경민. 만주국의 종교정책과 불교. 만주연구. 제 27집. 2019. 85–114쪽.
- 이종성. 五族協和論과 일본-만주국 관계: 중국의 다민족통일국가론과 동북공정에 대한 함의. 세계환단학회지 (6권 1호). 2019. 112–143쪽.
- 한석정. 만주국 건국의 재해석: 괴뢰국의 국가효과 1932–1936. 동아대학교출판부. 2009. 282 쪽.
- 한석정, 박정희, 혹은 만주국판 하이 모더니즘의 확산. 일본비평. 2010. № 3. 120–137쪽.
- 윤취탁. 만주국: 식민지적 상상이 잉태한 복합민족국가. 해안출판소. 2013. 517쪽.
- 윤취탁. 만주국의 정부의 민족구성과 운영상의 특징. 중국근현대사연구. 2009. 115–143쪽.

윤휘탁. 만주국의 교육 이념과 조선인의 교육. 중국사연구. 2016. 104–175쪽.
정종현. 근대문학에 나타난 '만주' 표상 – 만주국 건국 이후의 소설을 중심으로. 한국문학연구. 28집. 2005년. 229–259쪽.
최봉룡. 만주국의 국제법을 둘러싼 딜레마: 조선인의 “이중국적” 문제. 한국민족운동사연구. 2011. Vol. 69. 273–304쪽.

References

- Gajkin V. A.* Antiyaponskaya bor'ba korejskih partizan v Man'chzhou-go (nachal'nyj etap) / V. A. Gajkin // Rossiya i ATR. Istoriya i arheologiya. – 2012. – № 2. – S. 111–121.
- Gim Youngsuk.* Zhanggobong Peak (Zhanggufeng), the border between Joseon, Manchuria, and the Soviet Union / Youngsuk Gim // 사림 (성대사림). – 2022. – Vol. 80. – P. 241–270.
- Han Hong Koo.* The Shadow of Manchukuo over South Korea / Koo Han Hong // 中国史研究. – 2001. – Vol. 16. – P. 237–262.
- Han Suk Jung.* A Study on the Sovereignty of Manchukuo / Jung Han Suk // The Association for Historical Studies on Korean National Movement. 2001. – P. 249–273.
- Han Suk Jung.* The social status of Koreans in the Manchukuo period / Jung Han Suk // 동북아역사논총. – 2011. – Vol. 31. – P. 11–39.
- Han Suk Jung.* Nation-building of Early Manchukuo and the Status of Alien Settlers: Koreans and Japanese / Jung Han Suk // 한국사회학회. 1995. – P. 845–871.
- Jeon Kyoung Sun.* Mobilization of women in Manchukuo during the Sino-Japanese War – Focusing on the Organization of Manchukuo National Defense Women's Association / Sun Jeon Kyoung // 大丘史學. – 2016. – Vol. 117. – P. 233–257.
- Jeon Kyoung Sun.* A Study on Manchukuo Women Mobilization Policy under the War System / Sun Jeon Kyoung, Wook Cha Chul // 中国史研究. – 2016. – Vol. 100. – P. 234–265.
- Kim Gihun.* International trends of the research on the Manchukuo history / Gihun Kim // 中国史研究. – 2001. – Vol. 16. – P. 287–373.
- Lee Kyungsook.* “The national teacher” system in Manchukuo / Kyungsook Lee // 한국교육사학 제33권 제1호. – 2011. – Vol. 33. – No. 1. – P. 115–139.
- Park Sung-jin.* The formation of Korean Higher Civil Servants and their Identity in Manchuko / Sung-jin Park // 동양정치사상사. 제8권 1호. 2009. – P. 213–238.
- Ryu Dongyeon.* The formation and activities of Harbin Assistance Association (哈尔滨协助会) during the Manchukuo Period / Dongyeon Ryu // 한국독립운동사연구 제69집. 2020. – P. 119–150.
- 김영주. 재만 조선인 시문학의 만주성 재현 연구 – 만주국 시기 디아스포라 관점을 중심으로. 语文学 (第112辑). 2011년. 225–247쪽.
- 김기훈. 만주국의 국민 만들기: 이상과 현실: 국적법 논쟁을 중심으로. 동북아역사논총, 0(39), 2013. 183–222쪽.
- 구익중, 박지향, 김철 등. 식민지 시기의 생활수준 // 해방 전후사의 재인식 – 서울: 책사상, 2006. 111쪽 (778 쪽).
- 이해영, 임몽. 만주국 선거 문학 건설과 안수길. 한국현대문학연구. 2013. 289–315쪽.
- 이경민. 만주국의 종교정책과 불교. 만주연구. 제 27집. 2019. 85–114쪽.
- 이중성. 五族協和論과 일본-만주국 관계: 중국의 다민족통일국가론과 동북공정에 대한 함의. 세계한단학회지 (6권 1호). 2019. 112–143쪽.
- 한석정. 만주국 건국의 재해석: 괴뢰국의 국가효과 1932–1936. 동아대학교출판부. 2009. 282 쪽.
- 한석정, 박정희, 혹은 만주국판 하이 모더니즘의 확산. 일본비평. 2010. № 3. 120–137쪽.
- 윤휘탁. 만주국: 식민지적 상상이 잉태한 복합민족국가. 해안출판소. 2013. 517쪽.
- 윤휘탁. 만주국의 정부의 민족구성과 운영상의 특징. 중국근현대사연구. 2009. 115–143쪽.
- 윤휘탁. 만주국의 교육 이념과 조선인의 교육. 중국사연구. 2016. 104–175쪽.
- 정종현. 근대문학에 나타난 '만주' 표상 – 만주국 건국 이후의 소설을 중심으로. 한국문학연구. 28집. 2005년. 229–259쪽.
- 최봉룡. 만주국의 국제법을 둘러싼 딜레마: 조선인의 “이중국적” 문제. 한국민족운동사연구. 2011. Vol. 69. 273–304쪽.

УДК 94(47)+294.321

ББК 63.3(2)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-159-164

Д. Д. Амоголонова

РЕЛИГИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В БУРЯТСКОМ ДУХОВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

В статье исследуется проблема взаимодействий, конкуренции и конфликтов между буддизмом и православием на материале этнической Бурятии в период последних десятилетий Российской империи. Автор доказывает, что в силу целого ряда причин усилия по русификации посредством крещения оказались провальными, тогда как буддийская пропаганда среди крещеных и некрещеных бурят Предбайкалья была успешной, поскольку проводилась последовательно и планомерно. Несмотря на массовый выход предбайкальских бурят из православия в 1905 и последующие годы и вступление в буддийскую общину, это не изменило укрепления российской идентичности бурят, чему способствовала заинтересованность буддийского духовенства в мирном сосуществовании с государством.

Ключевые слова: этническая Бурятия, политическая идентичность, буддизм, православие, крещение, русификация, Высочайший указ 1905 г., архиепископы Вениамин, Серафим.

D. D. Amogolonova

RELIGION AND IDENTITY IN THE BURYAT SPIRITUAL SPACE AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

On the material of ethnic Buryatia during the last decades of the Russian Empire, the paper examines the problem of interaction, competition and conflicts between Buddhism and Orthodoxy. The author proves that due to a number of reasons, the efforts at Russification through baptism were a failure, while Buddhist propaganda among the Christianized and baptized and non-baptized Buryats of the Cis-Baikal region was successful, since it was carried out consistently and systematically. Despite the mass exit of the Cis-Baikal Buryats from Orthodoxy in 1905 and subsequent years and entry into the Buddhist community, this did not change the strengthening of the Russian state identity of the Buryats. Being incorporated in the Russian political and administrative system, Buddhist Lamas were interested in peaceful coexistence with the state.

Keywords: ethnic Buryatia, political identity, Buddhism, Orthodoxy, Christianization, Russification, Supreme Decree of 1905, Archbishop Veniamin, Archbishop Seraphim.

Взаимодействие Российского государства с его нерусскими и неправославными подданными обсуждается в научной и общественно-политической литературе еще с имперских времен [Вениамин 1882; Нестор 1910]. С точки зрения государственных интересов, русификация *инокорцев*, в т. ч. и бурят, занимала важное место в процессе их гомогенизации с основным населением империи и тем самым их воспитания в духе лояльности и имперской идентичности. Путь к достижению этой цели лежал через языковую русификацию. Еще в середине XVIII в. историк и этнограф Г. Ф. Миллер (1705–1783), внесший значительный вклад в изучение коренных народов Сибири, писал о назначении языковой русификации: «истинное основание этнической классификации состоит не в нравах и обычаях ... Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами» (цит. по: [Слезкин 2008: 75]).

В современном научном дискурсе языковая русификация в Российской империи является темой исследований в контексте политико-идеологических задач. По мнению

М. А. Фадеичевой, обучение нерусских детей в русских школах являлось для инородца не «обузой и унижением его “национального” достоинства, но было привилегией и преимуществом. Распространение русского языка среди инородцев, как и распространение православия, было также средством укрепления имперской государственности. ... Знание русского языка инородцами поощрялось. Иногда применялось материальное поощрение тех местных жителей, чьи дети учились в русских школах. ... Распространение православия и русского языка следует оценивать не как ассимиляцию и русификацию, а как огосударствление недержавных народов» [2003: 274–375]. Действительно, с точки зрения соблюдения государственных интересов русификация включала в себя решение разных задач, в т. ч. административных и хозяйственных, что должно было способствовать «постепенной интеграции составных частей империи и их совместного плавного продвижения по пути модернизации» [Каспэ 2001: 138].

С точки зрения чиновников и православных деятелей в центре и на местах, сближение нерусских подданных с русскими подразумевало не только решение важных государственных задач, но и несомненное благо для самих нерусских общностей. Согласно официальной точке зрения, нерусские и неправославные подданные были недостаточно цивилизованными и культурными, их следовало привести к русским стандартам обучения и бытовых практик посредством распространения среди них православия, что означало воспитание у них государственной, т. е. русской, идентичности. Переход бурятского духовного пространства в православное русло виделся священнослужителям как необратимый процесс. В своем отчете архиепископ Серафим в 1913 г. цитирует иркутского архиепископа Вениамина, который утверждал в Отчете об Иркутской духовной миссии за 1874 г. следующее: «Отпадение крещеных бурят в язычество в том смысле, как это бывает, например, с крещеными евреями или магометанами, быть не может потому одному, что сами крещеные буряты верят в превосходство христианства над своей верой» (цит. по: [РГИА. Ф. 796. Оп. 197. Отд. 6. Ст. 3. Л. 4]).

Позже, в 1882 г., Вениамин писал о значении крещения в процессе русификации и формирования русской идентичности нерусских подданных в терминах политики, идеологии и культуры: «Крещение и принятие православной веры меняет нерусскую этническую идентичность на русскую ... Только тот называется русским, кто православный ... в отношении к иноверцам, православие должно вести борьбу не просто с чужой верой, но и с чужой национальностью, с нравами, привычками и всей обстановкой обыденной жизни инородцев, убеждать их в превосходстве русского национального быта, чтобы сделаться им не по вере только, но и по национальности русскими ... С переходом инородцев к русской национальности, раскольников к быту современной Руси, измена тех и других православию становится немыслимой, они будут держаться его не по убеждению только в его истинности, но и как русские русской веры» [1882: 3–5].

В имперский период отношение к бурятам как отдаленной и слаборазвитой в цивилизационном смысле группе переносилось и на их традиционные верования, т. е. шаманизм и буддизм, а потому и то, и другое следовало подавлять посредством крещения. Тем не менее буддизм в Забайкалье воспринимался как некая данность, которую следовало строго контролировать посредством ограничительных мер, однако исповедовать эту религию позволялось. А предбайкальские буряты-шаманисты считались благоприятными объектами для крещения, и их следовало оберегать от влияния буддистов посредством христианизации и школьного обучения.

Теме усовершенствования распространения православия среди бурят было посвящено состоявшееся в Санкт-Петербурге в 1892 г. особое совещание с целью решения проблемы внедрения среди бурятских детей начального образования на русском языке (с обязательным преподаванием Закона Божия), а также для выработки законодательных мер по ограничению деятельности буддийского духовенства. Совещание стало результатом инициативы генерал-губернатора Приамурья А. Н. Корфа предпринять меры «к облегчению христианской проповеди в Забайкалье» [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 423]. В работе принимали участие обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, министр внутренних дел И. Н. Дурново и другие высокопоставленные чиновники, что свидетельствовало о важности поднимаемых вопросов.

Географически меры поддержки русификации включали в себя и Забайкалье, и Предбайкалье, где следовало усилить распространение общего образования, улучшить состав миссионерства, благоустраивать миссионерские церкви, изменить некоторые условия церковных обрядов, «при коих язычники затрудняются ныне принимать св. крещение» [РГИА. Ф. 797. Отд. 2. Ст. 3. Д. 300. Л. 4–5]. Что касается Предбайкалья, то здесь предполагалась вполне благополучная ситуация с крещеными бурятами, а число буддистов было невелико, что означало, по мнению Э. Э. Ухтомского, «сравнительно слабое развитие ламаизма по сю сторону Байкала и отсутствие той внутренней мощи, которая пока несомненно присуща забайкальскому жречеству» [Там же. Ф. 821. Оп. 133. Ед. хр. 420. Л. 5об.–6].

Однако конкуренция между религиями в бурятском духовном пространстве оказалась проигранной православием, когда в связи с публикацией Именного Высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. практически все крещеные буряты Иркутского уезда выразили желание «отпасть» от православия в пользу буддизма. Разбираясь в причинах сложившейся ситуации, Серафим, иркутский архиепископ в 1911–1915 гг., писал, что если до 1905 г. крещеными числились до 10 тыс. бурят обоего пола, то после Высочайшего указа практически все они перешли в буддизм, основываясь на дарованном праве исповедовать веру, в которой они сами или их предки состояли до крещения. Это условие при отпадении от православия не было соблюдено, поскольку до крещения они были шаманистами, а потому Серафим объясняет переход политическими причинами, состоявшими в том, что буддизм стал для бурят *национальной* религией [Там же. Ф. 796. Оп. 197. Отд. 6. Ст. 3. Д. 311. Л. 3об.]. Сходная ситуация сложилась и в Тункинском ведомстве, где в течение одного только ноября 1905 г. о выходе из православия заявили 3 тыс. бурят, о чем иркутский архиепископ Тихон (1892–1911) доложил Синоду в 1907 г. [Там же. Оп. 188. Д. 7837. Л. 1–1об.]. Именно Тихону пришлось отчитываться перед Святейшим Синодом о причинах отпадения бурят от православия и представить объяснения, что и как необходимо предпринять для прекращения этого явления.

Быстрый и коллективный отказ от православия явился следствием ряда причин, среди которых культурная, в т. ч. и языковая, близость к буддийскому духовенству и бурятским националистам играла решающую роль. Православная религиозно-обрядовая деятельность почти прекратилась: крещеные буряты стали отказывать миссионерам в крещении новорожденных детей и причащении больных родственников, перестали хоронить умерших по православному обряду. Иконы либо возвращали миссионерам, либо оставляли в степи, либо уничтожали. Если ранее крещеные буряты изредка посещали православные храмы, то теперь совсем прекратили участвовать в церковных богослужениях, отказались также и содержать миссионерские станы и школы, а также дома причтов.

В своем рапорте архиепископ Тихон называл среди причин отпадения от православия следующее: невежественные буряты под воздействием религиозных и светских агитаторов истолковывали «Указ об укреплении начал веротерпимости» как приказ русского царя обращаться в свою веру. Православное духовенство пыталось использовать данное ему право увещевания отпадающих; в результате бесед и уговоров некоторые буряты соглашались остаться христианами и забирали ранее отданные иконы. Это, по мысли Тихона, означало нетвердость в новой вере и готовность вернуться в православие в случае успешной обратной пропаганды [Там же. Оп. 188. Д. 7837. Л. 1–1об.].

Следует учитывать, что агитация в пользу буддизма имела достаточно давнюю историю и, в отличие от православия, велась планомерно и тщательно. Интерес бурят, даже крещеных, к буддизму кн. Э. Э. Ухтомский объяснял так: «Ламы странствуют по Иркутской губернии, учат своих единоплеменников поклоняться Будде, вносят нечто фантастическое в тягостное однообразие инородческого быта. Пределы стройно организованного языческого царства незаметно расширяются. По отчетам тамошних православных священников легко судить, как успешно совершается прирост к буддизму отторгаемых от шаманства. На беду, и новокрещенные инородцы, согласно свидетельству самих же миссионеров, не тверды в убеждениях и нередко поддаются соблазну вос-

питать потомство совершенно вне христианства. У младенцев на люльках часто висят ламайские талисманы, в жилищах хранятся ламайские идолы, и т. д. Шаманствующие буряты оттого еще склонны симпатизировать буддизму, что он позволяет им оставаться бурятами и не обуславливает, как православие, слияния и отождествления с русскою народностью» [Ухтомский 2011: 182].

Безусловно, события, связанные с публикацией Высочайшего указа, в целом носили локальный характер. Однако в них содержался контекст, который указывал на возможность экстраполяции идеи возвращения к родовым верованиям и в других сибирских этнокультурных общностях. Православные и светские власти видели в этом угрозу российской лояльности нерусских подданных, а конкретно в буддийской пропаганде – политизацию религии, имеющей истоки и поддержку в иных странах. Поэтому вопрос религиозной принадлежности приобретал, помимо культурно-идентификационной значимости, политические смыслы, состоявшие в том, что лояльность государству определялась только православным вероисповеданием.

Объяснить создавшееся положение Синод поручил иркутскому первосвященнику архиепископу Серафиму, который составил пространное описание окрестительной деятельности среди бурят на протяжении XIX и начала XX в. Кроме экскурса в историю, Серафим взял на себя труд проанализировать причины отпадения, среди которых называл, в частности, отсутствие православной работы среди крещеных бурят, поскольку приходские священники «едва ли интересовались этими случайными овцами своего стада» [РГИА. Ф. 796. Оп. 197. Отд. 6. Ст. 3. Д. 311. Л. 5об.].

Пространное многостраничное обсуждение Серафимом проблемы наступления буддизма на предбайкальских бурят включало как критику священников и миссионеров, так и признание устойчивости культурных паттернов, неистребимых посредством крещения: «живя в одних улусах со своими некрещеными сородичами, жили по верованиям и обрядам шаманства или ламаизма» [Там же].

В отличие от Тихона, стремившегося переложить вину за отпадение бурят на буддийских лам и бурятских националистов, Серафим, архиепископ иркутский и верхоленский в 1911–1915 гг., лично не нес ответственности за провал окрестительной деятельности в Предбайкалье. По этой причине он жестко критиковал миссионеров, которые в большинстве не желали заниматься просветительской деятельностью среди бурят и тем более не проводили богослужений на бурятском языке вследствие незнания языка.

В качестве своих рекомендаций архиепископ Серафим предложил полностью изменить положение Иркутской миссии посредством привлечения идейных, хорошо образованных, честных и самоотверженных тружеников, которые смогли бы полностью изменить ситуацию и снова привлечь бурят к православию [Там же. Л. 22–24]. С точки зрения Серафима, православие, помимо религиозной функции, выполняло более значимую задачу русификации в государственно-идентификационном смысле. Это было тем важнее, что бурятские территории воспринимались как удаленные и с географической, и с политико-административной точки зрения по отношению к метрополии, т. е. власти, инфраструктуре и коммуникациям. Более того, «удаленность» была характерна не только для описания территорий и жителей с точки зрения центральных властей, но и в понимании собственной позиции бурят по отношению к метрополии [Humphrey 2016].

Вопреки опасениям православных деятелей, разрешение императора вернуться к своим родовым религиозным традициям не снизило формирующейся российско-государственной идентичности бурят. Напротив, доверие, проявленное монархом к своим нерусским и неправославным подданным, сыграло позитивную роль в укреплении осознания своей принадлежности к России. Кроме того, последовавшая вскоре Первая мировая война отодвинула крещение инородцев на периферию социально-политических процессов. Тем более что буряты-буддисты, возглавляемые стойким и преданным монархистом Хамбо ламой Даши-Доржо Итигэловым, оказывали русской армии посильную добровольную помощь, что доказывало их российскую идентичность не в меньшей степени, чем у крещеных сограждан.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии с периода распространения буддизма до современности (Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия XVI–XXI вв.)») № 121031000261-9.

Источник и литература

Российский государственный исторический архив (РГИА): ф. 796, оп. 188, д. 7837 (Репорт Святейшему Правительствующему Синоду от Архиепископа Иркутского и Верхотурского Тихона); оп. 197, отд. 6, ст. 3, д. 311 (Письмо Серафима, архиепископа Иркутского и Верхотурского от 6 октября 1913 г., получено в канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода 19 окт. 1913 г.); ф. 797, оп. 62, отд. 2, ст. 3, д. 300 (Журнал особого совещания о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье); ф. 821, оп. 133, д. 423 (О мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье. От Приамурского генерал-губернатора министру МВД 18.01.1892); ед. хр. 420 (Отчет князя Э. Э. Ухтомского по командировке его в 1886 г. в Восточную Сибирь для исследования положения ламаизма).

Вениамин (Благодравов В. А.). Обязанности русского государства по обращению раскольников и иноверцев к православной русской церкви / Вениамин (В. А. Благодравов). – Иркутск: Тип. Н. Н. Синицына, 1882. – 18 с.

Каспэ С. И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 256 с.

Нестор (Анисимов Н. А.). Православие в Сибири (исторический очерк) / Нестор (Н. А. Анисимов). – СПб.: Отечественная типография, 1910. – 80 с.

Слезкин Ю. Л. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Л. Слезкин. – М.: НЛО, 2008. – 512 с.

Ухтомский Э. Э. Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним / Э. Э. Ухтомский // Материалы по истории буддизма в Забайкалье XIX – нач. XX вв. / сост. и авт. введ. Н. В. Цыремпилов. – Улан-Удэ: СПБ., 2011. – С. 167–195.

Фадеечева М. А. Этническая политика российской империи XIX в. «Положение об иногородцах» / М. А. Фадеечева // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2003. – Вып. 4. – С. 369–382.

Humphrey C. The Russian State, Remoteness, and a Buryat Alternative Vision [Электронный ресурс] / C. Humphrey // *Senri Ethnological Studies*. – 2016. – Vol. 92. – P. 101–121. – Режим доступа: <http://doi.org/10.15021/00005993>.

References

Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA): f. 796, op. 188, d. 7837 (Raport Svyatejšemu Pravitel'stvuyushchemu Sinodu ot Arhiepiskopa Irkutskogo i Verholenskogo Tihona); op. 197, otd. 6, st. 3, d. 311 (Pis'mo Serafima, arhiepiskopa Irkutskogo i Verholenskogo ot 6 oktyabrya 1913 g., polucheno v kancelyarii ober-prokurora Svyatejšego Sinoda 19 okt. 1913 g.); f. 797, op. 62, otd. 2, st. 3, d. 300 (Zhurnal osobogo soveshchaniya o merah k oblegcheniyu hristianskoj propovedi v Zabajkal'e); f. 821, op. 133, d. 423 (O merah k oblegcheniyu hristianskoj propovedi v Zabajkal'e. Ot Priamurskogo general-gubernatora ministru MVD 18.01.1892); ed. hr. 420 (Otchet knyazya E. E. Uhtomskogo po komandirovke ego v 1886 g. v Vostochnuyu Sibir' dlya issledovaniya polozheniya lamaizma).

Veniamin (Blagoravov V. A.). Obyazannosti russkogo gosudarstva po obrashcheniyu rascol'nikov i inovercev k pravoslavnoj russkoj cerkvi / Veniamin (V. A. Blagoravov). – Irkutsk: Tip. N. N. Sinicya, 1882. – 18 s.

Kaspe S. I. Imperiya i modernizaciya: obshchaya model' i rossijskaya specifika / S. I. Kaspe. – M.: ROSSPEN, 2001. – 256 s.

Nestor (Anisimov N. A.). Pravoslaviye v Sibiri (istoricheskij ocherk) / Nestor (N. A. Anisimov). – SPb.: Otechestvennaya tipografiya, 1910. – 80 s.

Slezkin Yu. L. Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa / Yu. L. Slezkin. – M.: NLO, 2008. – 512 s.

Uhtomskij E. E. Oчерk razvitiya lamaizma na vostochno-sibirskoj okraine i naibolee celesoobraznoe sredstvo dlya bor'by s nim / E. E. Uhtomskij // *Materialy po istorii buddizma v Zabajkal'e XIX – nach. XX vv.* / sost. i avt. vved. N. V. Cyrempilov. – Ulan-Ude; SPb., 2011. – S. 167–195.

Fadeicheva M. A. Etnicheskaya politika rossijskoj imperii XIX v. «Polozhenie ob inorodcah» / M. A. Fadeicheva // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN.* – 2003. – Vyp. 4. – S. 369–382.

Humphrey S. The Russian State, Remoteness, and a Buryat Alternative Vision [Elektronnyj resurs] / C. Humphrey // *Senri Ethnological Studies.* – 2016. – Vol. 92. – P. 101–121. – Rezhim dostupa: <http://doi.org/10.15021/00005993>.

УДК 016

ББК 78.5

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-165-170

А. А. Кушнарева

ИМБТ СО РАН – 100 ЛЕТ. РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ИЗДАНИЯ БУРЯТСКОГО КОМПЛЕКСНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА СО АН СССР (БКНИИ СО АН СССР). Ч. IV*

В статье представлена библиография изданий Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (БКНИИ СО АН СССР) за 1963–1965 гг.

Ключевые слова: ИМБТ СО РАН, Бурятский комплексный научно-исследовательский институт, библиография изданий, научная литература.

L. L. Kushnareva

IMBT SB RAS – 100 YEARS. RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITY. PUBLICATIONS OF THE BURYAT COMPLEX RESEARCH INSTITUTE SB AN USSR (BCNII SB AN USSR). Part 4

The article presents a bibliography of publications of the Buryat Complex Scientific Research Institute of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (BKNII SB USSR Academy of Sciences) for 1963–1965.

Ключевые слова: IMBT SB RAS, Buryat Complex Research Institute, bibliography of publications, scientific literature.

*Издания Бурятского комплексного научно-исследовательского института
СО АН СССР (БКНИИ СО АН СССР)*

1963

Вопросы литературного бурятского языка: [сборник статей] / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт; [отв. ред. Л. Ш. Шагдаров, У.-Ж. Ш. Дондуков]. – Улан-Удэ, 1963. – 124 с.

Золотоев А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А. К. Золотоев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1963. – 165 с.: ил.

Семичов Б. В. Краткий тибетско-русский словарь: 21000 слов / составители: Б. В. Семичов, Ю. М. Парфионович, Б. Д. Дандарон; под ред. Ю. М. Парфионовича; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. – 581 с.

Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Выпуск 11: Исследования и материалы по истории Бурятии: [сборник статей] / [редакционная коллегия: И. А. Асалханов (отв. ред.) [и др.]]. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1963. – 217 с. – (Серия историческая). – Содержание: Шулунов Н. Д. В. И. Ленин – основатель бурятской социалистической советской автономии (с. 3–17). – Хаптаев П. Т. Мероприятия Советов Бурятии по созданию основ социалистической экономики в период Великого Октября (с. 18–27). – Тармаханов Е. Е. Расцвет экономики и культуры Бурятии: к 40-летию Бурятской АССР (с. 28–41). – Дуринов А. А. Народное образова-

КУШНАРЕВА Людмила Леонидовна – кандидат филологических наук, начальник Научной библиотеки, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: makosh76@mail.ru.

* См.: ч. I – Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2024. № 4(56). С. 161–165; ч. II – 2025. – № 1(57). – С. 149–154; ч. III – 2025. – № 2(58). – С. 170–175.

ние в Бурятской АССР (с. 42–53). – Занданов И. М. Подготовка кадров специалистов в Бурятской АССР (с. 54–80). – Рандалов Ю. Б. Развитие хозяйства бичурских бурят в советский период (с. 81–105). – Гатанов Б. О. О движении коллективов и ударников коммунистического труда на промышленных предприятиях Бурятии (с. 106–115). – Максанов С. А. О народных университетах культуры Бурятской АССР (с. 116–126). – Дылыков Ю. Г. К образованию комсомола Бурятии (с. 129–141). – Богданов Г. Г. Селькоры Бурятии в борьбе за коллективизацию (с. 142–150). – Мухин А. А. Борьба железнодорожного пролетариата Восточной Сибири накануне первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 годов (с. 151–166). – Асалханов И. А. Материалы Забайкальской комиссии как исторический источник (с. 167–178). – Шубин А. С. Современное эвенкийское село (с. 179–188). – Залкинд Е. М. К биографии Д. Хуреганова (с. 189–191). – Румянцев А. Г. Материалы для истории Верхоленинского края в XVIII веке (с. 192–198). – Шмудевич М. М. Село Хандагатай в начале XIX века: из истории русского крестьянства Западного Забайкалья (с. 199–214). – Цибилов Б. Д. Пример служения науке: к 60-летию со дня рождения Г. Н. Румянцева (с. 215–216).

Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Выпуск 12: Вопросы магматизма и тектоники Бурятии: [сборник статей] / [редакционная коллегия: С. А. Гурулев (отв. ред.) [и др.]]. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1963. – 115 с.: ил. – (Серия геологическая). – Содержание: Дворкин-Самарский В. А., Очиров Ц. О. О структурно-металлогеническом районировании Саяно-Байкальской горной страны (с. 3–18). – Базаров Д. Б., Цырендоржиев Ц. Ц. О неотектонике южного склона Иволгинской впадины (с. 19–24). – Тайсаев Т. Т. Новая мезозойская впадина в Джидинской горной стране (Бурятская АССР) (с. 25–28). – Очиров Ц. О., Цырендоржиев Ц. Ц. Проблемы изучения глубинного строения земной коры в пределах Бурятии (с. 29–32). – Гурулев С. А. К вопросу о возрасте разрывных структур Северного Прибайкалья (с. 33–45). – Васильковский Д. П., Мануйлова М. М. О древней коре выветривания на основных и ультраосновных породах Довыренской интрузии (Северное Прибайкалье) (с. 46–52). – Петров Б. В. Методика подсчета мощностей в зависимости от генетического типа складчатости (с. 53–55). – Дворкин-Самарский В. А., Бажин Ю. М. Гранитиды и пегматиты Баргузино-Муйской структурно-металлогенической зоны (с. 56–71). – Смирнов Г. В. Петрохимические особенности нефелиновых сиенитов бассейна нижнего течения реки Джиды (с. 72–82). – Туговик Г. И., Скринников О. Т. Некоторые итоги изучения абсолютного возраста гранитоидов Джидинского рудного узла калиаргоновым методом (с. 83–96). – Андреев Г. В. О находке ториянита в магнезиальных скалах (с. 97–99). – Туговик Г. И. Взаимоотношения гюбнерита и шеелита в рудах Булуктаевского и Джидинского месторождений (Южное Прибайкалье) (с. 100–109). – Андреев Г. В., Шаевич С. Б. О распределении калия и рубидия в щелочных породах плутонов бурпала и сынны (с. 110–113).

Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Выпуск 13: Проблемы литературы и фольклора Бурятии: [сборник статей] / [редакционная коллегия: А. И. Уланов (отв. ред.) [и др.]]. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1963. – 174 с. – (Серия филологическая). – Содержание: Найдаков В. Ц. Литература и современность (с. 3–21). – Махатов В. Б. О романе Ж. Балданжабона «Перевал» (с. 22–30). – Сидельников В. М. Сказители Сибири (с. 31–50). – Элиасов Л. Е. Роль традиционного фольклора в развитии народного творчества рабочих Лено-Витимской тайги (с. 51–78). – Косарева Л. А. О языковых особенностях народной песни старожилых населения Забайкалья (с. 79–98). – Ярневский И. З. К истории песни «Раскинулось море широко» (с. 99–109). – Хоменов М. П. Бурятские улигеры в обработке Х. Намсараева (с. 110–122). – Туденов Г. О. Ц. Ж. Жамцарано как фольклорист (с. 123–140). – Хоменов М. П. Краткий отчет ольхонской фольклорно-этнографической экспедиции (20.06–20.07.1962 г.) (с. 141–145). – Ярневский И. З., Косарева Л. А. За фольклором к семейским (с. 146–150). – Дугар-Нимаев Ц.-А. Заметки на полях «Антологии бурятской поэзии» (с. 151–159). – Элиасов Л. Е. К вопросу истории бурятской фольклористики: по поводу книги М. П. Хамаганова «Бурятская фольклористика». Улан-Удэ, 1962 г. (с. 160–173).

Фольклор семейских / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт; составители Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; под общей ред. Л. Е. Элиасова. – Улан-Удэ, 1963. – 672 с., 6 л. ил.: ноты. – Алфавитный указатель: с. 648–659. – Библиография: с. 503–641.

1964

Абай Гэсэр-Хубун: [эпопея]. Ч. 2: Ошор Бордо и Хурин Алтай / подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова; отв. ред. А. Уланов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1964. – 231 с.

Вторая конференция молодых научных сотрудников: тезисы докладов / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт; [отв. ред. Г. Г. Богданов]. – Улан-Удэ, 1964. – 68 с. – Ротапринт.

Дугаров Д. С. Бурятские народные песни: для голоса или хора без сопровождения: [с предисловием и примечаниями]. [Т. I]: Песни хори-бурят / Д. С. Дугаров; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Бурятский институт общественных наук; [отв. ред. В. Ц. Найдаков; муз. ред. Э. А. Алексеев]. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1964. – 443 с.

Ленхобоев Г. Л. Сэлэнгын түрэ хуримай түүхэхээ / Г. Ленхобоев; [Ц. Б. Цыдендамбаев заһабарилан хэблэлдэ бэлдэлсэбэ]. – Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1964. – 159, [1] н. – Перевод заглавия: Из истории свадебных обрядов селенгинских бурят.

Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Выпуск 14: Вопросы развития промышленности Бурятии: [сборник статей] / [редакционная коллегия: Б. Р. Буянтуев (отв. ред.) [и др.]]. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1964. – 156 с.: табл. – (Серия экономическая). – Содержание: Шулунов Ф. И. О развитии промышленности Бурятии в четвертой пятилетке (1946–1950 гг.) (с. 3–16). – Туйск А. Г. К вопросу о размещении промышленности Бурятии (с. 17–36). – Жуков В. А., Бутуханов Л. С. К вопросу о путях рационального использования гусиноозерских углей (с. 37–48). – Алексеев М. Л. Перспективы развития производства стеновых материалов в Бурятской АССР (с. 49–65). – Хинданов В. Х. О путях увеличения производства сборного железобетона в Бурятии (с. 66–76). – Хабитуев И. Х. К вопросу улучшения межрайонных экономических связей Бурятии по лесопромышленности (с. 77–82). – Боржонов К. Т. Некоторые данные анализа работы леспромпхозов Бурятии (с. 83–91). – Черноторова А. А. Лесосырьевые ресурсы севера Бурятии и их использование (с. 92–104). – Раднаев Г. Ш. Об общих факторах размещения легкой и пищевой промышленности (с. 105–112). – Путерман Л. Н. Современные проблемы перспективного развития Улан-Удэ и других городов Бурятской АССР (с. 113–131). – Буяева Н. Ц. Об использовании рабочего времени в промышленности Бурятской АССР (с. 132–146). – Буянтуев Б. Р. Об экономических исследованиях отдела экономики и географии БКНИИ (с. 147–154).

Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Выпуск 15: Стратиграфия и магматизм Западного Забайкалья: [сборник статей] / [редакционная коллегия: Ц. О. Очиров (отв. ред.) [и др.]]. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1964. – 153 с.: табл., карты. – (Серия геологическая). – Содержание: Гурулев С. А. О границе нижнего кембрия и докембрия в Северном Прибайкалье (с. 3–10). – Бабулин Л. М. О некоторых палеогеографических условиях осадконакопления в верхнем протерозое Северного Прибайкалья (с. 11–16). – Гурулев С. А., Самбуев К. С. Дресвяники преднижнекембрийской коры выветривания на породах чайского габбро-периодитового массива (Северное Прибайкалье) (с. 17–26). – Гурулев С. А. К стратиграфии нижнего палеозоя Баргузинского хребта (с. 27–40). – Тарасов Ю. С. К стратиграфии и литологии кембрийских отложений бассейна р. Бирамьи (Баргузинский хребет) (с. 41–56). – Базаров Д. Б. Перигляциальные явления в четвертичных отложениях Селенгинского среднегорья (с. 57–63). – Туговик Г. И. Грейзены и грейзенизированные граниты юго-западного Забайкалья (с. 64–81). – Дворкин-Самарский В. А., Каперская Ю. Н. О распределении некоторых элементов-примесей в гранитоидах и пегматитах Северо-Муйского хребта (с. 82–95). – Рафиенко Н. И. Бериллий в редкометаллических ме-

сторожениях Сибири и некоторые его геохимические особенности (с. 96–106). – Очиров Ц. О. К геологии мезозойских вулканогенных образований юго-западного Забайкалья (с. 107–114). – Доржиев В. С., Цырендоржиев Ц. Ц. Некоторые геофизические данные о геологическом строении междуречья Зазы и Конды (Западное Забайкалье) (с. 115–119). – Андреев Г. В., Денежкина Э. М. Мезодиалит из метасоматических пород одного щелочного плутона Сибири (с. 120–124). – Михно Н. П. Стратиграфия осадочно-вулканогенных образований мезозоя южной части Западного Забайкалья (с. 125–139). – Очиров Ц. О. Краткий очерк жизни и деятельности Владимира Афанасьевича Обручева (с. 140–145). – Дворкин-Самарский В. А., Язмир М. М. О работе В. Г. Беличенко, Ю. В. Комарова, Ю. Б. Мусина, П. М. Хренова и Ю. А. Чернова «Геолого-петрографический очерк южной окраины Витимского плоскогорья (северо-западное Забайкалье). Издательство АН СССР, Москва, 1962» (с. 146–149).

Указатель изданий Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (1959–1962 гг.): [аннотированный] / [составители И. А. Колодина, С. Б. Цибигжапова]; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1964. – 96 с. – Аннотация: Настоящий указатель представляет собой продолжение библиографии Б. В. Семичова «Библиографический указатель изданий Бурятского научно-исследовательского института культуры за 35 лет» (В сборнике статей: К 35-летию института культуры. Улан-Удэ, 1958. С. 256–306) и С. Н. Доржинова «Печатные работы БКНИИ СО АН СССР» (В сборнике статей: Краткие сообщения БКНИИ. Выпуск 1. Улан-Удэ, 1959. С. 155–162). В указатель вошло 74 названия изданий, опубликованных под грифом института, а также «Материалы совещаний по расчленению гранитоидов Забайкалья», изданные совместно с другими учреждениями.

1965

Балдаев С. П. Бурятские народные песни: в 3 т. Т. 2: (Дореволюционные) / С. П. Балдаев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт; [отв. ред. Г. О. Туденов]. – Улан-Удэ, 1965. – 243 с. – Заглавие на дополнительном титульном листе: Бураад арадай дуунууд (урданай дуунууд).

Дандарон Б. Д. Описание тибетских рукописей и ксилографов Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Т. 2. Вып. 2 / Б. Д. Дандарон; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Москва: Издательство восточной литературы, 1965. – 55 с. – (Отпечатано множительным аппаратом). – Аннотация: второй выпуск посвящен описанию рукописей трудов Сумба-канбо Ешэй Балчжора.

Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2 / [редакционная коллегия: Г. Н. Румянцев (отв. ред.) [и др.]]; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1965. – 256, [4] с.: ил. – (Труды БКНИИ СО АН СССР. Выпуск 16. Серия востоковедения / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт). – Аннотация: в сборник научных статей (альманах) включены статьи, посвященные истории и филологии Центральной Азии, буддизму, истории и культуре Монголии, Индии, Тибета и Средней Азии. Альманах включает в себя три раздела: «Статьи», «Материалы и сообщения» и «Критика и биография». Выпуски 1 и 4 вошли в серию «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института».

Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху: (материалы координационной конференции, Улан-Удэ, 22–24 августа 1963 г.) / [редакционная коллегия: Г. Д. Санжеев (отв. ред.) и др.]; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием соц. наций»; Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1965. – 220 с.

Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Выпуск 16: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Выпуск 2: [сборник статей] / [редакционная коллегия: Г. Н. Румянцев (отв. ред.) [и др.]. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1965. – 258 с.: ил. – (Серия востоковедная). – Содержание: Будаев В. Ш. Экономическое сотрудничество Советского Союза и Монгольской Народной Республики (с. 3–13). – Пубаев Р. Е. Некоторые данные о развитии экономики и культуры Селенгинского аймака Монгольской Народной Республики (с. 14–23). – Сорокиных И. И. На заре советско-монгольской дружбы: по личным воспоминаниям и материалам (с. 24–41). – Мамуу А., Улымжиев Д. Б. Развитие исторической науки в МНР (с. 42–50). – Банчиков Г. Г. Современное монгольское жилище (с. 51–67). – Мункуев Н. Ц. О формах эксплуатации монгольских аратов в XIII–XIV веках (с. 68–86). – Румянцев Г. Н. Селенгинские буряты (с. 87–117). – Кузнецов Б. И. О традициях изучения тибетского языка и о проблеме частей речи в тибетском языке (с. 118–131). – Седлачек К., Семинов Б. В. Еще о транскрипции и транслитерации тибетского языка (с. 132–144). – Мальцева Е. В. Из истории разговорной драмы в Китае 20–30-х годов (с. 145–150). – Мальцева Е. В. «Театральная ассоциация» и Хун Шэнь (с. 151–161). – Ленхобоев Г., Хамзина Е. Узлы, швы и плетение у бурят (с. 162–189). – Окладников А. П., Хамзина Е. А. Работы в Ошурково в 1958 году (с. 190–195). – Седакина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин (с. 196–202). – Ермолова Н. М. Лошади из могильников Усть-Талькина (с. 203–209). – Шастина Н. П. Из переписки О. М. Ковалевского с бурятскими друзьями (с. 210–221). – Белюсов А. А. Новые документы о Г. Ц. Цыбикове (с. 222–224). – Румянцев, Г. Н. Два письма академика Б. Я. Владимирцова (с. 225–227). – Пубаев Р. Е. Тибетско-монгольский словарь агинского бурята хуацайского рода Галсан-Жимба Тугулдорова (с. 228–233). – Румянцев Г. Н. Монгольская надпись на квадратном алфавите из храма Шиби-Шань Сюаньчжун в провинции Шаньси (с. 234–238). – Алексеев Д. А. О Николае Федоровиче Катанове (с. 238–241). – Хадалов П. И. Новые данные из истории древнеиндийского материализма (с. 241–253). – Седлачек К. Краткий тибетско-русский словарь (с. 253–257).

Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Выпуск 17: Исследование бурятских говоров. Выпуск 1: [сборник статей] / [под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, И. Д. Бураева]. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1965. – 189 с. – (Серия языковедческая). – Содержание: Абашеев Д. А. Тункинский говор (с. 3–34). – Хомонов М. П. Боханский говор (с. 35–70). – Раднаев Э. Р. Баргузинский говор (с. 71–107). – Бураев И. Д. Сартульский говор (с. 108–150). – Будаев Ц. Б. Цонгольский говор (с. 151–186).

Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Выпуск 18: Фольклор народов Сибири. Исследование бурятских говоров: [сборник статей] / [редакционная коллегия: Л. Е. Элиасов (отв. ред.) [и др.]. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1965. – 208 с. – (Серия филологическая). – Содержание: Элиасов Л. Е. Сибирская фольклористика и ее задачи (с. 3–71). – Сидельников В. Основные проблемы современной науки о поэтическом творчестве народов СССР (с. 72–91). – Уланов А. И. Исполнение улигеров (с. 92–108). – Хомонов М. П. О мастерствах улигершина (с. 109–124). – Воскобойников М. Г. Новая эвенкийская сказка (с. 125–156). – Ярневский И. З. Образ М. В. Фрунзе в устных рассказах с. Манзурки (с. 157–170). – Ярневский И. З. К определению устного рассказа как жанра (с. 171–186). – Кудрявцев В. Д. Деревенский староста: народная драма (с. 187–196). – Элиасов Л. Е. Книга о якутских пословицах и поговорках (с. 197–199). – Эргис Г. У. О работах по бурятскому героическому эпосу (с. 199–201). – Арефьева Р. П. Книга о Тороеве (с. 201–204).

Этнографический сборник. Выпуск 4: Культура и быт народов Бурятии / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1965. – 171, [1] с. – Содержание: Михайлов Т. М. Об обычаях и традициях бурят в современный период (с. 3–17). – Тугутов И. Е. Становление новых семейных обрядов (с. 18–37). – Басаева К. Д. Воспитание детей у бурят (с. 38–54). – Рандалов Ю. Б. Современное поселение и жилище бурят (с. 55–72). – Матханова Э. М. К вопросу об определении быта как элемента обществен-

но-экономической формации (с. 73–88). – Шубин А. С. О декоративном искусстве оленных эвенков Бурятии (с. 89–107). – Мангутов Н. Р. Социально-экономические отношения в Западной Бурятии (с. 108–128). – Шмулевич М. М. К вопросу о движении населения русского крестьянства в Западном Забайкалье в первой половине XIX века (с. 129–141). – Залкинд Е. М. Начало русской колонизации бассейна р. Уды (с. 142–144). – Ким Н. В. (предисловие) Материалы Ф. Ланганса о культуре и быте бурят (с. 145–156). – Машанова Л. В. Некоторые сведения о демографии селенгинских бурят первой половины XIX века (с. 157–162). – Тугутов И. Е. Поездка к тугнуйским, хилокским, кударинским, баргузинским бурятам и баунтовским эвенкам (с. 163–166). – Николай Романович Мангутов. Некролог (с. 167).

УДК 94(47), 081

ББК Х2(2)51

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-171-173

С. А. Курас

«ВИТРИНА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКИ...»

Рец. на: Гаращенко А. Н., Иванов А. А. Александровский централ: исторический очерк (первая половина XVIII в. – 1917 г.). – Иркутск: Оттиск, 2024. – 496 с.

S. L. Kuras

“DISPLAY OF PENAL PRACTICE...”

Review on the monograph: Garashenko A. N., Ivanov A. A. Alexander's Central prison: historical Sketahche (the first half of 18th c. – 1917). – Irkutsk: Ottisk, 2024. – 496 p.

Как отмечают ответственные редакторы 22-го научного сборника «Сибирская ссылка», выходящего в свет с 1973 г., «изучение сибирской ссылки, каторги и пенитенциарной системы России в целом продолжает быть актуальной, значимой для исследования темой» [Иванов, Кузнецов 2025: 3]. Ученые открывают новые и малоизученные страницы сибирской политической и уголовной ссылки. Достойным подтверждением этому является выход в свет рецензируемой монографии. Это многогранное исследование известных иркутских исследователей А. Н. Гаращенко и А. А. Иванова [2024], как и все их научные работы, отличают скрупулезность и глубина изучения предмета исследования.

Уникальность объемного издания, на наш взгляд, состоит в том, что авторами впервые предпринята попытка объективного, комплексного рассмотрения истории всего комплекса Александровского централа: винокуренный завод, тюремный замок (каторжная и пересыльная тюрьмы) и Александровское селение [Там же: 4] с XVIII в. по 1917 г.

Безусловно, огромным плюсом и отличительной особенностью исследуемой монографии является тот факт, что авторы воссоздают историю Александровского централа с точки зрения сразу нескольких сторон: во-первых, как место для колонизации большой сибирской территории и организации принудительной изоляции каторжан; во-вторых, скрупулезно анализируется организация самой системы отбывания наказания, особенности быта и повседневной жизни преступников, что является новым взглядом на привычные исследования лишь только самого режима «сидельцев»; в-третьих, рассматривается вопрос, не становившийся предметом специального изучения – отражение особенностей службы сотрудников тюремного ведомства: профессиональная деятельность, уровень окладов и обычная бытовая сторона их жизни, которая незаслуженно оставалась вне поля зрения исследователей.

Одним из несомненных достоинств работы, на котором бы хотелось остановиться подробнее, является изучение и использование в монографии большого количества разнообразных видов источников, которые позволили раскрыть разные стороны Александровского централа, в т. ч. введение в научный оборот новых архивных материалов. На некоторых из них, наиболее ярко осветивших многочисленные грани жизни централа, хотелось бы остановиться.

Одними из значимых источников стали материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Так, фонды РГИА позволили проследить историю формирования и эволюции Александровского винокуренного завода, исследовать особенности откупной системы и ее

КУРАС Софья Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра таможенного дела и правоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет путей сообщения (г. Иркутск, Россия). E-mail: kuras@list.ru.

влияние на развитие Иркутской губернии. Дату основания завода – 1757 г. – исследователям тоже удалось восстановить по материалам архива [Гарашенко, Иванов 2024: 40]. Документы центрального архивохранилища показывают, какой налаженной была инфраструктура завода уже в первой половине XIX в. В фондах РГИА имеются материалы, описывающие большое количество строений и дающие статистические линии сравнения финансирования винокурения в Сибири. Благодаря введению в научный оборот значительного количества материалов архивных фондов и периодики, авторы через историю винокуренного завода и одной из самых больших тюрем царской России рассматривают развитие Сибирского региона.

Благодаря исследованию документов фондов ГАИО и сибирской периодической печати, авторам удалось изучить биографии нескольких управляющих Александровской центральной тюрьмы [Там же: 277], в т. ч. А. П. Сипягина, который был смотрителем АЦКТ с 1880 по 1890-е гг. и И. И. Лятоскевича (был смотрителем с 1897 по 1906 г.). Под их руководством централ стал, по меткому выражению авторов, «витриной пенитенциарной системы России» [Там же: 281]. Об этом свидетельствуют и воспоминания путешественников, и сведения ведомственных отчетов. Это касалось и внешнего вида здания, и внутреннего устройства помещений, а также характера взаимоотношений с арестантами. В целом ведомственные записки и статьи этих известных руководителей являются значимым историографическим источником для формирования всей книги о централе [Иванов, Курас С., Курас Т. 2024]. Следует обратить внимание и на тот факт, что анализируются личные дела не только преступников, отбывавших наказание, но и самих служащих, а также штатное расписание, кадровая политика, общее количество тюремных служащих, их довольствие и заработная плата. Авторы приводят факты, показывающие «удивительный, подлинный гуманизм сотрудников к отбывающим наказания», которые по возможности стремились облегчить участь преступников [Гарашенко, Иванов 2024: 321].

Документы фондов ГАИО также хранят факты о происшествиях в Централе. Следственные материалы позволили авторам показать сложный, неоднозначный, не всегда формальный характер взаимоотношений между тюремной властью и осужденными [Там же: 313]. Внутриведомственная переписка, а также воспоминания бывших узников отражают стремление администрации к поддержанию в помещениях необходимых санитарных норм. При этом, что будет совсем неожиданным, авторы показывают «внутренний мир» каторжан, их повседневную жизнь, рабочий день и даже «досуг».

В целом в монографии использовано большое количество разнообразных видов источников, важнейшими из которых являются официальные отчеты Главного тюремного управления (ГТУ), делопроизводственные материалы, многочисленные инструкции, письма, распоряжения, оценки деятельности служащих Централа, что дает возможность изучить работу самих тюремных сотрудников. Так, «Инструкция смотрителю тюремного замка» [Там же: 275] дала возможность самым подробным образом исследовать полномочия сотрудников Централа. В ней прописаны правила, согласно которым смотритель по отношению к арестантам должен быть человеколюбивым, проявлять к страждущим чувство эмпатии. А такой документ, как «Правила о содержании политических заключенных в тюрьме», дал возможность авторам сравнить полномочия смотрителей по отношению к политическим каторжникам и обычным арестантам [Там же: 276].

Отчеты ГТУ позволили установить низкий или недостаточный уровень денежного содержания тюремных надзирателей, по сравнению с теми высокими требованиями, которые к ним предъявлялись, и многочисленными каждодневными заботами сотрудников.

Авторами проанализирован большой пласт отчетов по Главному тюремному управлению (ГТУ), что дает возможность определить масштабы пенитенциарной системы России и место, которое в ней занимали Александровская каторжная и пересыльная тюрьмы [Там же: 251]. В том числе данные отчетов за 35 лет дают отражают статистику постоянного увеличения численности уголовных ссылокаторжных Александровского централа более чем в два раза с 1882 по 1916 г. [Там же: 290].

Исследователи особо подчеркивают значение «Общей тюремной инструкции», которая позволила изучить разрешенные для арестантов различные формы досуга, а также перечень запрещенных предметов. Регламент внутренней обстановки камер и общий режим каторжной тюрьмы были непосредственно зафиксированы в данном документе [Гарашенко, Иванов 2024: 307].

Пристальное внимание уделено профессиональной деятельности самих смотрителей, что является ценнейшим источником по изучению состава каторжан. Так, например, И. И. Лятоскевич изучил и систематизировал 572 личные карточки осужденных, зафиксировал их состав по возрастному, социальному, профессиональному критерию [Там же: 295]. Благодаря его анализу достоянием научной общественности становится бытовая сторона жизни заключенных, в т. ч. рацион их питания, что становится предметом специального научного исследования [Иванов, Курас С., Курас Т. 2025].

Особым достоинством и несомненным украшением книги является использование большого количества фотоматериалов об Александровском централе [Гарашенко, Иванов 2024: 27]. Представлены фото внешнего и внутреннего вида здания централа, бараков и пересыльной тюрьмы, швейной мастерской и прачечной и многочисленных хозяйственных построек. Есть даже карикатурные изображения, в т. ч. освещающие проблему переполненности тюрьмы. Как справедливо отмечают авторы монографии, по фото хорошо видно, что сотрудниками тюремного замка были люди «образованные, знающие свое дело, преданные» [Там же: 27]. В них отражены разнообразные сюжеты, которые позволяют детальнее изучить внешний вид самих преступников, виды их деятельности, а также познакомиться с отдельными направлениями работы самих сотрудников тюремного ведомства.

Таким образом, рецензируемая монография – крупное научное исследование, которое показывает разносторонние пласты жизни Александровского централа более чем за два столетия. При этом авторами введен в научный оборот большой объем разнообразных исторических источников. Поэтому даже беглый источниковедческий анализ яркой и многогранной монографии, свидетельствует о несомненном явлении в современной историографии и дает дорогу новым научным направлениям в изучении крайней темы пенитенциарной политики.

Литература

Гарашенко А. Н. Александровский централ: исторический очерк (первая половина XVIII в. – 1917 г.) / А. Н. Гарашенко, А. А. Иванов. – Иркутск: Оттиск, 2024. – 496 с.

Иванов А. А. Повседневность уголовных каторжан Александровского централа (конец XIX – начало XX в) / А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас // Власть. – 2025. – Т. 33. – № 1. – С. 290–296.

Иванов А. А. Администрация Александровской центральной каторжной тюрьмы (1873–1917 гг.) / А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 3. – С. 384–404.

Иванов А. А. Связь поколений, или К выходу очередного выпуска «Сибирской ссылки» / А. А. Иванов, С. И. Кузнецов // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Вып. 10(22) / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов. – Иркутск: Оттиск, 2025. – С. 3–8.

References

Garashchenko A. N. Aleksandrovskij central: istoricheskij ocherk (pervaya polovina XVIII v. – 1917 g.) / A. N. Garashchenko, A. A. Ivanov. – Irkutsk: Ottisk, 2024. – 496 s.

Ivanov A. A. Povsednevnost' ugovolnyh katorzhan Aleksandrovskogo centrala (konec XIX – nachalo XX v) / A. A. Ivanov, S. L. Kuras, T. L. Kuras // Vlast'. – 2025. – T. 33. – № 1. – S. 290–296.

Ivanov A. A. Administraciya Aleksandrovskoj central'noj katorzhnoj tyur'my (1873–1917 gg.) / A. A. Ivanov, S. L. Kuras, T. L. Kuras // Nauchnyj dialog. – 2024. – T. 13. – № 3. – S. 384–404.

Ivanov A. A. Svyaz' pokolenij, ili K vyhodu ocherednogo vypuska «Sibirskoj ssylki» / A. A. Ivanov, S. I. Kuznecov // Sibirskaya ssylka: sb. nauch. st. Vyp. 10(22) / отв. red. A. A. Ivanov, S. I. Kuznecov. – Irkutsk: Ottisk, 2025. – S. 3–8.

УДК 93/94

ББК 63.3(2)622

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-174-178

Б. В. Базаров, А. М. Плеханова, А. С. Бреславский, Е. В. Нолев
«ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ,
ПАМЯТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ»:
О РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

B. V. Bazarov, A. M. Plekhanova, A. S. Breslavsky, E. V. Nolev
“WORLD WAR II: HISTORICAL EXPERIENCE, MEMORY
AND CONTINUITY OF GENERATIONS”: ON THE WORK
OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
DEDICATED TO THE 80TH ANNIVERSARY OF VICTORY
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

2025 г. ознаменован юбилеем одной из ключевых и судьбоносных вех в истории нашей страны и мировой цивилизации – 80-летием Победы в Великой Отечественной войне. Подвиг советского народа на полях сражений и в тылу, результатом которого стало не только сохранение суверенитета нашей страны и многих государств, но и само право на жизнь и будущее для миллионов людей во всем мире, невозможно переоценить.

Великая Отечественная война сплотила все народы молодой Советской республики в доблестной и самоотверженной борьбе с нацизмом. Из Бурят-Монгольской АССР на фронт было призвано свыше 120 тыс. чел., из которых почти 40 тыс. не вернулись с полей сражений. 43 воинам Бурятии присвоено звание Героя Советского Союза, 12 стали полными кавалерами ордена Славы. Не менее значимым был и трудовой подвиг тыла. Экономика республики была переведена на военные рельсы. Промышленные предприятия и колхозы во время войны неоднократно перевыполняли производственные планы, побеждали в социалистических соревнованиях. Не менее важным источником финансирования военной экономики стала добровольная денежная и материальная помощь жителей Бурятии: труженики сельского хозяйства, рабочие и служащие отчисляли в Фонд обороны свои заработки, сдавали золотые и серебряные вещи, проводили воскресники, школьники отправляли подарки для бойцов Красной армии. Задачи по изучению и рациональному использованию всех экономических ресурсов, историко-просветительской и патриотической работе реализовывались в научных и образовательных учреждениях республики. Значительный вклад в укрепление патриотического настроения внесли деятели культуры и искусства, создавая произведения о мужестве и отваге советских людей. В годы войны в республике было развернуто 15 эвакуогоспиталей, где получали лечение тяжелораненные бойцы, поступавшие из медсанбатов и госпиталей со всех фронтов и направлений боевых действий Красной армии.

БАЗАРОВ Борис Ванданович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: bazarov60@mail.ru.

ПЛЕХАНОВА Анна Максимовна – доктор исторических наук, доцент, и. о. директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: plehanova.am@mail.ru.

БРЕСЛАВСКИЙ Анатолий Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: anabres05@mail.ru.

НОЛЕВ Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: nolev@inbox.ru.

Вместе с тем, несмотря на рост общественных инициатив по увековечению памяти о Великой Отечественной войне, широкую публикацию архивных, в т. ч. рассекреченных материалов, проведение новых исследований, не могут не настораживать безосновательные попытки переписывания истории и предыстории Второй мировой войны, преследующие своей целью обесценивание всемирно-исторического значения и священной памяти о Великой Победе. Неслучайно Президентом России В. В. Путиным была поставлена важная задача по сохранению памяти и правды о Великой Отечественной войне [Путин 2020: 6–7]. К решению этой задачи привлечены органы государственной власти, научные институты и высшие учебные заведения, архивы и музеи, школы и общественные организации. Отдельного внимания заслуживает труд краеведов, скрупулезно собирающих исторические свидетельства об участниках войны и тружениках тыла, о повседневной жизни в годы военного лихолетия. Современные достижения в области гуманитарных наук вместе с требованием более внимательного прочтения источников формулируют новые перспективные направления изучения Великой Отечественной войны, в т. ч. в области исторической памяти, исторической психологии, международных отношений, демографии, социологии, юриспруденции и т. д.

В рамках юбилейных мероприятий, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, с 16 по 19 апреля 2025 г. на базе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН прошла Международная научная конференция «Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений». Ее цель состояла в обсуждении широкого круга вопросов, касающихся истории, историографии и источниковедения Второй мировой и Великой Отечественной войн, отражения Великой Отечественной войны в исторической памяти и культурном наследии военных и послевоенных поколений, значения Великой Победы в формировании патриотизма. Научное мероприятие подготовлено совместными усилиями Правительства Республики Бурятия, Российского исторического общества, Сибирского отделения Российской академии наук, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Института истории и этнологии Академии наук Монголии, Института международных исследований Академии наук Монголии, Национального музея Республики Бурятия и Государственного архива Республики Бурятия при финансовой поддержке фонда «История Отечества», Российского научного фонда, СО РАН, Министерства образования и науки Республики Бурятия.

Конференция объединила 133 участника из России, Монголии, КНР и Казахстана. Программный комитет конференции под председательством научного руководителя ИМБТ СО РАН академика РАН Б. В. Базарова был представлен именами выдающихся исследователей и организаторов науки России и Монголии. В его работе приняли участие 11 членов Российской академии наук и Академии наук Монголии, включая вице-президента Российской академии наук, председателя Сибирского отделения РАН академика В. Н. Пармона, президента Академии наук Монголии академика С. Дэмбэрэла и вице-президента Академии наук Монголии академика Ц. Цэрэндоржа, академиков РАН А. П. Деревянко, Н. Н. Крадина, Е. И. Пивовара, И. В. Бычкова, чл.-кор. РАН В. С. Христофорова, академиков АНМ Ц. Батбаяра, С. Чулууна. Также в состав программного комитета вошли врио руководителя Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия к. и. н. М. А. Харитонов (зам. председателя); председатель правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества» д. и. н. Р. Г. Гагуев; директор Института российской истории РАН д. и. н. Ю. А. Петров; директор Института истории СО РАН д. и. н. В. М. Рынков; директор Института международных исследований Академии наук Монголии Ph.D., доцент Д. Золбоо; директор Института истории и этнологии Академии наук Монголии Ph.D., доцент Л. Эрдэнэболд.

Наряду с высоким академическим содержанием конференция имела и серьезное общественное значение. В ее работе активное участие приняли представители исполнительной и законодательной власти Республики Бурятия, дипломатических ведомств России и Монголии. Результаты исследовательских проектов представили члены общественных организаций России, Монголии и Китая, включая Российское историческое

общество, Российское военно-историческое общество, общественную организацию «Воины Отечества» (Монголия), Ассоциацию изучения даурской культуры в Хулун-Буирском аймаке и Общество по изучению истории и культуры шэнэхэнских бурят Эвенкийского автономного хошуна городского округа Хулунбуир (КНР). С докладами выступили сотрудники архивов, музеев, библиотек и краеведы.

Пленарное заседание прошло в Доме правительства Республики Бурятия. Во вступительном слове председатель Совета отделения Российского исторического общества в Республике Бурятия академик РАН Б. В. Базаров, говоря об актуальности повестки конференции, отметил, что «историческая память была подвергнута существенному демонтажу в прошедшие годы. Отсутствие единых подходов и, самое главное, искажение представлений о Великой Отечественной войне сказались на памяти, действиях и мотивах не только наших поколений, но и в целом во всем мире. Ответственность науки здесь высока. Мы абсолютно уверены, что триединые составляющие: память, опыт и преемственность – это то, что требуется сегодня для нашего общества, это основа будущего, потому что, если выпадает то или иное звено, то нарушается в целом исторический код, по которому существует общество и человечество».

Врио руководителя Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия к. и. н. М. А. Харитонов, выступая с приветственным словом, обозначил важность содержания научной программы, смыслового и символического значения конференции в современных геополитических обстоятельствах: «То, что сейчас происходит на наших западных рубежах, то, что происходит в сфере государственной геополитики, накладывает свои подходы, свое новое видение на ту историю, которая, казалось бы, прошла уже давно. Поэтому я с особой благодарностью хочу отметить смысловое наполнение нашей конференции, потому что мы говорим здесь не только об изучении истории. Самое главное, мы говорим об исторической памяти».

Председатель Правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества» д. и. н. Р. Г. Гагкуев отметил важность международного плодотворного сотрудничества, организованного на конференции: «Нет сомнений, что конференция в Улан-Удэ придаст новый импульс совместной работе историков нескольких стран и приведет в будущем к обстоятельным научным результатам».

Мэр г. Улан-Удэ И. Ю. Шутенков рассказал о присуждении столице Республики Бурятия Почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести». Высокого звания город был удостоен по Указу Президента Российской Федерации В. В. Путина от 11 сентября 2023 г. «... за значительный вклад в достижение Победы, бесперебойное производство военной и гражданской продукции и массовый трудовой героизм жителей». Мэр поблагодарил сотрудников ИМБТ СО РАН и Государственного архива Республики Бурятия за помощь в работе над историческим обоснованием для присуждения почетного звания.

Противодействию попыткам фальсификации истории Второй мировой войны со стороны отдельных западных стран, категорической необходимости продолжения борьбы с героизацией нацизма были посвящены пленарные выступления Представителя МИД России в г. Улан-Удэ А. И. Пономаревой и заместителя председателя Комитета по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям Народного Хурала Республики Бурятия Б. Ц. Цыренова. А. И. Пономарева заострила внимание на опасности следующих кошунственных тенденций, происходящих в Прибалтике, Польше и ряде других стран Евросоюза: во-первых, замена термина «нацизм» понятием «авторитаризм»; во-вторых, уравнивание преступников, объявленных таковыми Нюрнбергским трибуналом, с освободителями Европы; в-третьих, попытки ревизии и подмены международно-правовых и моральных итогов войны, согласно которым сама идеология нацизма объявлена вне закона как «человеконенавистническая». МИД России, по словам руководителя представительства, проводит последовательную работу по отстаиванию исторической правды о ходе и итогах Второй мировой войны, в частности, Россией совместно с широким кругом соавторов из всех регионов мира на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН внесена резолюция о борьбе с героизацией нацизма.

И. о. Генерального консула Монголии в г. Улан-Удэ Ц. Ганхуяг подчеркнул важное значение сохранения дружбы народов России и Монголии как величайшей ценности, выдержавшей тяжелейшие испытания Второй мировой войны. «Когда история ставила перед нами трудные задачи, именно международный протокол о взаимопомощи, заключенный в 1936 г., стал фундаментом для нашего сотрудничества. Испытания нашей дружбы продолжились через сражения на Халхин-Голе и Второй мировой войны. В те годы, имея население всего около 800 тысяч человек, Монголия стала первым союзником Советского Союза в борьбе с фашизмом». При этом Президент академии наук Монголии академик АНМ С. Дэмбэрэл в своем приветственном адресе отметил, что «именно СССР, советский народ и советская Красная армия сыграли решающую роль в победе во Второй мировой войне». Вице-президент РАН, председатель Сибирского отделения СО РАН В. Н. Пармон назвал память о Победе одним из самых главных связующих факторов дружбы народов России и государств постсоветского пространства. Он также отметил значительную роль сибиряков в приближении Победы в Великой Отечественной войне.

В ходе пленарного заседания были заслушаны научные доклады академика РАН Б. В. Базарова «Советский Союз и Восточная Азия во Второй мировой войне: уроки и исторический опыт», члена-корреспондента РАН В. С. Христофорова «Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): историческая память и вопросы мемориализации»; профессора Н. Хишигт «Вторая мировая война в истории взаимоотношений МНР и СССР».

Далее работа конференции проходила в рамках четырех секций: «Вторая мировая война и Великая Отечественная война: проблемы источниковедения и историографии», «Власть и общество в годы войны», «Отражение войны в культурном наследии военных и послевоенных поколений», «Историческая память о Второй мировой войне и Великой Отечественной войне» и международного круглого стола «Россия и Монголия во Второй мировой войне: от Халхин-Гола до линкора “Миссури”», организованного при поддержке проекта РНФ № 24-48-03025 «От Чайного пути к Монгольскому коридору “Нового Шелкового пути”»: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая». Участниками было озвучено свыше 80 докладов. В ходе международной конференции представлены неопровержимые аргументы и доказательства ключевой роли Советского Союза и советского народа в достижении Победы над нацистской Германией, окончании Второй мировой войны и формировании послевоенного мироустройства. Особое внимание придавалось необходимости продолжения борьбы с героизацией нацизма и противодействия попыткам переписать историю Второй мировой войны. При этом в качестве основания для формирования современных исторических концепций и политики памяти первостепенное значение должно уделяться верифицированным историческим источникам и фактам, объективным методологическим подходам и историографическим концепциям, расширению дисциплинарного поля изучения Второй мировой войны, объединению усилий историков из разных стран в рамках научных конференций и международных исследовательских проектов.

Участники конференции посетили выставки Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова «Путь к Победе. Плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и «История Бурятии. С древнейших времен до современности». В рамках конференции в ИМБТ СО РАН состоялось открытие тематических выставок: «Все для фронта! Все для Победы!» (Государственный архив Республики Бурятия), «Наука Бурятии в годы войны» (Музей научного наследия ИМБТ СО РАН), «Великая Отечественная война в трудах ученых ИМБТ СО РАН» (Научная библиотека ИМБТ СО РАН). Состоялась презентация новых тематических изданий, посвященных Великой Отечественной войне: «26-я, 198-я и 381-я стрелковые дивизии» [Пашинин 2025], «Чиндалей в памяти Победы!» [Дармаев 2024], «Бурятия: все для Победы. О вкладе Бурятии в Победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Бурятия... 2023].

Исторические исследования ратного и трудового подвига народов Советского Союза в Великой Отечественной войне, международного сотрудничества в борьбе с на-

цистской Германией и милитаристской Японией содействуют укреплению патриотического сознания и консолидации народов Российской Федерации, укреплению союза дружественных государств, сохранению исторической памяти и призваны служить прививкой от любых проявлений фашистской идеологии для будущих поколений. Сборник статей, изданный по материалам конференции, продолжая и дополняя многочисленные юбилейные труды, посвященные Великой Отечественной войне, раскрывает результаты исследований и перспективные направления в области изучения истории Бурятии, Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны, а также освещает широкий круг вопросов взаимодействия Советского Союза и стран Восточной Азии в период Второй мировой войны [Вторая мировая война... 2025].

Статья выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект «От Чайного пути к Монгольскому коридору “Нового Шелкового пути”: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая») № 24-48-03025.

Литература

Бурятия: все для Победы. О вкладе Бурятии в Победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Улан-Удэ: Граница, 2023. – 384 с.

Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров, ред. кол.: А. М. Плеханова и др. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. – 304 с.

Дармаев Б.-Ж. Б. Чиндалей в памяти Победы! / Б.-Ж. Б. Дармаев – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2024. – 448 с.

Пашинин А. В. 26-я, 198-я и 381-я стрелковые дивизии / А. В. Пашинин. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2025. – 752 с.

Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим / В. В. Путин. – М.: Известия, 2020. – 92 с.

References

Buryatiya: vse dlya Pobedy. O vklade Buryatii v Pobedu sovetского naroda v Velikoj Otechestvennoy vojne 1941–1945 gg. – Ulan-Ude: Granica, 2023. – 384 s.

Vtoraya mirovaya vojna: istoricheskij opyt, pamyat' i preemstvennost' pokolenij: sb. nauch. st. / nauch. red. B. V. Bazarov, red. kol.: A. M. Plekhanova i dr. – Ulan-Ude: Izd-vo IMBT SO RAN, 2025. – 304 s.

Darmaev B.-Zh. B. Chindalej v pamyati Pobedy! / B.-Zh. B. Darmaev – Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2024. – 448 s.

Pashinin A. V. 26-ya, 198-ya i 381-ya strelkovye divizii / A. V. Pashinin. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2025. – 752 s.

Putin V. V. 75 let Velikoj Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriej i budushchim / V. V. Putin. – M.: Izvestiya, 2020. – 92 s.

УДК 902/904+39

ББК 63.4+63.5

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-179-181

Б. А. Базаров, Я. В. Дикий

АКАДЕМИЧЕСКИЕ СОСЕДИ: ПЕРВОЕ НАУЧНОЕ
МЕРОПРИЯТИЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН

B. A. Bazarov, Ya. V. Dikiy

ACADEMIC NEIGHBORS: THE FIRST SCIENTIFIC EVENT
OF THE TRANS-BAIKALIAN SCIENTIFIC CENTER
OF THE INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY
AND ETHNOLOGY OF THE FAR-EASTERN BRANCH OF THE RAS

17–19 марта 2025 г. в г. Чита состоялась XXI сессия археологов Дальнего Востока, посвященная 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Николая Николаевича Дикова (1925–1996). Выбор места проведения сессии отнюдь не случаен, ведь начало археологического пути Николая Николаевича было связано с археологическими памятниками бронзового века Забайкалья, по материалам которых в 1953 г. в г. Улан-Удэ им была защищена кандидатская диссертация, а в 1958 г. здесь же вышла в свет его книга «Бронзовый век Забайкалья». Кроме того, научное мероприятие в Чите проходило в рамках объявления в Забайкальском крае 2025-го Годом сохранения объектов культурного наследия.

Состоявшаяся XXI сессия особенная, поскольку организация и проведение мероприятия легли на плечи нового структурного подразделения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – Забайкальского научного центра. Его образование было инициировано руководством Забайкальского края в лице губернатора А. М. Осипова и поддержано Министерством науки и высшего образования РФ. Как указано на официальном сайте Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, создание научного центра обусловлено необходимостью «активизировать научно-исследовательскую работу в части подготовки академической истории Забайкалья, организации крупных мероприятий, экспедиций, роста качества просветительской деятельности». Руководителем Забайкальского научного центра является д. и. н., проф. Константинов Александр Васильевич.

Сессия проводилась совместно с Забайкальским государственным университетом, Забайкальским краеведческим музеем им. А. К. Кузнецова, этно-археопарком «Сухо-тино», Центром охраны и сохранения объектов культурного наследия Забайкальского края и Забайкальским региональным отделением ВОО «Русское географическое общество».

В программу сессии были включены 4 пленарных и 65 секционных докладов ученых не только Дальневосточного региона, но и Сибирского (Новосибирск, Иркутск), Центрального (Москва) и Крымского (Севастополь) федеральных округов. Таким образом, XXI сессия археологов Дальнего Востока как по составу ее участников, так и по обсуждаемым вопросам оказалась несколько шире по своему географическому охвату.

На пленарном заседании с приветственными словами выступили губернатор Забайкальского края А. М. Осипов, академик РАН Н. Н. Крадин, ректор Забайкальского го-

БАЗАРОВ Биликто Александрович – научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: biliktobazarov@yandex.ru.

ДИКИЙ Ярослав Витальевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: yaroslavdikiy@gmail.ru.

сударственного университета О. О. Мартыненко. В приветственных словах отразились не только констатация факта наличия в Забайкалье устоявшейся научной школы, в рамках которой будет развиваться вновь созданный научный центр, не только пожелания успехов участникам в работе научной сессии, но и особые слова как к будущим ученым были обращены к присутствовавшей здесь студенческой молодежи. В завершение пленарного заседания д. и. н. А. В. Константиновым представлена презентация Забайкальского научного центра ИИАЭ ДВО РАН.

К началу работы сессии был выпущен биобиблиографический указатель, посвященный 100-летию со дня рождения д.и.н., чл.-кор. РАН, проф. Н. Н. Дикова. Автором-составителем является д. и. н. И. Ю. Понкратова. Указатель содержит научную биографию ученого, хронологический указатель его научных работ, список очерков и статей о нем, именной указатель соавторов и др.

Научная программа сессии была разделена на 5 секций.

В первой секции «Вопросы теории, методики и историографии археологических исследований. Творческое наследие Н. Н. Дикова» (рук. – д. и. н. М. В. Константинов) прозвучало несколько докладов, посвященных научному наследию Николая Николаевича Дикова. Помимо этого, историографические обсуждения коснулись работ и концепций А. П. Окладникова, В. С. Старикова и В. И. Дьякова. Теоретико-методические доклады были сфокусированы на проблемах понятийного аппарата археологической науки, периодизации, а также музеефикации археологических памятников и концепций сохранения археологического наследия в регионах Забайкальского края и Иркутской области.

Во второй секции «Междисциплинарные исследования в археологии» (рук. – к. и. н. П. В. Мороз) обсуждался широкий спектр вопросов, касающихся палеозоологической и палеоботанической характеристик материалов археологических памятников, трасологического анализа каменного сырья и его геохимического состава, реконструкций технологии гончарного производства и результатов ГИС-анализа.

Доклады третьей секции «Дальний Восток России, Восточная Сибирь и смежные территории Азии в эпоху камня» (рук. – д. и. н. А. В. Константинов) хронологически были выдержаны в рамках эпох палеолита и неолита. Серия докладов была посвящена новым открытиям в палеолитоведении, причем рассматривались материалы памятников, расположенных на правом берегу р. Дон, в Северном Тянь-Шане Республики Казахстан, на Южном Урале, в г. Красноярск. В других докладах изложены результаты планиграфических и трасологических исследований, изучения проблематики освоения древним человеком географических зон, характеризующихся экстремальными климатическими условиями и территориальной удаленностью, анализа керамики неолитической эпохи.

На заседании четвертой секции «Археология эпохи палеометалла Дальнего Востока России и смежных территорий Азии» (рук. – к. и. н. Е. В. Ковычев) в докладах обозначены концептуальные вопросы переосмысления дворцовой археологической культуры, миграций населения эпохи палеометалла, представлены материалы новых пещерных памятников Забайкалья и Приморья, археологических разведок и спасательных археологических раскопок. В частности, на этой секции был представлен доклад научных сотрудников ИМБТ СО РАН Б. А. Базарова и Я. В. Дикого «Комплекс наскальных изображений у с. Поворот (Селенгинский район Республики Бурятия)», в котором на примере широко известного археологического памятника показаны возможности выявления неизвестных ранее рисунков, а также продемонстрированы ошибки в прорисовках, обусловленные субъективным восприятием исследователя. Проводимая «ревизия» наскальных изображений преследует своей целью составление полной и качественной базы фотографий наскальных изображений для последующего анализа системами компьютерного зрения и искусственного интеллекта.

Доклады в пятой секции «Дальний Восток и Центральная (Внутренняя) Азия в средние века и раннее Новое время» (рук. – д. и. н. А. В. Харинский) были призваны рассмотреть актуальные вопросы, связанные с интерпретацией материалов погребальных и поселенческих комплексов в указанных в названии секции хронологических рамках.

К участию в круглом столе «Опыт сохранения и музеефикации объектов культурного наследия в регионах РФ» был приглашен и. о. руководителя Государственной службы по охране объектов культурного наследия Забайкальского края В. В. Нестеренко для обсуждения изменений, вносимых в нормативно-правовые акты, относящиеся к сфере государственной охраны объектов культурного наследия. Острую полемику вызвало обсуждение принципов проводимой отделом полевых исследований Института археологии РАН экспертизы научных отчетов, составляемых по результатам археологических разведок и раскопок.

В завершение мероприятия состоялись экскурсии в этно-археопарк «Сухотино», Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова и Музей декабристов.

Доклады, представленные на XXI сессии археологов Дальнего Востока, будут опубликованы в Трудах Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.

По итогам обсуждения проекта резолюции участниками сессии была дана высокая оценка организации первого научного мероприятия Забайкальским научным центром, отмечены качество и разнообразие представленных докладов, принципиальность и результативность проведенных научных дискуссий.

Немаловажно отметить, что 29 сентября – 2 октября 2025 г. в г. Магадан состоится Международный археологический симпозиум имени Николая Николаевича Дикова, также посвященный 100-летию со дня его рождения.

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») № 121031000241-1.

УДК 398 (571.54)

ББК 82(2Р54)

DOI 10.30792/2222-9175-2025-59-182-187

Б. С. Дугаров

ЛИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

(к 75-летию Б. Д. Баяртуева)

Статья является текстом доклада, с которым автору довелось выступить 22 июня 2010 г. на ученом совете ИМБТ СО РАН, посвященном памяти Б. Д. Баяртуева в связи с его 60-летием.

Ключевые слова: Б. Д. Баяртуев, ученый, общественный деятель, феномен личности в новейшей истории бурятского этноса.

B. S. Dugarov

PERSONALITY THROUGH THE PRISM OF TIME

(on the 75th anniversary of B. D. Bayartuev)

This article is the text of my report, which I had the opportunity to present on June 22, 2010 at the Academic Council of the Institute of Biomedical Technologies SB RAS, dedicated to the memory of B. D. Bayartuev in connection with his 60th anniversary.

Keywords: B. D. Bayartuev, scientist, public figure, personality phenomenon in the modern history of the Buryat people.

О Бата Дугаржаповиче Баяртуеве (1950–2006) трудно говорить в прошедшем времени, потому что непросто свыкнуться с мыслью, что его уже нет среди нас. Иногда кажется, как будто он отправился в долгосрочную командировку на поиски Наян-Нава – легендарной прародины бурят и должен когда-нибудь вернуться. О Б. Д. Баяртуеве трудно говорить только как об ученом, поскольку он был человеком широкого диапазона, природа не поскупилась, наделив его многими достоинствами, и его научная деятельность настолько тесно переплетена с общественной и личностной ипостасями его человеческой индивидуальности, что это все воспринимается органично как единое целое. О Б. Д. Баяртуеве трудно говорить и вместе с тем легко, потому что многие присутствующие здесь, на ученом совете, лично знали его в течение многих лет, что позволяет мне сказать о нем свое слово, каким я его знал, ценил и дорожил его дружбой – через призму наших человеческих отношений и в контексте того времени, в котором мы жили и живем.

Среди бумаг в моем архиве сохранился ежедневник 1982 г., названный мной «Сутрой мгновений» (публикуется ныне в журнале «Байкал»). В ней есть записи о моих встречах с Бата Дугаржаповичем. Несмотря на фрагментарный характер, они дают представление о нем как о интересном, незаурядном человеке. Это, можно сказать, почти 30-летней давности штрихи к его портрету. Тогда ему было 32 года – возраст творческих поисков и самоутверждения.

В связи с этим хотелось бы оттенить несколько моментов, характеризующих с разных сторон Б. Д. Баяртуева в самом начале становления его личности. Тогда он учился в очной аспирантуре БИОН (Бурятском институте общественных наук СО АН СССР). Писал диссертацию о дореволюционной художественной литературе бурят (мотивы и сюжеты «Панчатантры», в частности о субхашитах). Помню, как он вдохновенно цитировал свой перевод из вступления к «Прекрасному драгоценному сосуду» Ринчина Номтоева (это по теме его диссертации):

ДУГАРОВ Баир Сономович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: khairkhan@mail.ru.

Хоть и нет у меня, человека простого,
Дара петь мелодичные песни,
Все же сказка подобна лампаде,
Освещающей черную тьму.

Б. Д. Баяртуев обладал знаниями, которые, как принято в буддийской традиции, передавались только устным путем. Это было доступно избранным людям. Думается, Бата Баяртуев входил в их число. Напомним, что Бата Баяртуев приходился Бидия Дандарону, известному буддийскому мыслителю и ученому, близким родственником – племянником. Он знал хорошо его биографию, охотно рассказывал мне о нем. Из-за родственной связи с опальным дядей-тантристом он подвергался остракизму во время учебы в пединституте. Но он оказался, как говорится, не из «потопляемых». Не зря имя у него Бата (крепкий, прочный).

Меня до сих пор восхищает записанная от Бата Баяртуева пространная легенда о Наран и Саран, великих ламах Тибета, распространивших буддизм в Монголии. Яркий пример того, как буддийские сюжеты преломляются в народные легенды. Рассказанное сотрудником отдела литературоведения и фольклористики БИОН вызывает сравнение с буддийскими легендами книжного происхождения, переведенными с бурятского языка и опубликованными Б. Барадийном в журнале «Живая старина» в 1912 г. Но запись Б. Барадийна приходится на начало прошлого столетия, когда буддизм пышным цветом распускался в забайкальских степях и тибетско-бурятские связи находились на высоте. Поведанная же Б. Баяртуевым легенда, с драматичным сюжетом в красочных подробностях, была записана мной в начале 80-х гг. – эпоху «развитого социализма», и она показалась мне животрепещущей ниточкой из духовного прошлого Бурятии. Ниточкой, которая не оборвалась за долгие годы тоталитаризма и воинствующего атеизма благодаря таким людям, как Б. Баяртуев и его просветленные предшественники.

В БИОНовские годы мне приходилось общаться с Бата в самых неформальных ситуациях. Например, во время заготовки веточного корма в колхозе «Искра». Как у меня тогда написалось:

Востоковеды и востоковедочки
поехали на веточки.

Помню, мы бродили вдвоем по лесу, разглядывая звериные следы на еще свежем первомартовском снегу, и Бата со знанием дела расшифровал эти «таежные письмена». По его словам, эти знания у него с детства, воспринял от деда в Куорке. А за костром он рассказывал о полноводье в Кижинге. В годы войны здесь ловили тайменя. У Б. Б., как у улигершина, была явная склонность к гиперболам. Как он рассказывал, хвосты притороченной рыбы свисали с седла и касались земли.

Память его хранила разные истории, казалось бы самые обыденные, но в его устах они, сопровождаемые артистическими пассажами, приобретали художественный колорит. Например, история о «черном капитане». Его прозвали так потому, что он, работая в ОБХСС (Отдел борьбы с хищением социалистической собственности) и будучи крутого нрава, стал грозой для любителей поживиться за государственный счет. Или рассказы об Абламском – самодеятельном художнике из Кижинги и 82-летнем старике с берегов Онона, укрощающем арканом диких лошадей.

Возникали в его сюжетах буддийские мотивы: притча об охотнике, который однажды в жизни прочитал всего лишь одну страницу из «Доржо Жодбо» (Алмазной сутры), и этого оказалось достаточно, чтобы спасти свою душу от адских испытаний в подземном царстве Эрлик Номун хана. Доверительным тоном, помнится, рассказывал бль-сентенцию о морозоустойчивом человеке, словно это речь шла о нем самом.

Из его повествований можно было бы составить любопытный сборничек с элементами современного бытования бурятского фольклора. Он, безусловно, был виртуозом устного рассказа. Этот дар, по всей видимости, он унаследовал от В. Мункина – его нагасы (дяди по материнской линии), мастера художественного чтения, лауреата рес-

публиканского конкурса чтецов. По профессии он был педагог, один из лучших учителей в республике, преподавал в школе физику.

Творческая характеристика Б. Б. начала 80-х гг. будет неполной, если не упомянуть и еще об одной грани его таланта как певце – исполнителе бурятских песен. Не зря мы его тогда по-дружески, с подачи Эдика Бальбурова, нашего друга и коллеги, называли народным артистом Бурятского филиала (СО АН СССР). Еще он был автором популярной в те годы песни «Чебурашка». Ездили с фольклорным ансамблем БИОНа в селенья Тохой и Жаргалантуй Селенгинского района.

Как-то раз мы с Бата возвращались из Зауды на последнем трамвае после затяжной пирушки у общего приятеля. Б. Б. только что вернулся из фольклорной экспедиции по Аге, был полон впечатлений, в приподнятом настроении. В трамвае никого из пассажиров, мы только вдвоем да пожилая кондукторша. Бата пел во весь голос популярную песню в те годы «Согто-Хангил» (музыка Базыра Цырендашиева, стихи Даши Дамбаева):

Мой друг запел в ночном трамвае.
Что это вдруг на друга снизошло?
Мой друг запел в ночном трамвае,
И стало на душе светло-светло.
Мой друг запел. О чем же песня?
О том, что есть земля Согто-Хангил.
Я не был там, но эта песня
О том, что я бы тоже полюбил.

Нас с Б. Баяртуевым судьба сводила в разные периоды жизни. Работали вместе в Бурятском институте общественных наук (БИОН) вплоть до перестройки, а затем на волне перемен, вызванных демократизацией в обществе, ушли: я в Союз писателей Бурятии, Бата, чуть позже, в ВАРК (Всебурятскую ассоциацию развития культуры). Тогда в конце 80-х – начале 90-х гг. начинался процесс возрождения национального самосознания, забытых обычаев и традиций, возвращения исторической памяти.

Нам, находившимся на острие общественной жизни того времени, приходилось нередко принимать участие в совместных культурно-просветительских акциях. Начало этому процессу, на мой взгляд, было положено проведением круглого стола, посвященного памятникам старобурятской (старомонгольской) литературы в связи со 125-летием со дня создания летописи Тугулдура Тобоева (14 декабря 1988 г.). Здесь же был поднят назревший вопрос относительно изучения монгольской (вертикальной) письменности, которой пользовались буряты до 1930 г. и на которой создавались не только летописные сочинения, но и литературные произведения.

Вслед за круглым столом в феврале 1989 г. впервые проведен на республиканском уровне Сагаалган (праздник Белого месяца). Следующее знаменательное событие произошло 6 декабря 1990 г. – круглый стол под названием «Свет Гималаев», посвященный истории культурных отношений Бурятии и Тибета в связи с 950-летием выдающегося тибетского поэта-философа Миларайбы (1040–1123).

Б. Д. Баяртуев как один из молодых представителей бурятской интеллигенции, понимавших не только умом, но и сердцем важность приобщения к духовным истокам и корням своего народа, был к тому времени уже подготовленным ученым – специалистом по старобурятской литературе и ее индо-тибетским связям. Он с головой окунулся в эти перестроечные процессы, словно чувствуя, что наступает его время.

На Всебурятском хурале в 1991 г. Б. Д. Баяртуев избран вице-президентом Всебурятской ассоциации развития культуры (ВАРК). Начало его деятельности на этом посту совпало с Гэсэриадой, в проведение которой он принял самое активное участие. Как известно, Гэсэриада, посвященная 1000-летию эпоса, проявила себя как этнокультурный фактор в переломные 90-е гг. XX в. и стала в известной степени олицетворением национально-культурного движения в постперестроечное время, формой, в которую облеклось стремление к консолидации бурятского этноса, расчлененного на пять админи-

стративных единиц. Особый вклад внес Б. Баяртуев в проведении третьего – агинского – этапа Гэсэриады в 1993 г., им был разработан сценарий проведения праздника, сам он лично более месяца находился в Аге, где непосредственно как знаток традиционной культуры «дирижировал» подготовкой к мероприятию. Такая широкомасштабная, общепурятского значения акция состоялась в агинской степи впервые, она всколыхнула, окрылила земляков Ц. Жамцарано, Б. Барадина, Г. Цыбикова и вылилась в воистину народное торжество как проявление национального духа и демонстрации богатства неутраченных традиций.

И еще мне запомнилось, как во время посещения храма Гэсэра в Горной Оке Б. Баяртуев – в белой рубашке и светлых брюках – катался по траве подобно лошадке в степи (по-бурятски *хүльбэрхэ*), на склоне священной горы Гурбан хайрхан и долго лежал на спине, глядя в небо страны Хухэй, как называются в бурятском эпосе Саяны, и думая о чем-то своем сокровенном.

Помнится, в 90-х гг. проводилось немало мероприятий, посвященных чествованию видных деятелей бурятской культуры. Это была своего рода форма открытого общественного признания их заслуг перед народом. Если в прежние тоталитарные времена все это происходило избирательно, по указке обкома партии, здесь же царил иная обстановка, при стечении широкой общественности, представителей творческой и научной интеллигенции. Тон задавал ВАРК как признанная общепурятская организация. Ритуальный дар юбиляру – виновнику торжества в виде роскошного национального халата преподносил президент ВАРКа Д.-Н. Д. Дугаров, обрамлял же этот «дарственный» обряд словесными узорами Б. Д. Баяртуев. Нет, это не было обычной панегирической речью, утомляющей присутствующих банальной фразеологией. Это всегда было блистательной импровизацией, в которой искрились брызги народной поэзии, услаждавшие слух и душу аудитории, истосковавшейся по красоте родной речи. По этому поводу у меня даже сочинился экспромт:

После уважаемого ВАРКа,
Их коронного подарка,
Трудно что-либо дарить,
Трудно что-то говорить.

Сильной стороной многогранной личности Б. Б. являлось глубокое органичное знание истории и культуры своего народа в контексте кочевой цивилизации Центральной Азии и ее этнокультурных связей, что было подкреплено блестящей защитой докторской диссертации на актуальную тему «Фольклорные истоки литературы бурят-монголов» (31.01.2001). Она была опубликована в виде монографии под названием «Предыстория литературы бурят-монголов» (2001). Напомним, что этой работе предшествовала кандидатская диссертация «Мотивы и сюжеты “Панчатантры” в бурятской литературе дооктябрьского периода» (1987).

Автор в монографии фактически подытожил многолетние изыскания бурятских ученых старшего поколения – фольклористов, языковедов, историков. Новаторство же и заслуга его как исследователя состояли в том, что он подвел фундамент под храм бурятской словесности в тесной связи с общемонгольской историей и фольклорно-литературной традицией монгольских народов [Хундаева 2008: 167–168]. При этом хотелось бы отметить, что благодаря личному опыту, общению со знатоками старой культуры, доверительным отношениям с ламами и шаманами Б. Б. расширил и углубил свое представление об истоках художественного слова в стране Баргуджин-Тукум, как прежде именовалась Бурятия.

В связи с этим приведу один конкретный случай, как мы с Б. Баяртуевым дважды ездили в Еравнинский район, где летом 1992 г. должен был пройти, согласно задуманному сценарию, второй этап Гэсэриады. С благословения старейшины Эгитуйского дацана – Гомбо-ламы, с которым мы нашли общий язык, были сняты некоторые религиозные препоны. Как помнится, Б. Б. удивило то, что старый лама сказал о Гэсэре как о герое-божестве синей веры – *хүхэ шаажан*. И он начал дотошно расспрашивать об этом

у него, и, думается, в дальнейшем продолжил свои поиски в этом малоизученном вопросе. Это нашло отражение в первой главе монографии Б. Б., посвященной исходным мировоззренческим моделям и гипотезам этно- и культурогенеза бурят-монголов.

Многие устные легенды и письменные сакральные тексты обрели в его монографии оригинальную авторскую интерпретацию, что позволило выстроить ему свою научно обоснованную концепцию. Он не просто знал свой материал, он его глубоко чувствовал. Поэтому Б. Баяртуев творил не только умом, но и сердцем. Как помнится, он написал свою диссертационную работу на одном дыхании. Но за этим стояли многие годы сбора и осмысления материала, кропотливого труда и внутренних озарений. В 2002 г. он стал заведующим отдела литературоведения и фольклористики, того самого отдела, где он впервые почти через четверть века назад, в 1979 г. вступил на научную стезю, будучи принятым в БИОН старшим лаборантом.

Нам с Б. Баяртуевым довелось участвовать в международных экспедициях 2001–2002 гг. совместно с коллегами из Улан-Батора и Хух-Хото. Мы объездили Автономный район Внутренняя Монголия, Монголию и Бурятию, собирая материал по адаптации народов кочевой цивилизации в современных условиях. И я не раз отмечал про себя, что Бата Баяртуев чувствовал себя одинаково свободно, словно на родине, как среди чахаров, узумчинов, ордосцев во Внутренней Монголии, так и среди халхасов и дурбетов в Монголии. Посчастливилось побывать и в Кукуноре, и было такое ощущение, что мы следовали как бы по следам песни о легендарной земле Наян-Нава. Сам я не раз слышал, как Бата напевал эту песню, и она звучала в его устах как позывные его души, хранившей «тайну светлую степей», сокрытую дымкой времен.

Унаследованное от предков Б. Баяртуевым умение владеть словом и дававшее о себе знать во время его БИОНовского периода нашло достойное продолжение на общественном поприще, причем на разных уровнях, будь это официальный форум или симпозиум, встреча за дружеским столом где-нибудь в Улан-Баторе или Хух-Хото во Внутренней Монголии. Бата Баяртуев, в силу обстоятельств оказавшийся в эпицентре общественно значимых событий, благодаря своей харизме становится одной из ведущих фигур национального масштаба (*урда хараха хүнэй нэгэн*).

В начале XXI в. Б. Баяртуев становится президентом ВАРКа. Темы его выступлений носили актуальный характер, связанные с национальными проблемами и поисками форм культурной самоидентификации бурят-монгольского этноса. Он часто выступал по ТВ, на страницах республиканской прессы. Его организационные способности раскрывались в проведении многих акций, направленных на оптимизацию этнокультурных традиций в условиях полиэтничности и глобализации. Назовем некоторые из них: «Торгон зам» (Шелковый путь), «Мода монголов мира», «Дүрбэн бэрхэ» – общеобразовательная программа, раскрывающая микромир бурятской семьи в традиционных аспектах. Наконец, Алтаргана, оказавшаяся созвучной бурятской национальной идее в контексте духовного и этнокультурного единства монголоязычного мира.

Он был далек от политики. Но время призвало его как президента ВАРКа встать на «линию огня», когда возник вопрос о слиянии двух субъектов – Иркутской области и Усть-Ордынского национального округа. На круглом столе в Бурятском университете (январь 2006 г.), посвященном этой проблеме, Б. Баяртуев запомнился всем взволнованной, глубоко аргументированной речью. Это выступление явилось его «лебединой песней» [Чимитдоржиев, Рандалов 2006: 5–10]. Он ушел от нас на 56-м году жизни.

Б. Баяртуев со своей неумолимой энергией и преданностью родному языку и культуре мог бы еще многое сделать на благородном поприще служения своему народу. Но сквозь горечь невозвратимой утраты видится в нем, истинном ученом, достойном наследнике бурятских мудрецов, неординарном общественном деятеле и человеке «длинной воли», как говорили в старину о степных лидерах, видится феномен личности, отразившей в своей жизнедеятельности эпоху, в которой он жил, и ответившей на вызовы времени. Бата Дугаржапович Баяртуев оставил яркий след в памяти своих современников, в новейшей истории бурят-монгольского этноса.

Литература

Баяртуев Б. Д. Предыстория литературы бурят-монголов / Б. Д. Баяртуев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 220 с.

Хундаева Е. О. Б. Д. Баяртуев о фольклорных истоках и предыстории литературы бурят-монголов / Е. О. Хундаева // Баяртуевские чтения – 1. Мир бурятских традиций в контексте истории и современности: мат-лы Междунар. науч. чтений (г. Улан-Удэ, 2–3 октября 2008 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – С. 166–169.

Чимитдоржиев Ш. Б. Бата Баяртуев (1950–2006), доктор филологических наук и президент ВАРКа / Ш. Б. Чимитдоржиев, Ю. Б. Рандалов // Выдающиеся бурятские деятели. Вып. 7. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2006. – С. 16–19.

Reference

Bayartuev B. D. Predystoriya literatury buryat-mongolov / B. D. Bayartuev. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2001. – 220 s.

Hundaeva E. O. B. D. Bayartuev o fol'klornyh istokah i predystorii literatury buryat-mongolov / E. O. Hundaeva // Bayartuevskie chteniya – 1. Mir buryatskih tradicij v kontekste istorii i sovremennosti: mat-ly Mezhdunar. nauch. chtenij (g. Ulan-Ude, 2–3 oktyabrya 2008 g.). – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2008. – S. 166–169.

Chimitdorzhiev Sh. B. Bata Bayartuev (1950–2006), doktor filologicheskikh nauk i prezident VARKa / Sh. B. Chimitdorzhiev, Yu. B. Randalov // Vydayushchiesya buryatskie deyateli. Vyp. 7. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 2006. – S. 16–19.

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СО РАН

Научный журнал
№ 3(59)

Выходит 4 раза в год

Редактор, корректор *Г. В. Кашина*
Художник *Д. Т. Олоев*
Компьютерная верстка и макет – *А. Е. Болонев*

Редакционно-издательский отдел
Издательства ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Подписано в печать 15.09.2025.
Дата выхода 26.09.2025.
Формат 70x100 1/16.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 14,4.
Тираж 200. Заказ № 5.
Цена свободная.